

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1(126)
2025

В Н О М Е Р Е

In This Issue:

**Искусственный интеллект:
политические и геополитические риски для России и мира**
Artificial Intelligence: Political and Geopolitical Risks for Russia and the World

**Технологический суверенитет Союзного государства
России и Белоруссии**
Technological Sovereignty of the Union State of Russia and Belarus

Члены КПСС и церковь
Members of the CPSU and the Church

**Опыт Верховного Совета России в становлении
Федерального Собрания**
*The experience of the Supreme Soviet of Russia in the formation
of the Federal Assembly*

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь – кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук, профессор *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

Леонова О.Г.
*Искусственный интеллект:
политические
и геополитические риски
для России и мира* **6**

Leonova O.G.
*Artificial Intelligence:
Political and Geopolitical Risks
for Russia and the World*

*Потапцева Е.В.,
Брянцева О.С.,
Близнюк О.С.*
*Технологический суверенитет
Союзного государства России
и Белоруссии и факторы его
обеспечения* **26**

*Potaptseva E.V.,
Bryantseva O.S.,
Bliznyuk O.S.*
*Technological Sovereignty
of the Union State of Russia
and Belarus and Factors
of its Ensuring*

*Голубкин А.В.,
Князев Ю.К.*
*Внешнеторговые связи стран
Центрально-Восточной Европы
в условиях геополитических
потрясений 2022–2024 гг. и их
значение для России* **42**

*Golubkin A.V.,
Knyazev Yu.K.*
*Trade relations of the Countries
of Central and Eastern Europe under
geopolitical shocks
2022–2024 and Russia's
position*

*Ступенькова З.Е.,
Кашуро И.А.*
*Перспективы
научно-технологического
сотрудничества стран БРИКС
в современных условиях* **58**

*Stupenkova Z.E.,
Kashuro I.A.*
*Prospects for Scientific and
Technological cooperation
between the BRICS countries
in Modern Conditions*

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

*Абрамова Е.А.,
Дегтерев Д.А.*
*Политика франкофонии:
остаточное влияние Франции
в Сахеле?* **79**

*Abramova E.A.,
Degterev D.A.*
*Francophony policy:
residual influence of France
in the Sahel?*

Филаретова Ю.С.
*Сирийское урегулирование как
одно из ключевых направлений
внешнеполитической стратегии
России в XXI веке* **100**

Filaretova Iu.S.
*The Syrian settlement as one
of the core objectives of Russia's
foreign policy strategy
in the 21st century*

Попова Н.В. Замедление научно- технологического роста как проблема и новая возможность для развития России и мира	120	Popova N. V. Slowdown in scientific and technological growth as a problem and a new opportunity for the development of Russia and the World
Грызенок Ю. В., Цыганов А. А. Факторы выбора аренды или приобретения жилья в ипотеку у российских семей	134	Gryzenkova Ju. V., Tsyganov A. A. Factors in the Choice of Renting or Purchasing Housing with a Mortgage from Russian Families
Плещенко В. И. Развилка для креативного класса: претензии на элитарный статус и российские реалии	150	Pleschenko V. I. The Creative Class at a Crossroads: Aspirations for Elitism and Russian Realities
<u>ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА</u>		<u>PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY</u>
Керимова-Коджаева Т. С. Научная интеллигенция Азербайджана: изменение условий труда, быта и правового положения (20-40-е гг. XX века)	168	Kerimova-Kodjaeva T. S. The Evolution of Azerbaijan's Scientific Community: Socioeconomic and Legal Shifts (1920s–1940s)
Апанасенок А. В. Члены КПСС и церковь: православные практики и «примиренческие взгляды» в партийной среде позднесоветского периода	184	Apanasenok A. V. Members of the CPSU and the Church: Orthodox practices and “conciliatory views” in the party environment of the late Soviet period
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ</u>		<u>REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS</u>
Асташкин Р. С. Московское Царство как транзитная зона европейско- азиатской торговли в третьей четверти XVI века (к вопросу о позиции Персии)	203	Astashkin R. S. Tsardom of Moscow as a Transit Zone of the European-Asian Trade in the third quarter of the XVI century (on the Question of Persia's Position)
Чеджемов С. Р., Габалаев Г. В. Проекты выхода из смуты в Северной Осетии в 1917–1920 гг.	214	Chedzhemov S. R., Gabalaev G. V. Projects for overcoming the time of troubles in North Ossetia in 1917–1920

Берлов А.А., Помигуев И.А. Опыт Верховного Совета России в становлении Федерального собрания: случай «зависимости от пути»	231	Berlov A.A., Pomiguyev I.A. The experience of the Supreme Soviet of Russia in the formation of the Federal Assembly: a case of "Path Dependence"
Агамалиев С.М. Неосманизм в исторической и политической американистике: современные исследования и дискурс	250	Agamaliyev S.M. Neo-Ottomanism in American Historiography and Political Science: Current Perspectives and Discourse
Гончаренко В.Ю. Реализация концепции «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США	260	Goncharenko V.Y. The Role of 'Programming Leadership' in Shaping U.S. Euro-Atlantic Strategy
<u>ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ</u>		<u>REVIEWS</u>
Панин Л.К. Вклад в изучение общественной дипломатии СССР и Всемирных фестивалей молодежи и студентов	268	Panin L.K. The contribution to the study of public diplomacy of the USSR and the World Festivals of Youth and Students
Жданова А.В. Жизнь в цифровую эпоху. Размышления над монографией «Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества» (М., 2025)	274	Zhdanova A.V. Life in the Digital Age. Reflections on the monograph: "Life Online: Digital Transformation of Russian Society" (Moscow, 2025)
Холиков И.В., Наумов П.Ю. Отечественная идентичность добра и справедливости в новой реальности: рецензия на монографию «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» (СПб., 2023)	278	Kholikov I.V., Naumov P.Yu. The Russian Identity of Goodness and Justice. Review of the Monograph "The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (On the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky)" (St. Petersburg, 2023)
Белинский А.В. «Есть только миг между прошлым и будущим...». Рецензия на монографию Х. Йенера «Волчье время. Германия и немцы 1945–1955» (М., 2024)	287	Belinskii A.V. "There is only a moment between the past and the future...". Review of the Monograph: Jener H. "Wolf Time. Germany and the Germans 1945–1955" (Moscow, 2024)

О.Г. Леонова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

***Аннотация.** Искусственный интеллект (ИИ) рассматривается как технологии многоцелевого использования, характеризующиеся многофункциональностью и способные выполнять задачи и решать проблемы в постоянно меняющейся среде. ИИ – это глобальный технологический сдвиг, который способен изменить подход к решению многих задач, стоящих перед человечеством.*

Но помимо очевидных экономических и социальных благ для человечества, ИИ несет множество политических рисков. Это угрозы развитию демократии, широкого распространения дезинформации, контроль за населением, влияние на политический выбор и поведение людей, сбор и торговля персональными данными.

Развитие ИИ связано с рядом геополитических рисков. Среди них: воздействие на развитие и динамику глобальных политических процессов; сдвиг в структуре и балансе мировых сил и геополитической иерархии государств глобального мира; провоцирование жесткой геополитической конкуренции; углубление геополитического неравенства между Глобальным Севером и Глобальным Югом; влияние на вооруженные конфликты, ведение боевых действий и методы кибервойны; участие в процессе принятия стратегических решений в интересах заказчика; дестабилизирующее влияние на глобальные и региональные механизмы управления и безопасности.

Формирующиеся и существующие политические и геополитические риски применения ИИ вызывают необходимость контроля за его внедрением и развитием. Проблема установления контроля над ИИ осложняется тем, что его разработкой занимаются в основном частные компании. Это порождает проблему интеллектуальной собственности и доступа к данным; у государства нет рычагов воздействия на них; отсутствует консенсус частных и государственных подходов к его регулированию.

Проблема распространения новых технологий искусственного интеллекта особенно актуальна для России, которая является объектом беспрецедентного давления со стороны коллективного Запада. Россия имеет все ресурсы, как материальные, так и интеллектуальные, чтобы противостоять «киберколонизации» и отстаивать свой цифровой суверенитет. Поэтому важной задачей является разработка политики, направленной на минимизацию потенциальных рисков, а также создания собственной национальной технологической экосистемы.

При должном контроле и управлении со стороны государства технологии искусственного интеллекта могут стать достоянием общественного блага и содействовать стабильности и процветанию нашей страны.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровые платформы; политические риски; геополитические риски; политические процессы; баланс сил; контроль.

Леонова Ольга Георгиевна – доктор политических наук, доцент, профессор Факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Россия, Москва.

E-mail: politolga@gmail.com

Scopus Author ID: 57190585962

Web of Science Researcher ID: J-7118-2013

Leonova O.G.

Artificial Intelligence: Political and Geopolitical Risks for Russia and the World

Abstract. Artificial intelligence (AI) emerges as a versatile, multi-purpose technology capable of performing tasks and solving problems in rapidly changing environments. It represents a global technological shift with the potential to transform approaches to addressing many of humanity's challenges.

Beyond its evident economic and social benefits, AI also poses significant political risks. These include threats to democratic development, the proliferation of disinformation, population control, manipulation of political choices and public behavior, and the collection and trade of personal data.

The development of AI is linked to a range of geopolitical risks, among which are: its impact on the evolution and dynamics of global political processes; shifts in the structure and balance of global power and the geopolitical hierarchy of states; the provocation of intense geopolitical competition; the deepening of geopolitical inequality between the Global North and the Global South; its influence on armed conflicts, warfare, and cyberwarfare strategies; its role in strategic decision-making processes serving the interests of specific stakeholders; and its destabilizing impact on global and regional governance and security.

The emerging and existing political and geopolitical risks associated with AI necessitate careful monitoring of its implementation and development. The challenge of establishing control over AI is compounded by the fact that its development is predominantly driven by private companies. This situation raises issues of intellectual property and data access, limits state leverage over private entities, and underscores the lack of consensus between private and public regulatory approaches.

The proliferation of new AI technologies is particularly relevant for Russia, which faces unprecedented pressure from the collective West. Russia possesses the necessary material and intellectual resources to counteract “cyber-colonization” and defend its digital sovereignty. Thus, a critical priority is the development of policies aimed at minimizing potential risks while fostering the creation of a robust national technological ecosystem.

With effective state control and governance, AI technologies can serve as a public good, contributing to the stability and prosperity of the nation.

Keywords: artificial intelligence; digital platforms; political risks; geopolitical risks; political processes; balance of power; control.

**Leonova Olga Georgievna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Professor of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow
State University.
Russia, Moscow.
E-mail: politolga@gmail.com
Scopus Author ID: 57190585962
Web of Science Researcher ID: J-7118-2013**

Вступление

«На дворе 2035 год, и искусственный интеллект распространен повсюду. Системы искусственного интеллекта управляют больницами, авиакомпаниями и сражаются друг с другом в зале суда», – прогнозируют И. Бреммер и М. Сулейман [Bremmer, Suleyman 2023].

Действительно, роль искусственного интеллекта в обществе растет в геометрической прогрессии, а публичный доступ к его инструментам становится проще. Системы ИИ будут становиться все лучше, дешевле и более доступными.

Пользуясь электронной почтой Gmail, поисковиками, Яндекс или Google картами, он-лайн переводчиком, прокладывая маршруты, вызывая такси, играя в компьютерные игры, мы не задумываемся о том, что используем искусственный интеллект. Технологии беспилотных автомобилей, алгоритмические модели для проведения торговых операций, автоматизированные системы обслуживания клиентов и т. д. – все это в той или иной степени использует возможности искусственного интеллекта. В январе 2023 г. ChatGPT стал самым быстрорастущим потребительским приложением за все время [Berman 2023].

Большая часть наших социальных контактов уже перешла в киберпространство, что изменило саму структуру нашей повседневной реальности. Уже подсчитано, что в ближайшем будущем ИИ увеличит производительность мировой экономики на миллиарды долларов, но его широкое использование создаст множество новых, в том числе политических и геополитических, рисков, которые окажут большое влияние на существующий мировой геополитический порядок.

Обзор зарубежной литературы на тему ИИ

На тему искусственного интеллекта существует уже достаточно много зарубежной литературы. Первыми книгами были многочисленные введения в понятие «ИИ», размышления об этом феномене, практические руководства по его использованию и т.д.

Позднее стали появляться труды, посвященные роли ИИ в *сфере экономики и бизнеса*, которые описывали, каким образом ИИ их трансформирует, открывает новые возможности, повышает эффективность и помогает решать стоящие перед ними задачи, но при этом несет новые риски [Iansiti, Lakhani 2020; Daugherty, Wilson 2022; Ganesan 2022; Agrawal, Gans, Goldfarb 2022; Husain 2023; Fregly, Barth, Eigenbrode 2023; Davenport, Mittal 2023; Kemp 2023; Azhar 2024].

В последнее время труды, посвященные ИИ носят все более широкий и философский характер [McGuire, Collens; Mollick; Kapur; Marcus].

Но лишь несколько книг, посвященных ИИ, анализируют его возможные последствия для будущего мировой цивилизации, геополитики и международных отношений.

Одной из первых работ о том, как технологии, в том числе ИИ, изменяют мировую политику была книга Абишура Пракаша [Prakash 2016]. Влиянию ИИ на глобальную стабильность, риски политической дестабилизации и ядерной конфронтации посвящены работы Джеймса Джонсона [Johnson 2019; Johnson 2020].

Потенциальные выгоды и риски использования искусственного интеллекта для повышения глобальной устойчивости анализирует Питер Овернь [Dauvergne 2020]. В книге «Геополитика искусственного интеллекта: стратегическое значение ИИ для глобальной безопасности» Джоша Любериссе, рассказано, как ИИ меняет мировой политический ландшафт, и каковы последствия этих изменений для глобальной безопасности [Luberisse 2023]. В своей новой работе *Абишур Пракаш* прогнозирует изменение баланса сил в мире под влиянием ИИ и будущие конфликты между странами из-за новых технологий [Prakash 2019]. Две недавно выпущенные аудиокниги посвящены соперничеству США и Китаю в области искусственного интеллекта и борьбе за контроль над ним. Авторы уверены, что благодаря достижениям и широкому внедрению ИИ в мире вскоре произойдут кардинальные изменения, в том числе нарушения в балансе мировых сил [Lee, Naramore 2018; Scharre, Marvel 2023]. *Джейсон Парк* исследует влияние искусственного интеллекта на геополитическую динамику и его последствия для мирового порядка и международных отношений [Park 2023]. В книге *Адама Таха*, также описывающей обостряющееся соперничество между Соединенными Штатами и Китаем, показано, как искусственный интеллект превращается в оружие, может повлиять на будущее военных действий, глобальную политику и национальную безопасность [Taha 2023]. *Верити Хардинг* сравнивает появление искусственного интеллекта с созданием атомной бомбы и считает, что человечество должно направить эту технологию к безопасному и счастливому будущему [Harding 2024]. В книге *Рави Венугопала* рассказывается о влиянии ИИ на современные вооруженные конфликты и методы ведения кибервойны [Venugopal 2024].

Искусственный интеллект, его определение, формы и особенности

Сегодня единого и общепризнанного определения искусственного интеллекта не существует. Под «искусственным интеллектом» в западном дискурсе обычно понимают способность компьютеров выполнять задачи, которые ранее были возможны только человеку. Искусственный интеллект также определяют, как «способность решать проблемы в постоянно меняющейся среде» [Berman 2023], как технологии многоцелевого использования [Chowdhury 2023], системы которого характеризуются многофункциональностью [Walker 2023]. При этом ИИ не создает новые знания, а просто объединяет и структурирует существующую информацию.

За последние десять лет объем вычислений, используемых для обучения самых мощных моделей искусственного интеллекта ежегодно увеличивался в 10 раз. Прогнозируется, что вскоре они станут более автономными, смогут достигать поставленных целей с минимальным контролем со стороны человека, будут следовать траектории повышения эффективности и обретут способность к самосовершенствованию, и это станет критическим моментом не только в развитии технологий, но и в судьбе человечества. Будущие крупные модели ИИ станут доступны в виде открытого исходного кода уже через несколько лет после своей разработки, и такой код или алгоритмы можно достаточно просто и дешево копировать и распространять. Этому же будет способствовать то, что большая часть ИИ децентрализована, так как основной базой распространения контента, созданного с помощью искусственного интеллекта являются крупные цифровые платформы, и версии среднего уровня могут легко быть установлены на персональных компьютерах и даже на смартфонах [Bremmer, Suleyman 2023].

Сегодня существуют модели *генеративного ИИ* (Generative AI models), которые основаны на огромном количестве обучающих данных для получения статистически вероятных результатов в ответ на конкретные запросы. Появление генеративного ИИ знаменует собой момент «Большого взрыва», начало технологической революции, меняющей мир, политику, экономику и общество в целом [ibid].

Другой формой ИИ является так называемый искусственный интеллект «общего назначения», (artificial general intelligence – AGI), или «сильный» ИИ, (strong AI). Он относится к системам, «которые смогут обучаться и применять знания так же, как это делают люди» [Berman 2023]. Однако такие системы пока еще находятся в разработке и на сегодняшний день их пока не существует. Поэтому в дальнейшем в данной статье речь пойдет о генеративном ИИ (GenAI).

Модели GenAI могут использовать больше неструктурированных, разнообразных и мультимодальных данных, чем традиционные. Входные данные

для большинства моделей GenAI включают в себя комбинацию текста, графики, аудио-, видео- и других данных, полученных из открытого Интернета, в сочетании с другими источниками данных [Carrasco, Habib, Felden 2024].

Таким образом, ИИ – это гораздо больше, чем чат-бот. Это технологический сдвиг, который способен изменить подход к решению многих задач, стоящих перед человечеством, и открывает ему невиданные ранее возможности.

Преимущества искусственного интеллекта

О преимуществах ИИ уже много написано и нет нужды повторять это снова. Но следует отметить, что его распространение напрямую влияет на качество жизни человека. Благодаря ИИ ускоряется научный прогресс, повышается экономическая эффективность и уровень жизни. С каждым новым уровнем сложности ИИ появляются и новые возможности развития.

Есть множество примеров, которые это подтверждают. Среди них проект «Искусственный интеллект для социального блага», который можно использовать для раннего выявления диабета, прогнозирования наводнений, проект «Тысяча языков», который помогает сохранить языки, находящиеся под угрозой исчезновения и т. д. ИИ участвует в создании базы данных ООН, где он отслеживает показатели по 17 целям устойчивого развития (ЦУР). Компания DeepMind использовала искусственный интеллект для предсказания формы 200 млн белков, что помогает медицинским исследованиям по всему миру [Walker 2023]. Искусственный интеллект может значительно повысить эффективность государственного управления, работы правительства, он изменит содержание работы и функции государственного аппарата, преобразует рутинные рабочие процессы, характер задач и деятельности сотрудников, будет способствовать качественным улучшениям в предоставлении государственных услуг и расширению вовлеченности граждан в это процесс.

Широкое внедрение искусственного интеллекта может стать благом для человечества. «Всё, начиная от стратегий сдерживания изменения климата, медицинских проблем и заканчивая созданием чего-то вроде ядерного синтеза, – практически любая когнитивная задача, о которой вы только можете подумать, станет более решаемой благодаря искусственному интеллекту», – пишет Н. Берман [Berman 2023].

Политические риски развития искусственного интеллекта

Но помимо очевидных экономических и социальных благ для человечества ИИ несет множество политических рисков. Это угрозы развитию демократии, широкого распространения дезинформации, влияние на политический выбор и поведение людей, сбор и торговля персональными данными.

Искусственный интеллект даст возможность властям следить и контролировать население, система распознавания изображений поможет идентифицировать протестующих, что косвенно может быть использовано как инструмент репрессий.

Широкое распространение камер слежения за движением и распознавания лиц ускорит сбор и коммерческое использование персональных данных и превратит базы интимных данных о гражданах в товар. Их также можно будет использовать для широкого спектра целей: политических кампаний, политического давления со стороны оппонентов и моббинга с определенными целями [Bajrektarevic 2023].

ИИ может оказывать влияние на результаты национальных выборов при помощи распространения дезинформации, «глубоких фейков», моделирования поведения и политических предпочтений людей. При этом распространять поддельный контент, в том числе токсичный материал, дезинформацию и откровенную ложь, развязать и модерировать онлайн-травлю или онлайн-гендерное насилие ИИ может делать более быстро, масштабно и последовательно, чем человек. ИИ может способствовать загрязнению поисковых систем сомнительной, но при этом весьма убедительной информацией, сгенерированной им самим и запустить широкое и эмоциональное ее обсуждение в социальных сетях, контролируемое и направляемое чат-ботами в русле интересов заказчика. В условиях проведения национальных выборов угроза дезинформации избирателей приобретают особую актуальность. Искусственный интеллект уже используется для попыток фишинга, чтобы получить доступ к избирательным спискам и системам.

Инструменты генеративного искусственного интеллекта позволяют создавать так называемые «глубокие фейки» (подделки), и эта технология уже используется в избирательных кампаниях во многих странах мира. Новейшие алгоритмические программы искусственного интеллекта достигли уровня, позволяющего создавать аудио- и видеоизображения людей, а точнее их копий, которые абсолютно идентичны оригиналу. Такие алгоритмы могут с поразительной точностью копировать особенности мимики человека, движения его глаз, частоту дыхания, артикуляцию (движение губ и языка), имитировать различные характерные выражения его лица, синтезировать его голос и речь.

Уже появилась политическая реклама, состоящая из изображений, полностью созданных искусственным интеллектом, которые несут в себе искажения и дезинформацию. Так, «в исследовании, посвященном выборам в Конгресс США в 2020 году, отчет Центра демократии и технологий показал, что цветные женщины-кандидаты в два раза чаще становятся объектами кампаний по дезинформации в Интернете. В Индии технология глубокой подделки стала оружием против женщин-политиков и журналисток, многие из которых сообщают, что их фотографии были использованы в порнографических изображениях и видеозаписях и распространены в Интернете» [Powell, Dent 2023].

Растущая правдоподобность таких «глубоких фейков» создает так называемый «идеальный шторм» в информационном поле и несет политические риски. Любое такое поддельное видео, в котором показаны несуществующие эпидемии, кибератаки или глобальная катастрофа, может вызвать массовые демонстрации, протесты, посеять общественную панику и даже хаос и в итоге привести к дестабилизации ситуации в стране и в мире.

Но парадокс: все более реалистичные поддельные видео-, аудио- и фотографии в то же время могут позволить политикам избежать ответственности за свои высказывания и действия, давая им возможность утверждать, что такие материалы были созданы искусственным интеллектом и являются «глубоким фейком» [Powell, Dent 2023].

Системы искусственного интеллекта в значительной степени запрограммированы на предсказуемость поведения людей. Они способны обрабатывать большие данные по всему миру, обладают мощностями для их хранения и вскоре, как полагают, овладеют квантовыми вычислительными мощностями для обработки, анализа, а затем и для контроля населения и целых экосистем других стран. Эти системы уже располагают точной информацией о потребительском спросе, содержании медицинских карт своих граждан и даже геномов людей [Bajrektarevic 2023]. Это позволяет им отслеживать, анализировать и, следовательно, влиять и даже изменять индивидуальное или групповое поведение людей. Технологии искусственного интеллекта могут использовать наши биологические данные и поведенческие алгоритмы в определенных политических целях.

Потенциал для влияния на индивидуальное и групповое поведение людей превращает ИИ в мощный инструмент политических манипуляций. Обладая уникальной способностью манипулировать слабостями человеческой психологии, ИИ способен воздействовать на средства массовой информации страны-мишени, создавая поток такой дезинформации, которая может вызвать в ней панику населения и посеять хаос.

Постоянно растущее число лиц, имеющих доступ к ИИ, их растущая способность влиять на поведение людей с помощью поддельных симуляций могут иметь долгосрочные пагубные последствия для мира и безопасности. Сбор персональных данных с целью их последующей монетизации – еще один из рисков широкого внедрения ИИ. Уже есть компания, которая стремится создать глобальную биометрическую базу данных, основанную на сканировании глаз. Но требовать биометрические данные от пользователей ИИ, оставляя системы ИИ нерегулируемыми весьма опасно, считают М. Хикок и М. Ротенберг [Hickok, Rotenberg 2023].

«ИИ может использоваться для создания и распространения токсичной дезинформации, для слежки, манипулирования и подчинения граждан, подрывая индивидуальную и коллективную свободу; или для создания мощного цифро-

вого или физического оружия, которое угрожает человеческим жизням», – отмечают И. Бреммер и М. Сулейман [Bremmer, Suleyman 2023].

Таким образом, ИИ несет масштабные политические риски: от вопросов о безопасности данных и их потенциальном использовании в качестве оружия до подрыва демократических процессов, включая выборы.

Риски развития искусственного интеллекта в геополитике

Эксперты предрекают ИИ выдающееся место, прежде всего, в экономике. Но и в геополитике искусственный интеллект может играть значимую роль [Prakash 2016], влияя на геополитическую динамику [Park 2023]. Начиная с пересмотра военной стратегии и заканчивая восстановлением дипломатии, искусственный интеллект станет ключевым фактором, определяющим порядок в мире [Kissinger, Schmidt, Mundie 2024].

ИИ – это не просто разработка программного обеспечения, это совершенно новое средство проецирования власти в глобальном масштабе. Он становится объектом и инструментом жесткой геополитической конкуренции. Будь то его экономический потенциал или преимущество в военной сфере, превосходство в разработках ИИ становится стратегической целью каждого правительства, имеющего ресурсы для его развития.

Уже сегодня ужесточается конкуренция великих держав за первенство в его развитии, что особенно сказывается на росте напряженности в отношениях между двумя глобальными лидерами – США и Китаем. Каждая сторона опасается, что другая получит преимущество в разработках ИИ, что скажется на их влиянии в мире и балансе геополитических сил. Победитель соревнования за технологическое превосходство получит весомые экономические, геополитические и стратегические преимущества. По этой причине правительства США и Китая вкладывают огромные ресурсы в разработку ИИ, одновременно проводя политику, направленную на то, чтобы лишить друг друга ресурсов, необходимых для прорывов следующего поколения искусственного интеллекта. Эта политика уже получила название «война чипов» и представляет собой «динамику нулевой суммы» [Bremmer, Suleyman 2023].

Те страны, которые способны создавать суперкомпьютеры и алгоритмы ИИ будут обладать важным конкурентным преимуществом, смогут предлагать свою международную повестку дня в этой области и лидировать в глобальном диалоге о нормах, контроле и его регулировании. В условиях обострившейся геополитической конкуренции неконтролируемая гонка ИИ делает надежды на достижение международного консенсуса по контролю за развитием и функционалом ИИ эфемерными. Уже появилось слово «киберколонизация», когда коллективные и персональные данные становятся новой кибервалютой и ис-

пользуются для достижения экономического, политического и военно-политического превосходства в глобальной политике.

Широкое распространение искусственного интеллекта и растущее вследствие этого неравенство между развивающимися странами Юга и развитыми странами Севера повлияет на геополитический баланс сил и приведет к значительным геополитическим последствиям.

У многих, особенно развивающихся стран нет ни финансов, ни технологий, чтобы разрабатывать ИИ и бороться за первенство. Их доступ к передовым системам ИИ будет определяться отношениями с лидерами этой сферы, а это всего лишь несколько крупных транснациональных корпораций и государств – центров силы глобального мира, которые смогут диктовать свои условия, в том числе и политические. ИИ становится слишком ценным ресурсом в мировой политике, поэтому развитые страны будут бороться за контроль над ним, в то время как страны Глобального Юга обречены на вечное отставание.

Эта зависимость стран от уровня развития ИИ грозит усугубить существующий геополитический дисбаланс сил. Растущий разрыв в области разработки и применения ИИ приведет к усугублению геополитического, экономического и военно-стратегического неравенства между технологически развитым Севером и Глобальным Югом. Мир с такой серьезной асимметрией, когда одни государства активно и с высокой скоростью внедряют искусственный интеллект во все сферы жизнедеятельности общества, а другие это делать не могут, – становится гораздо менее предсказуемым. Такой порядок может привести к внутреннему распаду мирового сообщества и неконтролируемому взрыву внешних конфликтов [Kissinger, Schmidt, Mundie 2024].

ИИ вскоре будет оказывать значительное влияние и на вооруженные конфликты, ведение боевых действий и методы кибервойны [Venugopal 2024]. Расширение возможности кибероружия и улучшение стратегический анализа на базе ИИ изменит сам характер войны. Искусственный интеллект меняет саму парадигму ведения войны, становясь ее важнейшим инструментом.

ИИ может влиять на стратегическую стабильность, активно участвуя в процессе принятия стратегических решений в интересах заказчика. Он может не только усиливать эффективность процесса принятия и обоснованность решений, но и искажать их, усиливая петли обратной связи с плохой информацией, что также может спровоцировать непреднамеренную и неконтролируемую военную эскалацию, которая приведет к глобальному конфликту.

Риски еще больше возрастут, когда появится ИИ, который превзойдет человека в решении стратегических задач, станет самоуправляемым, самовоспроизводящимся и самосовершенствующимся, функционируя вне человеческого контроля и принимая самостоятельные решения. Такие автономные, неконтролируемые, самовоспроизводящиеся системы ИИ, неоднократно описанные писателями-фантастами, несут угрозу жизни на Земле. Парадокс заключает-

ся в том, что в силу своего гиперэволюционного характера искусственный интеллект не просто ставит политические задачи, но усложняет их решение. При этом люди исключаются из цепочки принятия этих решений.

В будущем вполне вероятно, что механизмы коллективного принятия решений будут заменены технологиями ИИ, принадлежащими порой анонимным собственникам частных цифровых платформ, которые и сосредоточат власть в своих руках и будут вне досягаемости или какого-либо контроля.

Информационно-коммуникационные технологии на базе искусственного интеллекта могут оказать дестабилизирующее влияние на глобальные и региональные механизмы управления и безопасности. Искусственный интеллект постепенно превращается в практически независимую политическую, дипломатическую и военную структуру, и это неизбежно приведет к смене баланса сил и нарушения существующего геополитического равновесия.

Сегодня конкуренция великих держав за первенство в области развития ИИ сосредоточена в основном на военных и стратегических вопросах. Поэтому искусственный интеллект имеет прямое отношение к *национальной безопасности*. Постепенно ИИ превращается в инструмент доминирования и начинает использоваться как оружие.

Почти все технологии ИИ фактически имеют двойное назначение, поскольку используют как военные, так и гражданские приложения. Многие системы имеют общее назначение. Но дело в том, что те же системы, которые управляют автомобилями или самолетами, могут управлять танками и военными беспилотными летательными аппаратами. Приложение ИИ, созданное для диагностики заболеваний, способно создать и даже и превратить в оружие новое заболевание. Границы между безопасным гражданским и разрушительным военным применением ИИ изначально размыты.

Конкуренция за превосходство ИИ будет жесткой, и остановить потенциально дестабилизирующую технологическую гонку вооружений будет практически невозможно. ИИ – это не просто еще один инструмент развития общества, но и оружие, которое может принести влияние, власть или прибыль, а также обеспечить значительное военное преимущество над противником. Поэтому Китай и США рассматривают разработку ИИ как игру с нулевой суммой, которая даст победителю решающее стратегическое преимущество уже в ближайшем будущем.

Усиление конкуренции за обладание прорывными технологиями при отсутствии механизмов коллективного управления развитием ИИ может легко спровоцировать конфликт. Кибертеррористы, либо спонсируемые государством или одиночки, по своей прихоти или отрабатывая оплачиваемый заказ, могут использовать ИИ в качестве оружия и искусственно провоцировать инциденты в сфере безопасности, ведущие к эскалации международной напряженности.

Искусственный интеллект в соединении с другими технологиями и, например, с метаданными, предоставляемыми биотехнологиями, создают серьезную проблему для безопасности и даже выживания всего человечества.

Изменяя структуру и баланс мировой власти, ИИ усложняет и делает более драматичным тот политический контекст, в котором он функционирует. В итоге мир становится все более непредсказуемым, более хрупким. Под влиянием такой роли ИИ международному сообществу придется переосмыслить традиционные представления о глобальном геополитическом порядке, мировой политике и системе международных отношений. Ему придется принимать меры, чтобы не допустить планетарной конфронтации, которая может принять новые, еще невиданные формы.

Можно согласиться с А.Х. Байректаревичем о том, что «искусственный интеллект – это, по сути, технология двойного назначения. Его серьезные последствия, (как положительные, так и отрицательные), будет все труднее предвидеть, формулировать и сдерживать, а также смягчать и регулировать» [Bajrektarevic 2023].

Таким образом, ИИ уже оказывает прямое воздействие на развитие и динамику глобальных политических процессов. Искусственный интеллект, сочетая необычайные возможности и большие геополитические риски, несомненно вызовет сейсмический сдвиг в структуре и балансе мировых сил и геополитической иерархии государств глобального мира.

Проблема контроля искусственного интеллекта

Все эти политические и геополитические риски доказывают необходимость контроля за внедрением и развитием ИИ. Р. Чоудхари полагает, что, необходимо иметь «регулирующие институты и системы», которые являются достаточно гибкими, нужны «законные, наделенные полномочиями институты, которые имеют четкие руководящие принципы, полномочия и экспертизу в предметной области» [Chowdhury 2023].

Действительно, контроль за ИИ с целью управления рисками имеет важное значение, и перед мировым сообществом стоит насущная задача приступить к разработке необходимой нормативной системы развития и применения ИИ. Но здесь сразу возникают вопросы интеллектуальной собственности, доступа к данным, их происхождения и качества. Для реализации контроля должна быть возможность отслеживать происхождение данных, наличие разрешения на их использование, уверенность в том, что все это происходит в рамках закона, без нарушения конфиденциальности и этики.

Ситуация осложняется тем, что в современном мире развитие ИИ контролируют в основном частные компании, которые вкладывают в это дело десятки и даже сотни млрд долл. Такие компании, владеющие и разрабатывающие

искусственный интеллект, получают все большую экономическую, военную и политическую власть и влияние. Эти технологические компании обладают такой властью в области развития ИИ, которой сегодня нет у национальных государств. Они фактически стали независимыми и суверенными субъектами в сфере разработки и применения ИИ. Именно эта небольшая группа корпораций будет определять траекторию развития, области применения и порог безопасности ИИ, а также смогут, если не реализовать, то, по крайней мере, поддерживать некоторый контроль над ним. Так в США большая часть разработок в области ИИ принадлежит частному сектору, а это пятнадцать ведущих технологических компаний. В Китае и некоторых других, преимущественно, восточных странах исследования в области ИИ финансирует государство, или эта отрасль развивается на основе государственно-частного партнерства.

Проблема установления контроля над ИИ осложняется тем, что существует значительная разница частных и государственных подходов к его регулированию, но даже среди самих корпораций нет единой позиции по данному вопросу. А у правительств нет нужных рычагов осуществления такого контроля. В результате если какой-то контроль за ИИ и возможен, то он будет носить лишь фрагментарный характер. Но регулирование и контроль ИИ не должен осуществляться лоскутным образом. Малоэффективно, если он будет как-то налажен в одних странах и отсутствовать в других. В условиях тесно взаимосвязанного мира достаточно будет всего одной вредоносной программы, чтобы посеять глобальный хаос.

Вопросы, какими должны быть регулирующие органы, каким образом предоставить им открытый доступ и передать им контроль за ИИ, как выстроить систему аудита за применением новых моделей ИИ, определить порог их безопасности и т. д. на данный момент не имеют ответов.

Несомненно, нужна координация усилий правительств разных стран и частных технологических корпораций в области оценки новых моделей и приложений ИИ на предмет возможных рисков, совместный мониторинг, а также общая политика сдерживания потенциально опасной гонки их развития.

Первоочередной задачей контроля за ИИ станет разработка стандартов и норм управления крупными цифровыми платформами для предотвращения распространения или маркировки вредоносного контента, о чем мы писали ранее [Leonova 2018].

Некоторые страны предприняли попытку установить хотя бы минимальный контроль за ИИ. Так, недавно США, ЕС и Китай предложили разработчикам крупных моделей искусственного интеллекта ставить водяные знаки на свои выходные данные, т. е. требовать, чтобы выходные данные содержали невидимые подписи, указывающие на то, что они созданы с помощью искусственного интеллекта. К. Климан и Р. Диреста выявили, что такие компании, как OpenAI, Google, взяли на себя обязательство маркировать изображения,

созданные с помощью искусственного интеллекта, и вносить свой вклад в разработку общих стандартов. Но, как оказалось, «использование водяных знаков не является решением проблемы происхождения контента» и их нанесение «не предназначено для решения проблемы дезинформации в Интернете» [Klyman, DiResta 2024].

Конечно, этого недостаточно. Чтобы решить хотя бы одну частную, но важную проблему – проблему дезинформации, генерируемую и распространяемую искусственным интеллектом, необходимо использование широкого спектра подходов, которые включают в себя не только технические меры, но и политические. А это потребует создания и новых правовых рамок, и принятия новых социальных норм, которые бы установили четкие этические границы применения ИИ.

В итоге большинство политиков, лидеров гражданского общества, ученых и независимых экспертов согласны с тем, что ИИ должен регулироваться, но у них нет единого мнения о том, как это сделать. На международном уровне правительства имеют разные подходы к этому вопросу [Berman 2023]. Чтобы мировые ведущие технологические корпорации добровольно взяли на себя обязательства принять общие стандарты в области безопасности искусственного интеллекта, ответственность за его распространение и безопасное применение – это пока практически нереально.

Остается надеяться, что законодатели США, ЕС, Китая и других ведущих стран в области развития ИИ смогут разработать и предложить такое законодательство, которое, с одной стороны, сделает технологии ИИ прозрачными и безопасными, введет разумные ограничения на его использование и дальнейшее развитие, а другой – устроит всех. Пока это выглядит достаточно утопичным. Не будем терять надежды, что рано или поздно все причастные к этой сфере придут к пониманию, что инновации в области искусственного интеллекта не должны угрожать глобальной безопасности и жизни международного сообщества.

Выводы

Технологии искусственного интеллекта продолжают стремительно развиваться. Вычислительная мощность удваивается каждые три или четыре месяца. Эти технологии способны значительно улучшить качество жизни населения планеты, но нет никаких гарантий, что это произойдет [The Promise 2024].

Технологии ИИ в геополитике представляют собой многомерные угрозы, а его риски для глобальной стабильности непредсказуемы. Перед человечеством возникает «дилемма экзистенциальной безопасности» [Kissinger, Schmidt, Mundie 2024].

Низкие барьеры для входа, разработка с открытым исходным кодом и почти нулевые предельные издержки приведут к неконтролируемому распространению ИИ, и это многократно увеличит такие риски. При этом ИИ развивается слишком быстро, чтобы политики могли адекватно и своевременно на него реагировать. Сегодня уже ясно, что риски, связанные с развитием и широким применением ИИ, имеют дестабилизирующие последствия, но развитие этих технологий должно несомненно продолжаться. Не стоит забывать, что искусственный интеллект – это глобальное достояние и его надо реализовать именно в этом ключе.

Проблема распространения новых технологий искусственного интеллекта особенно актуальна для России, которая является объектом беспрецедентного давления со стороны коллективного Запада. Уже сегодня технологии ИИ являются инструментами геополитической власти, и перед Россией стоит угроза киберколонизации.

Но эта проблема касается не только сферы геополитики и международных отношений. Внедрение новых моделей ИИ, их быстрое распространение рождает новые вызовы национальной безопасности и несет значительные риски для всего российского социума. ИИ может оказывать влияние на политическую стабильность, экономическое развитие и даже военную мощь страны. Многие вызовы ИИ имеют не только технологический, но антропогенный характер, потенциально влияя на сознание людей и психологическое состояние общества.

Россия имеет все ресурсы, как материальные, так и интеллектуальные, чтобы противостоять зарождающемуся «цифровому империализму» и отстаивать свой цифровой суверенитет. Поэтому важной задачей является разработка политики, направленной на минимизацию потенциальных рисков.

Необходимо обеспечить баланс потенциальных выгод от ИИ с сопутствующими рисками его использования, искать эффективные инструменты контроля и управления, которые помогут раскрыть его положительный потенциал, более эффективно достигать намеченных результатов и создавать всеобщее общественное благо.

Искусственный интеллект может стать катализатором научных открытий и позитивных перемен в жизни не только России, но и всего планетарного сообщества, дать миру многообещающие возможности, открыть эру экономического процветания, решить проблемы климата и избавить нас от смертельных заболеваний.

При должном контроле и управлении со стороны нашего государства технологии искусственного интеллекта могут стать достоянием общественного блага и содействовать стабильности и процветанию страны на основе создания собственной национальной технологической экосистемы.

Библиография

Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. Power and Prediction: The Disruptive Economics of Artificial Intelligence. Boston: Harvard Business Review Press, 2022. 332 p.

Azhar A. The Exponential Age: How Accelerating Technology is Transforming Business, Politics and Society. New York: Diversion Books, 2024. 405 p.

Bajrektarevic A.H. The AI and (Global South) multilateralism. The Speech at the Workshop held for the IsDB senior officials // International Institute for Middle East and Balkan Studies (IFIMES). Diplomat Magazine. 2023. November 16. URL: <https://diplomatmagazine.eu/2023/11/16/the-ai-and-global-south-multilateralism/> (дата обращения: 6.04.2025).

Berman N. What Is Artificial Intelligence (AI)? // Council on Foreign Relations. 2023. December 27. URL: https://www.cfr.org/background/what-artificial-intelligence-ai?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TW2023Dec29&utm_term=TW2023Dec29%20and%20AI%20Staff%20as%20of%207-9-20 (дата обращения: 20.01.2024).

Bremmer I., Suleyman M. The AI Power Paradox. Can States Learn to Govern Artificial Intelligence – Before It's Too Late? // Foreign Affairs. 2023. August 16. Цит. по: <https://www.gzeromedia.com/quick-take/the-ai-power-paradox-rules-for-ais-power> (дата обращения: 6.04.2025).

Buchanan B., Imbrie A. The New Fire: War, Peace, and Democracy in the Age of AI. London: The MIT Press, 2024. 344 p.

Carrasco M., Habib C., Felden F., Sargeant R., Mills S., Shenton S., Ingram J. and Dando G. Generative AI for the Public Sector: The Journey to Scale // Boston Consulting Group. 2024. March 26. URL: [https://www.bcg.com/publications/2024/gen-ai-journey-to-scale-in-government?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=South%20Asia%20Brief%2005222024&utm_term=south_asia_brief#:~:text=Generative%20AI%20\(GenAI\)%20will%20transform,operational%20efficiency%2C%20and%20citizen%20engagement](https://www.bcg.com/publications/2024/gen-ai-journey-to-scale-in-government?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=South%20Asia%20Brief%2005222024&utm_term=south_asia_brief#:~:text=Generative%20AI%20(GenAI)%20will%20transform,operational%20efficiency%2C%20and%20citizen%20engagement) (дата обращения: 26.10.2024).

Chowdhury R. Governing Artificial Intelligence // Center on Foreign Relations. 2023. November 1. URL: https://www.cfr.org/blog/governing-artificial-intelligence-conversation-rumman-chowdhury?utm_source=dailybrief&utm_medium=email&utm_campaign=DailyBrief2023Nov1&utm_term=DailyNewsBrief (дата обращения: 20.01.2024).

Daugherty P. R., Wilson H. J. Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI. Boston: Harvard Business Review Press, 2018. 246 p.

Daugherty P., Wilson H. J. Radically Human: How New Technology Is Transforming Business and Shaping Our Future. Boston: Harvard Business Review Press, 2022. 318 p.

Dauvergne P. AI in the Wild: Sustainability in the Age of Artificial Intelligence (One Planet). London: The MIT Press, 2020. 272 p.

Davenport T.H., Mittal N. All-in On AI: How Smart Companies Win Big with Artificial Intelligence. Boston: Harvard Business Review Press, 2023. 215 p.

Fregly Ch., Barth A., Eigenbrode Sh. Generative AI on AWS (1st Edition). Sebastopol: O'Reilly Media, 2023. 521 p.

Ganesan K. The Business Case for AI: A Leader's Guide to AI Strategies, Best Practices & Real-World Applications. South Jordan: Opinions Analytics, 2022. 318 p.

Ghitis F. AI Is Already Transforming the Geopolitical Landscape // World Politics Review. 2023. March 9. URL: https://www.worldpoliticsreview.com/artificial-intelligence-china-ai-us-chips-act-geopolitics/?utm_source=WPR+Free+Newsletter&utm_campaign=2bb-b22e8b6-daily-review-free-112023&utm_medium=email&utm_term=0_6e36cc98fd-2bb-b22e8b6-%5BLIST_EMAIL_ID%5D&mc_cid=2bbb22e8b6&mc_cid=22b6a78fdd (дата обращения: 20.01.2024).

Harding V. AI Needs You: How We Can Change AI's Future and Save Our Own. Princeton: Princeton University Press, 2024. 288 p.

Hickok M., Rotenberg M. The UK AI Summit: Time to Elevate Democratic Values // Council on Foreign Relations. Net Politics. 2023. September 27. URL: <https://www.cfr.org/blog/uk-ai-summit-time-elevate-democratic-values> (дата обращения: 6.04.2025).

Husain A. Generative AI for Leaders. Austin: AM Press, 2023. 148 p.

Iansiti M., Lakhani K. Competing in the Age of AI: Strategy and Leadership When Algorithms and Networks Run the World. Boston: Harvard Business Review Press, 2020. 280 p.

Johnson J. Delegating strategic decision-making to machines: Dr. Strangelove Redux? // Journal of Strategic Studies. 2022. Iss. 45. Vol. 3. Pp. 439–477. URL: <https://doi.org/10.1080/01402390.2020.1759038> (дата обращения: 6.04.24).

Johnson J. The AI-cyber nexus: implications for military escalation, deterrence and strategic stability // Journal of Cyber Policy. 2019. Iss. 3. Vol. 4. Pp. 442–460. URL: <https://doi.org/10.1080/23738871.2019.1701693> (дата обращения: 6.04.25).

Kapur R. AI Made Simple : A Beginner's Guide to Generative Intelligence (2nd Edition). Los Angeles: Rinity Media, 2024. 253 p.

Kemp T. Containing Big Tech: How to Protect Our Civil Rights, Economy, and Democracy. New York: Fast Company Press, 2023. 264 p.

Kissinger Henry A., Schmidt E., Mundie C. War and Peace in the Age of Artificial Intelligence. What It Will Mean for the World When Machines Shape Strategy and Statecraft // Foreign Affairs. 2024. Nov. 18. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/war-and-peace-age-artificial-intelligence?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=War%20and%20Peace%20in%20the%20Age%20of%20Artificial%20Intelligence&utm_content=20241118&utm_term=EDZZZ003ZX (дата обращения: 21.11.24).

Klyman K., DiResta R. Beyond Watermarks: Content Integrity Through Tiered Defense // Council On Foreign Relations. 2024. May 8. URL: https://www.cfr.org/blog/beyond-watermarks-content-integrity-through-tiered-defense?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW2024May17&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (дата обращения: 26.10.2024).

Komaitis K. The Importance of the Internet Governance Forum // Center on Foreign Relations. 2023. October 23. URL: https://www.cfr.org/blog/importance-internet-governance-forum?utm_source=blognotification&utm_medium=email&utm_campaign=Blog%20Post%20Notification%20Net%20Politics&utm_term=NetPolitics (дата обращения: 16.08.2024).

Lee K.-F., Naramore M.; et al. AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. Brilliance Audio. 2018. Audiobook.

Leonova O. Information Operations of Influence: Risks and Countermeasures // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering (MSE). 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/330025219_Information_Operations_of_Influence_Risks_and_Countermeasures (дата обращения: 6.04.2025).

Luberisse J. The Geopolitics of Artificial Intelligence: Strategic Implications of AI for Global Security. Alexandria: Adaptive Generative Intelligence, 2023. 77 p.

Mahrenbach L., Papa M. BRICS Wants to Shape Global AI Governance, Too // World Politic Review. 2024. March 27. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/brics-group-artificial-intelligence-governance/?one-time-read-code=286804171282951629855> (дата обращения: 26.10.2024).

Marcus G. F. Taming Silicon Valley: How We Can Ensure That AI Works for Us. London: The MIT Press, 2024. 240 p.

McGuire J., Collens B. Introduction to AI: Written by a Human: Understand how Algorithms Curate Your View. Orpington: DTS Publishing, 2023. 143 p.

Miller Ch., Graybill S., et al. Chip War: The Quest to Dominate the World's Most Critical Technology. New York: Simon & Schuster, 2022. Audiobook.

Mollick E. Co-Intelligence: Living and Working with AI. New York: Portfolio/Penguin, 2024. 256 p.

Park J. *Transcending Frontiers: Navigating the AI Revolution in Global Geopolitics*. Published by Jayson Park, 2023. 300 p.

Powell C., Dent A. Artificial Intelligence Enters the Political Arena // Council on Foreign Relations. 2023. May 24. URL: https://www.cfr.org/blog/artificial-intelligence-enters-political-arena?utm_source=religionbulletin&utm_medium=email&utm_campaign=August%202023%20Religion%20and%20Foreign%20Policy%20Bulletin&utm_term=RFPBulletin (дата обращения: 26.10.2024)

Prakash A. *Next Geopolitics: The Future of World Affairs (Technology)*. Volume One. Toronto: Center for Innovating the Future, 2016. 187 p.

Prakash A. *Go.AI (Geopolitics of Artificial Intelligence)*. Toronto: Center for Innovating the Future, 2019. 320 p.

Rahman M.M. Should I Be Scared of Artificial Intelligence? // Academia Letters. Article 2536. 2021. August. URL: <https://doi.org/10.20935/AL2536> (дата обращения: 1.12.2023).

Scharre P., Marvel S. et al. *Four Battlegrounds: Power in the Age of Artificial Intelligence*. High-Bridge, a division of Recorded Books. 2023. Audiobook.

Sunn S. Promotor, Suppressor, or Neutralizer: Impact of Latest AI and Geopolitics on Global Outsourcing. Davidson: Davidsons Global Associates @Co, 2024. 43 p.

Taha A. *AI World Order: Global Powerplay in the Age of Artificial Intelligence*. Alexandria: Adaptive Generative Intelligence, 2023. 299 p.

The Promise and Perils of Big Tech // World Politic Review. 2024. March 21. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/tech-ethics-artificial-intelligence-regulation-and-killer-drones/> (дата обращения: 26.10.2024).

Venugopal R. *Artificial Intelligence in Modern Conflict*. New Delhi: Highlly Publishing LLP; How Academics, 2024. 262 p.

Walker, Kent. *Governing Artificial Intelligence: A Conversation with Kent Walker* // Center on Foreign Relations. 2023. October 3. URL: <https://www.cfr.org/blog/governing-artificial-intelligence-conversation-kent-walker> (дата обращения: 26.10.2024).

References

Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. *Power and Prediction: The Disruptive Economics of Artificial Intelligence*. Boston: Harvard Business Review Press, 2022. 332 p.

Azhar A. *The Exponential Age: How Accelerating Technology is Transforming Business, Politics and Society*. New York: Diversion Books, 2024. 405 p.

Bajrektarevic A.H. The AI and (Global South) multilateralism. The Speech at the Workshop held for the IsDB senior officials // International Institute for Middle East and Balkan Studies (IFIMES). Diplomat Magazine. 2023. November 16. URL: <https://diplomatmagazine.eu/2023/11/16/the-ai-and-global-south-multilateralism/> (date of access: 6.04.2025).

Berman N. What Is Artificial Intelligence (AI)? // Council on Foreign Relations. 2023. December 27. URL: https://www.cfr.org/background/what-artificial-intelligence-ai?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTFW2023Dec29&utm_term=TWTFW%20and%20AI%20Staff%20as%20of%207-9-20 (date of access: 20.01.2024).

Bremmer I., Suleyman M. The AI Power Paradox. Can States Learn to Govern Artificial Intelligence – Before It's Too Late? // Foreign Affairs. 2023. August 16. Цит. по: <https://www.gzeromedia.com/quick-take/the-ai-power-paradox-rules-for-ais-power> (date of access: 6.04.2025).

Buchanan B., Imbrie A. *The New Fire: War, Peace, and Democracy in the Age of AI*. London: The MIT Press, 2024. 344 p.

Carrasco M., Habib C., Felden F., Sargeant R., Mills S., Shenton S., Ingram J. and Dando G. *Generative AI for the Public Sector: The Journey to Scale* // Boston Consulting Group. 2024. March 26. URL: https://www.bcg.com/publications/2024/gen-ai-journey-to-scale-in-government?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=South%20Asia%20Brief%2005222024&utm_term=-

south_asia_brief#:~:text=Generative%20AI%20(GenAI)%20will%20transform,operational%20efficiency%2C%20and%20citizen%20engagement (date of access: 26.10.2024).

Chowdhury R. Governing Artificial Intelligence // Center on Foreign Relations. 2023. November 1. URL: https://www.cfr.org/blog/governing-artificial-intelligence-conversation-rumman-chowdhury?utm_source=dailybrief&utm_medium=email&utm_campaign=DailyBrief2023Nov1&utm_term=DailyNewsBrief (date of access: 20.01.2024).

Daugherty P.R., Wilson H.J. Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI. Boston: Harvard Business Review Press, 2018. 246 p.

Daugherty P., Wilson H.J. Radically Human: How New Technology Is Transforming Business and Shaping Our Future. Boston: Harvard Business Review Press, 2022. 318 p.

Dauvergne P. AI in the Wild: Sustainability in the Age of Artificial Intelligence (One Planet). London: The MIT Press, 2020. 272 p.

Davenport T.H., Mittal N. All-in On AI: How Smart Companies Win Big with Artificial Intelligence. Boston: Harvard Business Review Press, 2023. 215 p.

Fregly Ch., Barth A., Eigenbrode Sh. Generative AI on AWS (1st Edition). Sebastopol: O'Reilly Media, 2023. 521 p.

Ganesan K. The Business Case for AI: A Leader's Guide to AI Strategies, Best Practices & Real-World Applications. South Jordan: Opinions Analytics, 2022. 318 p.

Ghitis F. AI Is Already Transforming the Geopolitical Landscape // World Politic Review. 2023. March 9. URL: https://www.worldpoliticsreview.com/artificial-intelligence-china-ai-us-chips-act-geopolitics/?utm_source=WPR+Free+Newsletter&utm_campaign=2bbb22e8b6-daily-review-free-112023&utm_medium=email&utm_term=0_6e36cc98fd-2bbb22e8b6-%5BLIST_EMAIL_ID%5D&mc_cid=2bbb22e8b6&mc_eid=22b6a78fdd (date of access: 20.01.2024).

Harding V. AI Needs You: How We Can Change AI's Future and Save Our Own. Princeton: Princeton University Press, 2024. 288 p.

Hickok M., Rotenberg M. The UK AI Summit: Time to Elevate Democratic Values // Council on Foreign Relations. Net Politics. 2023. September 27. URL: <https://www.cfr.org/blog/uk-ai-summit-time-elevate-democratic-values> (date of access: 6.04.2025).

Husain A. Generative AI for Leaders. Austin: AM Press, 2023. 148 p.

Iansiti M., Lakhani K. Competing in the Age of AI: Strategy and Leadership When Algorithms and Networks Run the World. Boston: Harvard Business Review Press, 2020. 280 p.

Johnson J. Delegating strategic decision-making to machines: Dr. Strangelove Redux? // Journal of Strategic Studies. 2022. Iss. 45. Vol. 3. Pp. 439–477. URL: <https://doi.org/10.1080/01402390.2020.1759038> (date of access: 6.04.24).

Johnson J. The AI-cyber nexus: implications for military escalation, deterrence and strategic stability // Journal of Cyber Policy. 2019. Iss. 3. Vol. 4. Pp. 442–460. URL: <https://doi.org/10.1080/23738871.2019.1701693> (date of access: 6.04.25).

Kapur R. AI Made Simple : A Beginner's Guide to Generative Intelligence (2nd Edition). Los Angeles: Rinity Media, 2024. 253 p.

Kemp T. Containing Big Tech: How to Protect Our Civil Rights, Economy, and Democracy. New York: Fast Company Press, 2023. 264 p.

Kissinger Henry A., Schmidt E., Mundie C. War and Peace in the Age of Artificial Intelligence. What It Will Mean for the World When Machines Shape Strategy and Statecraft // Foreign Affairs. 2024. Nov. 18. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/war-and-peace-age-artificial-intelligence?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=War%20and%20Peace%20in%20the%20Age%20of%20Artificial%20Intelligence&utm_content=20241118&utm_term=EDZZZ003ZX (date of access: 21.11.24).

Klyman K., DiResta R. Beyond Watermarks: Content Integrity Through Tiered Defense // Council On Foreign Relations. 2024. May 8. URL: https://www.cfr.org/blog/beyond-watermarks-content-integrity-through-tiered-defense?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=twtw

paign=TWTW2024May17&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (date of access: 26.10.2024).

Komaitis K. The Importance of the Internet Governance Forum // Center on Foreign Relations. 2023. October 23. URL: https://www.cfr.org/blog/importance-internet-governance-forum?utm_source=blognotification&utm_medium=email&utm_campaign=Blog%20Post%20Notification%20Net%20Politics&utm_term=NetPolitics (date of access: 16.08.2024).

Lee K.-F., Naramore M.; et al. AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. Brilliance Audio. 2018. Audiobook.

Leonova O. Information Operations of Influence: Risks and Countermeasures // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering (MSE). 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/330025219_Information_Operations_of_Influence_Risks_and_Countermeasures (date of access: 6.04.2025).

Luberisse J. The Geopolitics of Artificial Intelligence: Strategic Implications of AI for Global Security. Alexandria: Adaptive Generative Intelligence, 2023. 77 p.

Mahrenbach L., Papa M. BRICS Wants to Shape Global AI Governance, Too // World Politic Review. 2024. March 27. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/brics-group-artificial-intelligence-governance/?one-time-read-code=286804171282951629855> (date of access: 26.10.2024)

Marcus G.F. Taming Silicon Valley: How We Can Ensure That AI Works for Us. London: The MIT Press, 2024. 240 p.

McGuire J., Collens B. Introduction to AI: Written by a Human: Understand how Algorithms Curate Your View. Orpington: DTS Publishing, 2023. 143 p.

Miller Ch., Graybill S., et al. Chip War: The Quest to Dominate the World's Most Critical Technology. New York: Simon & Schuster, 2022. Audiobook.

Mollick E. Co-Intelligence: Living and Working with AI. New York: Portfolio/Penguin, 2024. 256 p.

Park J. Transcending Frontiers: Navigating the AI Revolution in Global Geopolitics. Published by Jayson Park, 2023. 300 p.

Powell C., Dent A. Artificial Intelligence Enters the Political Arena // Council on Foreign Relations. 2023. May 24. URL: https://www.cfr.org/blog/artificial-intelligence-enters-political-arena?utm_source=religionbulletin&utm_medium=email&utm_campaign=August%202023%20Religion%20and%20Foreign%20Policy%20Bulletin&utm_term=RFPBulletin (date of access: 26.10.2024)

Prakash A. Next Geopolitics: The Future of World Affairs (Technology). Volume One. Toronto: Center for Innovating the Future, 2016. 187 p.

Prakash A. Go.AI (Geopolitics of Artificial Intelligence). Toronto: Center for Innovating the Future, 2019. 320 p.

Rahman M.M. Should I Be Scared of Artificial Intelligence? // Academia Letters. Article 2536. 2021. August. URL: <https://doi.org/10.20935/AL2536> (date of access: 1.12.2023).

Scharre P., Marvel S. et al. Four Battlegrounds: Power in the Age of Artificial Intelligence. High-Bridge, a division of Recorded Books. 2023. Audiobook.

Sunn S. Promotor, Suppressor, or Neutralizer: Impact of Latest AI and Geopolitics on Global Outsourcing. Davidson: Davidsons Global Associates @Co, 2024. 43 p.

Taha A. AI World Order: Global Powerplay in the Age of Artificial Intelligence. Alexandria: Adaptive Generative Intelligence, 2023. 299 p.

The Promise and Perils of Big Tech // World Politic Review. 2024. March 21. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/tech-ethics-artificial-intelligence-regulation-and-killer-drones/> (date of access: 26.10.2024)

Venugopal R. Artificial Intelligence in Modern Conflict. New Delhi: Highlly Publishing LLP; How Academics, 2024. 262 p.

Walker, Kent. Governing Artificial Intelligence: A Conversation with Kent Walker // Center on Foreign Relations. 2023. October 3. URL: <https://www.cfr.org/blog/governing-artificial-intelligence-conversation-kent-walker> (date of access: 26.10.2024).

Е.В. Потапцева, О.С. Брянцева, О.С. Близнюк

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА
РОССИИ И БЕЛОРУССИИ И ФАКТОРЫ ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ¹**

***Аннотация.** В статье изучаются факторы обеспечения технологического суверенитета Союзного государства России и Белоруссии. Обращение к данной теме обусловлено юбилейной датой образования Союзного государства, которому в этом году исполняется 25 лет. Исследованы подходы отечественных и зарубежных авторов к оценке факторов обеспечения технологического суверенитета, показано, что ключевая роль в этом процессе отводится государству. Дизайн исследования включает два основных этапа: анализ макроэкономических показателей по факторам формирования технологического суверенитета России и Белоруссии и оценка экономической интеграции в восприятии регионального бизнеса. Авторы выделяют следующие основные группы факторов: финансовые, производственные, технологические, научно-исследовательские и образовательные. В России и в Белоруссии наблюдаются схожие тенденции снижения доли затрат на исследования и разработки в ВВП, сохранения прежней доли государственных расходов на научные исследования, постепенного обновления основных фондов промышленности и внедрения промышленных инноваций, необходимости подготовки собственных инженерно-технических специалистов и научных кадров. Анализ восприятия экономической интеграции построен на базе фокусированного интервью с представителями промышленных предприятий Свердловской области, имеющих совместные проекты или налаженные бизнес-контакты с белорусскими партнерами. По итогам интервью удалось выяснить, что более половины респондентов положительно оценивают перспективы экономической интеграции, при этом отмечая необходимость преодоления различных барьеров в виде: ограниченной емкости рынка в Республике Беларусь, несогласованности технических требований и регламентов на продукцию и услуги, протекционизма со стороны белорусского руководства, ориентации на зарубежных производителей и т. д.*

***Ключевые слова:** технологический суверенитет; Союзное государство; Россия; Белоруссия; экономическая интеграция; промышленное развитие.*

1. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Потапцева Екатерина Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН.

Россия, Екатеринбург.

E-mail: potaptseva.ev@uiec.ru

Web of Science Researcher ID: AAF-1476-2021

Брянцева Ольга Сергеевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН.

Россия, Екатеринбург.

E-mail: briantseva.os@uiec.ru

Web of Science Researcher ID: GYA-5077-2022

Scopus Author ID: 55806225800

Близнюк Ольга Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и предпринимательской деятельности экономического факультета Белорусского государственного университета.

Беларусь, Минск.

E-mail: olgabliznyuck@yandex.by

Web of Science Researcher ID: ISS-0794-2023

Potaptseva E.V., Bryantseva O.S., Bliznyuk O.S.

Technological Sovereignty of the Union State of Russia and Belarus and Factors of its Ensuring

Abstract. *The article examines the factors that ensure the technological sovereignty of the Union State of Russia and Belarus. The authors address this topic in light of the 25th anniversary of the Union State's formation. Approaches by both domestic and international scholars to assessing the factors contributing to technological sovereignty are analyzed, demonstrating that the state plays a central role in this process. The research design consists of two primary stages: first, an analysis of macroeconomic indicators reflecting the factors contributing to the technological sovereignty of Russia and Belarus; second, an assessment of economic integration as perceived by regional businesses. The authors identify five main groups of factors: financial, production, technological, research, and educational. In both Russia and Belarus, similar trends are observed: a decline in the share of R&D expenditures as a percentage of GDP, stability in the proportion of government spending on research, gradual renewal of industrial fixed assets, the introduction of industrial innovations, and the need for domestic training of engineering, technical, and scientific personnel. The assessment of economic integration is based on a series of structured interviews with representatives of industrial enterprises in the Sverdlovsk region that maintain joint projects or business partnerships with Belarusian counterparts. The results of the interviews reveal that more than half of the respondents view the prospects for economic integration positively, while also acknowledging the necessity to overcome various barriers, including: limited market capacity in the Republic of Belarus, inconsistencies in technical requirements and product regulations, protectionist measures by the Belarusian government, and a predominant focus on foreign manufacturers, among others.*

Keywords: *technological sovereignty; Union State; Russia; Belarus; economic integration; industrial development.*

**Potaptseva Ekaterina Viktorovna – Ph.D in Economic Sciences, Researcher in Institute of Economics, Ural Branch of RAS.
Russia, Ekaterinburg.
E-mail: potaptseva.ev@uiec.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-1476-2021**

**Briantseva Olga Sergeevna – Ph.D in Economic Sciences, Junior Researcher in Institute of Economics, Ural Branch of RAS.
Russia, Ekaterinburg.
E-mail: briantseva.os@uiec.ru
Web of Science Researcher ID: GYA-5077-2022
Scopus Author ID: 55806225800**

**Bliznyuk Olga Sergeevna – Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor in Department of Innovation and Entrepreneurship, Faculty of Economics, Belarusian State University.
Belarus, Minsk.
E-mail: olgabliznyuck@yandex.by
Web of Science Researcher ID: ISS-0794-2023**

Введение

В современных условиях обострения геополитической обстановки вокруг РФ все бóльшую значимость приобретает укрепление долгосрочных партнерских отношений с дружественными государствами в контексте обеспечения государственной безопасности и суверенного развития. Достижение технологического суверенитета РФ и экономическая интеграция с ключевыми союзниками провозглашаются важнейшими целями стратегии государственного развития и планирования. В этом отношении актуальным представляется исследование основных предпосылок, концепций и факторов формирования технологического суверенитета Союзного государства России и Белоруссии, как одного из приоритетных направлений экономического сотрудничества.

Обеспечение технологического суверенитета предстает не только технологической проблемой, но и является одной из задач цивилизационной стратегии России [Сморгунов 2022]. Внешнеполитический контур также создает определенные возможности и ограничения достижения технологического суверенитета ввиду международных экономических и производственных зависимостей и взаимозависимостей. В контексте тематики данного исследования возникает вопрос: насколько схожи или различны подходы России и Белорус-

сии к обеспечению национального технологического суверенитета и как наличие Союзного государства, которому в 2024 г. исполняется 25 лет, влияет на этот процесс.

Целью данной научной статьи является проведение анализа текущего состояния и перспектив укрепления технологического суверенитета России и Белоруссии в рамках Союзного государства. Мы стремимся выявить основные факторы, формирующие успешное технологическое развитие двух стран, и предложить рекомендации, способствующие обеспечению технологического суверенитета Союзного государства. Гипотеза исследования состоит в предположении, что совместные усилия России и Белоруссии в области промышленного и научно-технологического развития могут привести к синергетическим эффектам по обеспечению технологического суверенитета. Для стран Союзного государства, долгое время находящихся на траектории догоняющего развития, в настоящее время наиболее приемлемой видится стратегия позитивного сотрудничества, через построение взаимовыгодных партнерских отношений с развивающимися странами, с целью получения эффектов от коллективного взаимодействия [Полтерович 2023].

Степень изученности проблемы

Основной научный дискурс в области достижения технологического суверенитета лежит в понимании каким образом возможно достижение баланса между обеспечением интересов национальной безопасности и доступом к передовым технологиям и инновациям. В европейском подходе технологический суверенитет рассматривается через обеспечение *цифрового и сетевого суверенитета*. Цифровые технологии выступают ключевым инструментом осуществления европейской интеграции и важнейшей системой управления. В работе [Bellanova etc. 2022], показано, что цифровой суверенитет рассматривается органами власти в Евросоюзе как путь к достижению лидерских позиций в международной экономике и снижению зависимости от других частей мира. Дискуссия об обеспечении цифрового суверенитета ЕС вызвана пониманием высокой зависимости от технологий, принадлежащих иностранным агентам или цифровой инфраструктуры, управляемой из других стран, что само по себе представляет угрозу информационной и кибербезопасности [Farrand 2022].

В России обеспечение технологического суверенитета активно обсуждается в рамках концептуальных положений *научно-технологического развития* отечественным научным сообществом. Выявлены закономерности мирового экономического развития на основе смены технологических и мирохозяйственных укладов [Глазьев 2021]. Ключевым инструментом обеспечения технологического суверенитета признается опережающее технико-технологическое

развитие на основе сектора «экономики знаний» [Сухарев 2024]. Достижение технологического суверенитета опирается на способность государства обеспечить научно-технологическое и промышленное развитие для создания собственных технологий и инфраструктуры в критически важных сферах [Дементьев 2023].

Разработана матрица факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие технологического суверенитета по четырем уровням от микро- до макросреды, к которым отнесены: политические, экономические, научно-технические и кадровые [Горячева 2023]. Выделяются векторы стратегии достижения технологического суверенитета: инновационно-цифровой, инвестиционно-финансовый, интеллектуально-кадровый, материально-технический [Кочина 2023]. Ключевая роль государства в становлении технологического суверенитета подчеркивается в работах иностранных и отечественных авторов (табл. 1). Три основных фактора достижения технологического суверенитета это: исследования и разработки, образование и системная инновационная политика [March etc. 2021].

В 2024 г. утверждена Стратегия научно-технологического развития Союзного государства до 2035 г. [Постановление Высшего государственного Совета Союзного государства от 29.01.2024 г. № 2]. Основной целью научно-технологического развития Союзного государства является обеспечение независимости и конкурентоспособности стран-участниц за счёт формирования эффективной системы наращивания и наиболее полного использования их интеллектуального потенциала. Среди задач, направленных на достижение этой цели, представлены: создание единого научно-технологического и образовательного пространства, создание единой научно-исследовательской инфраструктуры класса мегасайенс, реализация единой программы научно-технологического развития, формирование единого правового поля в сфере науки и образования, создание единой инновационной системы Союзного государства.

В более ранних исследованиях авторами указывалось на различия в подходах к процессам экономической интеграции в странах Союзного государства, которые вызваны существенными расхождениями в размерах экономики и объеме рынков в России и Белоруссии, моделях экономического развития, проводимой промышленной политике и т.п., что создает барьеры для объединения [Потапцева, Завьялова 2022]. В этом отношении поиск адекватных моделей экономического взаимодействия, по мнению авторов, может быть направлен на выстраивание схемы промышленной кооперации и создание взаимовыгодных производственных цепочек между российскими и белорусскими предприятиями [Потапцева 2021], а также стимулирование выхода на международные рынки, что будет способствовать укреплению технологического суверенитета в Союзном государстве.

Таблица 1

Подходы к выделению факторов формирования технологического суверенитета

Автор, подход	Факторы технологического суверенитета
[DiPippo etc. 2022] Промышленная политика Китая	1. Поддержка трансферта технологий через: а) государственно-частные исследовательские консорциумы; б) государственные исследовательские институты; 2. Поддержка рыночных механизмов развития технологий: а) прямые субсидии; б) гранты на НИОКР; в) финансовая координация со стороны государства.
[Edler etc. 2023] Государственная политика достижения технологического суверенитета	1. Исследования и компетенции: способность генерировать новые знания и проводить НИОКР. 2. Предпринимательская активность: поддержка стартапов в области новых технологий. 3. Формирование государственного спроса на инновации для формирования новых рынков. 4. Обеспечение физической и цифровой инфраструктуры. 5. Международное сотрудничество: обеспечение торговых альянсов в областях, где суверенитет отсутствует.
[Ponte etc. 2022] Технологический суверенитет страны	1. Затраты на исследования и разработки. 2. Исследовательские и инновационные ресурсы. 3. Человеческие ресурсы и технологические компетенции. 4. Уровень технологического развития промышленного сектора. 5. Состояние образовательной и научной инфраструктуры. 6. Генерация научных знаний в области технологий. 7. Технологический платежный баланс.
[Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И. 2023] Технологический суверенитет России	1. Финансирование науки и технологий. 2. Развитие научной и технической базы. 3. Кадровый потенциал. 4. Инновационная инфраструктура. 5. Регуляторная среда. 6. Международное сотрудничество.

Источник: составлено авторами

Методы

Обобщая научные результаты по исследованию факторов обеспечения технологического суверенитета, авторы пришли к выводу, что их можно разделить на основные группы: финансовые, производственные, технологические, научно-исследовательские и образовательные.

Дизайн исследования включает два основных этапа.

1 этап. Анализ факторов обеспечения технологического суверенитета на уровне макроэкономических показателей. В соответствии с выделенными группами факторов обеспечения технологического суверенитета, сформирован набор относительных показателей, по каждому изучаемому фактору. На этом этапе сформирована выборка статистических показателей по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, Национального статистического комитета Республики Беларусь. Далее проведен анализ динамики факторов технологического суверенитета. Перечень анализируемых показателей и их значения за пятилетний период представлены в таблице 2.

2 этап. Исследование восприятия процессов экономической интеграции представителями регионального бизнеса на основе проведения фокусированного интервью.

Объектом опроса стали предприятия обрабатывающей промышленности Свердловской области, которые имели сертификаты происхождения на экспорт продукции в Республику Беларусь в 2019–2020 гг., а также предприятия, имеющие деловые контакты с Республикой Беларусь или заинтересованные в сотрудничестве с белорусскими партнерами, согласно информации Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области и Уральской торгово-промышленной палаты. В выборку попали 45 предприятий, из которых 28 – были опрошены. Предмет исследования включал такие вопросы, как поведение предприятий на рынке Белоруссии, анализ реального состояния российско-белорусских отношений со стороны бизнес-сообщества, восприятие процессов экономической интеграции и оценка экономической политики стран Союзного государства, оценка барьеров и предпосылок для объединения экономических систем.

Исследование макроэкономических показателей

В данном разделе приведена сравнительная статистика по анализу факторов формирования технологического суверенитета России и Белоруссии. Показатель наукоемкости ВВП за рассматриваемый период 2017–2022 гг. для России превышает значение белорусского практически в 2 раза, что говорит о более высоком уровне финансирования исследований и разработок. При этом отмечается тенденция к его снижению, которая более заметна в Белоруссии. Доля бюджетных расходов на финансирование НИР в России практически в 2 раза выше, чем в Белоруссии. В то же время, доля инвестиций в машины и оборудование более велика в Белоруссии.

Таблица 2

**Макроэкономические показатели факторов формирования
технологического суверенитета**

Показатель	Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1.1. Научеомкость ВВП, %	РБ	0,58	0,60	0,58	0,54	0,46	0,48
	РФ	1,11	1,00	1,04	1,10	1,00	0,94
1.2. Доля государственных расходов на финансирование НИР в ВВП, %	РБ	0,19	0,19	0,20	0,20	0,16	0,17
	РФ	0,41	0,40	0,44	0,51	0,48	0,41
1.3. Доля инвестиций в машины и оборудование в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	РБ	45,20	45,90	44,90	44,10	44,30	40,40
	РФ	28,30	30,30	30,70	29,40	31,80	30,80
2.1. Уровень инновационной активности организаций, %	РБ	21,00	23,30	24,50	26,20	34,95	35,09
	РФ	14,61	12,78	9,10	10,83	11,88	10,96
2.2. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности, %	РБ	17,40	18,60	16,60	17,90	19,80	17,70
	РФ	6,70	6,00	6,10	6,36	5,53	5,50
2.3. Коэффициент обновления основных фондов в обрабатывающей промышленности, %	РБ	4,70	5,10	5,00	5,80	6,00	4,70
	РФ	5,90	5,70	6,00	5,90	5,40	5,10
3.1. Индекс изменения фондовооруженности в обрабатывающей промышленности, %	РБ	104,10	103,50	104,30	107,50	105,00	103,50
	РФ	104,90	105,20	105,90	109,50	100,90	104,10
3.2. Индекс производительности труда в обрабатывающей промышленности, %	РБ	107,50	104,20	101,30	100,90	106,10	94,90
	РФ	104,30	105,10	103,60	104,20	102,60	96,70
3.3. Доля организаций промышленности, осуществляющих технологические инновации, %	РБ	22,50	24,50	25,50	27,10	27,52	27,78
	РФ	19,60	18,50	20,00	21,50	20,94	20,30
4.1. Доля персонала, занятого НИР в среднесписочной численности занятых, %	РБ	0,70	0,73	0,74	0,69	0,70	0,71
	РФ	0,99	0,95	0,96	0,98	0,94	0,94

Продолжение таблицы

4.2. Доля STEM2 в общей численности исследователей, %	РБ	63,43	63,88	63,48	64,28	62,57	63,55
	РФ	88,67	88,32	88,34	87,89	87,57	88,11
4.3. Доля отечественных заявок в общем числе патентных заявок на изобретения, доли ед.	РБ	82,82	83,00	75,83	80,46	71,50	81,58
	РФ	62,48	65,67	65,72	67,91	63,17	70,46
5.1. Доля выпуска специалистов с высшим образованием в области STEM, %	РБ	32,96	34,21	34,26	34,43	35,20	
	РФ		34,58	36,10	37,53	38,28	38,48
5.2. Доля выпуска аспирантов по направлениям STEM, %	РБ	46,82	48,31	51,09	45,05	47,53	
	РФ	33,00	46,18	57,80	56,53	58,05	57,52
5.3. Доля исследователей с ученой степенью в области STEM в общем числе исследователей, %	РБ	9,36	8,97	8,76	9,12	8,67	8,58
	РФ	21,67	21,70	21,44	21,25	20,97	20,64

Источник: собрано и составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Уровень инновационной активности организаций в Республике Беларусь заметно выше, чем в Российской Федерации: в 2022 г. составил 35,1%, против 11%. При этом, в Белоруссии за рассматриваемый период уровень инновационной активности организаций неуклонно возрастал и за пять лет увеличился почти в 1,5 раза. В России в это время, согласно статистике, инновационная активность организаций снизилась на 4,6%. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции по Белоруссии также превышает российский уровень. Коэффициент обновления основных фондов в странах Союзного государства близки по значению.

Анализ показывает, что в России научные исследования и разработки финансируются более активно и целенаправленно со стороны государства, в то время как в инвестиционной активности Республики Беларусь наблюдается приоритет вложений в средства производства и развитие инновационной активности за счет деятельности организаций. Это подтверждается показателями индекса экономической сложности [Hidalgo 2021], рассчитываемым на основе данных о международной торговле [The Observatory of economic Complexity]. Для Белоруссии индекс экономической сложности, по данным 2022 г., составил 0,84, что позволило ей занять 32 место в мировом рейтинге,

между Канадой и Испанией. При этом, оценка за предыдущие пять лет показывает, что экономика Белоруссии наращивала экономическую сложность со значения 0,78 в 2018 до 0,82 в 2022 г., что практически в 2 раза выше, по сравнению с РФ.

Показатели технологического развития в странах Союзного государства во многом схожи. В период с 2017 по 2021 г. производительность труда росла с годовыми темпами от 1% до 7,5% в Белоруссии и от 2,6% до 4,2% в России. Но в 2022 г. в странах Союзного государства индекс производительности труда показал отрицательную динамику, сократившись на 6% в России и на 11% в Белоруссии. Динамика фондовооруженности в обрабатывающей промышленности также была схожей. Удельный вес промышленных организаций, осуществляющих технологические инновации, в Республике Беларусь намного выше, чем в России.

Доля персонала, занятого НИР в среднесписочной численности занятых за рассматриваемый период не превышает 1% в России, в Белоруссии чуть ниже. Доля исследователей в области инженерно-математических и естественно-научных направлений в России заметно выше, более 88% и остается примерно на одном уровне за рассматриваемый период, в Белоруссии она составляет 62–63%. В свою очередь, удельный вес отечественных патентных заявок в общем числе патентных заявок на изобретения выше в Белоруссии и составляет более 81,6%, в России этот показатель имеет заметную тенденцию роста и составил 70,5%, увеличившись на 8% за шесть лет. Отмечается тенденция увеличения подготовки специалистов в области STEM в странах Союза. Подготовка аспирантов в области инженерно-технических наук также имеет заметную тенденцию роста.

Таким образом, в динамике факторов обеспечения технологического суверенитета и в России, и в Белоруссии наблюдаются схожие тенденции снижения уровня затрат на исследования и разработки в ВВП, сохранения прежней доли государственных расходов на научные исследования, постепенного роста внедрения инноваций в промышленности, необходимости подготовки собственных инженерно-технических специалистов и научных кадров.

Восприятие процессов экономической интеграции представителями регионального бизнеса

По итогам проведенного опроса, уральские предприятия положительно рассматривают Республику Беларусь как перспективный рынок для поставок своей продукции и ведения бизнеса. Более половины опрошенных предприятий ответили, что единая таможенная политика является наиболее известным и полезным для них мероприятием экономической интеграции в Союзном государстве. По вопросу развития экономического взаимодействия на платфор-

Рис. 1. Результаты опроса предприятий Свердловской области по теме: барьеры для экономической интеграции в рамках Союзного государства, в % опрошенных

Источник: исследования и расчеты авторов

ме Союзного государства за прошедшие 20 лет, среди уральских предприятий 20% опрошенных в целом положительно оценивают процесс экономической интеграции, считая, что он либо постоянно углублялся, либо протекал волнообразно в разные периоды, при этом около 70% предприятий оценивают Союзное государство скорее, как политический проект, который не предполагает глубокой экономической интеграции, 10% воздержались от оценок.

Больше половины опрошенных отметили, что в процессе работы с белорусскими коллегами наблюдают различные препятствия для экономической интеграции между странами Союзного государства. В среднем, из предложенных 12 вариантов каждое предприятие отметило от трех до четырех различных барьеров для интеграции. При этом основным препятствием для ведения бизнеса и углубления экономического взаимодействия, по мнению предприятий, выступает ограниченная емкость рынка Республики Беларусь, что отметили 71% опрошенных (рис. 1).

Одной из ключевых позиций, которые предприятия рассматривают в качестве барьера, является несогласованность технических регламентов, правил регулирования, несоответствие технических требований к продукции, несоответствие государственных технических стандартов и правил оказания услуг в странах Союзного государства. В отраслях специализации российской промышленности, таких как, например, энергетика, предприятия отмечают существенное технологическое отставание белорусских предприятий (29% опрошенных), однако, в целом, респонденты отмечают, что российские и белорусские экономические условия во многом схожи, как и проблемы, которые приходится решать экономическим агентам.

Со стороны предприятий нет однозначного восприятия перспектив российско-белорусской интеграции на пятилетний период. Около 12% опрошенных считают, что существенного изменения экономического взаимодействия в ближайшее время не произойдет, более 41% положительно оценивают перспективы процесса интеграции и ожидают углубления экономического взаимодействия, 47% опрошенных ответили, что все останется без изменений.

Среди предложений, поступивших от предприятий, по возможным мерам улучшения экономической интеграции в странах Союзного государства наиболее востребованы:

- 1) гармонизация технологических регламентов и другой нормативной документации на продукцию и услуги, унификация процессов сертификации;
- 2) создание единой энергосистемы, единого рынка распределения электроэнергии, гармонизация тарифной политики;
- 3) улучшение транспортных коридоров;
- 4) унификация налоговой системы;
- 5) введение единой платежной системы, создание единой расчетной валюты;
- 6) создание единого экономического пространства, единая экономическая и промышленная политика и т. д.

После введения санкций в отношении России, геополитического давления со стороны недружественных государств белорусские партнеры становятся одними из ключевых действующих лиц в условиях необходимости укрепления технологического суверенитета Союзного государства. Поэтому, процессы гармонизации законодательства и мониторинга выполнения программ экономической интеграции Союзного государства должны быть продолжены.

Заключение

В качестве выводов проведенного исследования следует отметить, что одним из важных направлений стратегии достижения технологического суверенитета Союзного государства авторами видится углубление экономической интеграции в области промышленно-технологического развития. Финансовые факторы обеспечения технологического суверенитета более сильны в России, производственные факторы более проявлены в Белоруссии, по технологическим факторам и в России, и в Белоруссии наблюдаются очень схожие тенденции. Значения индикаторов научно-исследовательского и образовательного факторов обеспечения технологического суверенитета в России выше, за счет подготовки большего количества технических специалистов в области STEM и доли персонала, занятого научными исследованиями. Следовательно, потенциал для позитивного сотрудничества и достижения общих целей достаточно большой.

Анализ региональных аспектов интеграции показал, что предприятия заинтересованы в углублении экономического взаимодействия с белорусскими коллегами. Более половины респондентов положительно оценивают перспективы экономической интеграции, при этом отмечая необходимость преодоления различных барьеров в виде: ограниченной емкости рынка в Республике Беларусь, несогласованности технических требований и регламентов на продукцию и услуги, протекционизма со стороны белорусского руководства, ориентации на зарубежных производителей и т.д. По мнению предприятий, создание единого экономического пространства, единой промышленной и налоговой политики, введение единой платежной системы и единой расчетной валюты, улучшение транспортной доступности наиболее благоприятно скажется на процессах экономического сотрудничества России и Белоруссии.

В целом, в направлении укрепления технологического суверенитета углубление интеграционного взаимодействия в Союзном государстве видится одним из важнейших факторов. Стремление к технологическому суверенитету Союзного государства может быть реализовано через осуществление проектов промышленной кооперации, масштабных российско-белорусских научных исследований, создание крупных совместных предприятий в приоритетных направлениях технологического развития.

Библиография

Глазьев С. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия. СПб.: ИНИР, 2021. С. 93–131.

Горячева Т.В., Мызрова О.А. Подход к классификации факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие технологического суверенитета Российской Федерации // Инновационная деятельность. 2023. № 2. С. 29–42.

Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. 21(1). С. 6–18.

Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И. Технологический суверенитет России: инновационное развитие отраслей // Инновации и инвестиции. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskii-suverenitet-rossii-innovatsionnoe-razvitie-otrasley> (дата обращения: 19.03.2024).

Кочина С.К. Диагностика уровня технологического суверенитета отраслей российской промышленности // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 10. С. 32–40.

Полтерович В.М. Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // Terra Economicus. 2023. 21(3). С. 6–16.

Потапцева Е.В., Завьялова К.А. Программа экономической интеграции России и Республики Беларусь в восприятии российского бизнеса // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2022. №4. С. 64–79.

Потапцева Е.В. Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №3 (37). С. 35–43.

Постановление от 29.01.2024 г. № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года» // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 19.03.2024).

Сморгунов Л.В. Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 3. С. 6–19.

Сухарев О.С. Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 47–64.

Bellanova R., Carrapico H., Duez D. Digital sovereignty and European security integration: an introduction // *European Security*. 2022. Vol. 31. № 3. P. 337–355.

DiPippo G., Mazzocco I., Kennedy S., Goodman M.P. Red ink: estimating Chinese industrial policy spending in comparative perspective // *Center for Strategic and International Studies*. 2022. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/220523_DiPippo_Red_Ink.pdf?VersionId=LH8ILLKWz4o.bjrwNS7csuX_C04FyEre (дата обращения: 28.11.2023).

Edler J., Blind K., Kroll H., & Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: Defining rationales, ends and means // *ECONSTOR*. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/236194/1/1764350987.pdf> (дата обращения: 28.11.2023).

Farrand B., Carrapico H. Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity // *European Security*. 2022. Vol. 31. № 3. P. 435–453.

Hidalgo C.A. Economic complexity theory and applications // *Nature Physics*. 2021. Vol. 3 (2). P. 92–113.

March C., Schieferdecker I. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky // *International Studies Review*. 2021. Vol. 25. Iss. 2. URL: <https://academic.oup.com/isr/article-abstract/25/2/viad012/7151276/redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 28.11.2023).

Ponte A., León G., Álvarez I. Technological sovereignty of the EU in advanced 5G mobile communications: An empirical approach // *Telecommunications Policy*. 2022. October. Vol 47(7). URL: https://www.researchgate.net/publication/364413839_Technological_sovereignty_of_the_EU_in_advanced_5G_mobile_communications_An_empirical_approach (дата обращения: 28.11.2023).

The Observatory of economic Complexity // OEC. URL: <https://oec.world> (дата обращения: 29.04.2024).

References

Bellanova R., Carrapico H., Duez D. Digital sovereignty and European security integration: an introduction. *European Security*, 2022. Vol. 31. N 3. P. 337–355.

Dementiev V.E. Tekhnologicheskij suverenitet i priority lokalizacii proizvodstva. [Technological sovereignty and priorities of production localization.] *Terra Economicus*. 2023. 21(1). P. 6–18. (In Russ.)

DiPippo G., Mazzocco I., Kennedy S., Goodman M.P. Red ink: estimating Chinese industrial policy spending in comparative perspective. *Center for Strategic and International Studies*. 2022. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/220523_DiPippo_Red_Ink.pdf?VersionId=LH8ILLKWz4o.bjrwNS7csuX_C04FyEre (date of access: 28.11.2023).

Dunenкова E.N., Onishchenko S.I. Tekhnologicheskij suverenitet Rossii: innovacionnoe razvitie otraslej [Technological sovereignty of Russia: innovative development of industries]. *Innovacii i investicii* [Innovations and Investments]. 2023. N 4. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/tehnologicheskiiy-suverenitet-rossii-innovatsionnoe-razvitie-otrasley (date of access: 19.03.2024). (In Russ.)

Eddler J., Blind K., Kroll H., & Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // ECONSTOR. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/236194/1/1764350987.pdf> (date of access: 28.11.2023).

Farrand B., Carrapico H. Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity // *European Security*. 2022. Vol. 31. N 3. P. 435–453.

Glazeyev S. Noonomika kak sterzhen' formirovaniya novogo tekhnologicheskogo i mirohozayajstvennogo ukладov. [Noonomics as the core of the formation of new technological and world economic patterns]. A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskie, social'nye i gumanitarnye posledstviya [A(O)ntology of Noonomics: the fourth technological revolution and its economic, social and humanitarian consequences]. St. Petersburg: INIR, 2021. P. 93–131. (In Russ.)

Goryacheva T.V., Myzrova O.A. Podhod k klassifikatsii faktorov, okazyvayushchih vliyanie na formirovanie i razvitie tekhnologicheskogo suvereniteta Rossijskoj Federatsii [The approach to the classification of factors influencing the formation and development of technological sovereignty of the Russian Federation]. *Innovatsionnaya deyatel'nost' [Innovation activity]*. 2023. N 2. P. 29–42. (In Russ.)

Hidalgo C. A. Economic complexity theory and applications // *Nature Physics*. 2021. Vol. 3 (2), P. 92–113.

Kochina S.K. Diagnostika urovnya tekhnologicheskogo suvereniteta otraslej rossijskoj promyshlennosti [Diagnostics of the level of technological sovereignty of Russian industries]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii. [Economic Development of Russia]*. 2023. T. 30. N 10. P. 32–40. (In Russ.)

March C., Schieferdecker I. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky // *International Studies Review*. 2021. Vol. 25. Issue 2 // URL: <https://academic.oup.com/isr/article-abstract/25/2/vi-ad012/7151276?redirectedFrom=fulltext> (date of access: 28.11.2023).

Potapceva E.V. Soyuznoe gosudarstvo v vospriyatii biznesa: est' li e'ffekty dlya e'konomicheskoy integratsii? [The Union State in the perception of business: are there any effects on economic integration?]. *Evrazijskaya integratsiya: e'konomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*. 2021. N 3 (37). S. 35–43.

Potapceva E.V., Zav'yalova K.A. Programma e'konomicheskoy integratsii Rossii i Respubliki Belarus' v vospriyatii rossijskogo biznesa [The program of economic integration of Russia and the Republic of Belarus in the perception of Russian business]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University]*. Seriya 6: E'konomika. 2022. N 4. P. 64–79.

Polterovich V.M. Dogonyayushchee razvitie v usloviyah sankcij: strategiya pozitivnogo sotrudnichestva [Catching-up development under sanctions: strategy of positive cooperation]. *Terra Economicus*. 2023. 21(3). P. 6–16. (In Russ.)

Ponte A., León G., Álvarez I. Technological sovereignty of the EU in advanced 5G mobile communications: An empirical approach. *Telecommunications Policy*. 2022. October. Vol 47(7). URL: https://www.researchgate.net/publication/364413839_Technological_sovereignty_of_the_EU_in_advanced_5G_mobile_communications_An_empirical_approach (date of access: 28.11.2023).

Postanovlenie ot 29.01.2024 № 2 «O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Soyuznogo gosudarstva na period do 2035 goda» [Resolution N 2 of 29.01.2024 «On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Union State for the period up to 2035»]. *Informacionno-analiticheskij portal Soyuznogo Gosudarstva [Information and analytical portal of the Union State]*. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (date of access: 19.03.2024). (In Russ.)

Smorgunov L.V. Dokazatel'naya politika tekhnologicheskogo suvereniteta i ee dizajn [Evidence-based policy of technological sovereignty and its design]. Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]. 2022. Vol. 23. N 3. P. 6–19. (In Russ.)

Sukharev O.S. Tekhnologicheskij suverenitet Rossii: formirovanie na baze razvitiya sektora «ekonomika znaniy» [Technological sovereignty of Russia: formation on the basis of the development of the sector «knowledge economy»]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2024. N 1. P. 47–64. (In Russ.)

The Observatory of economic Complexity. OEC. URL: <https://oec.world> (date of access: 29.04.2024).

А.В. Голубкин, Ю.К. Князев

**ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТряСЕНИЙ 2022–2024 гг.
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ**

***Аннотация.** Целью настоящего исследования является определение экономических последствий для стран Центрально-Восточной Европы от прекращения торгового взаимодействия с Россией. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализирована динамика основных показателей торговли стран ЦВЕ с Россией и ее структуры в условиях санкционного давления Запада, выявлено влияние проамериканской ориентации региона ЦВЕ на его экономическое развитие, показаны сдвиги в торговых связях стран Центрально-Восточной Европы с остальными государствами ЕС и с другими регионами мира в контексте процесса географической диверсификации их внешней торговли. Авторы использовали такие методы исследования, как статистические сопоставления, смысловой анализ и графическое моделирование. Полученные результаты свидетельствуют, что в условиях многочисленных санкционных ограничений произошло резкое снижение объемов импорта стран ЦВЕ из России при менее радикальном сокращении их экспорта. Разрушение торговых отношений с Россией в определенной мере способствовало обострению кризиса внутри Евросоюза, охватившего за последние годы экономику еврозоны и переросшего в частичную производственную рецессию. Резкое сокращение закупок в России дешевого газа и нефти негативно сказалось на развитии экономики многих европейских стран. Негативные тенденции в торговле стран ЦВЕ внутри ЕС, усилившиеся в этот кризисный период, стимулировали процесс диверсификации их торговых связей с другими регионами мира. Одним из перспективных направлений диверсификации в настоящее время выступают страны Азии, прежде всего Китай. Что касается России, то ее прежнее значение как активного участника этого процесса резко снизилось по вине самих партнеров по сотрудничеству.*

***Ключевые слова:** Центрально-Восточная Европа; геополитический кризис; внешняя торговля; векторы диверсификации торговых связей; значение России.*

Голубкин Александр Викторович – научный сотрудник Института экономики РАН. Россия, Москва.

E-mail: golubkinaalexander@gmail.com

Web of Science Researcher ID: MCI-8209-2025

Князев Юрий Константинович – доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: kyuk151@rambler.ru
Web of Science Researcher ID: MCJ-8463-2025

Golubkin A.V., Knyazev Yu.K.
Trade relations of the Countries of Central and Eastern Europe
under geopolitical shocks 2022-2024 and Russia's position

***Abstract.** The purpose of this study is to assess the economic consequences for the countries of Central and Eastern Europe (CEE) resulting from the termination of trade cooperation with Russia. To achieve this objective, the following tasks were addressed: analysis of the dynamics of key trade indicators between CEE countries and Russia, along with the structure of trade under the pressure of Western sanctions; examination of the impact of the CEE region's pro-American orientation on its economic development; and identification of shifts in trade relations between CEE countries and other EU member states, as well as with regions outside Europe, in the context of the growing geographical diversification of their foreign trade. The authors employed research methods such as statistical comparison, semantic analysis, and graphical modeling. The findings indicate that numerous sanctions led to a sharp decline in CEE countries' imports from Russia, accompanied by a less pronounced reduction in their exports. The breakdown of trade relations with Russia contributed, to some extent, to the deepening crisis within the European Union, affecting the eurozone economy in recent years and escalating into a partial industrial recession. The significant reduction in purchases of cheap gas and oil from Russia negatively impacted the economic development of many European countries. Moreover, the adverse trends in CEE countries' trade within the EU, which intensified during this crisis period, accelerated the diversification of their trade relations with other global regions. Asian countries, particularly China, have emerged as promising areas for this diversification. Regarding Russia, its previous role as an active participant in CEE trade diversification has significantly diminished, largely due to the actions of its former cooperation partners.*

***Keywords:** Central and Eastern Europe; geopolitical crisis; foreign trade; directions of trade diversification; Russia's strategic significance.*

Golubkin Alexander Viktorovich – Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: golubkinaalexander@gmail.com
Web of Science Researcher ID: MCI-8209-2025

Knyazev Yuriy Konstantinovich – Doctor of Economics Sciences, Professor,
Principal Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: kyuk151@rambler.ru
Web of Science Researcher ID: MCJ-8463-2025

От ограничений «зеленого энергетического перехода» к санкционному давлению и разрушению связей с Россией

Внешнеторговые связи стран ЦВЕ с Россией начали сужаться после перехода Евросоюза к активной политике «зеленого энергетического перехода», предусматривающей сокращение использования углеродосодержащих топливных ресурсов и замещение их возобновляемыми источниками энергии [Князев 2023, с. 19]. Поскольку значительная часть энергоносителей импортировалась этими странами из России, то под ударом оказался их российский экспорт, который начал сокращаться задолго до введения Западом санкционных мер по политическим соображениям. Если раньше неизбежное снижение использования ископаемых источников энергии связывалось в основном с исчерпанием их природных залежей, то теперь речь стала идти об отказе от них в принципе из-за вредоносного воздействия на окружающую среду и потепление климата под влиянием человеческого фактора [там же, с. 20].

Ограничительные меры, проводимые Евросоюзом в отношении импорта российских энергоносителей в рамках климатической повестки, вскоре дополнились санкционным давлением, преследующим цель лишить Россию экспортных доходов от продажи энергоресурсов, составлявших львиную долю в ее товарообороте со странами ЦВЕ [Куликова, Сеницина 2023, с. 136]. Торговые санкции стали активно использоваться после государственного переворота в Киеве в ответ на воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. и приняли лавинообразный характер с началом в феврале 2022 г. специальной военной операции российских войск на территории Украины [Российский «пояс соседства» 2022, с. 118]. За неполные три года Евросоюзом было принято 15 пакетов всевозможных антироссийских санкций [Sanctions 2023], результатом которых было фактическое разрушение торгово-экономических связей с Россией и прекращение всякого политического, культурного и гуманитарного взаимодействия за исключением пока сохраняющихся дипломатических отношений [Проблемы экономических отношений 2023, с. 328].

На рисунке 1 наглядно представлена нисходящая динамика импорта странами ЦВЕ энергоресурсов из России за последние три года.

За этот короткий период полностью прекратился импорт угля, запрещенный решением Евросоюза. Поставки нефти по трубопроводу «Дружба» также были запрещены за исключением южной ветки, снабжающей страны, не имеющие выхода к морю. Перевозка нефти танкерами ограничена установленным США и Евросоюзом потолком цены в размере 60 долл. за баррель [Проблемы экономических отношений 2023, с. 328]. Стоимость импорта российской нефти сократилась в результате этих ограничений более чем в 7 раз.

Хотя импорт природного газа пока не попал под формальный запрет, он сократился по стоимости в 3,5 раза. Это произошло в результате прекращения

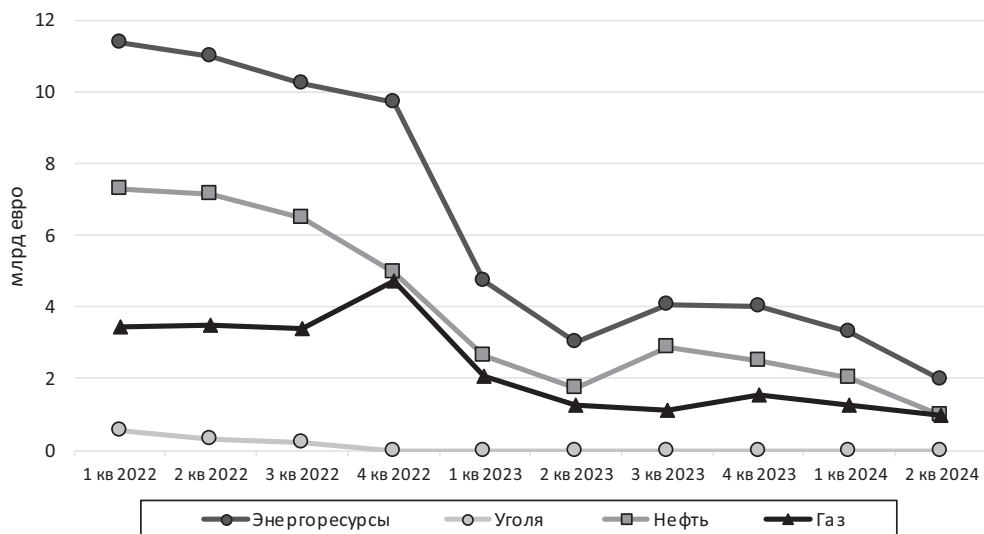

Рис. 1. Импорт энергоресурсов странами ЦВЕ из России за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., млрд евро.

Источник: составлено по: [Eurostat]

поставок трубопроводного газа по «Северному потоку», взорванному пока не-установленными диверсантами, по трубопроводу «Ямал-Европа» из-за отказа Польши и частично, а с 1 января 2025 г. полностью, через территорию Украины по ее инициативе [Куликова, Синицина 2023, с. 136]. В то же время продолжается закупка рядом европейских стран российского сжиженного газа. В общей сложности стоимость поставок российских энергоносителей в страны ЦВЕ сократилась за два с половиной года почти в 6 раз и составила во 2-м кв. 2024 г. менее 2 млрд евро.

Многократное снижение закупок энергоресурсов привело к аналогичному сокращению всего импорта из России, экспорт в которую странами ЦВЕ также сильно пострадал из-за санкционного запрета на поставки машин и оборудования, высокотехнологичных изделий и товаров двойного назначения.

Экономические последствия для стран ЦВЕ санкционного давления на Россию

Разрыв торговых отношений с Россией не в последнюю очередь стал причиной обострения кризиса, охватившего за последние годы экономику еврозоны и переросшего в 2023 г. в частичную производственную рецессию [Князев 2024, с. 85]. Снижение объема ВВП произошло в ФРГ и ряде других стран Евросоюза, большинство из которых испытало серьезное замедление экономического роста.

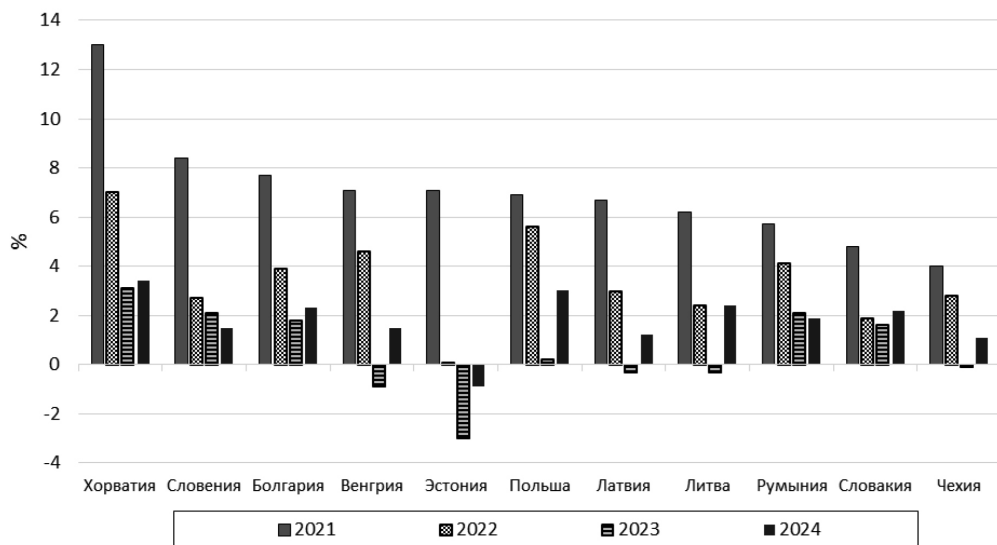

Рис. 2. Темпы роста реального ВВП стран ЦВЕ, % год к году.

Источник: составлено по: [Eurostat]

В странах ЦВЕ после постковидного восстановительного прироста ВВП в 2021 г. темпами от 4% (в Чехии) до 13% (в Хорватии) в 2022 г. произошло резкое замедление экономического роста, продолжившееся в 2023 г., когда в пяти из 11 стран – членов ЕС наступила рецессия (ВВП снизился на 0,1% в Чехии, 0,3% в Латвии и Литве, 0,9% в Венгрии и 3% в Эстонии). В остальных странах темпы прироста упали до минимальных значений в диапазоне от 0,2% в Польше до 3,1% в Хорватии. В 2024 г. ситуация стала выправляться в большинстве стран, в которых зафиксирован прирост ВВП в пределах 2,5% за исключением Хорватии, где он составил 3,4%, Словении, где прирост снизился с 2,1 до 1,5%, и Эстонии, где продолжилась рецессия в размере 0,9% от уровня 2023 г. (рис. 2).

На общее замедление экономического роста в Европе повлияла также проамериканская позиция Евросоюза, нацеленная на переориентацию снабжения европейских стран энергоресурсами с России на США и страны Персидского залива [Князев 2024, с. 83]. Под давлением США регион ЦВЕ, длительное время получавший от РФ гарантирование объемы угля, нефти и газа по сравнительно низким ценам, добровольно отказался от их закупки и стал ориентироваться преимущественно на американские компании, не взирая на более высокие цены. Особенно показательным было стрем-

ление США навязать европейским странам свой природный сжиженный газ, ради чего инициировалось строительство терминалов приемки СПГ в Польше, Германии и других государствах. Дело этим не ограничилось. США не только всячески препятствовали строительству «Северного потока-2», но и открыто заявляли, что не допустят его эксплуатации, которая действительно стала невозможной после совершенной диверсии и вывода из строя трех из четырех ниток двух трубопроводов [Российский «пояс соседства» 2022, с. 118].

Резкое сокращение закупок дешевого газа в России негативно сказалось на развитии экономики многих европейских стран. Особенно сильно влияние сказалось в ФРГ, получавшей до этого гарантированные поставки значительных объемов газа по трубопроводу «Северный поток». Многие предприятия прекратили или сократили производство из-за нехватки газа, а некоторые крупные игроки рынка сочли более выгодным переместиться в США, где цены на энергию были гораздо ниже. Перед угрозой увольнения значительной части работников оказался немецкий автогигант «Фольксваген», не выдерживающий конкуренции с производителями китайских электромобилей [Князев 2023, с. 22]. Германская экономика вошла в 2023 г. в состояние рецессии, продолжающейся до настоящего времени.

Торможение производственного локомотива Европы, каким Германия была много лет, поставило в трудное положение страны ЦВЕ, во многом зависящие от участия в международных цепочках добавленной стоимости и использования потенциала германского рынка сбыта. Возможности экспорта в Германию сократились, что привело к замедлению роста и даже снижению объемов ВВП в странах – внешнеторговых партнерах.

Сужение торгового взаимодействия региона ЦВЕ со странами ЕС

Приведенная таблица 1 показывает, к каким негативным последствиям привела кризисная ситуация в еврозоне, прежде всего для экспорта региона ЦВЕ в Евросоюз, доля которого в их общем экспорте поквартально сокращалась во всех странах, достигнув к середине 2024 г. минимальных значений. Зависимость от ЕС каждой страны уменьшилась, но остается по-прежнему высокой у Чехии (57,2%) и Польши (55,9%), несколько превышает 50% у Румынии и Венгрии, у Словакии и Эстонии она немногим ниже 50%, у Болгарии и Хорватии – чуть выше 40%, а у остальных составляет около одной трети совокупного экспорта. Наиболее заметно доля ЕС снизилась в экспорте Словении – с 43,8% до 32,8%, что говорит о большей зависимости этой страны от поставок ее продукции прежде всего на рынок ФРГ.

Таблица 1

Динамика экспорта региона ЦВЕ в остальные страны ЕС за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., % совокупного экспорта ЦВЕ

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Болгария	45,6	44,8	42,8	41,6	43,3	42,6	42,1	39,5	41,9	41,4
Венгрия	53,4	52,4	52,3	53,9	52,5	52,8	53,4	52,6	54,0	51,0
Латвия	32,0	31,8	30,5	30,3	32,5	30,5	28,5	28,2	32,9	32,8
Литва	33,8	33,2	28,8	28,7	31,1	30,9	31,2	32,1	33,8	34,1
Польша	58,2	56,8	56,1	56,4	58,1	56,9	56,2	56,1	56,8	55,9
Румыния	52,5	52,3	47,9	50,5	52,7	52,4	51,5	52,1	52,4	51,4
Словакия	47,5	46,3	44,5	45,4	45,7	46,1	45,2	44,4	46,3	46,2
Словения	43,8	39,4	37,9	40,8	38,4	36,7	35,4	35,3	36,7	32,8
Хорватия	42,4	39,8	35,8	36,7	42,3	41,3	41,1	40,7	40,7	40,3
Чехия	59,2	58,9	58,8	58,7	60,0	58,9	58,1	57,5	58,1	57,2
Эстония	47,9	43,8	41,6	48,5	52,2	44,6	44,9	45,9	48,2	46,1
ЦВЕ-11	53,1	51,8	50,3	51,4	52,6	51,8	51,2	50,9	52,1	50,7

Источник: составлено по: [Eurostat]

Судя по данным таблицы 2, импортная зависимость от рынка ЕС у стран ЦВЕ ниже и превышает 50% только у Польши и Эстонии. Наименьшая она у Словении (32,4%, сокращение на 7,5 п. п.).

Таблица 2

Динамика импорта региона ЦВЕ из остальных стран ЕС за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., % совокупного импорта ЦВЕ

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Болгария	37,1	36,7	36,3	38,6	40,0	41,3	38,4	38,4	38,2	35,6
Венгрия	47,1	46,9	45,0	42,7	45,3	46,9	47,3	47,1	47,7	49,0
Латвия	33,7	32,2	30,6	32,2	39,3	38,8	37,1	36,7	36,5	37,4
Литва	36,3	37,2	35,6	36,9	40,3	40,6	39,2	41,2	38,8	37,1
Польша	54,4	53,4	51,7	52,3	55,2	55,9	56,4	55,4	56,7	55,4
Румыния	47,1	46,4	42,8	45,9	50,4	49,7	48,8	49,1	50,6	48,7
Словакия	40,4	39,2	40,5	39,2	42,8	42,5	42,5	40,3	43,5	42,9
Словения	39,9	36,4	35,4	38,7	36,5	35,6	33,2	36,0	32,9	32,4
Хорватия	44,1	42,7	37,7	44,9	47,4	47,1	46,8	49,1	49,4	48,8
Чехия	51,6	51,7	48,4	49,4	51,2	50,6	49,4	50,0	50,2	49,5
Эстония	44,5	46,7	47,5	51,0	50,4	53,1	53,3	51,1	49,0	50,9
ЦВЕ-11	47,8	47,0	45,0	46,1	48,6	48,9	48,4	48,4	49,0	48,1

Источник: составлено по: [Eurostat]

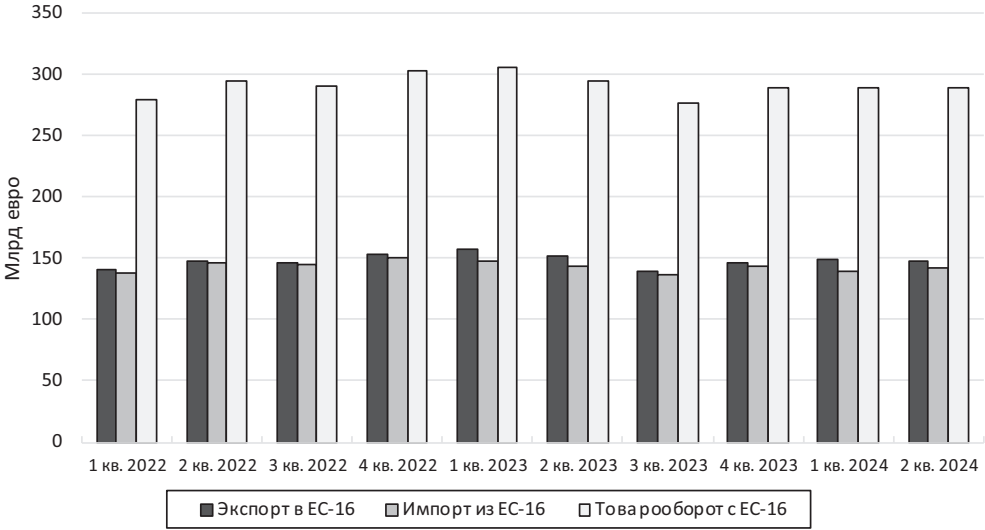

Рис. 3. Динамика торговли региона ЦВЕ с остальными странами ЕС за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., млрд евро.

Источник: составлено по: [Eurostat]

Поквартальная динамика экспорта, импорта и товарооборота региона ЦВЕ с остальными странами ЕС показана на рисунке 3.

Кризисная ситуация 2022–2024 гг. в Евросоюзе привела к ухудшению торговых показателей региона ЦВЕ со странами этого интеграционного объединения, в то время как его торговые связи в целом отличались лучшей динамикой (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели совокупной торговли региона ЦВЕ за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., млрд евро

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Экспорт	266,5	285,3	289,9	297,9	300,2	292,1	273,5	288,5	285,8	290,0
Импорт	288,8	311,9	321,0	326,4	304,0	294,4	282,2	295,5	285,8	296,6
Товарооборот	555,3	597,2	610,8	624,3	604,2	586,5	555,7	584,0	571,6	586,6

Источник: составлено по: [Eurostat]

Негативные тенденции в торговых отношениях региона ЦВЕ со странами ЕС, усилившиеся в этот кризисный период, стимулировали процесс диверсификации его торговых связей с другими регионами мира [Голубкин, Князев 2024, с. 410]. Об этом свидетельствует положительная динамика совокупных торговых показателей стран ЦВЕ во втором квартале 2024 г.

Компенсационные возможности торговли с остальным миром

В последние годы интенсивность интеграции региона ЦВЕ в Европейский союз начала снижаться. Основной для стран ЦВЕ европейский рынок проявляет стагнационные тренды в развитии их внешнеторговых отношений [Голубкин, Князев 2022, с. 137]. Потери от ограничения торговых возможностей в рамках Евросоюза страны ЦВЕ попытались компенсировать путем расширения связей с другими регионами мира [Голубкин, Князев 2021, с. 151]. За рассматриваемый период произошло заметное увеличение их экспорта прежде всего в страны Азии, в меньшей степени – в государства постсоветского пространства. Все большее значение в торговле стали приобретать рынки Северной Америки, которые после почти 30%-ного увеличения экспорта и аналогичного роста импорта сравнялись по стоимости с постсоветским пространством (табл. 4).

В импорте также выросла роль Азии, которая более значима для стран ЦВЕ в сравнении с экспортом, благодаря растущим возможностям Китая, усиливающего свое торговое присутствие на европейских рынках [Азиатский вектор 2019, с. 316]. Заметно снизилось значение постсоветского пространства, импорт откуда сократился в 2,5 раза вследствие разрушения связей с Россией. Импортные закупки заметно выросли из стран Африки, Северной и Латинской Америки (табл. 5).

Доля неевропейских регионов мира в торговле стран ЦВЕ медленно, но стабильно увеличивается. Наибольшая доля в экспорте приходится на страны Азии. На второе место вышел регион Северной Америки, несколько обогнав постсоветское пространство. Все большее значение приобретает Африка, обгоняя Латинскую Америку, доля которой стагнирует в пределах 1 % (табл. 6).

Доля стран Азии в импорте гораздо более значима, чем в экспорте. Значение постсоветского пространства за последние три года резко упало, его доля в импорте стран ЦВЕ снизилась почти в 3 раза и сравнялась с Северной Америкой (примерно 3%). Менее одного процента занимают в их импорте Африка и Латинская Америка (табл. 7).

Таблица 4

**Основные направления экспорта стран ЦВЕ за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г.,
млрд евро**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Азия	15,91	17,76	19,51	20,77	19,61	20,16	18,51	19,69	19,21	19,67
Постсоветское пространство	10,46	10,67	13,84	16,13	13,92	13,43	13,13	13,93	11,79	12,05
Африка	3,57	4,18	4,19	3,87	3,96	4,33	3,95	4,39	3,63	3,63
Северная Америка	10,42	11,84	11,89	11,86	11,65	12,46	11,73	11,84	11,75	12,90
Латинская Америка	2,24	2,81	2,64	2,45	2,59	2,88	2,67	2,53	2,47	2,88

Источник: составлено по: [Trademap]

Таблица 5

**Основные направления импорта стран ЦВЕ за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г.,
млрд евро**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Азия	48,86	54,94	61,54	61,18	54,61	54,40	52,02	53,03	50,88	55,44
Постсоветское пространство	23,43	22,30	20,74	19,66	12,45	10,00	10,19	10,63	9,37	9,00
Африка	1,85	2,16	2,42	2,96	2,78	2,43	1,75	1,95	2,51	2,92
Северная Америка	6,76	9,82	11,34	11,50	8,77	8,05	8,70	8,53	8,31	8,66
Латинская Америка	1,88	2,27	2,35	2,98	2,78	2,27	2,60	2,35	2,48	2,57

Источник: составлено по: [Trademap]

Таблица 6

**Основные направления экспорта стран ЦВЕ за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г.,
доля в % совокупного экспорта ЦВЕ**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Азия	5,97	6,23	6,73	6,97	6,53	6,90	6,77	6,82	6,72	6,78
Постсоветское пространство	3,92	3,74	4,77	5,41	4,64	4,60	4,80	4,83	4,12	4,15
Африка	1,34	1,47	1,44	1,30	1,32	1,48	1,44	1,52	1,27	1,25
Северная Америка	3,91	4,15	4,10	3,98	3,88	4,26	4,29	4,10	4,11	4,45
Латинская Америка	0,84	0,99	0,91	0,82	0,86	0,99	0,97	0,88	0,86	0,99

Источник: составлено по: [Trademap]

Таблица 7

Основные направления импорта стран ЦВЕ за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г.,
доля в % совокупного импорта ЦВЕ

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Азия	16,92	17,61	19,17	18,75	17,96	18,48	18,44	17,95	17,80	18,69
Постсоветское пространство	8,11	7,15	6,46	6,02	4,10	3,40	3,61	3,60	3,28	3,03
Африка	0,64	0,69	0,75	0,91	0,92	0,82	0,62	0,66	0,88	0,98
Северная Америка	2,34	3,15	3,53	3,52	2,88	2,74	3,08	2,89	2,91	2,92
Латинская Америка	0,65	0,73	0,73	0,91	0,91	0,77	0,92	0,80	0,87	0,87

Источник: составлено по: [Trademap]

Изменение роли России как внешнеторгового партнера

Рисунок 4 показывает резкое снижение объемов импорта стран ЦВЕ из России за исследуемый период и менее радикальное уменьшение их экспорта до исторически минимальных значений.

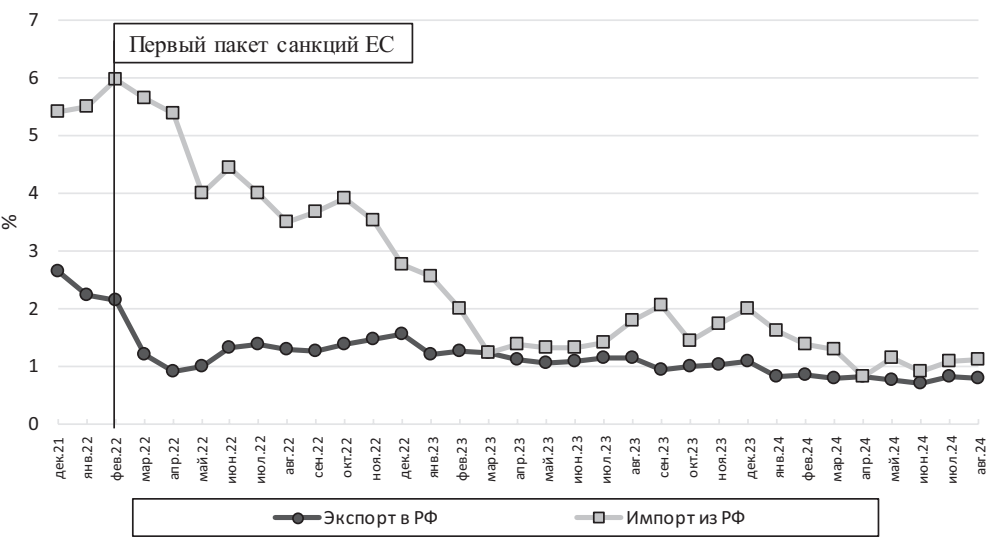

Рис. 4. Основные показатели торговли стран ЦВЕ с РФ
за декабрь 2021 г. – август 2024 г., % совокупных показателей ЦВЕ.

Источник: составлено по: [Eurostat]

Последствия принятых Евросоюзом многочисленных экономических запретов и ограничений отразились как на объеме торговли стран ЦВЕ с РФ, так и на ее структуре [Голубкин, Князев 2021, с. 54]. Сокращению подверглись все основные товарные группы, экспортируемые регионом ЦВЕ в Россию, но в наибольшей степени продукция машиностроения, сырье и минеральное топливо (табл. 8).

Соответственно уменьшились их доли в экспорте и выросли доли химических изделий и продуктов питания (табл. 9).

Таблица 8

**Основные товарные группы экспорта стран ЦВЕ в Россию
за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., млрд евро**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Всего экспорт, в том числе:	4,89	3,09	3,78	4,35	3,68	3,16	2,94	2,95	2,34	2,23
Продукты питания	0,29	0,19	0,30	0,39	0,32	0,23	0,24	0,25	0,21	0,21
Сырье	0,13	0,08	0,08	0,08	0,08	0,05	0,04	0,05	0,05	0,03
Минеральное топливо	0,02	0,02	0,05	0,05	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,01
Химическая продукция	1,06	1,04	1,22	1,34	1,24	1,06	1,00	1,01	0,88	0,87
Продукция машиностроения	1,94	0,87	0,86	1,01	0,80	0,64	0,50	0,53	0,32	0,33

Источник: составлено по: [Eurostat]

Таблица 9

**Основные товарные группы экспорта стран ЦВЕ в Россию
за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., доля в общем экспорте ЦВЕ в РФ в %**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Продукты питания	5,86	6,08	8,05	8,98	8,76	7,39	8,11	8,41	8,97	9,20
Сырье	2,75	2,75	1,99	1,85	2,09	1,74	1,53	1,56	2,33	1,53
Минеральное топливо	0,50	0,79	1,21	1,21	0,35	0,22	0,18	0,24	0,68	0,32
Химическая продукция	21,61	33,70	32,24	30,91	33,72	33,68	34,10	34,08	37,87	38,78
Продукция машиностроения	39,66	28,13	22,65	23,14	21,66	20,23	17,04	17,93	13,62	14,64

Источник: составлено по: [Eurostat]

В импорте стран ЦВЕ из России резко снизились стоимостные объемы всех товарных групп, но в особенности минерального топлива, сырья и химической продукции (табл. 10).

Тем не менее доли минерального топлива, сырья и химической продукции практически не уменьшились, а удельный вес продукции машиностроения, как и продуктов питания, значительно вырос (табл. 11). Это говорит о том, что структура российского экспорта не могла существенно измениться и остается прежней при значительно меньших стоимостных объемах его товарных групп.

Таблица 10

**Основные товарные группы импорта стран ЦВЕ из России
за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., млрд евро**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Всего импорт, в том числе:	16,48	14,34	11,93	11,21	5,78	3,93	4,95	5,04	4,09	2,82
Продукты питания	0,18	0,17	0,15	0,19	0,19	0,16	0,13	0,19	0,16	0,11
Сырье	0,51	0,41	0,25	0,15	0,14	0,10	0,06	0,08	0,08	0,12
Минеральное топливо	11,37	11,02	10,26	9,73	4,74	3,03	4,04	4,03	3,28	1,96
Химическая продукция	1,10	0,64	0,65	0,56	0,28	0,22	0,28	0,25	0,30	0,21
Продукция машиностроения	0,21	0,15	0,15	0,17	0,16	0,15	0,21	0,29	0,04	0,17

Источник: составлено по: [Eurostat]

Таблица 11

**Основные товарные группы импорта стран ЦВЕ из России
за 1 квартал 2022 г. – 2 квартал 2024 г., доля в общем импорте ЦВЕ из РФ в %**

	1 кв. 2022	2 кв. 2022	3 кв. 2022	4 кв. 2022	1 кв. 2023	2 кв. 2023	3 кв. 2023	4 кв. 2023	1 кв. 2024	2 кв. 2024
Продукты питания	1,11	1,18	1,27	1,67	3,23	4,05	2,64	3,69	4,00	3,93
Сырье	3,07	2,85	2,07	1,33	2,35	2,54	1,28	1,65	1,99	4,12
Минеральное топливо	69,03	76,82	86,07	86,82	82,08	77,05	81,64	79,97	80,34	69,48
Химическая продукция	6,69	4,47	5,47	5,03	4,91	5,72	5,66	4,90	7,35	7,48
Продукция машиностроения	1,26	1,07	1,28	1,50	2,72	3,76	4,26	5,68	0,97	6,18

Источник: составлено по: [Eurostat]

За период 2022–2024 гг. Евросоюзом было принято 15 пакетов антироссийских санкций, результатом которых было фактическое разрушение торговых связей с Россией и прекращение политического, культурного и гуманитарного взаимодействия. Последствия принятых Евросоюзом многочисленных экономических запретов и ограничений выразились в резком снижении объемов импорта стран ЦВЕ из России и менее радикальном сокращении их экспорта.

Разрыв торговых отношений с Россией не в последнюю очередь стал причиной обострения кризиса, охватившего за последние годы экономику еврозоны и переросшего в 2023 г. в частичную производственную рецессию. Резкое сокращение закупок дешевого газа в России негативно сказалось на развитии экономики многих европейских стран. На общее замедление экономического роста в Европе повлияла также проамериканская позиция Евросоюза, нацеленная на переориентацию снабжения европейских стран энергоресурсами с России на США и страны Персидского залива.

Негативные тенденции в торговых отношениях региона ЦВЕ со странами ЕС, усилившиеся в этот кризисный период, стимулировали процесс диверсификации его торговых связей с другими регионами мира. Об этом свидетельствует положительная динамика совокупных торговых показателей стран ЦВЕ во втором квартале 2024 г. За рассматриваемый период произошло заметное увеличение их экспорта прежде всего в страны Азии. Все большее значение в торговле стали приобретать рынки Северной Америки.

Библиография

Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы: монография / отв. ред. Н.В. Куликова. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2019. 316 с.

Голубкин А.В., Князев Ю.К. Внешнеторговый кризис в Центрально-Восточной Европе на фоне коронавирусной пандемии COVID-19 // Россия и современный мир. 2022. № 2 (115). С. 135–157.

Голубкин А.В., Князев Ю.К. Внешнеэкономические связи стран ЦВЕ в условиях кризиса в Европейском союзе // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 1. С. 47–62.

Голубкин А.В., Князев Ю.К. Необходимость диверсификации внешнеэкономических связей стран Центрально-Восточной Европы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 141–160.

Голубкин А.В., Князев Ю.К. Ускорение диверсификации внешнеторговых связей стран Центрально-Восточной Европы в кризисные периоды и роль России в этом процессе // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 4. С. 408–417.

Князев Ю.К. «Зеленый энергопереход»: неоднозначные последствия для разных стран // Свободная мысль. 2023. № 4 (1700). С. 17–26.

Князев Ю.К. Страны ЦВЕ: от евроатлантической интеграции к самоизоляции от России // Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества: сб. ст. М.: Институт экономики РАН, 2024. С. 80–106.

Куликова Н.В., Синицина И.С. Экономические отношения России со странами Восточной Европы в условиях геополитического кризиса // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 134–156.

Проблемы экономических отношений России со странами Центрально-Восточной Европы в условиях евроинтеграции: монография / отв. ред. Н.В. Куликова. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2023. 328 с.

Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: научный доклад / отв. ред. Л.Б. Вардомский. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2022. 118 с.

Eurostat: Database // Eurostat: official website. URL: ec.europa.eu/eurostat/databrowser/ (дата обращения: 15.01.2025).

Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine // European Commission: official website. 2023. URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en (дата обращения: 14.01.2025).

Trademap. Trade statistics for international business development // Trademap: official website. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 15.01.2025).

References

Aziatskii vektor v ekonomicheskoi strategii stran Tsentral'no-Vostochnoi Evropy [The Asian vector in the economic strategy of the countries of Central and Eastern Europe]: monograph. Ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2019. 316 p. (In Russ.)

Eurostat: Database. Eurostat: official website. URL: ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-059331__custom_14318565/default/table?lang=en (date of access: 15.01.2025).

Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. Neobkhodimost' diversifikatsii vneshneekonomicheskikh svyazei stran Tsentral'no-Vostochnoi Evropy [The need to diversify foreign economic relations of the countries of Central and Eastern Europe]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2021. N 1. P. 141–160. (In Russ.)

Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. Uskorenie diversifikatsii vneshnetorgovykh svyazey stran Tsentral'no-Vostochnoi Evropy v krizisnye periody i rol' Rossii v jetom processe [Acceleration of diversification of foreign trade relations of Central-Eastern European countries in crisis periods and the role of Russia in this process]. Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]. 2024. 30(4). P. 408–417. (In Russ.)

Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. Vneshneekonomicheskie svyazi stran TsVE v usloviakh krizisa v Evropeiskom soiuze [CEE Countries' foreign economic relations in the EU crisis context]. ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice]. 2021. N 1. 47–62. (In Russ.)

Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. Vneshnetorgovyi krizis v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope na fone koronavi-rusnoi pandemii COVID-19 [The foreign trade crisis in Central and Eastern Europe against the background of the COVID-19 coronavirus pandemic]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]. 2022. N 2 (115). Pp. 135–157. (In Russ.)

Knyazev Yu.K. «Zeleniy energoperekhod»: neodnoznachnye posledstviya dlia raznykh stran [«Green energy transition» ambiguous consequences for different countries]. Svobodnaya mysl' [Free Thought]. 2023. N 4 (1700). P. 17–26. (In Russ.)

Knyazev Yu.K. Strany TsVE: ot evroatlanticheskoi integratsii k samoizolatsii ot Rossii [CEE Countries: from Euro-Atlantic integration to self-isolation from Russia]. Strany «poiasa sosledstva» Rossii: modeli razvitiya i voprosy sotrudnichestva [The countries of the «neighborhood belt» of Russia: models of development and issues of cooperation]: collection of articles. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2024. P. 80–106. (In Russ.)

Kulikova N.V., Sinitsina I.S. Ekonomicheskie otnosheniia Rossii so stranami Vostochnoi Evropy v usloviakh geopoliticheskogo krizisa [Economic relations between Russia and CEE countries under geopolitical crisis]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2023. N 6. P. 134–156. (In Russ.)

Problemy ekonomicheskikh otnoshenii Rossii so stranami Tsentral'no-Vostochnoi Evropy v usloviakh evrointegratsii [Problems of economic relations between Russia and the countries of Central and Eastern Europe in the context of European integration]: monograph. Ed. N.V. Kulikova. Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2023. 328 p. (In Russ.)

Rossiiskii «poias sosedstva» v usloviakh sanktsionnoi voiny [Russia's "neighborhood belt" in the context of the sanctions war]: A scientific report. Ed. Vardomskii. Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2022. 118 p. (In Russ.)

Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine. European Commission. 2023. URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en (date of access: 14.01.2025).

Trademap. Trade statistics for international business development. Trademap: official website. URL: <https://www.trademap.org/> (date of access: 15.01.2025).

З.Е. Ступенькова, И.А. Кашуро

**ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
СТРАН БРИКС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме становления группы БРИКС международным центром научно-технологического развития, несмотря на внешние и структурные препятствия, такие как недостаток финансирования и прямых иностранных инвестиций, зависимость от природных ресурсов и санкции Запада. Целью ее написания было определение перспективных направлений научно-технологического сотрудничества стран группы БРИКС в современных условиях. Исследование проводилось на основе применения системного подхода и сравнительного анализа международных и национальных документов десяти стран БРИКС в сфере науки и технологий и данных Глобального инновационного индекса 2023 г., который подготавливается Европейским институтом делового администрирования. В результате исследования было отмечено, что существует особая система сотрудничества стран группы БРИКС в научно-технологической сфере. Проведенная на основе выработанной методологии систематизация приоритетных направлений научно-технологического развития стран группы БРИКС позволила выделить 31 приоритет научно-технологического сотрудничества объединения. Также было установлено, что сильнейшими инновационными сферами стран группы БРИКС являются те, которые касаются, с одной стороны, кредитования, инвестиций, торговли и диверсификации, с другой – создания, увеличения воздействия и распространения знаний. В заключении статьи даны рекомендации по дальнейшему развитию сотрудничества объединения в наиболее сильных научно-технологических сферах. Также делается вывод о том, что группа БРИКС может стать международным центром научно-технологического развития при условии дальнейшего стимулирования работы банков развития, создания общей валюты группы БРИКС и двусторонних совместных фондов по инвестициям, внедрения «зеленых» технологий и создания человеческого капитала.*

***Ключевые слова:** БРИКС; Глобальный инновационный индекс; инновационное развитие; научно-технологическое сотрудничество; НТИ.*

Ступенькова Зоя Евгеньевна – студентка факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: stupenkovaze@mail.ru

Кашуро Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и технологий управления факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Stupenkova Z.E., Kashuro I.A.
Prospects for Scientific and Technological cooperation between the BRICS countries in Modern Conditions

Abstract. *The article addresses the potential for BRICS to emerge as an international center for science and technology development, despite facing external and structural obstacles such as limited financing, insufficient foreign direct investment, dependence on natural resources, and the impact of Western sanctions. The primary objective of the study is to identify promising directions for BRICS cooperation in science, technology, and innovation (STI) under contemporary conditions. The research was conducted using a systematic approach and comparative analysis of scientific and technological documents from the five BRICS countries, alongside data from the Global Innovation Index 2023. The findings reveal a distinctive system of STI cooperation among BRICS nations. The systematization of priority areas for STI development allowed for the identification of 31 key priorities for scientific and technological collaboration. The strongest areas of innovation within the BRICS countries are linked to lending, investment, trade, and diversification, as well as to the creation, amplification, and dissemination of knowledge. The article concludes with recommendations for enhancing cooperation in the most impactful fields of science and technology. BRICS has the potential to become an international center for scientific and technological development, provided that development banks are stimulated, a common BRICS currency and bilateral mutual investment funds are established, and initiatives in “green” technology and human capital development are prioritized.*

Keywords: *BRICS; Global innovation index; innovative development; scientific and technological cooperation; STI.*

Stupenkova Zoia Evgenyevna – Student of the Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: stupenkovaze@mail.ru

Kashuro Irina Anatolyevna – Candidate of economic sciences, Associate Professor
of the Department of Management Theory and Technologies, Faculty of Global
Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Введение

Сегодня мировой порядок стремительно меняется и требует от стран поиска новых решений привычных проблем путем объединения ресурсов и усилий. Так, обеспокоенность о социальной и экологической устойчиво-

сти открывает новые перспективы для развития и в настоящее время является ключевым аспектом глобальной исследовательской и инновационной политики. Мировой экономический рост замедляется из-за демографических и структурных факторов. Промышленная политика акцентируется на развитии Индустрии 4.0. Таким образом, сотрудничество между странами БРИКС, которые имеют значительные природные, финансовые и трудовые ресурсы, становится важным условием для дальнейшего развития мира.

В 2023 г. в Йоханнесбурге прошел XV саммит БРИКС, который стал важным событием для этого блока. На нем произошло расширение БРИКС, и это стало буквально водоразделом между объединенным Западом и остальным миром. Саммит позволил многим странам высказать свою позицию по поводу конфликта США и России. Состав новых членов БРИКС во многом является результатом дипломатических торгов и стечения обстоятельств, которые не всегда объективны [Изменится ли мировой порядок с «обновленным» БРИКС 2023]. В будущем другие страны могут претендовать на вступление в БРИКС, но критериями членства становятся текущие конъюнктурные соображения, а не объективные исторические причины. Принятие арабских государств в БРИКС назрело давно, поскольку мусульманский и арабский миры никак не были представлены ранее. Однако неизвестно, как будут работать новые страны внутри объединения и как будет происходить процесс принятия решений.

Таким образом, данное исследование является важным в свете глобализации экономики и потребности в усилении взаимодействия стран группы БРИКС в научно-технологической сфере. Десять государств, входящих в политическое объединение под названием «БРИКС», включая Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовскую Аравию и Эфиопию, занимают более 30 % мировой территории, насчитывают более 40 % мирового населения [Как вырастет вес БРИКС в мировой экономике после расширения 2023]. Они понимают, что исход борьбы за лидерство в мировой системе производства зависит от того, кто выиграет гонку технологий [Колганов 2022, с. 81]. Учитывая сегодняшний этап экономической трансформации и модернизации, важно определить инициативы по устранению препятствий на пути группы БРИКС к получению статуса глобального центра научно-технологического развития, а также перспективные направления научно-технологического сотрудничества стран БРИКС в современных условиях.

Россия сделала XVI саммит БРИКС, который состоится в Казани в октябре 2024 г., историческим. Это стало возможным благодаря инициативам президента РФ В.В. Путина, таким как подготовка и принятие решения о создании единой расчетной валюты, возможно, цифровой, и соответствующей

платежной инфраструктуры для стран БРИКС. Кроме того, планируется расширение БРИКС путем принятия второй волны (примерно десяти) стран, включая Индонезию, Нигерию, Турцию, Алжир, Бахрейн, Бангладеш, Венесуэлу и других, которые выразили желание вступить в объединение.

Цели, области, механизмы и формы научно-технологического сотрудничества стран группы БРИКС

Документально оформленное взаимодействие стран группы БРИКС в научно-технологической сфере имеет иерархичную структуру. На вершине находится базовый документ – Меморандум [Memorandum of Understanding 2015] 2015 г. В Статье 2 Меморандума закреплены цели (objectives), в Статье 3 – области (areas), в Статье 4 – механизмы (mechanisms) и формы (forms) сотрудничества. В соответствии с Меморандумом профильные министры ежегодно собираются, обсуждают и подписывают Декларацию (BRICS STI Declaration). В ней подтверждается принятие Плана работы (BRICS STI Work Plan), в теле которого (или отдельно) прописывается План действий (BRICS Action Plan), т. е. перечень мероприятий на четыре года с датами их проведения в соответствующих областях, механизмах и уровнях сотрудничества.

Вторым по важности документом после Меморандума является Рамочная программа БРИКС в области науки, технологий и инноваций (BRICS STI Framework Programme), утвержденная Московской декларацией 2015 г. [Moscow declaration 2015], которая определяет ключевые направления сотрудничества и программы работы стран – участниц БРИКС [Сотрудничество со странами БРИКС 2024]. Она направлена на поддержку выдающихся исследований в приоритетных областях, которые лучше всего решаются совместными усилиями различных стран. Целью программы является стимулирование сотрудничества между исследователями и организациями в консорциумах, включающих партнеров из не менее чем трех стран БРИКС. С 2016 г. в рамках этой программы проводятся конкурсы многосторонних исследовательских проектов (Coordinated Calls for Multilateral Research Projects), приглашая ученых из стран – участниц БРИКС совместно работать над фундаментальными, прикладными и инновационными исследованиями. На данный момент проведено шесть конкурсов, последний имел тему «Адаптация к изменению климата и смягчение его последствий» («Climate Change Adaptation and Mitigation») и проводился осенью 2023 г. [About BRICS STI Framework Programme 2023].

Через полгода после подписания Меморандума был принят первый Рабочий план [BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2015] на 2015–2018 гг. (пересмотрен в 2016 г.). В нем особое внимание уделялось основным областям сотрудничества Ст. 3 Меморандума. Так, для вза-

имодействия в рамках Научно-исследовательских и инновационных сетевых платформ стран БРИКС (BRICS Research and Innovation Networking Platforms) были определены контактные учреждения в странах, ответственных за реализацию мероприятий в пяти приоритетных областях. Также были определены потенциальные для реализации в будущем инициативы.

Осенью 2017 г. был принят План действий [BRICS Action Plan for Innovation Cooperation 2017] БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2017–2020 гг., который включал в себя шаги (steps) как конкретные этапы инициатив сотрудничества. Так, в Платформе подчеркивалось значение трансфера технологий и поддержки инновационных проектов через Новый банк развития (НБР) БРИКС. В итоге, в 2020 г. по результатам Декларации БРИКС по НТИ [BRICS STI Declaration 2020] было одобрено создание Сети центров трансфера технологий БРИКС (BRICS Network for Technology Transfer Cooperation («BRICS Techtransfer»)) для поощрения трансфера технологий между странами БРИКС в целях повышения их конкурентоспособности и инновационной активности. Так, страны БРИКС приглашались к формированию сети путем номинирования соответствующих организаций по передаче технологий. Информационно-коммуникационная система (ИКС) в сети автоматизирует процессы передачи знаний и технологий [Балашова 2016, с. 52]. Платформа будет предоставлять инновационные бизнес-решения и ссылки на региональные контакты и открытые данные по статистике и аналитике.

НБР БРИКС будет поддерживать быстро развивающиеся страны в случае нехватки ликвидности и поможет государствам БРИКС создать свою систему взаимного кредитования. Одной из ключевых задач НБР на будущее является увеличение использования национальных валют при торговле между странами-участницами БРИКС.

В 2019 г. по результатам Кампинской декларации был принят Рабочий план [BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2019] на 2019–2022 гг. Он не предусматривал увеличения количества проектов, так как основное внимание было уделено реализации и завершению уже существующих мероприятий. План включал четыре основных направления (tracks) сотрудничества.

1. Исследовательское сотрудничество (Research Collaboration).

Исследовательское сотрудничество включало в себя две основные инициативы: а) работу в десяти тематических рабочих группах, названия которых отражают области сотрудничества, закрепленных в Меморандуме, и б) проведение совместных конкурсов исследовательских проектов. В рамках тематических рабочих групп официальные лица и исследователи через ежегодные заседания определяли направления деятельности, разрабатывали совместные проекты, обменивались знаниями и опытом, а также устанавливали объем совместных исследовательских проектов.

2. Исследовательская инфраструктура (Research Infrastructure).

Сотрудничество в области исследовательской инфраструктуры БРИКС развивалось и развивается через Рабочую группу по исследовательским инфраструктурным проектам класса «мегасайенс» и Платформу БРИКС-GRAIN (Global Research Advanced Infrastructure Network («Сеть передовой инфраструктуры глобальных исследований»)), которая предоставляет информацию и список доступных исследовательских возможностей для ученых.

3. Инновационное сотрудничество (Innovation Collaboration).

В этом направлении было уделено особое внимание инициативе по инновационному сотрудничеству стран БРИКС (BRICS Innovation Cooperation), предложенной в 2016 г., а также выполнению Плана действий [BRICS Action Plan for Innovation Cooperation 2017] БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2017–2020 гг. Деятельность по направлению координируется Рабочей группой БРИКС по партнерству в области науки, технологий, инноваций и предпринимательства (BRICS Science&Technology Innovation Entrepreneurship Partnership (STIEP) Working Group) при полной поддержке Старших должностных лиц НТИ (STI Senior Officials). Чтобы объединить знания с производством, услугами и цифровой экономикой, страны БРИКС также должны были активизировать участие производителей в сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций. Так, целью BRICS STIEP является создание инновационных экосистем и развитие предпринимательства через триаду «наука – технологии – инновации». С 2020 г. в работе BRICS STIEP участвуют представители российских вузов: НИТУ МИСИС и РУДН [Контактная точка инноваций БРИКС 2024].

Хотелось бы подробнее рассмотреть одну из инициатив: Сеть iBRICS (Innovation BRICS Network («Специализированная инновационная сеть БРИКС»)). Сеть iBRICS призвана стать механизмом прямого диалога между субъектами инновационной деятельности стран БРИКС, который будет способствовать взаимной поддержке, совместным проектам и обмену лучшими практиками с целью продвижения инновационных систем БРИКС. Повседневной деятельностью сети iBRICS будет управлять Руководящий комитет (Steering Committee), в состав которого войдут представители научных парков, технологических инкубаторов, акселераторов, их ассоциаций, других субъектов инновационной деятельности и вспомогательных органов стран БРИКС, которые будут действовать в качестве национальных координаторов сети.

4. Долгосрочное сотрудничество (Long-term Cooperation).

Несмотря на политическую поддержку сотрудничества в области НТИ среди стран БРИКС, правительства должны искать способы сделать это сотрудничество более устойчивым. Это означает, что необходимо создавать условия для научных сообществ и предприятий, чтобы укрепить их взаимодействие и достичь совместных результатов, независимо от участия государ-

ства. Также важно поощрять инициативы, которые будут иметь долгосрочные последствия. Например, проведение конференций по технологическому форсайту и НТИ-политике, встреч Академий наук стран БРИКС и создание сети iBRICS. Создание Форума молодых ученых БРИКС направлено на стимулирование научного сотрудничества между будущими поколениями исследователей и предпринимателей. Ученым следует рассматривать партнерство со странами БРИКС как возможность для сотрудничества еще на начальном этапе обучения. Для этой цели уже были организованы три мероприятия, которые собрали по 100 участников, способствуя созданию новых сетей и курсов для молодых инноваторов.

Для эффективного управления рабочим планом БРИКС в области НТИ было предложено создать Руководящий комитет БРИКС по НТИ (BRICS STI Steering Committee), который будет ответственен за координацию деятельности БРИКС в этой сфере и будет ежегодно отчитываться перед Заседанием старших должностных лиц БРИКС по НТИ (BRICS STI Senior Officials Meeting).

Важное значение придается университетскому сотрудничеству. Так, Кампинская декларация [Declaration of the 7th meeting of BRICS ministers of education 2020] министров образования БРИКС 2020 г. была направлена на углубление сотрудничества в рамках Сетевого университета БРИКС и на развитие его как открытого виртуального глобального университета, который будет привлекательным для студентов со всего мира. Особое внимание также было уделено развитию образовательного сотрудничества между университетами и учебными заведениями БРИКС в постковидную эпоху, а также укреплению сотрудничества в сфере среднего профессионального образования среди стран БРИКС [Профильные министры стран БРИКС обсудили меры поддержки образования 2020].

Летом 2021 г. был согласован новый План действий [BRICS Action Plan for Innovation Cooperation 2021] БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 гг., предложенный Индией. Так, было определено десять областей сотрудничества [BRICS countries agree to STI led BRICS Innovation Cooperation Action Plan proposed by India 2021].

Несмотря на уже значительное количество инициатив, принятых в документах, новые предложения продолжают развивать сотрудничество. Так, по результатам саммита БРИКС в 2023 г. можно сказать, что новой инициативой по Рамочной программе является конкурс предложений по флагманским проектам НТИ БРИКС (Call for Proposals for BRICS STI Flagship Projects), а также новыми инициативами Рабочей группы БРИКС STIЕР являются Учебно-инкубационная сеть БРИКС (BRICS Incubation Training and Network), Программа обучения по передаче технологий (BRICS Technology Transfer Training Program) и Форум стартапов БРИКС (BRICS Startup Forum) [Йоханнесбургская декларация 2018].

Развитие научно-технологического и инновационного сотрудничества стран БРИКС требует эффективных механизмов взаимодействия, и члены БРИКС уже запустили крупномасштабные инициативы для укрепления экономической и научно-технологической кооперации. Неоднократно в документах по итогам саммитов и встреч министров БРИКС говорится о необходимости данного сотрудничества. Сегодня в странах БРИКС существуют исследовательские группы и организации, помогающие правительствам БРИКС координировать политику по развитию сотрудничества в области науки и технологий, например, Руководящий комитет по научно-техническому и инновационному сотрудничеству БРИКС (BRICS STI Steering Committee) вместе с Рабочими группами (BRICS STI Working Groups), являющимися важным инструментом кооперации стран группы БРИКС [Страны БРИКС: развитие научно-технологического сотрудничества 2020]. Координацией ведомств по данной теме в России занимается Российский Совет по научно-техническому и инновационному сотрудничеству БРИКС. Обязанности его Секретариата с 2016 г. выполняет Аналитический центр МНиОП.

Общие приоритеты научно-технологического сотрудничества стран группы БРИКС

Взаимодействие стран группы БРИКС в научно-технологической сфере хорошо разработано с нормативно-правовой стороны. Документы представляют собой иерархичную структуру, состоящую из Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций БРИКС, Рамочной программы БРИКС в области науки, технологий и инноваций, Деклараций по итогам ежегодных встреч министров науки, технологий и инноваций БРИКС (верхний уровень), Рабочих планов БРИКС по НТИ, Планов действий БРИКС по инновационному сотрудничеству (средний уровень) и Планов действий рабочих групп БРИКС (нижний уровень). В статьях Меморандума закреплены цели (objectives), области (areas), механизмы (mechanisms) и формы (forms) сотрудничества стран БРИКС, что имеет отражение в остальных документах.

Механизмами сотрудничества стран БРИКС в области науки и технологий являются Меморандум и нижестоящие документы. Количество приоритетных областей работы периодически меняется, их формулировки усложняются. Общие цели и формы прописаны в Меморандуме, они конкретизируются в зависимости от уровня и направленности нижестоящего документа.

Инициативы, прописанные в Планах работы и Планах действий разного уровня, со временем приобретают более четкую структуру. Так, инициативы Рабочего плана 2019–2022 имеют четыре направления, в отличие от Рабочего плана 2015–2018, а в Планах действий разного уровня инициативы конкретизируются до определенных этапов: шагов и ключевых элементов.

Помимо прописанных в Меморандуме 19 приоритетных областей сотрудничества стран группы БРИКС в сфере НТИ, существуют и другие исследования по определению перспективных областей сотрудничества стран группы БРИКС в научно-технологической сфере. Так, анализ многосторонних, двусторонних и национальных прогнозных и стратегических документов стран БРИКС позволил авторам исследования [Zhao 2018] инновационной конкурентоспособности стран БРИКС в 2018 г. определить перспективные области их дальнейшего сотрудничества. С учетом результатов библиометрического и патентного анализа научно-технологического потенциала были определены девять научно-технологических областей, которые имеют наибольшее значение для решения общих задач социально-экономического, научно-технологического развития стран БРИКС (см. таблицу 1). Изучение стратегических документов стран БРИКС и анализ их научно-технологического потенциала также позволили авторам предложить 14 основных областей развития науки и технологий, которые, по словам авторов, можно включить в перечень общих приоритетов научно-технологического сотрудничества, представляющих интерес для ряда стран БРИКС (см. табл. 1).

В свете присоединения к БРИКС новых стран автором данного исследования были проанализированы национальные документы ОАЭ [UAE National Innovation Strategy 2014, с. 7], Ирана [The law on removing obstacles to competitive production and improving the country's financial system 2014], Египта [National Strategy for Science, Technology and Innovation 2030 (2019), с. 2], Эфиопии [National Science, Technology and Innovation Policy: Building Competitiveness through Innovation 2010, с. 11] и Саудовской Аравии [Saudi Vision 2030 (2016)] в сфере НТИ и были выявлены их приоритетные области развития (см. табл. 1).

Таблица 1

Приоритеты стран группы БРИКС в сфере НТИ

Приоритетные области сотрудничества (priority cooperation areas) 5 стран БРИКС до расширения	1. Информационно-телекоммуникационные системы; 2. Науки о жизни; 3. Сельское хозяйство; 4. Рациональное природопользование; 5. Новые материалы и нанотехнологии; 6. Энергетика; 7. Транспортные и космические системы; 8. Производство; 9. Безопасность.
Основные области развития науки и технологий (major S&T development areas) 5 стран БРИКС до расширения	1. ИКТ; 2. Нанотехнологии и новые материалы; 3. Передовое производство и робототехника; 4. Космические системы и астрономические наблюдения; 5. Транспортные системы; 6. Энергоэффективность и энергосбережение; 7. Атомная энергетика;

Продолжение таблицы

	8. Возобновляемые источники энергии; 9. Добыча полезных ископаемых; 10. Борьба с изменением климата и стихийными бедствиями, защита окружающей среды; 11. Управление водными ресурсами; 12. Продовольственная безопасность и устойчивое сельское хозяйство; 13. здравоохранение и медицина; 14. Биотехнологии.
Приоритетные отрасли (priority sectors) ОАЭ	1. Возобновляемые и чистые источники энергии; 2. Транспорт; 3. Технологии; 4. Образование; 5. Здоровье; 6. Вода; 7. Космос.
Приоритетные области (priority areas) Ирана	1. Аэрокосмическая промышленность; 2. ИКТ; 3. Ядерные, нано- и микротехнологии; 4. Нефтегазовые технологии; 5. Биотехнологии; 6. Экологические технологии; 7. «Мягкая сила» и культурные технологии.
Области (fields) Египта	1. Энергия; 2. Вода; 3. Здоровье и население; 4. Сельское хозяйство и продовольствие; 5. Защита окружающей среды и природных ресурсов; 6. Технологические приложения и науки будущего; 7. Стратегические отрасли; 8. Информационные, коммуникационные и космические технологии; 9. Образование; 10. СМИ и социальные ценности; 11. Инвестиции, торговля и транспорт; 12. Индустрия туризма; 13. Социальные и гуманитарные науки.
Национальные программы приоритетных технологических возможностей (National Priority Technology Capability Programs) Эфиопии	1. Программа повышения производительности сельского хозяйства; 2. Программа промышленной производительности и качества; 3. Биотехнологии; 4. Энергетические технологии; 5. Строительные технологии; 6. Технологии материалов; 7. Электроника и микроэлектроника; 8. ИКТ и телекоммуникации; 9. Водные технологии.

Продолжение таблицы

Национальные приоритеты (national priorities) Саудовской Аравии	1. Здоровье и благополучие; 2. Устойчивая окружающая среда и удовлетворение основных потребностей; 3. Энергетическое и промышленное лидерство; 4. Экономика будущего (проект Neom и проект Красного моря).
---	---

Сравнив все эти приоритетные области, можно составить новый всеобъемлющий перечень общих приоритетов научно-технологического сотрудничества десяти стран БРИКС:

1. Информационно-телекоммуникационные системы, ИКТ и телекоммуникации;
2. Передовое производство и робототехника;
3. Технологические приложения и науки будущего;
4. Электроника и микроэлектроника;
5. Атомная энергетика;
6. Ядерные, нано- и микротехнологии, новые материалы;
7. Энергетика, энергоэффективность и энергосбережение;
8. Возобновляемые и чистые источники энергии;
9. Экологические технологии;
10. Борьба с изменением климата и стихийными бедствиями, защита окружающей среды и природных ресурсов;
11. Рациональное природопользование;
12. Энергетические технологии и промышленное лидерство;
13. Добыча полезных ископаемых;
14. Нефтегазовые технологии;
15. Стратегические отрасли;
16. Продовольственная безопасность и устойчивое сельское хозяйство;
17. Управление водными ресурсами и водные технологии;
18. Здравоохранение и медицина;
19. Биотехнологии, бионауки;
20. Здоровье и благополучие населения;
21. Образование;
22. Социальные и гуманитарные науки;
23. СМИ и социальные ценности;
24. «Мягкая сила» и культурные технологии;
25. Индустрия туризма;
26. Экономика будущего;
27. Инвестиции, торговля и транспортные системы;

28. Космические системы и астрономические наблюдения;
29. Аэрокосмическая промышленность и космические технологии;
30. Безопасность;
31. Строительные технологии.

Инновационные преимущества стран группы БРИКС

Для определения общего инновационного потенциала десяти стран БРИКС будет использован Глобальный инновационный индекс (ГИИ) Европейского института делового администрирования, так как он представляет самую актуальную информацию (последний выпуск опубликован в 2023 г., в то время как остальные отчеты последний раз выпускались в 2020–2021 гг.), достаточно хорошо разработан (охватывает 132 страны, имеет множество метрик и показателей, а также обновляется ежегодно, что позволяет авторам наблюдать динамику изменений и строить более точные прогнозы). В таблице 2 представлен рейтинг стран БРИКС по версии Глобального инновационного индекса [Dutta et al. 2023] 2023 г.

Таблица 2

Рейтинг стран БРИКС

Место	Страна	Баллы	Место среди стран с одним уровнем дохода	Место в регионе
12	Китай	55.3	1	3
32	ОАЭ	43.2	31	3
40	Индия	38.1	1	1
48	Саудовская Аравия	34.5	41	5
49	Бразилия	33.6	6	1
51	Россия	33.3	7	31
59	ЮАР	30.4	12	2
62	Иран	30.1	6	2
86	Египет	24.2	11	15
125	Эфиопия	14.3	7	21

Далее представлена характеристика стран БРИКС по семи сферам, включенным в ГИИ-2023 (см. табл. 3). Самыми успешными для страны считаются сферы с рейтингом выше собственного общего рейтинга страны, а наименее успешными – с рейтингом ниже этого показателя.

Таблица 3

Характеристика стран БРИКС

Страна	Эффективность инноваций в зависимости от уровня экономического развития	Эффективность инвестиций в инновации	Сильные сферы	Слабые сферы	Инновационные преимущества
Китай	Лидер	Есть	6. Результаты в области знаний и технологий.	1. Институты; 3. Инфраструктура; 2. Человеческий капитал и исследования.	7.2.4 Экспорт креативных товаров; 4.3.3 Масштаб внутреннего рынка; 6.2.1 Рост производительности труда.
ОАЭ	Ниже ожидаемой	Нет	1. Институты; 3. Инфраструктура; 2. Человеческий капитал и исследования; 5. Уровень развития бизнеса; 4. Уровень развития рынка.	6. Результаты в области знаний и технологий; 7. Результаты в области творческой деятельности.	1.2.3 Расходы, связанные с увольнением по сокращению штатов; 1.3.2 Политика в области предпринимательства и его культура; 2.2.3 Количество иностранных студентов.
Индия	Выше ожидаемой	Есть	4. Уровень развития рынка; 6. Результаты в области знаний и технологий.	3. Инфраструктура; 5. Уровень развития бизнеса; 1. Институты.	4.3.3 Масштаб внутреннего рынка; 6.3.4 Экспорт услуг ИКТ; 4.2.4 Полученные венчурные инвестиции.
Саудовская Аравия	Ниже ожидаемой	Нет	4. Уровень развития рынка; 2. Человеческий капитал и исследования; 1. Институты; 5. Уровень развития бизнеса.	6. Результаты в области знаний и технологий; 7. Результаты в области творческой деятельности.	4.2.1 Рыночная капитализация; 3.1.1 Доступ к ИКТ; 5.2.2 Уровень развития кластеров.
Бразилия	Выше ожидаемой	Есть	5. Уровень развития бизнеса; 7. Результаты в области творческой деятельности.	1. Институты; 3. Инфраструктура; 2. Человеческий капитал и исследования.	4.3.3 Масштаб внутреннего рынка; 3.1.4 Интернет-участие; 7.1.2 Товарные знаки.

Продолжение таблицы

Россия	Ниже ожидаемой	Есть	2. Человеческий капитал и исследования; 5. Уровень развития бизнеса.	1. Институты; 3. Инфраструктура; 4. Уровень развития рынка.	4.3.3 Масштаб внутреннего рынка; 6.1.3 Патенты на полезную модель по стране происхождения; 2.2.2 Выпускники в области естественно-научных и инженерных наук.
ЮАР	Выше ожидаемой	Есть	4. Уровень развития рынка; 6. Результаты в области знаний и технологий.	1. Институты; 2. Человеческий капитал и исследования; 3. Инфраструктура.	4.2.1 Рыночная капитализация; 2.1.1 Расходы на образование; 3.2.2 Эффективность логистики.
Иран	Соответствует ожидаемой	Есть	4. Уровень развития рынка; 7. Результаты в области творческой деятельности; 6. Результаты в области знаний и технологий; 2. Человеческий капитал и исследования.	1. Институты; 5. Уровень развития бизнеса; 3. Инфраструктура.	7.1.2 Товарные знаки; 2.2.2 Выпускники в области естественно-научных и инженерных наук; 4.2.1 Рыночная капитализация.
Египет	Соответствует ожидаемой	Есть	7. Результаты в области творческой деятельности; 6. Результаты в области знаний и технологий.	1. Институты; 5. Уровень развития бизнеса; 2. Человеческий капитал и исследования.	5.2.2 Уровень развития кластеров; 6.2.1 Рост производительности труда; 4.3.3 Масштаб внутреннего рынка.
Эфиопия	Ниже ожидаемой	Есть	6. Результаты в области знаний и технологий; 4. Уровень развития рынка; 1. Институты.	3. Инфраструктура; 2. Человеческий капитал и исследования; 5. Уровень развития бизнеса.	6.2.1 Рост производительности труда; 6.1.3 Патенты на полезную модель по стране происхождения; 5.3.2 Импорт высоких технологий.

Таким образом, уровень инновационного развития стран БРИКС соответствует их общему уровню развития, эффективность инноваций в экономике средняя. Страны БРИКС достигают больших результатов в инновационной сфере, несмотря на то, что они вкладывают в нее меньше средств. Сравнительный анализ данных ГИИ-2023 по странам БРИКС показал, что самыми сильными инновационными сферами являются 4. Уровень развития рынка и 6. Результаты в области знаний и технологий. Вместе с тем масштаб внутреннего рынка является главным инновационным преимуществом стран БРИКС.

Перспективные с точки зрения общих приоритетов и инновационных преимуществ направления научно-технологического сотрудничества стран группы БРИКС

Несмотря на различия в уровне развития науки и технологий, вместе страны БРИКС могут стать международным центром научно-технологического и инновационного развития, однако главными препятствиями на пути стран БРИКС являются недостаток финансирования и ПИИ, зависимость от природных ресурсов и санкции Запада. Решениями этих проблем могут стать следующие инициативы:

1. Участие банков развития и институциональных инвесторов в стимулировании партнерства между государствами – членами БРИКС и в решении задачи дедолларизации внутренних расчетов БРИКС;
2. Создание общей валюты БРИКС;
3. Создание двусторонних совместных фондов по инвестициям, которые будут отбирать и реализовывать инвестиционные проекты и, тем самым, углублять инвестиционное сотрудничество;
4. Содействие международному объединению, внедрению «зеленых» технологий, цифровизации и созданию человеческого капитала путем повышения качества рабочей силы и уровня образования и квалификации.

В целом, сотрудничество в науке и технологиях между странами БРИКС имеет огромный потенциал. Так, с учетом условий настоящего времени, возможность расширения состава стран – участниц БРИКС и применение различных методов поддержки бизнеса для ускорения внедрения новых технологий в духе Индустрии 4.0, вместе с созданием механизмов государственных закупок могут поспособствовать инновационному развитию в этих странах, значительно увеличить их доход и позволить им встать на одну ступень развития со странами «Золотого миллиарда».

Итак, перспективность научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС заключается в концентрации на инновациях в сферах, занимающихся кредитованием, инвестициями, торговлей и диверсификацией и созданием, увеличением воздействия и распространением знаний в 31 приори-

тетной области научно-технологического сотрудничества, с использованием главного инновационного преимущества – масштаб внутреннего рынка. Рекомендуется также продолжать работу по указанным в Рабочем плане [BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2019] 2019–2022 гг. направлениям (tracks).

Заключение

В условиях глобальных изменений в экономике страны – участницы БРИКС становятся важным центром силы и ключевым фактором изменения мировой экономической системы. Многие страны выразили желание присоединиться к группе БРИКС, и открытость группы стала катализатором процесса ее расширения. В настоящее время важным вопросом является развитие формата БРИКС и его способность укрепить свои позиции на мировой арене, в том числе среди стран Глобального Юга.

Странам БРИКС важно развивать национальную систему, обеспечивающую экономическую и технологическую независимость, а также соответствие международным цивилизационным трендам. В то же время, независимость не означает изоляцию [Бодрунов 2023, с. 53]. Поэтому странам БРИКС следует развивать международное технологическое сотрудничество и партнерство, укреплять промышленный потенциал через реиндустриализацию. Однако простое импортозамещение недостаточно для достижения технологической независимости, необходимо стремиться к технологическому суверенитету. Поэтому странам БРИКС необходимо ориентироваться на опережающее развитие, используя опыт прорывов в различных областях, таких как космос, авиация и атомная энергетика.

В результате изучения механизмов научно-технологического сотрудничества стран группы БРИКС был сделан вывод о том, что существует определенная система сотрудничества стран группы БРИКС в сфере НТИ. Проведенная на основе выработанной методологии систематизация приоритетных направлений научно-технологического развития стран группы БРИКС позволила выделить 31 приоритет научно-технологического сотрудничества объединения.

На основе данных Глобального инновационного индекса 2023 г. сделан вывод о том, что наиболее развитыми в странах группы БРИКС инновационными сферами являются «Уровень развития рынка» и «Результаты в области знаний и технологий». Дальнейшему развитию сотрудничества в первой сфере будут способствовать такие уже существующие инициативы, как Сеть iBRICS, Деловой форум БРИКС, Международный форум инноваций БРИКС и Новый банк развития БРИКС как поддержка инновационных проектов. Во второй сфере – Сетевой университет БРИКС, Центр трансфера технологий БРИКС (BRICS Techtransfer), Форум молодых ученых стран БРИКС, Конкурс «Молодые инно-

ваторы стран БРИКС» и Конкурс многосторонних исследовательских проектов (Coordinated Calls for Multilateral Research Projects).

Перспективы сотрудничества объединения отражены в том, что страны группы БРИКС могут стать международным центром научно-технологического развития при условии дальнейшего стимулирования работы банков развития, создания общей валюты группы БРИКС и двусторонних совместных фондов по инвестициям, внедрения «зеленых» технологий и создания человеческого капитала. Также важно развивать новые инициативы БРИКС: конкурс предложений по флагманским проектам НТИ БРИКС (Call for Proposals for BRICS STI Flagship Projects), Учебно-инкубационная сеть БРИКС (BRICS Incubation Training and Network), Программа обучения по передаче технологий (BRICS Technology Transfer Training Program) и Форум стартапов БРИКС (BRICS Startup Forum).

Библиография

Балашова М.В., Бухаева Е.Е., Куклина И.Р., Лукша О.П., Яновский А.Э. Механизмы поддержки научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС: многосторонние конкурсы и сетевая платформа для трансфера знаний и технологий // Инновации. 2016. №4 (210). С. 47–54.

Бодрунов С.Д. Мировые тренды экономического развития: роль и место России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. №3. С. 52–60.

Изменится ли мировой порядок с «обновленным» БРИКС: серия блиц-интервью ПИР-Центра с Георгием Толорая и Сержио Дуарте // ПИР-Центр. 2023. 25 сен. URL: <https://pircenter.org/editions/izmenitsja-li-mirovaja-sistema-s-obnovlennym-briks-serija-blic-intervju-pir-centra-s-georgiem-toloraja-i-serzhio-duarte/> (дата обращения: 27.04.2024).

Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС // Президент России: официальный сайт. 2018. 26 июл. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5323> (дата обращения: 27.04.2024).

Как вырастет вес БРИКС в мировой экономике после расширения // РБК. 2023. 25 авг. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/08/2023/64e76eff9a794732ef6cee82> (дата обращения: 27.04.2024).

Колганов А.И., Маслов Г.А., Толкачев С.А., Хубиев К.А. Империализм 21 века: политико-экономический анализ (по следам дискуссии) // Вопросы политической экономии. 2022. № 3. С. 76–84.

Контактная точка инноваций БРИКС // НИТУ МИСИС: официальный сайт. 2024. URL: <https://misis.ru/business/innovations/brics/> (дата обращения: 29.05.2024).

Профильные министры стран БРИКС обсудили меры поддержки образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации России: официальный сайт. 2020. 21 окт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/25573/> (дата обращения: 11.03.2024).

Сотрудничество со странами БРИКС // Аналитический центр международных научно-технологических и образовательных программ (МНИОП): официальный сайт. 2024. URL: <https://mniop.ru/experience/sotrudnichestvo-so-stranami-briks> (дата обращения: 29.05.2024).

Страны БРИКС: развитие научно-технологического сотрудничества // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации России: официальный сайт. 2020. 12 фев.

URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21654/> (дата обращения: 11.03.2024).

About BRICS STI Framework Programme // BRICS STI Framework Programme: официальный сайт. 2023. URL: <http://brics-sti.org/index.php?p=about> (дата обращения: 29.05.2024).

UAE National Innovation Strategy // United Arab Emirates Ministry of Cabinet Affairs. Prime Minister's Office. 2014 Oct. URL: <https://u.ae/-/media/About-UAE/Strategies/Innovation-Strategy/En-national-innovation-strategy.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017-2020) // IRI: Institutobe Relacioness Internacionales. 2017. 18 Jul. URL: https://www.iri.edu.ar/wp-content/uploads/2017/10/BO_Documentos_BRICS_ActionPlanforInnovationCooperation.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2021–2024) // BRICS INDIA 2021. 26 Nov. URL: <https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-67.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

BRICS countries agree to STI led BRICS Innovation Cooperation Action Plan proposed by India // PIB Delhi. 2021. 09 Jul. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1734246> (дата обращения: 11.03.2024).

BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2015–2018 // Аналитический центр международных научно-технологических и образовательных программ (МНиОП). 2015. 28 Oct. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Rabochii---plan-2015-2018.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2019–2022 // Аналитический центр международных научно-технологических и образовательных программ (МНиОП). 2019. 20 Sep. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Rabochii---plan-2019-2022.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

BRICS STI Declaration 2020 of the 8th BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministerial Meeting via videoconference // Аналитический центр международных научно-технологических и образовательных программ (МНиОП). 2020. 13 Nov. URL: https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/BRICS-STI-Declaration-2020_adopted.pdf (дата обращения: 27.04.2024).

Declaration of the 7th meeting of BRICS ministers of education // BRICS RUSSIA 2020. 21 Oct. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/96/51/965199.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

Dutta S., Lanvin B., Rivera León L., Wunsch-Vincent S. Global Innovation Index 2023: Innovation in the face of uncertainty // WIPO. 2023. 253 p. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

Memorandum of Understanding on Cooperation in Science, Technology and Innovation between the Governments of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa // Аналитический центр международных научно-технологических и образовательных программ (МНиОП). 2015. 18 Mar. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Memorandum-o-sotrudnichestve-i-vzaimoponimaniiv-sfere-nauki-tehnologii---i-innovatsii-.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

Moscow declaration of the 3th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting // Аналитический центр международных научно-технологических и образовательных программ (МНиОП). 2015. 28 Oct. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Moskovskaya-deklaratsiya-2015.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

National Science, Technology and Innovation Policy: Building Competitiveness through Innovation // Federal Democratic Republic of Ethiopia. 2010. Oct. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/eth209515.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

National Strategy for Science, Technology and Innovation 2030 // Ministry of Higher Education and Scientific Research of Arab Republic of Egypt. 2019. URL: https://mohehsr.gov.eg/en-us/Documents/sr_strategy.pdf (дата обращения: 29.05.2024).

The law on removing obstacles to competitive production and improving the country's financial system // Investment Service Center of Khuzestan. Islamic Council. 2014. URL: <https://investinkhz.ir/en-us/Laws-regulations-and-directives/The-law-on-removing-obstacles-to-competitive-production-and-improving-the-countrys-financial-system> (дата обращения: 29.05.2024).

Saudi Vision 2030 // Vision 2030: Kingdom of Saudi Arabia. 2016. URL: <http://vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 11.03.2024).

Zhao X. Li M., Huang M., Sokolov A. BRICS Innovative Competitiveness Report 2017 // Springer. 2018. 344 p. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/252594344.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

References

About BRICS STI Framework Programme // BRICS STI Framework Programme: официальный сайт. 2023. URL: <http://brics-sti.org/index.php?p=about> (date of access: 29.05.2024).

Balashova M.V., Buhaeva E. E., Kuklina I. R., Luksha O. P., YAnovskij A. E. Mekhanizmy podderzhki nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva mezhdru stranami BRIKS: mnogostoronnie konkursy i setevaya platforma dlya transfera znaniy i tekhnologij [Mechanisms for supporting scientific and technological cooperation between the BRICS countries: multilateral competitions and a network platform for the transfer of knowledge and technology]. Innovacii [Innovations]. 2016. N 4 (210). P. 47–54. (In Russ.)

Boдрunov S. D. Mirovye trendy ekonomicheskogo razvitiya: rol' i mesto Rossii [World economic development trends: the role and place of Russia]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]. 2023. N 3. P. 52–60. (In Russ.)

BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017–2020). IRI: Instituto de Relaciones Internacionales. 2017. 18 Jul. URL: https://www.iri.edu.ar/wp-content/uploads/2017/10/BO_Documentos_BRICS_ActionPlanforInnovationCooperation.pdf (date of access: 11.03.2024).

BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2021–2024). BRICS INDIA 2021. 26 Nov. URL: <https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-67.pdf> (date of access: 11.03.2024).

BRICS countries agree to STI led BRICS Innovation Cooperation Action Plan proposed by India. PIB Delhi. 2021. 09 Jul. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1734246> (date of access: 11.03.2024).

BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2015–2018. Analiticheskij centr mezhdunarodnyh nauchno-tekhnologicheskikh i obrazovatel'nyh programm (MNIOP): oficial'nyj sayt [Analytical Center for International Scientific, Technological and Educational Programs (MNIOP): official website]. 2015. 28 Oct. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Rabochii---plan-2015-2018.pdf> (date of access: 29.05.2024).

BRICS SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION Work Plan 2019–2022. Analiticheskij centr mezhdunarodnyh nauchno-tekhnologicheskikh i obrazovatel'nyh programm (MNIOP): oficial'nyj sayt [Analytical Center for International Scientific, Technological and Educational Programs (MNIOP): official website]. 2019. 20 Sep. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Rabochii---plan-2019-2022.pdf> (date of access: 29.05.2024).

BRICS STI Declaration 2020 of the 8th BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministerial Meeting via videoconference. Analiticheskij centr mezhdunarodnyh nauchno-tekhnologicheskikh i obrazovatel'nyh programm (MNIOP): oficial'nyj sayt [Analytical Center for International Scientific, Technological and Educational Programs (MNIOP): official website]. 2020. 13 Nov. URL: https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/BRICS-STI-Declaration-2020_adopded.pdf (date of access: 27.04.2024).

Declaration of the 7th meeting of BRICS ministers of education. BRICS RUSSIA 2020. 21 Oct. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/96/51/965199.pdf> (date of access: 11.03.2024).

Dutta S., Lanvin B., Rivera León L., Wunsch-Vincent S. Global Innovation Index 2023: Innovation in the face of uncertainty. WIPO. 2023. 253 p. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf> (date of access: 29.05.2024).

Izmenitsya li mirovoj poryadok s «obnovlennym» BRIKS: seriya blic-interv'yu PIR-Centra s Georgiem Toloraya i Serzhio Duarte [Will the world order change with the «renewed» BRICS: a series of PIR Center blitz interviews with Georgiy Toloraya and Sergio Duarte]. PIR-Centr [PIR Center]. 2023. 25 Sep. URL: <https://pircenter.org/editions/izmenitsja-li-mirovaja-sistema-s-obnovlennym-briks-serija-blic-intervju-pir-centra-s-georgiem-toloraja-i-serzhio-duarte/> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.)

Johannesburgskaya deklaraciya [Johannesburg Declaration]. Prezident Rossii: oficial'nyj sajt [President of Russia: official website]. 2018. 26 Jul. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5323> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.)

Kak vyrastet ves BRIKS v mirovoj ekonomike posle rasshireniya [How will the weight of BRICS increase in the world economy after expansion]. RBK [RBC]. 2023. 25 Aug. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/08/2023/64e76eff9a794732ef6cee82> (date of access: 27.04.2024). (In Russ.)

Kolganov A.I., Maslov G.A., Tolkachev S.A., Hubiev K.A. Imperializm 21 veka: politiko-ekonomicheskij analiz (po sledam diskussii) [Imperialism of the 21st century: political and economic analysis (following the discussion)]. Voprosy politicheskoy ekonomii [Questions of political economy]. 2022. N 3. P. 76–84. (In Russ.)

Kontaktnaya tochka innovacij BRIKS [BRICS innovation contact point]. NITU MISIS: oficial'nyj sajt [NUST MISIS: official website]. 2024. URL: <https://misis.ru/business/innovations/brics/> (date of access: 29.05.2024). (In Russ.)

Memorandum of Understanding on Cooperation in Science, Technology and Innovation between the Governments of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa. Analiticheskij centr mezhdunarodnyh nauchno-tehnologicheskikh i obrazovatel'nyh programm (MNIOP): oficial'nyj sajt [Analytical Center for International Scientific, Technological and Educational Programs (MNIOP): official website]. 2015. 18 Mar. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Memorandum-o-sotrudnichestve-i-vzaimoponimanii-v-sfere-nauki-tehnologii---i-innovatsii-.pdf> (date of access: 29.05.2024).

Moscow declaration of the 3th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Analiticheskij centr mezhdunarodnyh nauchno-tehnologicheskikh i obrazovatel'nyh programm (MNIOP): oficial'nyj sajt [Analytical Center for International Scientific, Technological and Educational Programs (MNIOP): official website]. 2015. 28 Oct. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Moskovskaya-deklaratsiya-2015.pdf> (date of access: 29.05.2024).

National Science, Technology and Innovation Policy: Building Competitiveness through Innovation. Federal Democratic Republic of Ethiopia. 2010 Oct. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/eth209515.pdf> (date of access: 29.05.2024).

National Strategy for Science, Technology and Innovation 2030. Ministry of Higher Education and Scientific Research of Arab Republic of Egypt. 2019. URL: https://mohe.gov.eg/en-us/Documents/sr_strategy.pdf (date of access: 29.05.2024).

Profil'nye ministry stran BRIKS obsudili mery podderzhki obrazovaniya [Relevant ministers of the BRICS countries discussed measures to support education]. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii Rossii: oficial'nyj sajt [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of Russia: official website]. 2020. 21 Oct. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/25573/> (date of access: 11.03.2024). (In Russ.)

Saudi Vision 2030. Vision 2030: Kingdom of Saudi Arabia. 2016. URL: <http://vision2030.gov.sa/en> (date of access: 11.03.2024).

Sotrudnichestvo so stranami BRIKS [Cooperation with the BRICS countries]. Analiticheskij centr mezhdunarodnyh nauchno-tehnologicheskikh i obrazovatel'nyh programm (MNIOP): oficial'nyj sayt [Analytical Center for International Scientific, Technological and Educational Programs (MNIOP): official website]. 2024. URL: <https://mniop.ru/experience/sotrudnichestvo-so-stranami-briks> (date of access: 29.05.2024). (In Russ.)

Strany BRIKS: razvitie nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva [BRICS countries: development of scientific and technological cooperation]. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii Rossii: oficial'nyj sayt [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of Russia: official website]. 2020. 12 Feb. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21654/> (date of access: 11.03.2024). (In Russ.)

The law on removing obstacles to competitive production and improving the country's financial system. Investment Service Center of Khuzestan. Islamic Council. 2014. URL: <https://investinkhz.ir/en-us/Laws-regulations-and-directives/The-law-on-removing-obstacles-to-competitive-production-and-improving-the-countrys-financial-system> (date of access: 29.05.2024).

UAE National Innovation Strategy. United Arab Emirates Ministry of Cabinet Affairs. Prime Minister's Office. 2014 Oct. URL: <https://u.ae/-/media/About-UAE/Strategies/Innovation-Strategy/En-national-innovation-strategy.pdf> (date of access: 29.05.2024).

Zhao X. Li M., Huang M., Sokolov A. BRICS Innovative Competitiveness Report 2017. Springer. 2018. 344 p. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/252594344.pdf> (date of access: 29.05.2024).

Е.А. Абрамова, Д.А. Дегтерев

ПОЛИТИКА ФРАНКОФОНИИ: ОСТАТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ ФРАНЦИИ В САХЕЛЕ?

***Аннотация.** Процесс суверенизации, начавшийся в странах Сахеля в контексте формирования Альянса государств Сахеля (АГС) (сентябрь 2023 г.), а затем и Конфедерации Сахельского альянса (июль 2024 г.) затрагивает и гуманитарную сферу, в том числе информационный (и шире – ценностный) суверенитет. В этом контексте особую роль приобретают пусть и остаточные, но до сих пор имеющие ключевое значение факторы французского влияния через язык (политика франкофонии), анализу которых и посвящена данная статья.*

Показана эволюция роли франкофонии на разных этапах постколониального развития Африки, включая современный. Отмечается значение данной политики в качестве инструмента французского влияния и роль «конвенциональных» африканских элит (в том числе Л. Сенгора) в продвижении данного подхода. Проведен анализ основных акторов франкофонного влияния в странах Сахеля – франкоязычной сети издательств, французских университетов и Афромальгайского совета по высшему образованию (CAMES), а также показана роль языка в начальной и средней школе стран Сахеля в том числе в рамках двуязычного подхода. Особое внимание уделяется франкоязычным медиа, как глобальным, так и созданным Францией специально для стран Сахеля.

На основе анализа местного контекста в странах АГС показана невысокая роль французского языка (владеет менее 25% населения), хотя и куда более распространенного среди текущих элит. Представлены тренды по потере французским языком официального статуса в пользу национальных языков, а также по запрету франкоязычных СМИ, ведущих антигосударственную пропаганду в странах Конфедерации. Сделаны выводы о постепенном сокращении роли французского языка как инструмента внешнеполитического влияния Франции в регионе, лишении его политической составляющей.

***Ключевые слова:** Франция; Сахель; Конфедерация; неоколониализм; ценностный суверенитет; суверенизация; франкофония.*

Абрамова Екатерина Александровна – младший научный сотрудник, аспирант, Институт Африки РАН. Россия, Москва.

E-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6761-4215

Дегтерев Денис Андреевич – доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН. Россия, Москва.

E-mail: ddegterev@inafr.ru

Scopus Author ID: 57194638393

ORCID: 0000-0001-7426-1383

Abramova E.A., Degterev D.A.

Francophony policy: residual influence of France in the Sahel?

Abstract. *The process of sovereignization initiated in the Sahel countries with the formation of the Alliance of Sahel States (ASS) in September 2023, followed by the establishment of the Confederation of the Sahel Alliance in July 2024, has extended into the humanitarian sphere, including information sovereignty – and more broadly, value sovereignty. In this context, the residual yet still significant factor of French influence through language (Francophonie policy) takes on particular importance, as explored in this article.*

The article examines the evolving role of Francophonie at various stages of Africa's postcolonial development, including the present period. It highlights the significance of Francophonie as a tool of French influence, as well as the role of “conventional” African elites, such as Léopold Senghor, in advancing this agenda. The analysis of the main actors supporting Francophone influence in the Sahel is conducted, including the French-language publishing network, French universities, and the African and Malagasy Council for Higher Education (CAMES). The role of the French language in primary and secondary education within the Sahel is also examined, particularly in the context of bilingual education approaches. Special attention is paid to French-language media, both global and those specifically launched for the Sahel region.

An analysis of the local context in the ASS countries reveals the limited role of the French language, spoken by less than 25% of the population, despite its wider prevalence among current elites. The study also identifies emerging trends, such as the gradual loss of the French language's official status in favor of national languages and the prohibition of French-language media engaging in anti-state propaganda within the Confederation countries.

The article concludes with observations on the gradual decline of the French language as a tool of France's foreign policy influence in the region, resulting in the erosion of its political significance.

Keywords: *France; Sahel; Confederation; neocolonialism; value sovereignty; sovereignization; Francophonie.*

**Abramova Ekaterina Aleksandrovna – Junior Research Fellow, PhD Candidate,
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru
ORCID: 0009-0004-6761-4215**

**Degterev Denis Andreevich – Doctor of Political Sciences, Candidate of Economic
Sciences, Professor, Principal Research Fellow, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: ddegterev@inafr.ru
Scopus Author ID: 57194638393
ORCID: 0000-0001-7426-1383**

*Французский язык – Солнце, которое светит за пределами Франции
(Леопольд Седар Сенгор, 1962 г., журнал «Esprit»)*

Введение

В сентябре 2023 г. переходные лидеры Мали, Нигера и Буркина-Фасо, пришедшие к власти на волне антифранцузских настроений в 2021–2023 гг., подписали Хартию Липтако-Гурма, учреждающую Альянс государств Сахеля (АГС), альтернативный продвигаемому Парижем «минилатеральный» формат взаимодействия [Лошкарёв 2023]. В июле 2024 г. страны – члены АГС пошли еще дальше в региональной интеграции, подписав Хартию о Конфедерации Сахельского альянса.

Новое объединение представляет по своей сути проект «коллективной опоры на собственные силы», вначале – в сфере безопасности, впоследствии – в экономической и других сферах [Дегтерев 2024]. На первом этапе АГС реализован демонстративный разрыв отношений с «коллективным Западом» в первую очередь с бывшей метрополией в лице Франции. Он пришелся, так или иначе, на все ключевые сферы межгосударственного взаимодействия, включая разрыв соглашений о военном сотрудничестве и вывод войск Франции, ЕС и ООН; выход государств АГС из ЭКОВАС; разрыв соглашений о двойном налогообложении с Францией; отзыв разрешения у французской компании Orano на эксплуатацию уранового рудника Имурапен и проч.

Однако поступательное освобождение от неоколониальных инструментов структурной власти Франции в Сахеле [Давидчук, Дегтерев, Сидибэ 2022, с. 52–55] предполагает и укрепление ценностного суверенитета [Дегтерев, 2022], затрагивающего в том числе и вопросы языковой политики. В фокусе внимания авторов – судьба сахельского измерения франкофонии, глобального проекта французской экспансии, а впоследствии – и сохранения присутствия в бывших колониях в рамках стратегии «новой франкофонии» [Стрельцова 2024]. Страны АГС отказались от военного присутствия Пятой республики – в какой степени, стоит ожидать, они продвинулись в отказе от языка бывшей метрополии, определяющего код национальной идентичности? Возможно ли в данном контексте делать выводы об окончательном уходе Франции из Сахеля?

Французский: язык panaфриканизма или неоколониализма?

*«Французский - язык panaфриканизма...»
(Из речи президента Франции Э. Макрона в преддверии
38-го Саммита франкофонии, 2022 г.)*

Свою институциональную форму проект франкофонии обрел в 1970 г. с созданием Агентства по культурному и техническому сотрудничеству¹.

1. С 1998 г. – Межправительственное агентство Франкофонии; с 2005 г. – Международная организация Франкофонии (МОФ).

Любопытно, что среди отцов-основателей первых институтов франкофонии был Амани Диори, президент Республики Нигер, в столице которой (Ниамей) в итоге и произошло учреждение Агентства. В интервью 1967 г. Амани Диори, годом ранее обратившийся к Шарлю де Голлю с предложением о создании международной франкоязычной организации, заявил о том, что прежняя сдержанность Елисейского дворца в отношении проекта франкофонии в прошлом – отныне в данном вопросе Париж поддерживает политический курс в соответствии с идейными воззрениями президента Туниса Х. Бургибы² и президента Сенегала Л. Сенгора [Interview 1967] (их имена наряду с А. Диори будут вписаны в историю МОФ). Во избежание обвинений в практике неокOLONIALИЗМА и, что вполне возможно, существенных финансовых издержек³, Франция поначалу занимала осторожную позицию и предпочла, чтобы инициатива франкофонии исходила от бывших колониальных владений или же, по крайней мере, воспринималась в качестве таковой [Коренчук 1981, с. 71].

Единственно доподлинно известным является происхождение самого термина «франкофония», принадлежавшего перу французского географа О. Реклю (1837–1913) (O. Reclus). В датируемой 1880-м годом его работе «Франция, Алжир и колонии», написанной в оправдание французской колониальной практики, он очерчивает контуры франкофонного пространства – 47–48 млн носителей французского языка и гуманистических ценностей французской цивилизации («сообщество мысли») (*фр. la communauté de pensée*). Обескураженный военным поражением Франции в 1871 г., О. Реклю связывал будущее Французской империи исключительно со странами Африканского континента: «именно в Африке, и только в Африке, мы должны добиваться расширения нашей (франкофонной. – Прим. авторов) семьи», призванного компенсировать ее изъяны и недостатки⁴ [Reclus 1917]. Однако

2. Расположенному в самом сердце Сахаро-Сахельского региона государству Нигеру отводилась роль связующего звена между арабо-берберским и негритянским миром и, по признанию самого Х. Бургибы, ключевая роль в реализации проекта франкофонии («идеологическая ось Тунис-Нигер») [Коренчук 1981].

3. Среди других небезосновательных объяснений подобной позиции – скепсис голлистов к многосторонним межправительственным институтам, которые могли в перспективе сдерживать свободу рук в реализации преследуемой ими политики «национального величия» (вспомним позицию Франции в отношении проектов европейского строительства); восприятие французского языка как неотъемлемой части национальной идентичности Франции [Martin 2023].

4. Идейные воззрения О. Реклю (центральным элементом которых является геокультурное пространство франкофонии) можно соотнести с концепцией «жизненного пространства» (нем. – *Lebensraum*), продвигаемой известнейшим представителем немецкой геополитической школы того же времени Ф. Рацелем (Friedrich Ratzel) (1844–1904). В данном отношении концепция «франкофонии» предстает в качестве ответа на вызов со стороны германского империализма (главного антагониста Франции со времен франко-прусской войны 1870–1871 гг.). Однако если главным триггером для расширения жизненного пространства государства,

более полувека понятие «франкофония» оставалось на периферии французского общественно-политического дискурса.

Молчание было прервано резонансным выпуском журнала *Esprit* от 1962 г., посвященного международной роли французского языка, где были опубликованы в том числе материалы авторства Л.С. Сенгора. В образном представлении первого президента независимого Сенегала франкофония являла собой некий симбиоз «спящих энергий» всех континентов и рас, а французский язык – его интегрирующее начало [Senghor 1962] (что было в точности созвучно с тезисами французского географа XIX столетия). Так в условиях падения колониальной империи понятие «франкофония» не только стремительно и резонансно вошло в широкий лексический оборот, но и стало обретать более четкие концептуально-теоретические очертания. «Забытая» формула имперского доминирования теперь проводилась в жизнь теми, на кого оно было направлено, т. е. бывшими французскими колониями.

В оправдание *raison d'être* международных институтов франкофонии Л.С. Сенгор подчеркивал, что это прежде всего культурно-цивилизационный проект, «определенный образ мышления и действий», свойственный всему французскому («французскости» – фр. *francité*) [Senghor 1966]. В поддержку обличителей «Франсафрик» [Абрамова, Дегтерев, 2024, с. 10–11; Филиппов, 2024] стоит, однако, заметить, что эта «французскость» относится по большей части к элитарным кругам «франкофонной Африки» (*«говорят по-французски лучше, чем на африканских языках»*) [Senghor 1966]), составляющих языковое меньшинство – за исключением разве что Габона, Конго или ДРК с более 50% франкофонов в составе населения.

Рассуждая о культурной направленности глобального проекта франкофонии, лидер Сенегала допустил в то же время высказывание о неприменимости в африканском сознании логики дихотомии (*культура versus политика*). По его мнению, невозможно рассматривать вопрос языкового обеспечения образовательного процесса вне политического контекста в том или ином государстве [Senghor 1962]. Соответственно, декларируемая миссия организации эволюционировала, обрастая политической компонентой. Содействие продвижению мира, демократии и правам человека – вторая из четырех в иерархии целей МОФ⁵ (разумеется, после «продвижения французского языка и культурного и языкового разнообразия») [La Francophonie en bref].

по Ф. Рацелю, является расцвет его потенциала (как внутри-, так и внешнеполитического), который не должен сдерживаться перманентными географическими границами, то расширение франкофонного пространства обуславливается скорее обратной динамикой.

5. Данное измерение деятельности франкофонии было закреплено принятой в 2006 г. на министерской конференции государств – членов МОФ Декларацией «Предотвращение конфликтов и человеческая безопасность» (*Prévention des conflits et Sécurité humaine*) (г. Сен-Бонифас, Канада).

Пожалуй, зона Сахеля как один из эпицентров международных усилий в сфере проблем безопасности и развития приобрела значение ключевого географического направления для реализации политических амбиций МОФ, которая выступила в 2020 г. в числе инициаторов Коалиции [Андронova и др. 2023, с. 32–34]. МОФ, как инструмент внешней политики Франции, осудила военные перевороты в Мали, Буркина-Фасо и Нигере, вплоть до исключения последнего из своих институтов⁶ [La francophonie en bref 2024].

Критики «Франсафрик» справедливо отмечают многоаспектное значение проекта франкофонии, выходящего далеко за границы культурного пространства [La Francophonie, nouveau 2008; Francophilie et economophilie 2014]. На уровне документов стратегического планирования Пятой республики это нашло выражение в концепции «дипломатии влияния» (*фр.* – *diplomatie d'influence*), основу которого наряду с инструментами экономической дипломатии составляет международная культурная и языковая политика.

Еще в докладе президенту Ф. Олланду видный французский экономист, советник президента Миттерана в 1981–1991 гг. Ж. Аттали обращал внимание на то, что экономический потенциал франкофонии используется в недостаточной степени и что неблагоприятные тенденции в сфере франкофонного влияния чреваты серьезными экономическими издержками (снижение привлекательности и конкурентоспособности французской продукции, крах континентального права в пользу англосаксонского коммерческого права и проч.) [Attali 2014].

Однако дальше других в саморазоблачении истинных целей французской внешней политики в Африке пошел заместитель министра иностранных дел по вопросам сотрудничества Ивон Бурж, который 23 октября 1967 г. напрямую заявил в Национальном собрании: «И, естественно, первой задачей моего Министерства является содействие проникновению французского языка и культуры в страны Африки и Мадагаскара... Вторая цель, которую мы предлагаем, является экономической... Поддержание и развитие французских коммерческих и промышленных интересов также представляют собой постоянную заботу МИД...» [Débats Parlementaires 1967, p. 4087–4088].

6. Инициатива временного исключения Нигера из МОФ исходила от самой организации, что, однако, не затрагивало программ, «приносящих непосредственную пользу гражданскому населению стран» и «способствовавших восстановлению демократии» [Le CPF suspend]. Нуамей, в свою очередь, объявил о полной приостановке всех видов сотрудничества с организацией, преследующей национальные интересы Пятой республики.

Агенты франкофонного влияния в зоне Сахеля «Франкофония: какой адрес?»

Правильный ответ на данный гипотетический вопрос – Париж, VI муниципальный округ (квартал Сен-Жермен-де-Пре), где расположена одна из архитектурных достопримечательностей – здание Французской академии (Académie française). Основанная в 1634 г. под патронажем кардинала Ришелье, Французская академия, в задачи которой входила унификация французского языка (главный результат – издание словаря), по сути, являлась первым институтом франкофонии, обеспечивающим интересы территориальной и колониальной экспансии [Inside the Académie].

Именно здесь в 2018 г. президентом Э. Макроном была представлена международная стратегия Пятой республики по продвижению французского языка и многоязычности, в которой, фактически, подтверждалась его значимость в качестве проводника «дипломатии влияния» Франции («усиление проникновения французского должно распространяться на все знаковые сферы международной жизни: медиапространство, дипломатия, экономика» и др.) [Discours d'Emmanuel Macron 2018; Стрельцова 2024].

В связи с этим не является случайностью и то, что именно VI муниципальный округ одной из литературных столиц мира стал центром сосредоточения ведущих французских издательств (см. рис. 1), которые пользуются преимущественным, если не сказать монопольным, правом на издание франкоязычной африканской литературы. В самом деле, кроме *L'Harmattan* (V округ) и *Karthala* (XIII округ) все основные ключевые издательства сосредоточены именно в VI округе. По сути, это пример доведенной до абсолюта овеществленной иерархии в управлении знаниями франкоязычного мира, превосходящей аналогичные иерархические структуры псевдоглобальной англо-саксонской науки [Лункин и др. 2023, с. 429–430].

В рамках «глокальной» стратегии африканским издательствам отводится скорее роль периферии в централизованной системе издания и дистрибуции франкофонных произведений, а Африканскому континенту – рынка сбыта французской книжной продукции [Thierry 2017]. При взаимодействии с некогда существовавшим Министерством сотрудничества внешнеполитическому ведомству Пятой республики удалось выстроить с бывшими африканскими колониями центр-периферийную систему книжной кооперации. Это способствовало в том числе разрешению кризиса перепроизводства, с которыми столкнулись многие французские издательства, под знаком «цивилизаторской миссии» и распространения французского как «языка прогресса» в формате инициатив содействия развитию, куда вовлекались различные неправительственные структуры [Thierry 2017].

Парадоксальным образом, Париж стал центром движения за «библиоразнообразие», оформившегося вокруг Международного альянса независимых

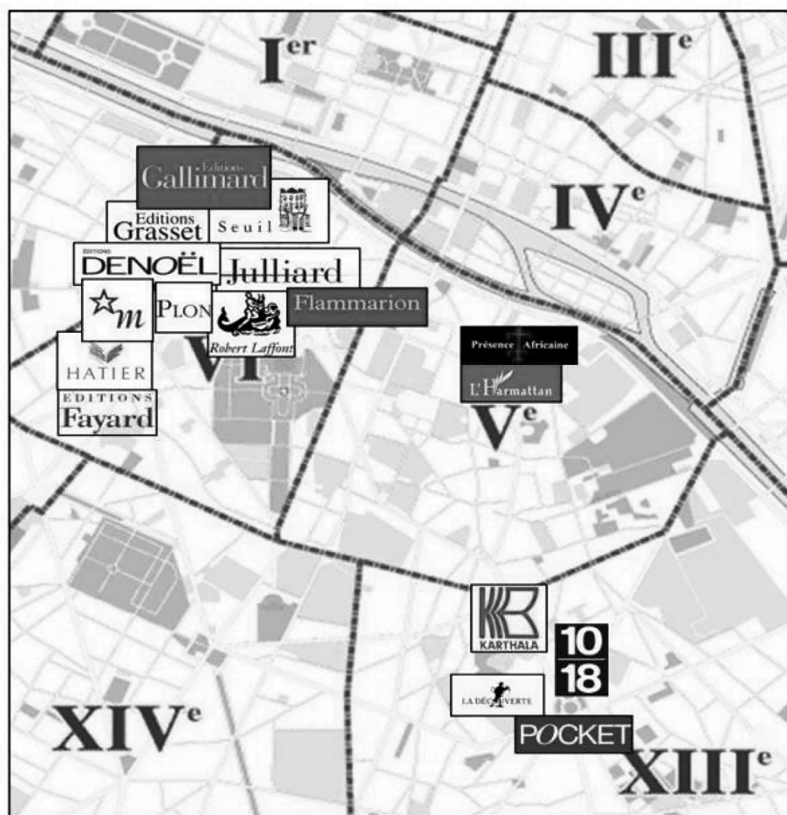

Рис. 1. Французские издатели африканской литературы по муниципальным округам Парижа

Источник: Thierry R. Le marché du livre africain francophone et ses enjeux géopolitiques. (2017)

издателей (*Alliance internationale des éditeurs indépendants*)⁷. Некоммерческая ассоциация, объединяющая 80 издательств из 60 стран мира (в том числе из Мали, Нигера и Буркина-Фасо), функционирующая при поддержке МОФ и якобы способствующая «распространению продукции с Юга на Север, пытаясь, хотя и в скромном масштабе, обратить вспять односторонний торговый

7. «Библиоразнообразие» (фр. – *bibliodiversité*) – это часть более широких инициатив по позиционированию Франции в мире, как защитницы различных форм разнообразия. Речь идет как о языковом разнообразии (французский язык пытается противостоять англоязычному гегемонизму), так и биологическом разнообразии (различные программы Франции по охране окружающей среды в странах «Глобального Юга»). Таким образом, формируется ассоциативный ряд, позиционирующий Францию как сторонницу цивилизационного многообразия.

поток». В данный альянс входят ключевые издательства стран Сахеля, в том числе малийские *Cauris Livres*, *Editions Tombouctou*, *Jamana*, буркинийская *Sankofa & Gurli Editions* и нигерская *Gashingo*. При этом особый акцент уделяется сотрудничеству издательств в области гуманитарных и социальных наук, молодежной и школьной литературы, т. е. сферам, формирующим ценностные установки молодых африканцев [Alliance internationale 2024].

Научно-образовательные учреждения

Взаимодействие в научно-образовательном секторе можно определить в качестве магистрального направления деятельности в рамках системы франкофонии, хотя бы в связи с тем, что такие операторы МОФ, как Конференция министров образования и Университетское агентство франкоязычных стран, предвосхитили за десять лет учреждение Агентства по культурному и техническому сотрудничеству (созданы в 1960 и 1961 гг.). Другое звено в системе операторов МОФ – образованный в 1989 г. Международный университет французского языка в интересах развития Африки (г. Александрия, Египет), названный в честь отца-основателя франкофонии Л.С. Сенгора. Кампусы университета разбросаны практически по всем субрегионам континента, охватывая все страны-форпосты французского военного присутствия во франкофонной Африке (Чад – в Сахаро-Сахельском регионе, Сенегал и Кот-д’Ивуар – в Западной Африке, Габон – в Центральной, Джибути – в регионе Африканского Рога). По данным на 2022 г., среди 3700 выпускников университета 439 – выходцы из Буркина-Фасо (где расположен один из университетских кампусов⁸), 146 – из Мали и 125 – из Нигера [A major player 2022].

Важную и пока еще малоизученную роль в продвижении франкоцентричной модели высшего образования играет и Афромальгашский совет по высшему образованию (Conseil Africain et Malgache pour l’Enseignement Supérieur, *CAMES*), формирующий образовательные стандарты для бывших французских колоний с 1968 г. Примечательно, что первый генеральный секретарь организации (1968–1981 гг.), «конвенциональный» буркинийский интеллектуал Жозеф Ки-Зербо, был персоной нон-грата в Буркина Фасо в период правления Т. Санкара. Штаб-квартира *CAMES*, кстати, расположена в г. Уагадугу.

Наряду с продвигаемым Ж. Аттали термином «экономическая франкофония»⁹ [Attali 2014] авторам встретилась и другая тематическо-отра-

8. Вероятно, в том числе по той причине, что в Буркина-Фасо проживает более существенная группа франкофонного населения, чем в Мали и Нигере.

9. Смысл политики Франкофонии был выражен одним из французских депутатов емкой формулой: «Французы приезжают с Клодом Дебюсси и уезжают с атомной электростанцией» [Ndiaye 2022].

слева́я вариация данного понятия («научная франкофония»), что в очередной раз иллюстрирует многоаспектность французской «дипломатии влияния». Главная миссия политики «научной франкофонии» (фр. – *Francophonie scientifique*) – способствовать укреплению утилитарности французского языка, как в рамках, так и посредством научно-образовательной среды [Livre Blanc... 2021].

В первую очередь, в продолжение французской «цивилизаторской миссии», речь идет о борьбе с неграмотностью (т.е. об увеличении числа носителей французского языка). С 2011 г. МОФ при финансовой поддержке МИД Франции и Французского агентства развития (ФАР) реализует программу ELAN («Школа и национальные языки в Африке»), продвигающую двуязычный подход (французский и местный языки) в системе школьного образования стран-партнеров из франкофонной Африки. Например, образовательная система Нигера начала переход на данную модель с 2012 г.

В первые годы обучения используется язык, на котором говорят в семье ученика, далее с 4 класса 50% обучения происходит на французском языке [Niger eyes..., 2023]. Таким образом, африканские языки низводятся до статуса «опорных», на основе которых стимулируется изучение языка бывшего колонизатора, а официальный дискурс о языковом и культурном многообразии на практике обращается стандартизацией в интересах продвижения франкофонии [Ndiaye 2022]. Неслучайно, французские средние школы в Африке, где ведется подготовка местной элиты, в представлении бывшего посла Франции в Сенегале Ж.-К. Рюфина, остаются «последним бастионом французского влияния на континенте» [там же].

Впрочем, расширение доступа к начальной и средней ступеням образования лишь в ограниченных масштабах оказалось способным выполнять функцию драйвера распространения французского языка в развивающихся странах Африки. Даже ангажированная в данном вопросе МОФ была вынуждена признать, с отсылкой на стагнацию последних десяти лет в плане увеличения франкофонного населения АЮС, наличие предела («поглотить остаточную “нефранкоязычность” гораздо сложнее, нежели расширить узкий круг франкоговорящих») [Une francophonie plus 2022]. Именно «конвенциональная» африканская элита зачастую сама выступала против преподавания на любом другом языке, кроме французского [Cornevin 1967], хотя и объяснялось это, как представляется, в числе прочего ее узконаправленными интересами (сохранение привилегированных связей с Францией, а внутри страны – атрибуты принадлежности к высшим эшелонам общественной иерархии).

Кроме того, французский язык открывает доступ к учреждениям высшего образования франкофонного пространства. Несмотря на обозначенную в докладе Ж. Аттали «нехватку языкового патриотизма» в образовательной сис-

теме страны¹⁰ [Attali 2014], Франция по-прежнему остается наиболее частым направлением для студентов из франкофонной Африки, в особенности из Сенегала, Кот-д’Ивуара и Камеруна (стратегических союзников Парижа и главных реципиентов французской помощи развитию в АЮС. – *Прим. авторов*), – по данным Campus France¹¹ на 2022 г., Мали, Нигер и Буркина-Фасо входят лишь во вторую десятку крупнейших стран-доноров для Франции по данному критерию [Les grandes tendances 2022].

Таким образом, университеты выступают важным двигателем франкофонии, который функционирует в том числе за счет масштабных вливаний Пятой республики в форме иностранной помощи¹². Даже на фоне обострения проблемы неграмотности и кризиса начального образования в Мали (см. ниже), наибольшие объемы французской ОПР в образовательный сектор страны-реципиента приходились на подкатегорию «высшее образование». В годы президентства Ф. Олланда (2012–2017) объем этих выплат ежегодно достигал от 11 до 15 млн долл. США, что приблизительно в 2 раза превышало совокупный объем помощи, направленной на расширение доступа к начальному образованию в стране-реципиенте за весь обозначенный период. По сути, почти 14 млн долл. от объема ежегодной французской ОПР Мали не достигало территории страны-бенефициара, оставаясь в экономике государства-донора в форме стипендий и иных расходов на обеспечение студентов [Creditor reporting 2024].

Средства массовой информации

Поступления от уплачиваемого французскими гражданами налога на добавленную стоимость на 95% финансирует деятельность крупнейшей французской медиагруппы *France médias monde*, объединяющей новостной канал «Франция-24» (*France 24*), Французское международное радио (*RFI*), «Мон-

10. Нехватка «языкового патриотизма» в образовательной системе Пятой республики, согласно докладу, выражается, например, в том, что некоторые университеты Франции переходят на английский язык, таким образом французский теряет статус инструмента передачи знаний даже внутри самого ядра глобального франкофонного пространства.

11. Французский государственный центр информации по вопросам получения высшего образования во Франции (учрежден под патронажем МИДа и Министерства образования) – еще один инструмент продвижения франкофонии.

12. Представляется весьма уместным обратиться к изречению первого президента Пятой республики генералу де Голлю, иллюстрирующему то, как международная помощь выступает в качестве инструмента французской внешней политики, согласуясь с задачами политики франкофонии: «Чтобы избежать вытеснения французского влияния иностранным, чтобы африканские народы говорили на нашем языке и разделяли нашу культуру, мы должны предоставлять им помощь» [Marchesin 2021].

те-Карло Дуалия» (*Monte Carlo Doualiya*). Охватывающая широкую иностранную аудиторию на пяти континентах, транслируя программы на 20 языках, *France médias monde* провозглашает содействие продвижению франкофонии в качестве одной из целей своей деятельности [Francophonie Plurilinguisme].

Хотя медиагруппа подчеркивает независимый статус от государственного бюджета, по сути, она проводит политику в фарватере французской стратегии «дипломатии влияния», построенной на лозунгах о культурном и языковом многообразии. Наиболее очевидные результаты, как видится, в АЮС добилась *RFI*, занимавшая в данном регионе первое место среди международных радиостанций, в том числе за счет вещания на африканских языках. Особенно востребованными оказались языки народов Сахаро-Сахельского региона (фула, языки манде).

С 2017 г. дочерней компанией французской медиагруппы является *Canal France International* – государственное агентство по поддержке СМИ, финансируемое МИД Франции, Французским агентством развития и ЕС. География деятельности по большей части сосредоточена на Африканском континенте: в 2020–2023 гг. в рамках проекта *Desinfox Africa*, направленного на противодействие якобы «фейковым новостям» в африканском информационном пространстве, агентство взаимодействовало с 60 журналистами из стран франкофонной Африки (в том числе из Буркина-Фасо), причем в конце 2023 г. были запущены аналогичные проекты для Нигера (*Desinfox Niger*) и Сахеля (*Desinfox Sahel*) [About CFI 2024].

В отличие от *France médias monde*, международная телевизионная сеть *TV5Monde* (один из операторов МОФ) ведет вещание исключительно на французском языке (в число языков, на которых предусмотрена трансляция субтитров, не входят африканские языки), что, однако, не помешало завоевать многомиллионную аудиторию ряда стран Африки, в частности Мали, где уровень (проникновения/охвата) достигает 97%. Поскольку радио является важным средством массовой информации в странах АЮС (особенно в отдаленной местности, где распространена проблема доступа к Интернету), в 2020 г. по инициативе Франции, ЕС и стран «Сахельской пятерки» был запущен проект «Радио для молодежи Сахеля» (*Radio Jeunesse Sahel*) – «стратегический ответ франкофонии на проблемы мира и безопасности, которые затронули судьбы 82 млн человек населения региона» [Radio Jeunesse 2023]. Ориентированное на концепцию «культурного и языкового многообразия», радио, обосновавшееся в 2022 г. в штаб-квартире в г. Уагадугу, транслирует программы не только на французском, но и на наиболее распространенных языках Сахаро-Сахельского региона (бамбара, мооре, фула, хауса и арабский).

Альянс государств Сахеля: на пути к культурному суверенитету

В действительности менее четверти населения стран АГС, где до недавнего времени французский пользовался статусом «официального языка», можно отнести к представителям франкофонного мира – менее 25% буркинийцев, 17% и 13% – жителей Мали и Нигера [Une francophonie plus 2023]. По большому счету, языком бывшей метрополии владеют только представители привилегированных семей, зачастую отдающие предпочтение учреждениям французской образовательной сети.

Неискоренённая проблема доступа к образовательным услугам сохраняет первостепенное значение в повестке национального развития стран Сахеля, отчасти объясняя невысокие показатели распространенности французского языка в регионе, доля грамотного населения здесь едва ли достигает отметки в 40% (!). Не прошли бесследно для малийской образовательной системы нарастающие кризисные тенденции в сфере безопасности: на фоне приостановки деятельности сотен образовательных учреждений в северных и центральных регионах страны прежде демонстрировавшие устойчивую динамику роста показатели уровня грамотности снизились с 35% в 2015 до 31% в 2020 г. [Literacy rate 2024].

Предпринимаемые на фоне демографического бума в регионе инициативы в сфере демократизации школьного (прежде всего начального) образования¹³, напротив, только способствуют популяризации африканских языков в ущерб французскому. Если языком преподавания в средних и высших учебных заведениях, куда открыт доступ меньшей части населения стран Сахеля, является французский, то на начальном этапе обучения применяется двуязычный подход (местный язык и французский язык), позволяющий упростить процесс обучения.

«Написание новой Конституции – это вопрос политического, экономического и культурного суверенитета. Никто не может по-настоящему развиваться на основе концепций других» [Le Burkina Faso révisé 2023], – прозвучало в заявлении премьер-министра Буркина-Фасо А.И.К. де Тамбела, где, как и малийскими властями, был принят законопроект о пересмотре конституции. Согласно поправке, французский теряет статус официального языка в пользу национальных языков, переходя в разряд рабочего языка наряду с английским. Подобные решения, затрагивающие конституционное устройство стран-ини-

13. Согласно данным ЮНЕСКО по Нигеру, с 2012 г. динамика увеличения числа детей, посещающих начальную школу, не отставала от темпов роста населения страны (которые, напомним, являются одними из самых впечатляюще высоких в Африке), составив 35%. Однако это, в свою очередь, означает, что в процентном отношении охват начальным образованием в стране остается на прежнем уровне (70%) [Education (Niger)].

циаторов, свидетельствуют о том, что курс лидеров АГС на отход от французского влияния имеет долгосрочный характер. Демонстративный разрыв сотрудничества с институтами французской дипломатии (как, например, в случае Нигера и МОФ), ограничение деятельности ведущих антигосударственную пропаганду французских СМИ [Лидер Буркина-Фасо 2023] (телеканалов *France 24*, *LCI*, радиостанции *RFI*, *TV5Monde*, газеты/журнала *Le Monde*, *Libération*, *Jeune Afrique* и др.) должны подкрепляться внутренними реформами – с перспективой содействия формированию культурной общности стран АГС, обозначенной государственным деятелем Буркина-Фасо М. Соме [Соме 2024].

Очевидным образом, реформы затронут образовательный сектор, где тенденция на внедрение африканских (теперь уже – официальных) языков может распространиться на учреждения не только начального, но и среднего и высшего образования. В немалой степени этому поспособствует и приостановка французских программ официальной помощи развитию Мали и Нигеру¹⁴, одной из важных расходных статей которых было обучение выходцев из стран-реципиентов в образовательных учреждениях Франции, как и их стипендиальная поддержка. При этом при сохранении двуязычного паттерна обучения роль французского может постепенно перейти к английскому, который, как язык международного делового общения, окажется более востребованным на рынке труда стран АГС.

Обратим внимание, что существенная часть экономических связей в странах АЮС происходит в неформальном секторе (в Нигере на него приходится порядка 80%), где предпочтение отдается местным языкам [Attali 2014]. К тому же английский язык сохраняет лидирующее положение в качестве инструмента коммуникации в глобальном научно-образовательном пространстве, тогда как значение французского языка, напротив, девальвируется. Чтобы получить возможность опубликоваться в высокорейтинговых научных журналах, исследователи-франкофоны вынуждены предоставлять результаты научно-исследовательской деятельности на английском языке [Livre blanc... 2021].

Что касается устремлений стран Сахеля к информационному (и шире – к ценностному) суверенитету, то приводимые журналом *Jeune Afrique* прогнозы формирования в регионе «самого масштабного информационного вакуума в Африке» [Au Sahel 2023] явно преувеличены. В насыщенном информационном пространстве, например, Мали (500 радиостанций, более 200 частных

14. В продолжение анализа дискурса Ш. де Голля о целеполагании в основе французской политики международной помощи приведем другое не менее откровенное его высказывание: «Все слаборазвитые страны, которые еще вчера зависели от нас, а сегодня являются нашими друзьями, просят нашей помощи и поддержки. Но зачем нам предоставлять помощь в том случае, если она того не стоит?» [Marchesin 2021].

газет, более 30 телевизионных каналов) [Djingarey 2021, p. 18] французскую нишу способны занять как местные СМИ (увы, главная извечная проблема – недофинансирование), так и платформы, продвигаемые незападными игроками (в частности, Россией, Турцией, Китаем, арабскими странами). Стоит также заметить, что по уровню освоения интернет-пространства французский язык не входит и в первую пятерку лидеров, обеспечивая менее 10% массива информации в Интернете.

В условиях проводимого лидерами государств АГС курса на суверенизацию и выхода из французской зоны «привилегированного влияния» (*фр. – pré carrée*) навык владения языком бывшей метрополии, вероятнее всего, будет терять прежнюю роль атрибута принадлежности к узкой элитарной прослойке общества по мере маргинализации компрадорских элит. Ожидается, что с получением статуса официального языка волоф, бамбара, мооре и другие языки африканских народов будут звучать еще громче на улицах городов Бамако и Уагадугу, сокращая и без того достаточно ограниченное франкофонное пространство в зоне Сахеля.

Вместе с тем не стоит игнорировать тот факт, что насчитывающая более ста лет геополитическая концепция франкофонии в некотором смысле являлась продуктом кризисного периода в истории французского империализма и обретала свою реальную институциональную форму на фоне распада колониальной системы. Не исключено, что нынешняя «агония Франсафрик» [Рубинский 2024; Филиппов 2024], эпицентром чего стал регион Сахель, послужит триггером для очередного «ренессанса» проекта франкофонии в международной политике Пятой республики. Пока же отметим, что достижение культурного суверенитета стран-антагонистов французскому влиянию в Сахеле в немалой степени зависит от того, как ими будет всесторонне реализовываться политика «опоры на собственные силы», в том числе в ее коллективном формате Конфедерации.

Библиография

Андропова А.Р., Богдасарова Т.С., Бокерия С.А., Гаджиев А.Г., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Дубровский И.Р., Картунов А.В., Лошкарев И.Д., Мезяев А.Б., Никольская М.В., Никулин М.А., Никэз Аду Яо, Трунов Ф.О. Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке. М.: НП РСМД, 2023. 72 с. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/zapadnye-i-nezapadnye-aktory-v-obespechenii-bezopasnosti-v-afrike/?ysclid=m8x4fibkky923533336> (дата обращения: 26.06.2024).

Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50–78.

Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 60–81.

Дегтерев Д.А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. № 22 (02). С. 352–371.

Дегтерев Д.А., Абрамова Е.А. «Архитекторы Франсафрик»? Экспертно-аналитическое обеспечение современной политики Франции в Африке // Современная Европа. 2024. № 5. С. 74–87.

Коренчук Е.Г. Французский неокOLONIALИЗМ в Тропической Африке (1958–1972 гг.). Москва: УДН, 1981. 104 с.

Лидер Буркина-Фасо объяснил отключение французских СМИ их пропагандой // РИА Новости. Москва. 2023. 31 июля. URL: <https://ria.ru/20230731/smi-1887323791.html?in=t> (дата обращения: 26.06.2024).

Лошкарев И.Д. Альянс государств Сахеля: стартовые трудности как ресурс развития // РСМД. 2023. 18 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/alyans-gosudarstv-sakhelya-startovye-trudnosti-kak-resurs-razvitiya/> (дата обращения: 21.06.2024).

Лункин Р.Н., Гу Хо Ом., Дегтерев Д.А., Клемешев А.П., Кузнецова Т.Ю., Федоров Г.М. Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. № 16 (04). С. 428–436.

Рубинский Ю.И. Агония «Франсафрик» // Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик». М.: Институт Европы РАН; «Весь Мир», 2024. С. 5–7.

Соме М. «Главная задача – вернуть народам Сахеля суверенитет» // РСМД. 2024. 25 апр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/glavnaya-zadacha-vernut-narodam-sakhelya-suverenitet/> (дата обращения: 26.06.2024).

Стрельцова Я.Р. Франкофония: новые подходы Эммануэля Макрона // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 28–38.

Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144–156.

A major player in training and capacity building for executives on African development. Alexandria: Senghor University, 2022. 36 p.

About CFI // CFI Media Development. 2024. URL: <https://forum.cfi.fr/en/about-cfi/> (дата обращения: 13.07.2024).

Alliance internationale des éditeurs indépendants // Bibliothèque nationale de France. 2024. URL: <https://cnlj.bnf.fr/fr/organisme/alliance-internationale-des-diteurs-ind-dependants> (дата обращения: 13.07.2024).

Attali J. La francophonie et la francophilie, moteurs de croissance durable, rapport à François Hollande, président de la République Française // La Documentation française. Paris, 2014. 246 p.

Au Sahel, des journalistes plus que jamais sous pression // Jeune Afrique. 2023. 3 Avril. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1432642/archives-thematique/au-sahel-des-journalistes-plus-que-jamais-sous-pression/> (дата обращения: 20.06.2024).

Cornevin R. Francophonie ou idiome ancestral? // Monde diplomatique. Paris. 1967. Février. P. 6. Creditor Reporting System (CRS) // OECD. 2024. URL: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения: 18.06.2024).

Débats Parlementaires. Assemblée Nationale. Compte rendu intégral des séances. Le séance du mercredi 25 Octobre 1967 // Journal officiel de la République Française. 1967. Jeudi 26. Oct. URL: <https://archives.assemblee-nationale.fr/3/cr/1967-1968-ordinaire1/026.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

Discours d'Emmanuel Macron à l'Institut de France sur l'ambition pour la langue française et le plurilinguisme // Elysée. 2018. 20 Mars. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/03/20/discours-demmanuel-macron-a-linstitut-de-france-sur-lambition-pour-la-langue-francaise-et-le-plurilinguisme> (дата обращения: 30.06.2024).

Djingarey P.S. Défis des médias au Burkina Faso, Mali et Niger, avec un accent particulier sur la couverture et l'information sur le terrorisme au Sahel // International Media Support. 2021. 48 p. URL: https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2022/01/Etude_Defis-des-medias-au-Burkina-Faso-Mali-et-Niger.pdf (дата обращения: 17.06.2024).

Education (Niger) // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/niger/education> (дата обращения: 17.06.2024).

Francophilie et economophilie // Billets d'Afrique. 2014. Sept. URL: <https://survie.org/billets-d-afrique/2014/238-septembre-2014/article/francophilie-et-economophilie-4782> (дата обращения: 28.06.2024).

Francophonie Plurilinguisme // France médias monde. URL: <https://www.francemediasmonde.com/fr/nos-missions/francophonie-et-plurilinguisme/> (дата обращения: 26.06.2024).

Inside the Académie française with Sir Michael Edwards // Webdoc. 2024. URL: <https://webdoc.france24.com/inside-the-academie-francaise/> (дата обращения: 23.06.2024).

Interview M. Hamani DIORI // Inafr. 1967. 26 Nov. URL: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/video/caf97044752/interview-m-hamani-diori> (дата обращения: 18.06.2024).

La Francophonie en bref // Francophonie. 2024. URL: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754> (дата обращения: 27.06.2024).

Le Burkina Faso révisé sa Constitution et relègue le français au rang de «langue de travail» // Le Monde. 2023. 12 Juillet. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2023/12/07/le-burkina-faso-revise-sa-constitution-et-relegue-le-francais-au-rang-de-langue-de-travail_6204385_3212.html (дата обращения: 20.06.2024).

Le CPF suspend le Niger des Instances de la Francophonie // Francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/le-cpf-suspend-le-niger-des-instances-de-la-francophonie-3037> (дата обращения: 24.06.2024).

Les grandes tendances de la mobilité étudiante en Afrique Subsaharienne // Campus France. 2022. Nov. URL: <https://www.campusfrance.org/fr/ressource/les-grandes-tendances-de-la-mobilite-etudiante-en-afrique-subsaharienne> (дата обращения: 25.06.2024).

Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above) Mali // World Bank Group. 2024. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS?locations=ML> (дата обращения: 17.06.2024).

Livre Blanc de la Francophonie Scientifique. Bucarest: AUF, 2021. 228 p.

Marchesin Ph. La politique française de coopération: l'aide-intérêt // OpenEdition. Revue internationale de politique de développement. 2021. 13 Jan. URL: <http://journals.openedition.org/poldev/4698> (дата обращения: 15.07.2024).

Martin L. Francophonie: A Historical Word, A Contemporary Idea // Transatlantic cultures. 2023. Jan. URL: <https://transatlantic-cultures.org/landing/francophonie-histoire-d-un-mot-actualite-d-un-projet> (дата обращения: 20.06.2024).

Ndiaye Kh. Francophonie. Quand la France déploie son empire linguistique // Afrique XXI. 2022. 22 Nov. URL: <https://afriquexxi.info/Francophonie-Quand-la-France-deploie-son-empire-linguistique> (дата обращения: 14.07.2024).

Niger eyes higher literacy with education in mother tongue // TRT Africa. 2023. 21 Aug. URL: <https://trtafrika.com/insight/niger-eyes-higher-literacy-with-education-in-mother-tongue-14567867> (дата обращения: 17.06.2024).

Radio Jeunesse Sahel, une réponse stratégique de la Francophonie au défi de la paix dans le Sahel // La Francophonie. 2023. 13 Fév. URL: <https://www.francophonie.org/journee-mondiale-radio-2023-focus-radio-jeunesse-sahel> (дата обращения: 28.06.2024).

Reclus O. Un grand destin commence // BnF Gallica. 1917. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k72918f.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

Rohman P. La Francophonie, nouveau cheval de troie de l'influence militaire française? // Billets d'Afrique. 2008. Juin. URL: <https://survie.org/billets-d-afrique/2008/170-juin-2008/article/la-francophonie-nouveau-cheval-de> (дата обращения: 28.06.2024).

Senghor L. L'esprit de la francité, 1966 // Le Monde diplomatique. 2008. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/mav/97/SENGHOR/18081> (дата обращения: 18.06.2024).

Senghor L. Le français, langue de culture. Revue Esprit, Novembre 1962 // Observatoire Européen du Plurilinguisme. URL: <https://www.observatoireplurilinguisme.eu/les-fondamentaux/textes-de-reference/15536-le-français,-langue-de-culture,-léopold-sédar-senghor-revue-esprit,-novembre-1962> (дата обращения: 15.06.2024).

Thierry R. Le marché du livre africain francophone et ses enjeux géopolitiques // Alliance internationale de l'édition Indépendante. 2017. URL: <https://www.alliance-editeurs.org/le-marche-du-livre-africain,1707?lang=fr> (дата обращения: 23.06.2024).

Une francophonie plus pertinente. Rapport de la secrétaire générale de la Francophonie (2019–2022) // Organisation internationale de la Francophonie. 2022. 89 p. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022-11/rapportSG_2019-2022_interactif.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

References

A major player in training and capacity building for executives on African development. Alexandria: Senghor University, 2022. 36 p.

About CFI. CFI Media Development. 2024. URL: <https://forum.cfi.fr/en/about-cfi/> (date of access: 13.07.2024).

Alliance internationale des éditeurs indépendants. Bibliothèque nationale de France. 2024. URL: <https://cnlj.bnf.fr/fr/organisme/alliance-internationale-des-diteurs-ind-pendants> (date of access: 13.07.2024).

Andronova A.R., Bogdasarova T.S., Bokeriya S.A., Gadzhiev A.G., Davidchuk A.S., Degterev D.A., Dubrovskij I.R., Kortunov A.V., Loshkarev I.D., Mezyaev A.B., Nikol'skaya M.V., Nikulin M.A., Nike'z Adu Yao, Trunov F.O. Zapadny'e i nezapadny'e akторы' v obespechenii bezopasnosti v Afrike [Western and Non-Western Actors in Ensuring Security in Africa]. Moscow: RIAC, 2023. 72 p. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/zapadnye-i-nezapadnye-akторы-v-obespechenii-bezopasnosti-v-afrike/?ysclid=m8x4fibkky923533336> (date of access: 26.06.2024). (In Russ.)

Attali J. La francophonie et la francophilie, moteurs de croissance durable, rapport à François Hollande, président de la République française. La Documentation française. Paris. 2014. 246 p.

Au Sahel, des journalistes plus que jamais sous pression. Jeune Afrique. 2023. 3 Avril. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1432642/archives-thematique/au-sahel-des-journalistes-plus-que-jamais-sous-pression/> (date of access: 20.06.2024).

Cornevin R. Francophonie ou idiome ancestral? Monde diplomatique. Paris. 1967. Février. P. 6.

Creditor Reporting System (CRS). OECD. 2024. URL: <https://stats.oecd.org/> (date of access: 18.06.2024).

Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. Voennoe prisutstvie Francii v Mali: strukturnaya vlast' subimperii «kollektivnogo Zapada» [France's military presence in Mali: structural power of the sub-empire of the «collective West»]. Aktual'ny'e problemy' Evropy' [Current Problems of Europe]. 2022. N 4. P. 50–78. (In Russ.)

Débats Parlementaires. Assemblée Nationale. Compte rendu intégral des séances. Le séance du mercredi 25 Octobre 1967. Journal officiel de la République Française. 1967. Jeudi 26 Oct. URL: <https://archives.assemblee-nationale.fr/3/cr/1967-1968-ordinaire/026.pdf> (date of access: 18.06.2024).

Degterev D.A. Collective Self-Reliance: Restarting the Concept in the Sahel in the Context of a Multipolarizing World Order. Journal of the Institute for African Studies. 2024. N 2. P. 60–81.

Degterev D.A. Value Sovereignty in the Era of Global Convergent Media. Vestnik RUDN. International Relations. 2022. N 22 (02). P. 352–371.

Degterev D.A., Abramova E.A. «Arxitektory` Fransafriki»? E`kspertno-analiticheskoe obespechenie sovremennoj politiki Francii v Afrike [“France-Afrique Architects”? Expert and Analytical Support of Current French Politics in Africa]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2024. N 5. P. 74–87. (In Russ.)

Discours d’Emmanuel Macron à l’Institut de France sur l’ambition pour la langue française et le plurilinguisme. Elysée. 2018. 20 Mars. URL : <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/03/20/discours-demmanuel-macron-a-linstitut-de-france-sur-lambition-pour-la-langue-francaise-et-le-plurilinguisme> (date of access: 30.06.2024).

Djingarey P.S. Défis des médias au Burkina Faso, Mali et Niger, avec un accent particulier sur la couverture et l’information sur le terrorisme au Sahel. International Media Support. 2021. 48 p. URL: https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2022/01/Etude_Defis-des-medias-au-Burkina-Faso-Mali-et-Niger.pdf (date of access: 17.06.2024).

Education (Niger). UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/niger/education> (date of access: 17.06.2024).

Filippov V.R. ‘Françafrique’ Systemic Crisis. Journal of the Institute for African Studies. 2024. N 2. P. 144–156.

Francophilie et economophilie. Billets d’Afrique. 2014. Sept. URL: <https://survie.org/billets-d-afrique/2014/238-septembre-2014/article/francophilie-et-economophilie-4782> (date of access: 28.06.2024).

Francophonie Plurilinguisme. France médias monde. URL: <https://www.francemediasmonde.com/fr/nos-missions/francophonie-et-plurilinguisme/> (date of access: 26.06.2024).

Inside the Académie française with Sir Michael Edwards. Webdoc. 24. URL: <https://webdoc.france24.com/inside-the-academie-francaise/> (date of access: 23.06.2024).

Interview M. Hamani DIORI. Inafr. 1967. 26 Nov. URL: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/video/caf97044752/interview-m-hamani-diori> (date of access: 18.06.2024).

Korenchuk E.G. Francuzskij neokolonializm v Tropicheskoj Afrike (1958–1972 gg.) [French Neocolonialism in Tropical Africa (1958–1972)]. Moscow: UDN, 1981. 104 p. (In Russ.)

La Francophonie en bref. Francophonie. 2024. URL: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754> (date of access: 27.06.2024).

Le Burkina Faso révisé sa Constitution et relègue le français au rang de «langue de travail». Le Monde. 2023. 12 Juillet. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2023/12/07/le-burkina-faso-reviser-sa-constitution-et-relegue-le-francais-au-rang-de-langue-de-travail_6204385_3212.html (date of access: 20.06.2024).

Le CPF suspend le Niger des Instances de la Francophonie. Francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/le-cpf-suspend-le-niger-des-instances-de-la-francophonie-3037> (date of access: 24.06.2024).

Les grandes tendances de la mobilité étudiante en Afrique Subsaharienne. Campus France. 2022. Nov. URL: <https://www.campusfrance.org/fr/ressource/les-grandes-tendances-de-la-mobilite-etudiante-en-afrique-subsaharienne> (date of access: 25.06.2024).

Lider Burkina-Faso ob`yasnil otklyuchenie francuzskix SMI ix propagandoj [Burkina Faso leader explains French media blackout as propaganda]. RIA Novosti. 2023. 31 Iyulya. URL: <https://ria.ru/20230731/smi-1887323791.html?in=t> (date of access: 26.06.2024). (In Russ.)

Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above) Mali. World Bank Group. 2024. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS?locations=ML> (date of access: 17.06.2024).

Livre Blanc de la Francophonie Scientifique. Bucarest: AUF, 2021. 228 p.

Loshkarev I.D. Al'yans gosudarstv Saxelya: startovy'e trudnosti kak resurs razvitiya [Sahel Alliance: Starting Difficulties as a Resource for Development]. RSMD. 2023. 18 Dek. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/alyans-gosudarstv-sakhelya-startovye-trudnosti-kak-resurs-razvitiya/> (date of access: 21.06.2024). (In Russ.)

Lunkin R.N., Gu Xo Om., Degterev D.A., Klemeshev A.P., Kuzneczova T.Yu., Fedorov G.M. Nauchny'e zhurnaly` v usloviyax transformacii mezhdunarodny`x otnoshenij: problemy`, vy`zovy` i perspektivy`. chast' 2 [Scientific journals in the context of the transformation of international relations: Problems, challenges and prospects]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodny'e otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations]. 2023. N 16 (04). P. 428-436. (In Russ.)

Marchesin Ph. La politique française de coopération: l'aide-intérêt. OpenEdition. Revue internationale de politique de développement. 2021. 13 Jan. URL: <http://journals.openedition.org/poldev/4698> (date of access: 15.07.2024).

Martin L. Francophonie: A Historical Word, A Contemporary Idea. Transatlantic cultures. 2023. Jan. URL: <https://transatlantic-cultures.org/landing/francophonie-histoire-d-un-mot-actualite-d-un-projet> (date of access: 20.06.2024).

Ndiaye Kh. Francophonie. Quand la France déploie son empire linguistique. Afrique XXI. 2022. 22 Nov. URL: <https://afriquexxi.info/Francophonie-Quand-la-France-deploie-son-empire-linguistique> (date of access: 14.07.2024).

Niger eyes higher literacy with education in mother tongue. TRT Africa. 2023. 21 Aug. URL: <https://trtafrika.com/insight/niger-eyes-higher-literacy-with-education-in-mother-tongue-14567867> (date of access: 17.06.2024).

Radio Jeunesse Sahel, une réponse stratégique de la Francophonie au défi de la paix dans le Sahel. La Francophonie. 2023. 13 Fév. URL: <https://www.francophonie.org/journee-mondiale-radio-2023-focus-radio-jeunesse-sahel> (date of access: 28.06.2024).

Reclus O. Un grand destin commence. BnF Gallica. 1917. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k72918f.pdf> (date of access: 18.06.2024).

Rohman P. La Francophonie, nouveau cheval de troie de l'influence militaire française? Billets d'Afrique. 2008. Juin. URL: <https://survie.org/billets-d-afrique/2008/170-juin-2008/article/la-francophonie-nouveau-cheval-de> (date of access: 28.06.2024).

Rubinskij Yu.I. Agoniya «Fransafrik». Afrikaniskij vektor vneshnej politiki Francii: trudnoe rasstavanie s «Fransafrik» [The African vector of French foreign policy: a difficult parting with "Françafrique"]. Moscow: Institut Evropy` RAN; Ves` Mir. 2024. P. 5–7. (In Russ.).

Senghor L. L'esprit de la francité, 1966. Le Monde diplomatique. 2008. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/mav/97/SENGHOR/18081> (date of access: 18.06.2024).

Senghor L. Le français, langue de culture. Revue Esprit, Novembre 1962. Observatoire Européen du Plurilinguisme. URL: <https://www.observatoireplurilinguisme.eu/les-fondamentaux/textes-de-reference/15536-le-français,-langue-de-culture,-léopold-sédar-senghor-revue-esprit,-novembre-1962> (date of access: 15.06.2024).

Some M. «Glavnaya zadacha — vernut` narodam Saxelya suverenitet» ["The main task is to return sovereignty to the peoples of the Sahel"]. RSMD [RIAC]. 2024. 25 Apr. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/glavnaya-zadacha-vernut-narodam-sakhelya-suverenitet/> (date of access: 26.06.2024). (In Russ.)

Strel'czova Ya.R. Frankofoniya: novy'e podxody` E`mmanue`lya Makrona [Francophonie: New Approaches of Emmanuel Macron]. Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2024. Vol. 68. N 5. S. 28–38. (In Russ.).

Thierry R. Le marché du livre africain francophone et ses enjeux géopolitiques. Alliance internationale de l'édition Indépendante. 2017. URL: <https://www.alliance-editeurs.org/le-marche-du-livre-africain,1707?lang=fr> (date of access: 23.06.2024).

Une francophonie plus pertinente. Rapport de la secrétaire générale de la Francophonie (2019-2022). Organisation internationale de la Francophonie. 2022. 89 p. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022-11/rapportSG_2019-2022_interactif.pdf (date of access: 10.06.2024).

Ю.С. Филаретова

**СИРИЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

***Аннотация.** Исследование посвящено анализу внешнеполитического курса России в первой четверти XXI в. Автор приводит доводы о том, что участие в сирийском конфликте и его урегулировании является одним из основополагающих векторов развития современной стратегии внешней политики РФ. Целью статьи стало исследование курса, который проводила Россия в Сирии для того, чтобы обеспечить себе уверенные позиции в современной системе международных отношений. Автор использует комплексный подход, включающий качественный и статистический методы анализа с опорой на эмпирическую базу внешнеполитических документов РФ.*

Так, в первую очередь изучаются приоритетные национальные интересы России и то, как они проецируются на стратегию страны по сирийскому вопросу. Исходя из интересов, анализируются полученные Россией дивиденды от участия в урегулировании конфликта и проведении военной операции на территории САР.

Автор делает выводы о том, что Сирия стала стержневым звеном во внешней политике России на современном этапе, в том числе в контексте украинского конфликта, послужив не только полигоном для тестирования вооружений и военного персонала в борьбе против террористических группировок, но и способом закрепления в регионе Ближнего Востока и на Средиземном море, что в конечном счете рассматривается как механизм по возвращению себе статуса одной из лидирующих держав в формирующемся миропорядке.

Оригинальность исследования заключается в том, что, несмотря на глубокую изученность темы российского участия в сирийском конфликте, работа представляет собой системный анализ современной реактивной внешнеполитической стратегии РФ, доказывая, что именно Сирия стала отправной точкой в ее реализации.

***Ключевые слова:** Россия; внешняя политика; сирийский конфликт; терроризм; урегулирование конфликта; военная операция; Украина.*

Филаретова Юлия Сергеевна – ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Россия, Екатеринбург.

E-mail: iulia.filaretova@urfu.ru

ORCID: 0000-0002-8879-740X

Researcher ID: JZD-2020-2024

Filaretova Iu.S.

The Syrian settlement as one of the core objectives of Russia's foreign policy strategy in the 21st century

Abstract. *This paper analyzes Russia's foreign policy in the first quarter of the 21st century, with a focus on its involvement in the Syrian conflict and its resolution as a key vector in shaping Russia's modern foreign policy strategy. The study argues that Russia's engagement in Syria has been instrumental in securing its position within the contemporary international system. The purpose of the article is to examine the course pursued by Russia in Syria to establish a strong foothold in global affairs.*

The research employs an integrated approach, combining qualitative and statistical methods of analysis based on the empirical foundation of Russian foreign policy documents. The study begins by analyzing Russia's priority national interests and their projection onto the country's strategic objectives in Syria. Building on this analysis, it evaluates the dividends Russia has gained from its involvement in the conflict and its military operations in the Syrian Arab Republic.

The author concludes that Syria has become a cornerstone of Russian foreign policy in the current era, particularly in the context of the Ukrainian conflict. Syria has served not only as a testing ground for Russian weaponry and military personnel in the fight against terrorist groups but also as a strategic platform for establishing a long-term presence in the Middle East and the Mediterranean. This, in turn, is seen as a mechanism for Russia to reassert its status as one of the leading powers in the emerging global order.

The paper presents original research by offering a systematic analysis of Russia's modern reactive foreign policy strategy, positioning Syria as a critical starting point for its implementation. Despite extensive scholarly attention to Russia's involvement in the Syrian conflict, this study uniquely frames it within the broader context of Russia's strategic recalibration in the international arena.

Keywords: *Russia; foreign policy; Syrian conflict; terrorism; conflict resolution; military operation; Ukraine.*

Filaretova Iuliia Sergeevna – Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg.

E-mail: iulia.filaretova@urfu.ru

ORCID: 0000-0002-8879-740X

Researcher ID: JZD-2020-2024

Введение

Современная внешнеполитическая стратегия России прошла несколько стадий в своем формировании, которые были тесно связаны с происходящими сдвигами на мировой арене рубежа XX–XXI вв. Среди наиболее важных подвижек, повлиявших на формирование политического курса, стали события, принявшие форму угроз для национальной или международной безопасности:

становление транснационального терроризма после 11 сентября 2001 г.; не-санкционированное вторжение США в Ирак в 2003 г.; вооруженный конфликт Грузии в Южной Осетии и Абхазии с дальнейшим провозглашением последними независимости; период «Великой рецессии» 2008–2013 гг.; «Арабская весна», берущая свое начало в 2011 г., которая сработала как эффект домино, свержая политические режимы в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, одним из которых стала Сирия; майдан на Украине и крымская весна 2014 г., окончившаяся присоединением Крыма к России по итогам референдума; и, наконец, российская СВО, начавшаяся в феврале 2022 г.

Специальной военной операции России предшествовало многолетнее участие страны в урегулировании конфликта в Сирии, где в марте 2011 г. вспыхнули митинги и вооруженные столкновения с полицией, впоследствии переросшие в жестокое противостояние правительства и оппозиции и моментально втянувшие в себя многочисленных косвенных участников – государственных и негосударственных акторов, представленные преимущественно террористическими организациями в лице Исламского государства¹ и других радикальных группировок исламистского толка.

По традиции международное сообщество моментально приняло на себя роль посредника и модератора в урегулировании конфликта: помимо ООН ключевую роль в мирном урегулировании сыграли как группы государств, так и отдельные государства, одним из которых стала Российская Федерация, которая в том числе в 2015 г. начала санкционированную военную операцию в САР по борьбе с международным терроризмом. Именно в это время сирийское урегулирование приняло формы одного из приоритетных направлений политики России – не только на пути обеспечения своей национальной безопасности, но и с целью выработки действенных инструментов влияния на глобальную систему международных отношений. Таким образом, целью исследовательской работы стало изучение роли сирийского урегулирования в конструировании стратегии внешней политики России в современное время, что позволит проследить динамику стратегии и то, как она коррелирует с сирийским вопросом.

Тем не менее российское военное участие в Сирии стало предметом больших дискуссий как в России, так и за рубежом, получив неоднозначные оценки.

В отечественной научной литературе вопрос об участии России в сирийском урегулировании нашел отражение в работах таких ведущих российских востоковедов и дипломатов, предметно исследующих сирийскую проблему и прямо занимающихся разрешением конфликта, как научный руководитель Института востоковедения РАН В.В. Наумкин [Наумкин 2015], главный советник Департамента внешнеполитического планирования МИД России М.С. Ходын-

1. *Террористическая организация, запрещенная в РФ.*

ская-Голенищева [Ходынская-Голенищева 2015; Ходынская-Голенищева 2018], научные сотрудники ИНИОН РАН А.В. Манойло [Манойло 2020] и Ф.О. Трунов [Трунов 2016], бывший директор Московского Центра Карнеги Д.В. Тренин [Тренин 2013], вице-президент РСМД А.Г. Аксенёнок [Аксенёнок 2018], руководитель «Центра ближневосточных исследований» И.Д. Звягельская [Zvyagelskaya 2015], руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН В.А. Кузнецов [Кузнецов 2015], Ведущий эксперт Центра анализа стратегий и технологий М.Ю. Шеповаленко [Сирийский рубеж 2016] и др.

Для достижения цели исследования методологической основой работы стал комплексный подход, включающий в себя качественный и статистический методы анализа, с опорой на эмпирическую базу, которую составили не только официальные нормативно-правовые документы государственных органов власти, включая редакции Концепции внешней политики РФ 2000, 2008, 2016, которая считается наиболее ценной для исследования, так как её принятие состоялось после российской военной операции в Сирии, и 2023 гг., заявления официальных представителей власти, так и официальные нормативно-правовые и производственные отчетные документы международных организаций, таких как ООН и др., итоговые документы переговоров и периодическая печать.

Принципиальные основы российской позиции по сирийскому вопросу

С начала конфликта официальная позиция России предусматривала отстаивание положений о сохранении суверенитета и единства САР, ее независимости и территориальной целостности. Позиция была обоснована не только историческими узами двух стран, но и национальными интересами страны. Так, Сирия оставалась для СССР к концу «холодной войны» де-факто единственной прочной опорой на Ближнем Востоке [Сирийский рубеж 2016, с. 18] – на идеологическом и военно-политическом уровнях, а также играла роль противовеса усилению влияния США в регионе [Трухачев 2008]. В современное же время Россия поддерживает официальную сирийскую власть не столько из соображений защиты унаследованного от СССР традиционного союзника в лице правящей партии Баас и действующего президента страны, сколько исходя, прежде всего, из собственных национальных интересов.

Как правило, национальные интересы государства отражены в программных государственных документах, где, исходя из анализа существующей международной ситуации, определяется общая перспективная стратегия государства на международной арене. Выделяя наиболее значимые национальные интересы РФ, можно увидеть, как они проецируются на внешнюю политику России, в особенности в сирийском конфликте.

Прежде всего, в Концепции внешней политики РФ 2000 г. стратегия России не включала в поле своих интересов ни Сирию, ни регион Ближнего Востока; угрозой национальным интересам России было объявление усиливающих тенденций к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. В 2008 г. в документе сменились акценты: впервые упоминается Сирия, как одна из стран региональных приоритетов РФ. В 2013 г. в Концепции определена роль России в стабилизации обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (где началась «Арабская весна»), при этом Сирии не выделяется особого места.

По прошествии четырех лет вооруженного конфликта, повлекшего крупные гуманитарные, территориальные и стратегические потери, президент Сирии Б. Асад, действуя в соответствии с Договором «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 8 октября 1980 г., официально обратился к Президенту России с просьбой об оказании Сирии военной помощи. 30 сентября 2015 г., после одобрения официального запроса Советом Федерации РФ, было утверждено использование Вооруженных Сил России для противодействия Исламскому Государству, Джебхат ан-Нусре² и другим террористическим организациям на территории Сирии. Размещение ВВС России состоялось на авиационной базе в Хмеймим в провинции Латакия. В связи с этим в редакции 2016 г., после официального военного присутствия в Сирии, впервые говорится о том, что «Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН». Позиция России сфокусировалась на отстаивании единства, независимости и территориальной целостности Сирии как светского, демократического, плюралистического государства.

В последней редакции Концепции внешней политики 2023 г., после смещения приоритетных акцентов во внешней политике РФ по защите национальных интересов на западных рубежах своей же страны, о Сирии в документе стало говориться только в контексте взаимодействия с исламским миром.

Российская позиция по сирийскому вопросу, а также военное участие в конфликте, были обусловлены рядом причин.

Так, одним из основных принципов российской политики в Сирии стала борьба с международным терроризмом, относящаяся к базовым национальным интересам РФ, тесно связанным с укреплением обороны страны,

2. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

обеспечением незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности и общественной безопасности. Только за 2014–2015 гг. в ряды Исламского Государства было завербовано около 27–31 тыс. иностранных боевиков, из которых 5–7 тыс. прибыли с территорий постсоветских государств, согласно данным Нью-Йоркского Агентства Soufan Group [Foreign Fighters 2015]. Более того, идеология международных исламистских террористических организаций, являющихся опорой вооруженной сирийской оппозиции (Джебхат ан-Нусра, батальон Аль-Мухаджерин³, Ахрар аш-Шам⁴, Джейш аль-Ислам⁵ и ИГ) [Сирийский рубеж 2016, с. 78–85], способна оказать дестабилизирующее влияние на мусульманское население ряда регионов РФ (в особенности Северный Кавказ, Поволжье др.) и постсоветских государств Центральной Азии (в том числе работающих в России мигрантов из этих стран), привести к активизации террористической деятельности на территории РФ и стран СНГ. В России вопрос о борьбе с террористической угрозой стоит особенно остро в связи с произошедшими на рубеже XX–XXI вв. событиями на Северном Кавказе, в Буденновске, Москве, Беслане, Волгограде и других городах. В этом ключе поддержка президента Асада как представителя одного из последних светских политических систем на Ближнем Востоке, была рассчитана и на отдаленную перспективу – повернуть вспять тенденцию распространения радикального исламистского проекта, который, с большой вероятностью, мог затронуть постсоветские страны и некоторые регионы России, где большинство населения исповедует ислам [Zvyagelskaya 2015]. Поэтому военную операцию России в Сирии можно рассматривать как деятельность, бьющую в самую сердцевину проблемы международного терроризма, а также недопущению дестабилизации и фрагментации постсоветского пространства.

Одной из наиболее весомых причин можно считать недопущение смены власти в Сирии через поддержку президента Б. Асада, потому что смена власти в результате «цветных революций» и «арабской весны», как правило, вела к дестабилизации политической ситуации не только в тех странах, где происходили «революции», но и в более широком региональном масштабе. Значение этого обстоятельства подтверждается высказыванием С. В. Лаврова в ходе визита в Берлин в 2017 г.: «Что касается Асада, мы его не поддерживаем. Мы просто категорически не хотим повторять то, что произошло в Ираке» [Лавров объяснил позицию РФ]. Таким образом, за поддержкой президента Асада стоит более широкая стратегия России по недопущению дальнейшего проведения Западом политики грубого вмешательства во внутренние дела го-

3. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

4. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

5. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

сударств и смены власти [Ходынская-Голенищева 2018, с. 172]. Характерно, что в Концепции внешней политики РФ 2016 г. «установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам Российской Федерации», рассматривалась как одна из самых актуальных внешних угроз.

Если принять во внимание экономическое и политическое положение, в котором Россия находилась после событий в Украине 2014 г. и присоединения Крыма, может создаться впечатление, что России было бы гораздо логичнее и выгоднее принять позицию Запада по вопросу пребывания Асада у власти, но в данном случае руководство РФ посчитало более невозможным продолжать курс уступок по отношению к политике Запада по перекройке геополитической карты Ближнего Востока, провоцирующей политический хаос в государствах-республиках региона. Дестабилизация региона более того имела своим следствием пролиферацию и разгул джихадистских группировок, расцвет терроризма, наркотрафика, многочисленных нарушений прав человек и т.п. [Zvyagelskaya 2015]. В Концепции внешней политики 2016 г. четко указывается, что «распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке) в значительной степени спровоцирована внешним вмешательством». Однако вовлеченность России в сирийский конфликт исходит из ее принципиальной позиции, подчеркивающей важность «объединения усилий мирового сообщества» в борьбе с террористической угрозой, что выразилось в «предложении по созданию широкой антитеррористической коалиции», прозвучавшем в выступлении В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г., которая могла бы снять возникшую напряженность в отношениях с США и ЕС на основе совместной борьбы против Исламского Государства на территории Сирии и Ирака [Звягельская, Сурков 2019]. Эта принципиальная позиция, в известной части, совпадала и с конъюнктурной заинтересованностью России после украинских событий 2014 г. и введенных против нее западных санкций найти на Ближнем Востоке новую площадку для сбалансированного сближения с Западом. Однако российская инициатива по поиску точек взаимодействия в целом не была принята Западом, и образованная США международная антитеррористическая коалиция не пригласила войти в ее состав ни Россию, ни Иран, ни другие страны. Таким образом, попытки сближения с Западом на основе противодействия терроризму не увенчались успехом и, фактически, сменились конкуренцией российского и западного подходов к разрешению сирийского конфликта.

Сирийский конфликт стал наглядной демонстрацией противоположности политических подходов России и США (как лидера коллективного За-

пада) к его урегулированию – несмотря на то, что обе державы вели боевые действия в Сирии под флагом борьбы с ИГ, камнем преткновения в их сотрудничестве являлось отношение к Б. Асаду и оппозиции. Хотя для России включение в урегулирование сирийского конфликта на независимой основе, вне рядов международной коалиции, таило определенный риск оказаться в стратегическом одиночестве, это решение в то же время давало и определенные преимущества – возможность отчетливо проводить свою политическую линию, не идя на поводу у Запада. Тем самым Российская Федерация, включаясь в урегулирование сирийского конфликта не только на треке военной операции с 2015 г., но и активно продвигая многостороннюю дипломатию. Всё это давало России больше шансов бороться за возвращение себе роли своего предшественника, Советского Союза, в решении ближневосточных проблем и, становясь в этом противовесом США, возвратиться на международную арену в качестве одного из важнейших игроков в вопросах региональной и международной безопасности.

Однако остается открытым вопрос: почему именно Сирия была выбрана в то время Россией для демонстрации своих амбиций и стратегических планов по возвращению в мировую политику? При ответе на этот вопрос следует учитывать ряд соображений. Во-первых, Сирия не так далека в географическом отношении от сфер российских интересов, как, например, Ливия или Йемен (где в это время тоже существовали конфликты), и не «чужда» России, в силу традиций дружбы и сотрудничества, а также общих идеологических наследий. Во-вторых, было много шансов на то, что Россия, при условии проведения своей внешней политики с опорой на международное право и международные механизмы урегулирования, не «увязнет» в Сирии надолго и не повторит афганский сценарий. В-третьих, урегулирование конфликта и военное участие России в нем ограниченными силами авиационной поддержки правительственных войск Сирии не виделись экономически обременительными. В-четвертых, Россия не воспринималась бы на Западе в этом регионе как государство с экспансионистскими целями, в отличие, скажем, от конфликта в Украине: Ближний Восток просто не был в постбиполярный период такой сферой политико-идеологических противоречий между Россией и Западом, как, например, Восточная Европа. Подключение России к борьбе с ИГ на территории Сирии не рассматривалось как вызов западной политике в регионе, где большинство режимов априори ориентировалось именно на Запад [Звягельская, Сурков 2019, с. 4–6]. При этом, однако, политика Москвы по недопущению свержения власти Башара Асада четко проецируется на глобальный политический уровень, поскольку актуализирует принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств и стремится придать мировой системе большую справедливость через укрепление основ международного гуманитарного права.

Реализация стратегии России в контексте сирийского урегулирования

На протяжении всего конфликта Россия была единственной страной, принявшей участие во всех международных инициативах по политико-дипломатическому урегулированию конфликта, будучи организатором и активным участником двусторонних и многосторонних встреч по данной проблематике [Филаретова 2023].

В первые годы конфликта в Сирии Россия, пройдя через перезагрузку отношений с Соединенными Штатами, взяла курс на решение сирийского вопроса на высшем уровне через двусторонние переговоры с Западом в лице Великобритании и США. В то же время Россия внесла существенный вклад в переговорные процессы в Женеве под эгидой ООН и в рамках деятельности Международной группы поддержки Сирии в поисках политического урегулирования конфликта. Одновременно Россия использовала право вето в Совете Безопасности ООН против западных резолюций, которое предотвратило вооруженное иностранное вмешательство в САР и применение международных санкций против её властей. Так, с 2012 по 2024 г. Россия заблокировала 19 подобных резолюций против сирийских властей.

Будучи «западным» урегулирование конфликта в Сирии претерпело кардинальные изменения после украинского кризиса и появления ИГИЛ на территории Сирии в 2014 г. – и как следствие начала участия российских ВВС в антитеррористической операции с 2015 г.

В первую очередь, стоит отметить, что российская военно-политическая стратегия в Сирии увенчалась уничтожением оплота международного терроризма в лице ИГИЛ⁶ в конце 2017 г. Так, Россия, не удостоившаяся, как и Иран, приглашения войти в состав созданной США международной антитеррористической коалиции, осуществляла борьбу против террористических организаций на территории САР на независимой основе, внося весомый вклад в решительную победу над террористами, и, прежде всего, в разгром военных сил Исламского Государства, а также возвращению под правительственный контроль большей части территории страны. Показателем эффективности российской военной операции против террористов является сравнение качества авиационных операций России и США за первые годы их нахождения в Сирии. Так, с начала российской военной операции с середины 2015 до конца 2017 г., когда был провозглашен вывод из САР части российского военного контингента на фоне достигнутых успехов, ВВС России было совершено около 30 тыс. боевых вылетов по позициям ИГ с поражением около 90 тыс. целей, в то время как международная антитеррористическая коалиция США с начала своей военной операции в середине 2014 г. до конца 2017 г. совершила около 11 тыс. боевых вылетов по позициям ИГ с поражением 32 тыс. целей.

6. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Оказание поддержки Б. Асаду, в частности, было стратегически важно для России с точки зрения сохранения ее существующих позиций на Ближнем Востоке, прежде всего, в виде пункта материально-технического обеспечения ВМФ России в Тартусе. В этом смысле сохранение власти действующего президента обеспечивало России сохранение своей военно-морской инфраструктуры в Тартусе, поскольку, в случае прихода к власти другого (прозападного или исламистского) режима, существование этого опорного пункта российского присутствия в регионе оказалось бы под большой угрозой. О внимании российской стороны к этой проблеме говорит тот факт, что в 2017 г. российский пункт поддержки ВМФ приобрел статус военно-морской базы РФ за пределами ее территории. Таким образом, Россия, закрепившись на побережье Сирии, обеспечила себе единственный выход в Средиземное море и одновременно право выхода из него в Мировой океан, что безусловно имеет для России большое геополитическое значение [Трухачев 2008].

На данный момент Россия не только сохраняет свои военно-стратегические позиции в Сирии, но и существенно их усиливает. В наличии у России на Средиземном море не только военно-морская база в Тартусе, военно-воздушная база в Хмеймиме с действующим на ней Координационным центром по примирению, принявшая статус постоянно и бессрочно действующей военной базы РФ за рубежом, но и ряд других авиационных баз и аэродромов подскока на территории всей Сирии, в Эль-Камышлы, Эш-Шайрат, Эт-Табка, Джейрах, Эт-Тияс, тем самым придавая присутствию РФ в Сирии более эшелонированный вид. Для большей наглядности автором была создана карта военного базирования РФ в Сирии [Военные базы России в Сирии] (рис. 1). Получив военный доступ к регионам у реки Евфрат и в Заевфратье, создался военный паритет между Россией и США, чьи базы были расположены в этих районах Сирии еще с 2014 г., тем самым «лоб в лоб» ставя силы двух военных держав.

Сирийский конфликт стал для России поистине подлинным полигоном для испытания своих военных сил: как персонала, так и более 600 видов вооружений, в том числе новейших военных технологий [Минобороны отчиталось об «обкатке»]. Избавив Сирию от химического оружия и не предоставив ей во владение взамен каких-либо современных вооружений, Россия предоставила себе путь к полному военному доминированию и получила возможность демонстрации своих военных возможностей всему миру. Одним из наиболее показательных стал массированный удар по позициям боевиков в Сирии из акваторий Каспийского моря в октябре 2015 г. Эта демонстрация, кроме политических дивидендов, усилила позиции России как одного из ключевых игроков на международном рынке вооружений. Так, согласно данным SIPRI, можно проследить резкий скачок экспорта вооружений в 2014 г. после крымской весны и особенный рост в 2015 г., достигнув пика в 2016 г. [Arms exports] (рис. 2).

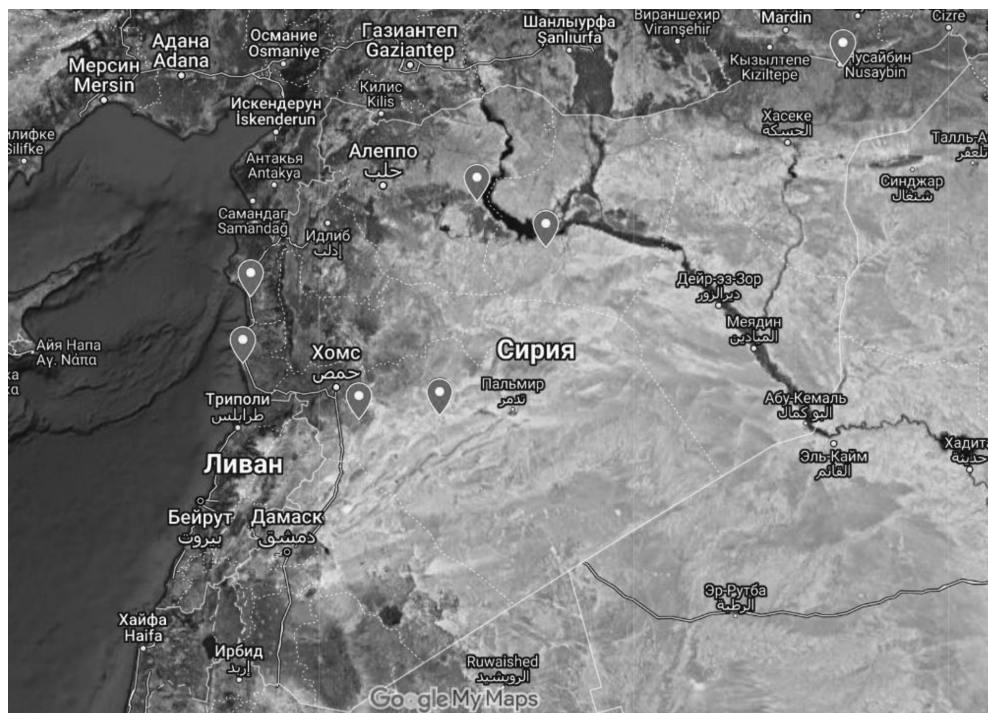

Рис. 1. Военные базы России в Сирии

Источник: составлено автором

Рис. 2. Экспорт российских вооружений (млрд долл.)

Источник: составлено по: [Arms exports]

Военное участие в конфликте позволило произвести «обкатку» российского вооружения, а также армии, застоявшихся в мирных условиях и не имеющих фактического военного применения, в целях приобретения реального военного опыта, до того, как испытать их в более масштабных боевых действиях в рамках СВО. Большинство «обкатанных» в Сирии вооружений, а также их модификаций, были произведены или находятся в эксплуатации только с 2010 гг., и потому в Сирии они были использованы впервые (табл. 1).

Таблица 1

**Часть вооружений РФ, примененных в военных операциях в Сирии (с 2015 г.)
и в зоне СВО (с 2022 г.)**

Тип оружия / Страна	Первое боевое использование в Сирии	Применение в Сирии (с 2015 г.)	Применение в СВО (с 2022 г.)
Авиационные бомбы КАБ-500С	+	+	—
Боевая машина пехоты БМП-1	—	+	+
Боевая машина пехоты БМП-2	—	+	+
БПЛА «Орлан-10»	+	+	+
БПЛА «Элерон-3СВ»	+	+	+
Бронеавтомобиль «Тайфун»	+	+	+
Бронеавтомобиль «Тигр»	+	+	+
Бронетранспортер БТР-82	+	+	+
Вертолет Ка-52	+	+	+
Вертолет Ми-8	—	+	+
Вертолет Ми-24	—	+	+
Вертолет Ми-28Н	+	+	+
Гиперзвуковая ракета «Кинжал»	—	+(учения)	+
ЗРПК «Панцирь-С1»	+	+	+
ЗРК С-300	—	+	+
ЗРК С-400	+	+	+
Истребитель Су-27	—	+	+
Истребитель Су-30СМ	+	+	+
Истребитель Су-34	+	+	+
Истребитель Су-35	+	+	+
Истребитель Су-57	+	+	+
Корабельные ракетные комплексы «Калибр»	+	+	+
Крейсер «Адмирал Кузнецов»	+	+	—
Крылатая ракета Х-101	+	+	+
МРК проекта 21631 «Буян-М»	+	+	—
Огнеметная система ТОС-1 «Буратино»	—	+	+
Огнеметные системы ТОС-1А «Солнцепек»	+	+	+

Продолжение таблицы

ОТРК «Искандер-М»	+	+	+
Подводная лодка Б-237 «Ростов-на-Дону»	+	+	+
Подводная лодка «Новороссийск» проекта 636.3	+	+	—
Ракета «Калибр»	+	+	+
РСЗО «Торнадо-Г»	+	+	+
РСЗО «Смерч»	—	+	+
Самолет дальней авиации Ту-160М	+	+	+
Самолет дальней авиации Ту-22М3	—	+	+
Самолет дальней авиации Ту-95МС	+	+	+
Самолет корабельной авиации МиГ-29	—	+	+
Танк Т-72	—	+	+
Танк Т-90	—	+	+

Источник: составлено автором по открытым источникам

Именно в период военной операции РФ в Сирии произошел коренной перелом в урегулировании конфликта и смещение его в «незападное» измерение. Созданный в рамках договоренностей с США с целью мониторинга режима прекращения боевых действий Координационный центр по примирению в Хмеймим в 2016 г. стал основой для сотрудничества с региональными акторами после забуксировавшего вопроса по Восточному Алеппо в рамках переговоров с США.

Так, Россия выступила инициатором коалиции с Турцией и Ираном. Совместно с этими региональными партнерами, при содействии Казахстана, Россия выработала региональную площадку «Астанинского формата» переговоров между сирийским правительством и вооруженной оппозицией, ставшей новой вехой в сирийском урегулировании.

Военные победы на земле и отвоевание территорий дали России преимущество в проведении более влиятельного курса за столом переговоров. Итогами переговоров в Астане стало создание зон деэскалации конфликта, гарантами которых стали Россия, Турция и Иран. Создание четырех зон деэскалации, присоединение к режиму перемирия в рамках деятельности Координационного центра РФ в Хмеймиме более 2,5 тыс. населенных пунктов и более 200 вооруженных формирований, тем самым возвратив под правительственный контроль большую часть территории Сирии.

Помимо подключения к урегулированию новых региональных партнеров Турции и Ирана, создавая новые переговорные площадки, был запущен внутривосточный процесс через организацию Конгресса сирийского национального диалога в Сочи в 2018 г. Это позволило дать толчок замороженному переговорному процессу между сирийскими сторонами конфликта в Женеве и последующего создания Конституционной комиссии с представителями

сирийского правительства, оппозиции и разных слоев сирийского общества. Однако после февраля 2022 г. Конституционная комиссия приостановила своё действие – сирийское правительство вышло из переговоров после того, как Швейцария присоединилась к западным санкциям против России.

Спустя 13 лет конфликт в Сирии остается не в полной мере разрешенным – территория САР остается разделенной на несколько стратегических частей: вся центральная, южная и прибрежная части остаются за правительственными войсками; северо-восточная часть находится под контролем курдских вооруженных формирований при поддержке США; несколько территорий на севере Сирии – под контролем турецкой армии вследствие военных операций против курдов; анклав на северо-западе – провинция Идлиб – наиболее напряженный район боевых действий, находящийся под контролем террористической группировки Тахрир Аш-Шам⁷, а также анклав на южной границе с Иорданией, находящийся под контролем вооруженной оппозиции; и, наконец, оккупированные Израилем Голанские высоты (рис. 3).

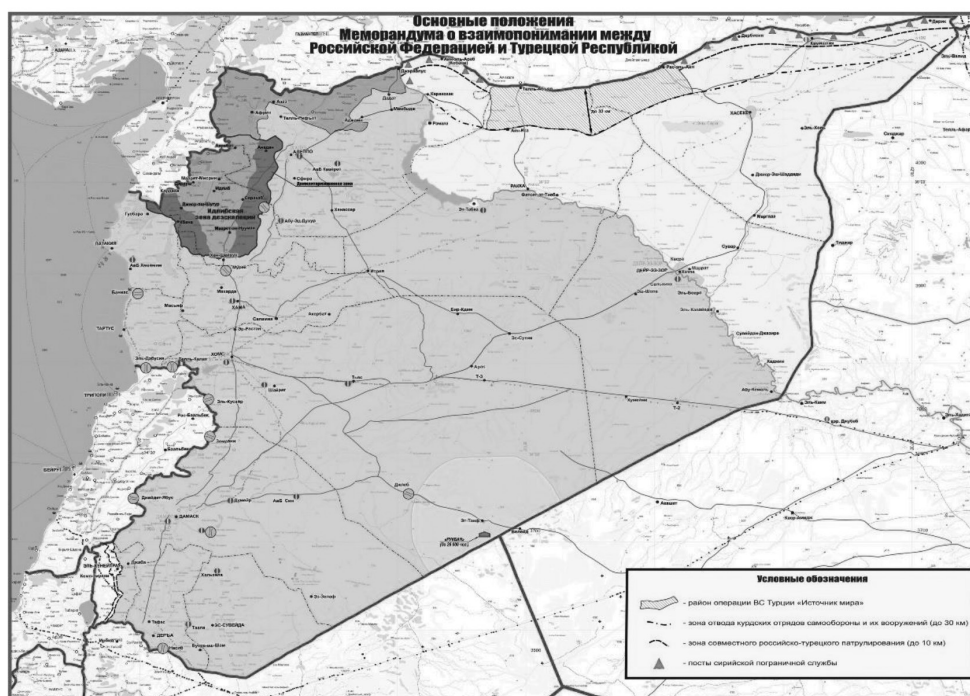

Рис. 3. Территория Сирии на 14.03.2024 г. (оранжевый – территория, подконтрольная сирийскому правительству) [Миссия в Сирии: борьба с международным терроризмом]

7. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Присутствие России в Сирии с 2015 г. по сей день, а также учреждение незападного урегулирования конфликта, тесно связано с обретением ею достойного места в новом формирующемся миропорядке, который находится в стадии бурной трансформации, поскольку создает серьезный противовес безраздельному влиянию США и НАТО на Ближнем Востоке и Восточной Европе.

Несмотря на территориальную раздробленность Сирии, наличие террористической угрозы, в том числе из-за присутствия иностранных наемников и проблемы экономического восстановления страны, из-за чего вопрос о возможности полного незападного урегулирования конфликта повисает в воздухе, можно говорить о полноценном «возвращении» России на Ближний Восток. Это означает одновременно и возвращение в глобальную политику – на те позиции, которые были утрачены после распада Советского Союза, когда в 1990-х годах происходило резкое снижение значения Ближнего Востока в российской внешней политике, что было индикатором общей слабости международных позиций страны [Kožhanov 2018]. Отказ России от конфронтации с Западом, ограниченность ресурсов и сложности процесса реформирования России, закрепление на международной арене гегемонии США, деидеологизация процесса принятия внешнеполитических решений привели руководство РФ к серьезной зависимости от Запада [Zvyagelskaya 2015]. На фоне крушения структур российского влияния во внешнем мире ЕС и НАТО продолжали расширяться и включать в себя всё большее число восточноевропейских государств. При этом выстраивание равноправных партнерских отношений с западными странами терпело неудачу. Мюнхенская речь Путина в 2007 г. предопределила переход России к четкой артикуляции, отстаиванию и продвижению своих стратегических интересов во внешней политике, и это серьезно насторожило Запад, который готов был уже списать Россию из числа активных акторов мировой политики. Военные события в Грузии в 2008 г. еще более негативно настроили западные страны по отношению к политике России, однако из грузинской агрессии против Южной Осетии Россия сумела извлечь определенные стратегические выгоды: создание Южной Осетии и Абхазии как суверенных государств и превращение их конфликта с Грузией в «замороженный» на длительную перспективу предопределили невозможность для этой страны интегрироваться в западные военно-политические и экономические структуры. Шестью годами позднее по похожему сценарию происходили вмешательство России в украинский кризис и проведение референдума на территории Крыма, по итогам которого произошло его присоединение к территории России. После событий в Украине в 2014 г. и присоединения Крыма Россия оказалась фактически исключена из системы общей европейской безопасности. Тем не менее Россия в ситуации этих кризисов на постсоветском пространстве ясно заявила

о своих стратегических интересах и самостоятельности своей внешней политики. Таким образом, внешняя политика РФ после 2007 г. была, по существу, подчинена формированию многополярной системы международных отношений и упрочению позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира. Участие в сирийском конфликте является для России не просто продолжением этой тенденции, но её главным этапом на пути восстановления российского влияния на мировой арене в качестве одного из сильнейших международных игроков, а военные и дипломатические победы в Сирии являются для РФ не только локальными выигрышами, но и предвещают успехи на международном уровне.

Заключение

Позиция России по Сирии основывается на положениях Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и Резолюции № 2254 Совета Безопасности ООН. Россия внесла существенный вклад в переговорные процессы в Женеве под эгидой ООН, в рамках деятельности Международной группы поддержки Сирии, Астанинского формата переговоров в поисках политического урегулирования конфликта, одновременно являясь организатором и активным участником двусторонних и многосторонних встреч по проблемам сирийского урегулирования.

Отстаивая положения международного права, Россия противопоставляет западной политике нелегитимных государственных переворотов, провоцирующей хаос и разрушения, стратегию поддержки законных властей в Сирии как важного условия сохранения стабильности и борьбы с международным терроризмом.

Именно Сирия стала отправной точкой новой внешнеполитической стратегии России, особенно в контексте украинского кризиса и проведении СВО, во-первых, став полигоном и «обкаткой» вооружений и военного персонала в реальных боевых условиях против террористических группировок, а также с целью подготовки к более масштабной борьбе в будущем; во-вторых, закрепляясь в регионе Ближнего Востока и имея единственную военно-морскую базу на Средиземном море; и, в-третьих, с целью возвращения себе статуса одной из лидирующих держав в формирующемся полицентричном мире.

Сирийское урегулирование, с его политическими и военными инструментами, ставшими ценным опытом для Москвы в будущем, стало важной частью более всеобъемлющих – региональной и глобальной – стратегии внешней политики России первой половины XXI в., оказывающей конечное становление России в качестве глобального независимого актора на международной арене (рис. 4).

Рис 4. Сирийское урегулирование как одно из ключевых частей внешнеполитической стратегии России в XXI в.

Источник: составлено автором

Библиография

Аксенёнок А.Г. Сирийское уравнение: в поисках формулы решения // РСМД: сетевой журнал. 2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskoe-uravnenie-v-poiskakh-formuly-resheniya/> (дата обращения: 15.03.2024).

Военные базы России в Сирии // Google Maps. URL: https://www.google.com/maps/d/u/0/edit?mid=1X5yk_isZiAvgyu8a-pCOeJWn9Hpc0JI&usp=sharing (дата обращения: 15.03.2024).

Звягельская И.Д., Сурков Н.Ю. Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры // РСМД: сетевой журнал. 2019. Рабочая тетрадь № 51. 24 с.

Кузнецов В. Россия в Сирии: неочевидные решения неочевидных задач в условиях риска // РСМД: сетевой журнал. 2015. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/>

rossiya-v-sirii-neochevidnye-resheniya-neochevidnykh-zadach-/?sphrase_id=496523 (дата обращения: 15.03.2024).

Лавров объяснил позицию РФ в отношении Асада // Интерфакс. 2017. 13 июля. URL: <https://www.interfax.ru/world/570508> (дата обращения: 15.03.2024).

Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145–172.

Минобороны отчиталось об «обкатке» в Сирии 600 образцов вооружений // РБК. 2017. 24 авг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2017/599eb7419a79471e1fd1ae04> (дата обращения: 15.03.2024).

Миссия в Сирии: борьба с международным терроризмом // Министерство обороны РФ. URL: <https://syria.mil.ru/war-on-terror/infographics.htm> (дата обращения: 15.03.2024).

Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Россия в глобальной политике. 2015. 15. 07. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Krizis-na-Blizhnem-Vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma-17587> (дата обращения: 15.03.2024).

Сирийский рубеж / под ред. М.Ю. Шеповаленко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 184 с.

Тренин Д. Россия и кризис в Сирии // М.: Московский Центр Карнеги, 2013. 2013. 41 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_Syria_Rus_web_Feb2013.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

Трунов Ф.О. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: взаимодействие или взаимное отчуждение? // Россия и современный мир. 2016. № 4. С. 145–160.

Трухачев В. Россия может укрепиться на Ближнем Востоке через Сирию // Правда.Ру. 2008. 20 авг. URL: <https://www.pravda.ru/world/280018-syria/> (дата обращения: 15.03.2024).

Филаретова Ю.С. Гуманитарная дипломатия России в Сирии в XXI веке // Гуманитарная дипломатия: цивилизационные и национальные модели. М.: Аспект Пресс. 2023. С. 149–184.

Ходынская-Голенищева М.С. Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 88–105.

Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГИМО, 2018. 882 с.

Arms exports (SIPRI trend indicator values) – Russian Federation // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPRT.KD?end=2022&locations=RU&start=2000> (дата обращения: 15.03.2024).

Foreign Fighters // The Soufan Group. 2015. Dec. 26 p. URL: https://www.cvreferenceguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

Kożhanov N. Iran and Russia's very pragmatic alliance // Le Monde diplomatique. 2018. May. URL: <https://mondediplo.com/2018/05/03russia-iran> (дата обращения: 15.03.2024).

Zvyagelskaya I. Disrupting the Chessboard: Perspectives on the Russian Intervention in Syria // Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2015. 44 p.

References

Aksenjonok A.G. Sirijskoe uravnenie: v poiskah formuly reshenija [Syrian equation: in search of a solution formula]. RSMD [RIAC]. 2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sirijskoe-uravnenie-v-poiskakh-formuly-resheniya/> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Arms exports (SIPRI trend indicator values) – Russian Federation. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPRT.KD?end=2022&locations=RU&start=2000> (date of access: 15.03.2024).

Filaretova Yu.S. Gumanitarnaya diplomatiya Rossii v Sirii v XXI veke [Humanitarian diplomacy of Russia in Syria in the 21st century]. Gumanitarnaya diplomatiya: civilizacionnye i nacional'nye modeli [Humanitarian diplomacy: civilizational and national models]. 2023. Moscow: Aspect Press. P. 149–184. (In Russ.)

Foreign Fighters. The Soufan Group. 2015. 26 p. URL: https://www.cverefereceguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (date of access: 15.03.2024).

Hodynskaja-Golenishheva M.S. Krizis v Sirii [Crisis in Syria]. Azija i Afrika segodnja [Asia and Africa today]. 2015. N 6. P. 88–105. (In Russ.)

Hodynskaja-Golenishheva M.S. Sirijskij krizis v transformirujushhejsja sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: dis. ... d-ra ist. Nauk [The Syrian crisis in the transforming system of international relations: dis. ... Dr. Ist. Sci.]. Moscow: MGIMO, 2018. 882 p. (In Russ.)

Kožhanov N. Iran and Russia's very pragmatic alliance. Le Monde diplomatique. 2018. URL: <https://mondediplo.com/2018/05/03russia-iran> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Kuznecov V. Rossiya v Sirii: neochevidnye resheniya neochevidnykh zadach v uslovijah riska [Russia in Syria: non-obvious solutions to non-obvious problems in conditions of risk]. RSM [RIAC]. 2015. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-sirii-neochevidnye-resheniya-neochevidnykh-zadach-/?sphrase_id=496523 (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Lavrov obyasn timer poziciju RF v otnoshenii Asada [Lavrov explained the position of the Russian Federation regarding Assad]. Interfaks [Interfax]. 2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/570508> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Minoborony otchitalos' ob «obkatke» v Sirii 600 obrazcov vooruzhenij [The Ministry of Defense reported on the “testing” of 600 weapons in Syria]. RBK. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2017/599eb7419a79471e1fd1ae04> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Missija v Sirii: bor'ba s mezhdunarodnym terrorizmom [Mission in Syria: the fight against international terrorism]. Ministerstvo oborony RF [Ministry of Defense of the Russian Federation]. URL: <https://syria.mil.ru/war-on-terror/infographics.htm> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Manojlo A.V. Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii [The Syrian Conflict and Russia's Foreign Policy]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 2. P. 145–172. (In Russ.)

Naumkin V.V. Krizis na Blizhnem Vostoke: vneshnee vmeshatel'stvo i razgul jekstremizma [Crisis in the Middle East: external interference and rampant extremism]. Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]. 2015. 15.07. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Krizis-na-Blizhnem-Vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma-17587> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Sirijskij rubezh / pod red. M.Ju. Shepovalenko [Syrian frontier / ed. M.Yu. Shepovalenko]. 2-e izd., dop. Moskva: Centr analiza strategij i tehnologij [2nd ed., add. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies]. 2016. 184 p. (In Russ.)

Trenin D. Rossiya i krizis v Sirii [Russia and the crisis in Syria]. Moscow: Moskovskij Centr Karnegi [Carnegie Moscow Center], 2013. 41 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_Syria_Rus_web_Feb2013.pdf (date of access: 20.05.2020). (In Russ.)

Truhachev V. Rossiya mozhet ukrepit'sja na Blizhnem Vostoke cherez Siriju [Russia can strengthen itself in the Middle East through Syria]. Pravda.Ru. 2008. URL: <https://www.pravda.ru/world/280018-syria/> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Trunov F.O. Pozicii Rossii i Germanii po «sirijskomu voprosu»: vzaimodejstvie ili vzaimnoe otchuzhdenie? [Positions of Russia and Germany on the “Syrian question”: interaction or mutual alienation?]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the contemporary world]. 2016. N 4. P. 145–160. (In Russ.)

Voennye bazy Rossii v Sirii [Russian military bases in Syria]. Google Maps. URL: https://www.google.com/maps/d/u/0/edit?mid=1X5yk_isZiAvgyu8a-pCOeJWn9HpcoJI&usp=sharing (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Zvjagel'skaja I.D., Surkov N.Ju. Rossijskaja politika na Blizhnem Vostoke: dividendy i izderzhki bol'shoj igry [Russian policy in the Middle East: dividends and costs of the great game]. RSMD [RIAC]. 2019. Workbook N 51. 24 p. (In Russ.)

Zvyagelskaya I. Disrupting the Chessboard: Perspectives on the Russian Intervention in Syria. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2015. 44 p.

Н.В. Попова

**ЗАМЕДЛЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РОСТА КАК ПРОБЛЕМА
И НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ И МИРА**

***Аннотация.** В последние десятилетия многие ведущие в научно-технологическом, экономическом и политическом отношении государства, в том числе Россия, характеризуются выраженным замедлением или даже стагнацией роста показателей научно-технологического развития. Научно-технологическое замедление в значительной степени связано со снижением скорости роста населения планеты и стагнацией/снижением его численности в передовых в технологическом отношении странах. В ближайшие десятилетия возможен качественный скачок в развитии технологий за счет накопления знаний и компетенций в области компьютерных и смежных наук, однако, этому предположению слабо соответствует динамика роста соответствующих показателей в данной сфере.*

***Ключевые слова:** технологический рост; замедление научно-технологического развития; научно-техническая политика России; цифровизация; международное научно-техническое сотрудничество.*

**Попова Наталья Валерьевна – кандидат политических наук, первый заместитель генерального директора Негосударственного института развития «Иннопрактика». Россия, Москва.
E-mail: natalia.popova@fgp.msu.ru.**

Popova N.V.

**Slowdown in scientific and technological growth as a problem
and a new opportunity for the development of Russia and the World**

***Abstract.** In recent decades, many leading states in scientific, technological, economic, and political spheres – including Russia – have experienced a pronounced slowdown or even stagnation in key indicators of scientific and technological development. This deceleration is largely attributed to a decline in global population growth rates, as well as stagnation or even decline in population numbers within technologically advanced countries.*

Although a qualitative leap in technological development is theoretically possible in the coming decades – driven by the accumulation of knowledge and competencies in computer and related sciences – this assumption appears inconsistent with the current growth dynamics of relevant indicators in these fields.

Keywords: *technological growth; scientific and technological slowdown; research and technological policy of Russia; digitalization; international scientific and technological cooperation.*

**Popova Natalya Valerievna – Candidate of Political Sciences, First Deputy
General Director of the Non-State Development Institute “Innopraktika”.**

Russia, Moscow.

E-mail: natalia.popova@fgp.msu.ru.

XX век стал веком быстрого роста научных знаний и технологий, ставших основной экономического развития стран мира, что значительной степени было взаимозависимым процессом с ростом населения и экономики. Уже с 1970-х годов рост населения начал замедляться, что спустя несколько десятков лет, во всяком случае, в развитых странах должно было привести к сокращению относительного прироста и количества ученых. Теоретически это не должно представлять угрозу для скорости накопления знаний и развития науки вообще, так как современный уровень технологической оснащенности позволяет достичь более существенного роста знаний на одного исследователя. Действительно, с 1960-х годов во многих отраслях продуктивность работы одного ученого, выраженная в публикациях, выросла на порядок, однако, это не всеохватное явление. Настоящее, прорывное знание достигается лишь при глубоком осмыслении научной проблемы. В его «производстве» искусственный интеллект, несмотря на все его современные достижения, все еще не может заменить человека. Таким образом, с глобальным замедлением возникает естественное условие для замедления роста научных публикаций, и – как следствие объема научных знаний. Данное обстоятельство имеет большое значение в рамках реализации глобальной научно-технической политики России в условиях наблюдаемой трансформации мирового порядка. Снижение роста количества прорывных изобретений в последние десятилетия уже фиксировалось в исследованиях российских ученых [Grinin, Grinin, Korotayev 2020]. Вместе с тем данную гипотезу целесообразно проверить на абсолютных показателях научного развития ведущих в научном отношении стран. При этом важно, что явление глобального замедления научно-технического развития, как ни странно, практически не освещено в научной литературе.

Реальное замедление темпов научно-технологического развития достаточно трудно фиксируется и доказывается, поскольку его рост очевиден, и ученых, и исследований на глобальном уровне в отдельных странах, даже со стабильным населением, становится больше. Между тем вполне возможно, что исследований становится больше, но рост числа их реальных результатов, выраженных в конкретных технологиях и их применении, может замедляться. Если это так, то снижение результативности и числа научных исследований становится глобальной проблемой, обозначив новый предел роста. Цифровизация помо-

гает автоматизировать процессы, но пока отнюдь не заменяет человека. Человеко-машинные системы могут обеспечить резкий рост эффективности наукоемкой деятельности лишь в том случае, если человек – глубокий, мыслящий интеллектual [Ильин 2020].

Прежде всего, рассмотрим некоторые научно-технологические и экономические показатели ряда стран в их динамике.

В США численность исследователей в 2000 г. составила 3496 на миллион жителей, в 2010 г. – 3885, в 2017 г. – 4412, за более поздние годы данных пока нет. Формально, рост численности исследователей даже несколько ускорился (на 11% за 2000-е годы и на 13% за 2010-е) [Science].

Расходы на исследования и разработки в США в 2000 г. составили 2,62% от ВВП, в 2010 г. – 2,74% от ВВП, в 2018–2,84%, фактически, правда они не увеличились с 2009 г., достигнув 2,81% и упав до 2,68% в 2012 г. [Science].

Число патентных заявок резидентов США достигло максимума в начале 2010-х годов и затем практически не росло. Общий рост происходит в основном за счет нерезидентов, число патентных заявок которых превысил число заявок резидентов еще в конце 2000-х годов.

Число научно-технических журнальных статей ученых США практически не растет последние десять лет. Доля высокотехнологичных товаров и услуг в экспорте снизилась с начала 2000-х годов с 34 до 20% к 2010 г. и в последнее десятилетие незначительно колеблется на уровне чуть ниже 20% (19% в 2019 г.) Объем высокотехнологичного экспорта в долларах США достиг максимума в 2006 и 2008 гг., а затем сразу снизился практически в 2 раза до примерно постоянного уровня в 150 млрд долл. Баланс платежей за использование интеллектуальной собственности также растет не так сильно в последние годы, с начала тысячелетия до 2010 г. он вырос в 2 раза, а в минувшее десятилетие – только в полтора [ibid].

Таким образом, научно-технологическая мощь США в целом укрепляется, однако, по некоторым показателям это укрепление замедляется, а по некоторым – его не происходит вовсе.

Это может показаться странным, поскольку США является относительно благополучной в плане численности молодежи страной с постоянно растущим населением. США многие десятилетия развивали науку благодаря притоку образованных мигрантов. Приток образованных или получающих образование мигрантов действительно увеличивался. Общее число иностранных студентов вузов в мире выросло с 2,1 млн в 2001 г. до 5,3 млн в 2020 г. Правда, при этом доля обучающихся в США в общемировом объеме снизилась с 28% до 21%. На 2020 г. общая численность студентов из зарубежных стран в США составила 1,1 млн человек. За последнее десятилетие число студентов резко увеличилось. Вместе с тем большинство студентов, обучающихся в США, родом из Китая и Индии. Китай является крупнейшим источником иностранных сту-

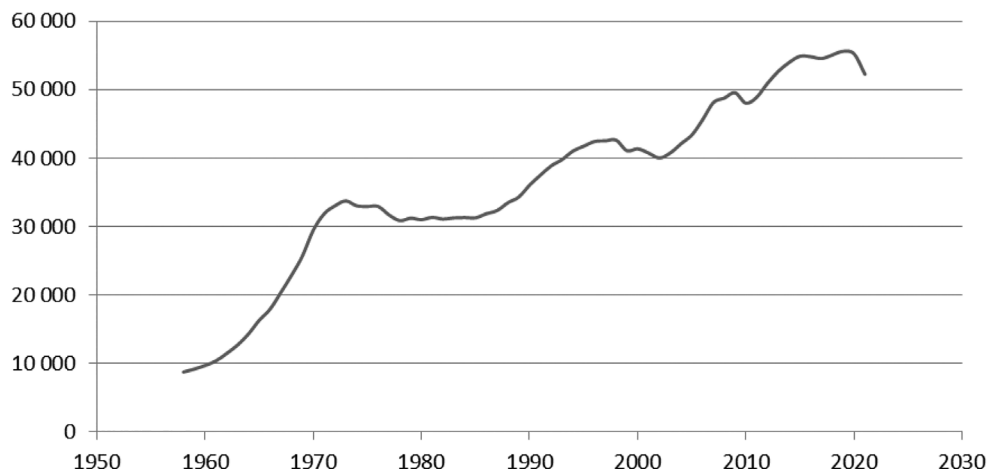

Рис. 1. Число защит докторских диссертаций в университетах и колледжах США с 1958 по 2021 гг.

Источник: [NSF 2022]

дентов, обучающихся в США. Вливание иностранных студентов на экономику США в допандемийном 2019 г. превысило 40 млрд долл. Считается, что иностранные студенты основали впоследствии 23% крупных компаний в США. С 2008 по 2018 г. численность иностранных студентов выросла на 38,6% [International Students 2022].

Весьма показательным является график числа защит докторских диссертаций (PhD) в университетах и колледжах США с 1958 г. (рис. 1).

Согласно этим данным, в настоящий момент имеет место достаточно длительный период стагнации числа защит диссертаций в США, начавшийся еще в конце 2000-х годов. Однако такие периоды, даже большие по длительности, уже были в американской истории, в частности, с начала 1970-х годов практически по начало 1990-х ежегодное число диссертаций не увеличивалось. В то же время необычно бурный рост ежегодного числа защит наблюдался в 1960-е годы, когда их число выросло более чем в 3 раза. Можно предположить, что в волнах нарастающего интереса к научной деятельности большую роль играют миграционные притоки, в том числе, связанные с продолжением обучения в США иностранных студентов. Действительно, за десятилетие с 2011 по 2021 годы ежегодное число защит докторских диссертаций в США изменилось с 49 до 52 тыс., притом, что число защитившихся граждан США в эти два года было практически одинаковым – 31,7 и 31,6 тыс. человек соответственно. Таким образом, в последние годы более трети новых докторов наук в США –

иностранные граждане. За указанное десятилетие число защитившихся граждан Китая выросло с 4 до 6,1 тыс. человек (на втором месте – Индия с 2,2 тыс. защитами в 2021 г.) [NSF 2022].

В настоящее время на страны «Группы двадцати» приходится 9/10 расходов на исследования, исследователей, публикации и патенты. Хотя в период с 2014 по 2018 г. расходы на исследования выросли в большинстве регионов, но все же 80% стран по-прежнему инвестируют менее 1% ВВП в НИОКР. Благодаря становлению национальных наук в развивающихся странах в период с 2014 по 2018 гг. число исследователей росло в 3 раза быстрее (13,7%), чем население мира (4,6%). Это эквивалентно 8,854 млн исследователей, занятых полный рабочий день (ЭПЗ). Без Китая рост числа исследователей (11,5%) только вдвое превысил бы темпы роста населения (5,2%). В 2018 г. на Китай приходилось 21,1% мировых исследователей, что немного меньше доли всего ЕС (23,5%), а на США приходилось лишь 16,2% (2017 г.) [UNESCO 2021].

Таким образом, скорость увеличения численности исследователей лишь незначительно замедлилась в последние несколько лет. При этом следует учитывать, что сбор данных по численности исследователей производился в рамках ЮНЕСКО в эквиваленте полной занятости.

В период с 2014 по 2018 г. расходы на исследования в России упали на 6% в постоянных ценах, а количество исследователей (в ФТЕ) сократилось на 9,5% [UNESCO 2021]. К 2018 г. средний возраст российских исследователей составлял 47 лет, и почти каждый четвертый достиг пенсионного возраста. Введение политики роста заработной платы и различных программ исследовательских грантов, ориентированных на более молодую возрастную группу, призвано обратить эту тенденцию вспять. По относительному числу исследователей на 10 тыс. занятого населения у России 27-е место, при этом позиция страны ухудшается [Парламентские слушания 2021]. Как отметил академик А. Сергеев «За 15 лет у нас сокращение на 17,5% в то время, как практически во всех странах мира – рост от 30 до 130%» [Число ... 2022].

В Канаде уровень расходов на НИОКР упал с начала тысячелетия с 2% до 1,56% в 2018 г. Число патентных заявок резидентов достигло максимума в 5,5 тыс. в 2006 г. и далее снижалось, в 2018 г. их было всего 4,2 тыс. С 2008 г. число патентных заявок снижалось от нерезидентов – с 37 до 32 тыс. Значительно снизилось число техников в НИОКР (в относительных величинах) – с почти 2 тыс. в 2007 г. до 1,25 тыс. в 2018 г. Доля высокотехнологичных продуктов в экспорте колебалась между 13 и 18% с 1990 г., и сейчас составляет около 17%. Плата за использование интеллектуальной собственности (баланс платежей) достигла насыщения в 2012–2013 гг., аналогичное американскому, прошло насыщение и в ежегодной численности научно-технических статей. Число исследователей (в расчете на миллион человек) также достигло насыщения в конце 2000-х годов и с тех пор несколько снизилось.

В Великобритании также наблюдается аналогичная картина стагнации развития научно-технической деятельности, в частности, по числу исследователей. Расходы на НИОКР увеличивались незначительно, проходили через некоторые спады и подъемы. Существенно снижается в последние годы число патентных заявок резидентов и нерезидентов. В последнее десятилетие снижается ежегодное число научно-технических статей. Наряду со снижением общего объема экспорта, в нем сокращается доля высокотехнологичных товаров. Вместе с тем показатели баланса платежей за использование ИС несколько выросли в последние годы [Science].

В Германии высокое число исследователей (5212 по состоянию на 2018 г.) и оно продолжает расти, однако ежегодное число публикаций в периодических изданиях и число патентных заявок резидентов стагнирует. При этом расходы на НИОКР продолжают расти, достигнув 3,1% в 2018 г. Доля специалистов, задействованных в НИОКР, растет, а интерес нерезидентов в отношении экономики Германии является высоким. Для Германии также характерен довольно уверенный рост баланса технологических платежей. Процент высокотехнологичных продуктов в экспорте остается таким же, как и многих других развитых стран – около 16%, однако также стагнирует [ibid].

Во Франции число исследователей несколько растет, однако доля расходов на НИОКР уже около десятилетия стагнирует. Снижение наблюдается также в отношении публикационной активности, патентных заявок резидентов и нерезидентов, числа специалистов, задействованных в НИОКР. Платежный баланс по ИС рос в первые годы минувшего десятилетия, но в последние годы он даже снижается. Для Франции характерен довольно высокий уровень высокотехнологичных продуктов в экспорте. Однако его объем существенно меньше, чем у Германии и также стагнирует [ibid].

Расходы на НИОКР Китая уверенно растут, хотя скорость их роста существенно снизилась с 2012 г. В стране наблюдается активный рост числа исследователей и научных публикаций. Несмотря на относительную стабилизацию в 2018 г., наблюдается быстрый рост числа патентных заявок. Экономика Китая представляет интерес для нерезидентов, число патентных заявок от них показывает активный рост. Баланс за ИС неуклонно растет, достигнув практически значений США, однако он несколько снизился в последние годы. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте достигла 30% в начале 2000-х годов и зафиксировалась на данном уровне [ibid].

В Южной Корее, как и в Израиле, одна из самых высоких концентраций исследователей в мире (относительно численности населения), которая приближается к восьми человекам на 1 тыс. человек. При этом это число продолжает расти. Доля расходов на НИОКР в ВВП является также одной из самых высоких в мире и продолжает расти. Скорость роста числа патентных заявок резидентов снижается, при этом, она – одна из самых высоких в мире. Рост числа заявок нерезидентов также стал замедляться [ibid].

В Японии численность исследователей, достигнув высокого уровня в начале тысячелетия, остается фактически постоянной относительно численности населения страны. Расходы на НИОКР в ВВП выше, чем в Германии, но ниже, чем в Южной Корее, и остаются фактически постоянными с начала нового тысячелетия. Число патентных заявок резидентов снижается с 2000 г., практически сблизившись с уровнем куда менее населенной Южной Кореи. Патенты нерезидентов в Японии достигли максимума также в конце 2000-х годов, и после этого роста их ежегодного числа не наблюдается. Аналогичные тенденции, в течение последних 20 лет наблюдаются в отношении числа научных публикаций, а также специалистов, занятых в НИОКР. Баланс платежей за ИС в Японии в последние годы несколько растет. При этом доля высокотехнологичной продукции в экспорте Японии серьезно упала с начала тысячелетия, достигнув значений, обычных для других развитых стран. Валовый объем высокотехнологичного экспорта стагнирует с конца 1990-х годов [Science].

Относительная численность исследователей в России несколько снижается в последние годы. Расходы на НИОКР находятся в районе 1% от ВВП, что значительно ниже уровня развитых стран. Между тем число статей в международных базах данных в последние годы росло, во многом благодаря активной политике по содействию этому росту. Патентная активность резидентов – 5-я в мире, но она стагнирует уже несколько десятилетий. Количество патентных заявок нерезидентов после пика в начале 2010-х годов стало снижаться. Баланс платежей за ИС достиг максимума также в начале 2010-х годов (в долл.) и с тех пор стагнирует (хотя он несколько вырос в последние годы). Доля высокотехнологичной продукции в экспорте России остается примерно постоянной, но недотягивает до уровня развитых стран – ее объем стагнирует последние десять и более лет в значениях между 8 и 12 млрд долл. [ibid].

Таким образом, целый ряд ведущих в научно-технологическом отношении стран характеризуются выраженным замедлением или даже стагнацией показателей научно-технологического развития в последнее десятилетие, при этом Россия – одна из них. По существу, только Китай демонстрирует уверенный рост во всех сферах.

Анализ долгосрочных вызовов глобальной и российской экономики, формирование сценариев и сценарных условий долгосрочного развития российской экономики, общества и научно-технологической сферы, проведенный в 2015 г. Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, рассматривал только с 20%-ной вероятностью на текущие годы замедление глобального научно-технологического развития [Анализ 2022].

Ученые Высшей школы экономики рассчитали год наступления «технологической сингулярности»: это произойдет примерно в 2106 г. [Салтанова 2020]. Действительно, многие тысячелетия технологическое развитие шло с постоянным, практически гиперболическим ускорением. Но ускорение при истощении

движущих сил вполне закономерно сменяется замедлением. Довольно четко этот механизм описан на примере динамики численности населения Земли. Австрийский ученый Хайнц фон Ферстер [Von Foerster, Mora, Amiot 1960] в 1960 г. доказал, что с начала нашей эры количество жителей планеты росло гиперболическим образом. Однако с 1970-х годов, как уже отмечалось выше, траектория трансформировалась – темпы прироста стали снижаться. Это происходит до сих пор и, судя по прогнозам ООН [UN Population Division 2019], продолжится в ближайшие десятилетия. Более, того, по мнению российских исследователей, сингулярность уже пройдена в 2018 годах [Салтанова 2020]. Вместе с тем в 2030-х годах за счет широкого внедрения цифровых технологий нового поколения (искусственный интеллект и т. д.) можно ждать новую волну ускорения, и с учетом ее точка сингулярности придется как раз на начало следующего столетия.

Вместе с тем нет оснований считать, что будущее ускорение 2030-х годов будет мощнее имевшего место в 1950–1960-х годах. Уже к концу прошлого века наметилась тенденция к отрицательной динамике прорывных изобретений. Патентная статистика дает высокие показатели, но их новизна не всегда однозначна, так как патентуется часто то, что не является полноценным изобретением [Park, Leahey, Funk 2023]. Вместе с тем количество действительно значимых изобретений после 1950–1960-х годов сокращается [Bunch, Hellemans 2004].

Например, в сфере искусственного интеллекта, по наблюдениям экспертов, прорывная жизнь идет лишь в двух-трех из 12 направлений, в то время как в остальных темпы роста замедляются. В фундаментальной физике пик открытий пришелся на 1920–1930-е годы [Plebe, Percont 2020]. В 1950–1960-х годах их активно коммерциализировали, они начали давать экономическую отдачу [Салтанова 2020].

Сегодня результаты медицинских исследований имеют все большую долю в числе научных работ, особенно в развитых странах. Как пишет Л.Е. Гринин, в ходе медицинского вектора текущей кибернетической революции возникают политические проблемы – геронтократия и проч., на которых следует остановиться подробнее [Гринин, Гринин 2019].

При этом, важно отметить, что единое научное пространство фрагментируется, а механизмы координации между разными дисциплинами и формированием целостной «научной картины мира» слабеют [Пик развития 2022]. Повышение междисциплинарной (и международной) связности науки – выход из создавшегося положения. Для этого служит формирование и развитие баз данных по научной информации (Scopus, Web of Science, Medline, РИНЦ и др.)

Против обсуждаемой нами гипотезы о замедлении могут свидетельствовать следующие положения.

Во-первых, число работ стагнирует (в развитых странах), глобальная скорость их прироста замедляется, но качество работ (возможно) растет. То же

самое можно сказать о патентах и технологиях. Более того, их качество не может не улучшаться, поскольку научное развитие должно опираться на обзоры литературы. Вместе с тем «полезный выход» в виде новых технологий может из формально нового знания и не наблюдаться. Во-вторых, технологическое развитие может происходить скачкообразно, после длительного накопления результатов исследований и технологических разработок. Такой прорыв может действительно ждать науку с развитием цифровых технологий.

Возможность реализации второго аргумента можно рассмотреть на примере суперкомпьютерных технологий, составляющих (в значительной степени) основу для больших прорывов в различных науках.

На конец 2021 – начало 2022 г. лидером среди суперкомпьютеров является система Fugaku [Топ 2021], которая заняла первую строчку рейтинга еще в июне 2020 г. Систему Fugaku уже можно отнести к классу систем эксафлопс-уровня. Вместе с тем Китай уже построил у себя несколько новых систем эксафлопс-уровня, демонстрирующих эту производительность на числах с нормальной (64 бит) разрядностью [Опубликован рейтинг 2022]. В первой сотне рейтинга ноября 2021 г. – 14 суперкомпьютеров из Японии, 34 – из США, два из КНР (зато – в первой десятке), 12 – из Германии, три – из Италии, семь – из Франции, один – из Швеции, три – из Великобритании, пять – из России (лучший – Chervonenkis, Яндекс), один – из Швейцарии, три – из Саудовской Аравии, четыре – Южной Кореи, один – Нидерланды, один – Люксембург, один – Австралия, один – Тайвань, один – Бразилия, один – Чехия, один – Испания, два – Финляндия, один – Канада. В то же время, если опираться на предыдущие данные списка наиболее мощных суперкомпьютеров [Топ 2021], то можно рассчитать, что если с 2002 по 2011 г. мощность суперкомпьютера-лидера выросла в 4 раза, то с 2011 по 2021 г. – в 2,3 раза. По максимальной мощности с 2002 по 2011 г. у лидера был рост в 293 раза, по пиковой – в 275, с 2011 по 2021 г. – в 42 и 48 соответственно. Таким образом, можно наглядно увидеть определенные признаки замедления и в суперкомпьютерной сфере.

Рассмотрим показатели роста количества научных публикаций в некоторых важных странах в наиболее актуальных и перспективных для мирового развития направлениях исследований: медицине и компьютерных науках (рис. 2).

Россия в 2010-е годы в медицинских исследованиях, представленных в международных базах данных, «стартовала с низкой базы», как и Китай, Южная Корея и Индия в 2000-е. Вместе с тем другие развитые страны в минувшее десятилетие в целом увеличили скорость роста числа медицинских публикаций. В отношении компьютерных наук можно констатировать, что пик скорости роста уже прошел, в них ускорение демонстрирует только Россия.

Таким образом, скорость роста основных научно-технических показателей ведущих в научном, технологическом и политическом отношении стран мира, очевидно, замедлилась. Более того, замедляется и рост в «святая святых»

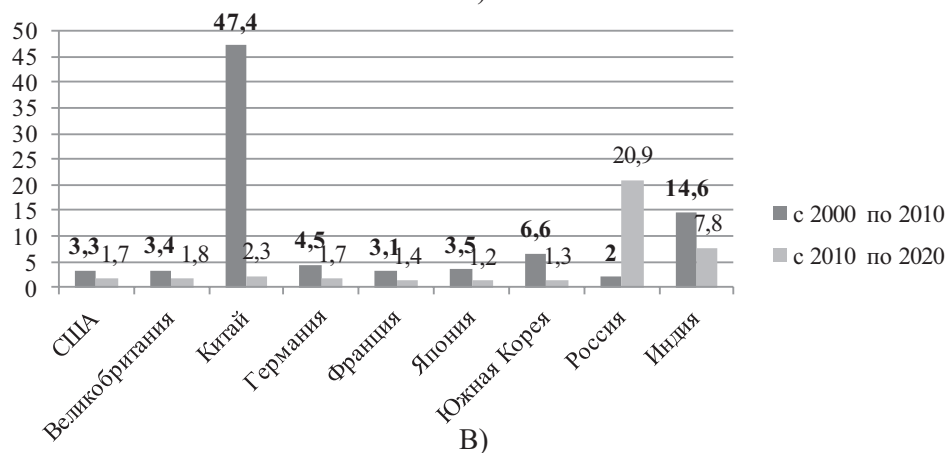
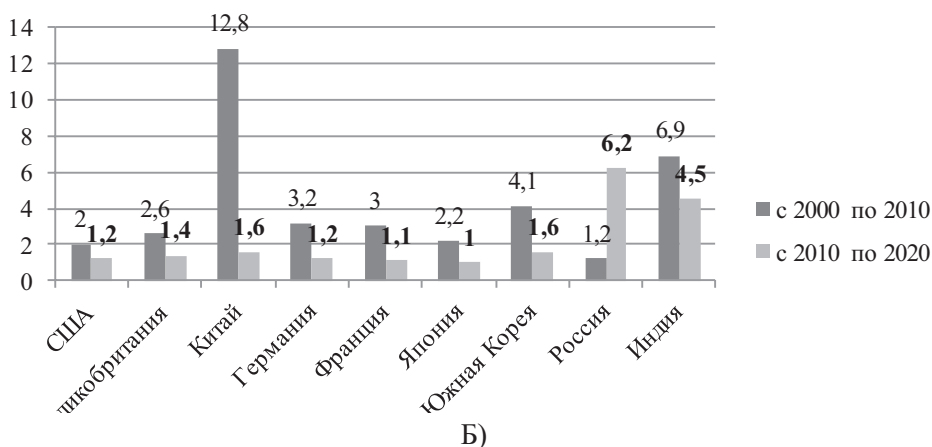
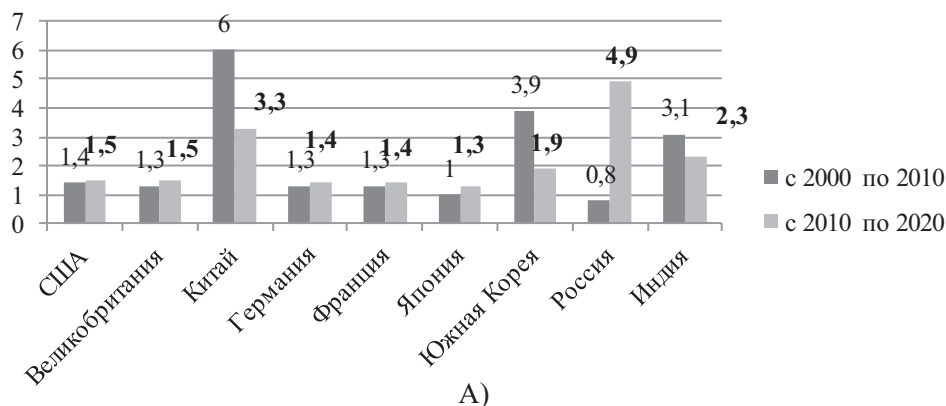

Рис. 2. Изменение динамики роста ежегодного числа публикаций в области медицины, компьютерных наук в целом и искусственного интеллекта.

Составлено автором по данным: [Scimago 2022]

глобального технологического развития – цифровых технологиях, а возможно даже – в наиболее многообещающей сфере искусственного интеллекта.

Для России все вышеизложенное предоставляет целый набор шансов на успешное преодоление трудностей активной фазы смены мирового порядка.

Во-первых, данное замедление представляется беспрецедентным в глобальном развитии во всей Новой и Новейшей истории. Очевидно, именно замедление роста человечества привело к такому явлению. Китай пока поддерживает глобальный рост, во многом сравнившись по показателям с США. Россия показывает рост научно-технических публикаций – глобальной представленности своих научных достижений (во всяком случае, до недавнего времени). В то же время трудности научно-технологического развития наблюдаются и в нашей стране. В наступивших новых геополитических условиях у России новые задачи развития. В отличие от ряда других стран Россия может опираться во многом только на внутренние инвестиции при наличии проблем с воспроизводством кадров. Можно отметить, что в России довольно низким является уровень монетизации экономики [Кайгородцев 2019]. Возможно, дополнительная монетизация могла бы увеличить базу для финансирования исследований. Кроме того, целесообразно предложить совместные проекты научно-технического развития с лидерами развивающихся стран – Новой Большой восьмеркой (Китай, Индия, Россия, Индонезия, Бразилия, Мексика, Иран, Турция). Роль международного научно-технического сотрудничества возрастает, поэтому Россия нуждается в продуманной политике в сфере МНТС для преодоления проблем научно-технологического развития, в том числе, с использованием сложившейся ситуации с глобальным научно-технологическим замедлением.

Во-вторых, замедление роста такого развития лидеров увеличивает шансы догнать их, в частности, через реализацию мер, направленных на привлечение кадров из развитых и развивающихся стран, талантливых или уже обладающих полезными для российской экономики компетенциями. Достаточно вспомнить, что кризис в развитых странах в 1930-е и 1970-е годы приводил их капитал к поиску новых источников роста, СССР освоил западные технологии, Япония, КНР и Южная Корея «подхватили» локомотию мирового развития благодаря многочисленности и концентрации своих демографических ресурсов. Вместе с тем нынешнее научно-технологическое замедление означает в принципе глубокий кризис, самый глубокий за последние 150 лет, поскольку новых источников роста «брать» по существу негде – КНР уже испытывает демографические проблемы, Индия осуществляет демографический переход, «восхождение» развивающихся стран, имеющих хорошую демографическую ситуацию – сдерживается нарастающими экологическими и социальными проблемами.

В-третьих, собственно политические аспекты глобального научно-технологического замедления очевидны его социально-экономическими последствиями, тем, что в условиях опоры экономики на науку и технологии замедление

означает общемировую экономическую стагнацию. Если опираться на данные МВФ, то можно прийти к выводу, что глобальная экономика (в долларовом выражении) выросла в 2000-е годы почти в 2 раза – в 1,95 раз, то за 2010-е годы – только в 1,3 раза [IMF 2022]. Это означает кризис развития, который неизбежно выливается в социальные и внутри- и внешнеполитические обострения, войны. Концентрация усилий стран на военных разработках приводила в прошлые глобальные кризисы к подъему технологий, но потенциал данного роста также может быть ограничен, в частности, в условиях отвлечения значительной части исследовательских сил на ИТ- и медицину. Сложившаяся ситуация неминуемо приведет к удешевлению многих прорывных технологий, их можно активнее приобретать за имеющиеся у России ресурсы при сохранении своей военной мощи на передовом мировом уровне на длительный предстоящий период.

Библиография

Анализ долгосрочных вызовов глобальной и российской экономики, формирование сценариев и сценарных условий долгосрочного развития российской экономики, общества и научно-технологической сфер // Центр макроэкономического анализа и долгосрочного прогнозирования. 2015. 30. 01. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Forsight/2015_01_30-1.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Глобальное старение, темпы научно-технического прогресса и изменение современной модели потребления в XXI – начале XXII в. // Историческая психология и социология истории. 2019. Т. 12. № 2. С. 36–56.

Ильин И.В. Глобальные проблемы цифровой трансформации общества // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации: сб. трудов научно-практической конференции. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 18–32.

Кайгородцев А.А. Повышение уровня монетизации российской экономики как фактор экономического роста // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 3. С. 11–14.

Опубликован рейтинг TOP500 самых мощных суперкомпьютеров // Атомная энергия 2.0. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/11/29/119739> (дата обращения: 01.12.2022).

Парламентские слушания: научный кадровый потенциал страны // Научная Россия. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/parlamentskie-slushaniya-nauchnyj-kadrovyy-potentsial-strany> (дата обращения: 20.10.2022).

Пик развития пройден: почему научно-технических прорывов пока больше нет // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5fd0a19f9a79473f456d7825> (дата обращения: 01.12.2022).

Салтанова С.В. «Мы живем в замедляющемся мире» Андрей Коротаев – о том, что прогресс технологий перестает ускоряться и надо к этому привыкать // НИУ ВШЭ. Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/352552613.html> (дата обращения: 01.12.2022).

Число исследователей в России сократилось на 17,5% при росте в других странах до 130% // ТАСС Наука. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11363167> (дата обращения: 01.12.2022).

Bunch B.H., Helleman A. The History of Science and Technology: A Browser's Guide to the Great Discoveries, Inventions, and the People Who Made Them, from the Dawn of Time to Today. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2004. 792 p.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 155. P. 119–955.

IMF. World Economic Outlook. Countering the Cost-of-Living Crisis. International Monetary Fund, 2022. 186 p.

International Students in USA (by the Facts & Figures) // Admissionsly. URL: <https://admissionsly.com/international-students-in-usa-statistics> (дата обращения: 01.06.2022).

Park M., Leahey E., Funk R. J. Papers and patents are becoming less disruptive over time // *Nature*. 2023. Vol. 613. № 7942. P. 138–144.

Plebe A., Percont P. Plurality: The End of Singularity? // *The 21st Century Singularity and Global Futures* / ed. by A.V. Korotayev, D.J. LePore. Springer, 2020. P. 163–184.

Science & Technology // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/topic/14> (дата обращения: 01.12.2022).

Scimago Journal & Country Rank // SJR. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php> (дата обращения: 1.12.2022)

Top 500 lists // The TOP500 list. URL: <https://www.top500.org/lists/top500/list/2021/11/> (дата обращения: 01.12.2022).

UN Population Division. World Population Prospects 2019 // UN. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 01.12.2022).

Von Foerster H., Mora P. M., Amiot L. W. Doomsday: Friday, 13 November, AD 2026: At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millenia // *Science*. 1960. Vol. 132. № 3436. P. 1291–1295.

References

Analiz dolgosrochnykh vyzovov global'noy i rossiyskoy ekonomiki, formirovaniye stsenariyev i stsenarnykh usloviy dolgosrochnogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki, obshchestva i nauchno-tehnologicheskoy sfer [Analysis of long-term challenges of the global and Russian economy, formation of scenarios and scenario conditions for the long-term development of the Russian economy, society and scientific and technological areas]. Tsentr makroekonomicheskogo analiza i dolgosrochnogo prognozirovaniia [Center for Macroeconomic Analysis and Long-term Forecasting]. 2015. 30. 01. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Forsight/2015_01_30-1.pdf (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Bunch B.H., Helleman A. The History of Science and Technology: A Browser's Guide to the Great Discoveries, Inventions, and the People who Made Them, from the Dawn of Time to Today. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2004. 792 p.

Chislo issledovateley v Rossii sokratilos' na 17,5% pri roste v drugih stranakh do 130% [The number of researchers in Russia decreased by 17.5% with an increase in other countries up to 130%]. TASS Nauka [TASS Science]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11363167> (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 155. P. 119–955.

Grinin L.E., Grinin A.L. Global'noye starenie, tempy nauchno-tehnicheskogo progressa i izmeneniye sovremennoy modeli potrebleniya v XXI – nachale XXII v. [Global aging, the pace of scientific and technological progress and the change in the modern consumption model in the 21st - early 22nd centuries]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historic Psychology and Social History]. 2019. Vol. 12. N 2. P. 36–56.

Il'in I.V. Global'nyye problemy tsifrovoy transformatsii obshchestva [Global problems of the digital transformation of society]. *Sotsial'nyye nauki i obrazovaniye v usloviyakh stanovleniya elektronnotsifrovoy tsivilizatsii*. [Social Sciences and Education in Conditions of the Electric and Digital Civilization Foundation. Scientific and Practical Conference]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. P. 18–32.

IMF. World Economic Outlook. Countering the Cost-of-Living Crisis. International Monetary Fund, 2022. 186 p.

International Students in USA (by the Facts & Figures). Admissionsly. URL: <https://admissionsly.com/international-students-in-usa-statistics> (date of access: 01.12.2022).

Kaygorodtsev A.A. Povysheniye urovnya monetizatsii rossiyskoy ekonomiki kak faktor ekonomicheskogo rosta [Increasing the level of monetization of the Russian economy as a factor of economic growth]. *Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskiye nauki* [Scientific Observations. Economic Sciences]. 2019. N 3. P. 11–14.

Opublikovan reyting TOP500 samykh moshchnykh superkomp'yuterov [The TOP500 rating of the most powerful supercomputers has been published]. *Atomnaya energiya 2.0*. [Atomic energy 2.0]. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/11/29/119739> (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Park M., Leahey E., Funk R.J. Papers and patents are becoming less disruptive over time. *Nature*. 2023. Vol. 613. N 7942. P. 138–144.

Parlamentskiye slushaniya: nauchnyy kadrovyy potentsial strany [Parliamentary hearings: scientific human resources of the country]. *Nauchnaya Rossiya* [Scientific Russia]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/parlamentskie-slushaniya-nauchnyj-kadrovyy-potentsial-strany> (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Pik razvitiya proyden: pochemu nauchno-tehnicheskikh proryvov poka bol'she net [The Peak of development has been passed: why there are no more scientific and technical breakthroughs yet]. *RBC* [RBC]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5fd0a19f9a79473f456d7825> (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Plebe A., Percont P. Plurality: The End of Singularity? The 21st Century Singularity and Global Futures / ed. by A.V. Korotayev, D.J. LePoire. Springer, 2020. P. 163–184.

Saltanova S.V. «My zhivem v zamedlyayushchemsya mire» Andrey Korotayev – o tom, chto progress tekhnologiy perestayet uskoryat'sya i nado k etomu privykat' ["We live in a slowing down world" Andrey Korotayev – that the progress of technology is no longer accelerating and we need to get used to it]. *NIU VSHE. Nauchno-obrazovatel'nyj portal IQ* [Higher School of Economics. Scientific and educational portal IQ]. URL: <https://iq.hse.ru/news/352552613.html> (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Science & Technology. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/topic/14> (date of access: 01.12.2022).

Scimago Journal & Country Rank. SJR. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php> (date of access: 01.12.2022).

Top 500 lists. The TOP500 list. URL: <https://www.top500.org/lists/top500/list/2021/11/> (date of access: 01.12.2022).

UN Population Division. World Population Prospects 2019. UN. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 01.12.2022).

Von Foerster H., Mora P. M., Amiot L. W. Doomsday: Friday, 13 November, AD 2026: At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millenia. *Science*. 1960. Vol. 132. N 3436. P. 1291–1295.

Ю.В. Грызенкова, А.А. Цыганов

**ФАКТОРЫ ВЫБОРА АРЕНДЫ ИЛИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЖИЛЬЯ В ИПОТЕКУ
У РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ¹**

***Аннотация.** Снижение доступности в Российской Федерации ипотечно-го кредитования после завершения в 2024 г. общедоступной программы субсидирования кредитных ставок для приобретения новостроек повысило спрос на арендное жилье. В связи с этим исследование мнения граждан о выборе ипотеки или аренды становится важным, поскольку потребительский выбор должен учитываться государством при выработке стратегий развития и девелоперами при выборе проектов застройки. При определенных условиях арендное жилье может стать популярным у жителей России, что делает определение этих условий актуальной и практически значимой задачей. В 2023 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации было проведено социологическое исследование мнения граждан об их предпочтениях при улучшении жилищных условий. В ходе исследования было опрошено 1,6 тыс. россиян трудоспособного возраста, имеющих работу или иной источник дохода. Итоговые данные позволяют понять предпочтения граждан по выбору приоритета в решении жилищных вопросов, степень осведомленности респондентов о различных способах покупки жилья, знании ими условий постановки на очередь на предоставление жилья по договору социального найма и отношение к проживанию в арендном жилье.*

Исследование показало, что при определенных условиях арендное жилье может стать интересным и популярным способом улучшения жилищных условий у российских граждан. Для этого требуется не только повысить прозрачность рынка арендного жилья и защитить права арендаторов, но и сформировать механизм возможного выкупа недвижимости и субсидирования арендных ставок в целях накопления первого взноса для ипотечного кредитования.

Ключевые слова: недвижимость; жилье; аренда; ипотека; улучшение жилищных условий; потребительский выбор; доступность жилья; потребительское поведение.

Грызенкова Юлия Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры ипотечного жилищного кредитования

1. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

и финансовых инструментов рынка недвижимости, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, Москва.

E-mail: yvgryizenkova@fa.ru

ORCID ID: 0000-0003-3387-468X

Scopus ID: 6505895202

Цыганов Александр Андреевич – профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой страхования и экономики социальной сферы, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, Москва.

E-mail: aatsiganov@fa.ru

ORCID ID: 0000-0001-8572-3248

Scopus ID: 56962746400

Gryzenkova Ju.V., Tsyganov A.A.

Factors in the Choice of Renting or Purchasing Housing with a Mortgage from Russian Families

***Abstract.** The decline in the availability of mortgage loans in the Russian Federation following the conclusion of the state-subsidized mortgage program for new housing in 2024 has led to increased demand for rental properties. In this context, studying citizens' preferences regarding the choice between mortgages and rental housing becomes crucial. Understanding consumer choices is important not only for state development strategies but also for developers when selecting real estate projects. Under specific conditions, rental housing has the potential to become popular among Russian residents, making the identification of these conditions a relevant and practically significant task. In 2023, the Financial University conducted a representative sociological survey to explore citizens' preferences for improving their housing conditions. The study included 1,600 Russian citizens of working age who were either employed or had another source of income.*

The findings provide insights into citizens' priorities in addressing housing needs, their awareness of various methods for acquiring property, their understanding of the requirements for joining the social tenancy queue, and their attitudes toward rental housing. The study revealed that, given certain conditions, rental housing could emerge as an attractive option for Russians seeking to improve their living conditions.

For this to happen, it is necessary to enhance market transparency, protect tenants' rights, and establish mechanisms for potential property purchases. Additionally, introducing subsidies for rental payments aimed at accumulating down payments for future mortgage lending would further support the development of the rental market as a viable alternative to traditional homeownership.

Keywords: real estate; housing; renting; mortgage; housing improvement; consumer choice; housing affordability; consumer behavior.

Gryzenkova Julia Viktorovna – PhD in Economics, Leading Researcher, Department of Housing Mortgage Lending and Financial Instruments of the Real Estate Market, Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.

E-mail: yvgryizenkova@fa.ru

ORCID ID: 0000-0003-3387-468X

Scopus ID: 6505895202

Tsyganov Alexander Andreevich – Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Insurance and Social Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.

E-mail: aatsiganov@fa.ru

ORCID ID: 0000-0001-8572-3248

Scopus ID: 56962746400

Введение

Выбор между различными способами решения жилищных вопросов актуален в большинстве стран мира, что находит свое отражение и в государственных жилищных программах, и в выборе маркетинговой стратегии девелоперов и кредитных учреждений, и в научных публикациях. В России общественный выбор склоняется к приоритетности приобретения собственного жилья, что у многих граждан вызывает объективные затруднения в связи с недостатком доходов для приобретения жилья, в том числе при помощи ипотечного кредитования. По оценкам государственного института развития в жилищной сфере АО «ДОМ.РФ» около 40% российских граждан не могут получить ипотечный кредит из-за недостаточности доходов [Мутко назвал долю... 2020], есть и существенная доля граждан с негативной кредитной историей, для которых рекомендовано арендное жилье, социальное или коммерческое. Решение жилищных проблем для почти половины населения России является актуальной и практически значимой задачей, которая должна находиться в центре внимания исследователей.

В мировой практике значительная часть населения развитых стран проживает в арендных квартирах и домах, при этом не считая свое право на жилище чем-то принципиально ущемленным. В современной России, напротив, сложился устойчивый тренд на выбор приоритетности приобретения населением жилья в собственность и понимание проживания в арендованном жилье как временной меры, вынужденного внешнего или внутренними причинами или обстоятельствами решения. Отметим, что и в СССР жилье находилось в государственной и в некоторых случаях в личной собственности, в отношении которой было значительное число ограничений. Одновременно много говорится о важности формирования в России цивилизованного прозрачного

рынка арендного жилья. Эта задача присутствует и в национальном проекте «Жилье и городская среда», рассматривающем «аренду жилья на длительный срок на рыночных условиях» как один из способов улучшения жилищных условий [Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда», 2018, с. 28], при принятии указанного документа в 2018 г. предполагалось, что к 2024 г. 0,03 млн российских семей «заключат договора аренды квартир на срок не менее года» [там же, с. 27]. В таком случае при планировании развития и принятии жилищных программ, в том числе в рамках национальных проектов, необходимо учесть факторы выбора способов улучшения жилищных условий жителями России. Это означает, что наряду с повышением доступности приобретения жилья, в том числе при помощи ипотечных программ необходимо выработать условия по повышению доступности комфортного арендного жилья, для чего повысить не только прозрачность рынка арендного жилья, но также понять и минимизировать факторы, препятствующие спокойному проживанию в арендных домах. С учетом снижения доступности ипотечных программ в 2023–2024 гг., завершения программы льготной ипотеки в 2024 г. для приобретения жилья в новостройках следует обратить внимание не только на повышение адресности государственной поддержки, но и разнообразить ее формы. Возможно, следует внедрить программы субсидирования арендных ставок и иные меры, направленные на повышение интереса россиян к арендному жилью. В связи с этим социологическое исследование мнения жителей России об арендном жилье, условиях повышения комфорта проживания в нем, формирования программ субсидирования накопления первого взноса является актуальной научной задачей, направленной на решение важной научно-практической проблемы обоснования возможности более полного учета возможностей рынка арендного жилья в российской жилищной политике.

Сравнение приобретения квартиры при помощи ипотечного кредита или выбора арендного жилья является одной из популярных тем как в традиционно выделяемых развитых странах [Bostock, Carter, Tse, Paris 2024], так и в России [Велесевич 2020; Задорожный 2024]. При этом сравниваются экономические показатели, а желание жить в своем доме или в собственной квартире выносится за пределы рационального расчета. Однако выбор часто делается не только из рациональных экономических соображений, поведение часто связано со значительно бóльшим набором факторов, чем исключительно экономический анализ. В данном случае мотивация часто важнее рационального выбора и исследовать ее можно социологическими методами, что и представляет собой цель настоящей статьи. Данная задача актуальна для России и на основе анализа мнения российских граждан можно определить условия повышения привлекательности арендного жилья как альтернативы приобретению в собственность для долгосрочного проживания.

Обзор исследований потребительского поведения на рынке недвижимости

Рекомендации по повышению доступности жилья обсуждаются в мире на высоком уровне [Making Affordable Housing a Reality in Cities 2019], данная проблема является общепризнанной. При этом иностранные исследователи ориентированы прежде всего на выявление эконометрических закономерностей: взаимосвязь цен на недвижимость и арендных ставок [Squires, Webber, Trinh, Javed 2022], арендных ставок на муниципальное жилье и характеристики района [Leviton-Reid, Leviten-Reid, MacDonald, Matthew 2022], особенности изменения потребительского выбора между арендой и приобретением жилья в зависимости от смены поколений [Csizmady, Kószeghy 2022], когда аренда из вариантов выбора превращается в бремя [Sharma, Samarin 2022] – тематика современных зарубежных научных публикаций, при этом тесно связанная именно с вопросами ценностного выбора, а не только экономического расчета.

В России потребительские предпочтения на рынке недвижимости становятся предметом скорее практических маркетинговых исследований, но есть и научные публикации [например: Вережкина 2019; Магина, Мишланова 2022; Грызенова, Семенюк, Цыганов 2023]. Предметом отдельного исследования могут быть арендный рынок [Ларионова 2018; Мишланова 2022; Глушенко 2023], региональные особенности городов-миллионников [Косарева 2020; Глазков 2023], а главное – уровень защищенности арендаторов [Лазор 2022]. На протяжении последних десяти лет у российских исследователей наиболее популярна тематика, связанная с обоснованием значимости и перспектив развития арендного рынка [Королевский 2014; Шнейдерман 2017; Беляков 2018; Розмазнин 2023].

В центре внимания многих российских и зарубежных ученых находится развитие рынка арендного жилья [Метельская 2003], выявление его зависимости от различных факторов выбора [Уляшева, Мазаева 2015; Абрамова 2017], в том числе от стоимости владения [Ullah, Sepasgozar 2020; Turnbull, Vlist 2022]. В научных исследованиях рассматриваются финансово-экономическое сопоставление аренды и ипотеки [Nwogugu 2005; Tabner 2016; Иванов, Наими 2019], учет особенностей выбора молодой семьи [Придвижкин, Шилиманов, Ильюшкин 2018], оценка влияния на арендный рынок мигрантов [Kurichev 2022; Afzali, Vazirov, Bezverbnaya 2023], перспективы частно-государственного партнерства на этом рынке [Левин 2012]. Актуальны исследования потребительского выбора на отдельных рынках – сельской недвижимости [Астраханцева, Грызенова, Печеная, Цыганов 2023].

Важно отметить, что в публикациях проявляется тренд на исследование потребительского выбора, предпочтений на рынке недвижимости при приобретении ее в собственность или индивидуальном жилищном строительстве, что делает социологическое исследование мнения российских граждан о возможности и целесообразности развития арендного рынка как возможности достойного и приемлемого варианта повышения доступности жилья актуальной задачей.

Материалы и методы исследования

В связи с этим летом 2023 г. было предпринято репрезентативное всероссийское социологическое исследование мнения жителей России с целью выявить и проранжировать приоритеты в решении жилищных вопросов и отношении к проживанию в арендном жилье в зависимости от возраста, состава семьи и уровня дохода. Во время опроса были выделены ответы респондентов, проживающих в Центральном и Дальневосточном федеральном округах (27,4 и 5,4% участников исследования соответственно).

Опрос был проведен кафедрой (во время проведения исследования – департамент) страхования и экономики социальной сферы Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и исследовательским центром «БИТУБИ Групп» в июле-августе 2023 г. среди 1,6 тыс. респондентов, граждан России, постоянно проживающих в своей стране. К респондентам предъявлялись следующие требования: трудоспособный возраст и наличие постоянной работы или источника дохода. При исследовании проводилось сегментирование по следующим критериям:

- по полу респондентов (мужской, женский);
- отдельно по Российской Федерации в целом и по Центральному и Дальневосточному федеральным округам;
- по возрастным группам (18–24, 25–29, 30–39, 40–49 и 50–59 лет);
- по составу семьи [проживает один; проживает с супругом/супругой; семья (чаще супружеская пара, но специально не оговаривалось) с одним ребенком; семья с двумя и более детьми; многопоколенная семья, т.е. семья с минимум одним ребенком, проживающая хотя бы с одним родственником старшего поколения];
- по уровню доходов (низкие, средние, высокие).

Для определения уровня доходов использовались ответы на вопрос «Какое из утверждений наилучшим образом описывает доходы Вашего домохозяйства?»:

- хватает только на еду и самое необходимое;
- могу купить все необходимые товары или услуги, но не всегда хватает средств на приобретение товаров длительного пользования;
- могу купить все необходимые товары или услуги, кроме недвижимости и автомашины;
- могу купить все необходимые товары или услуги, включая автомобиль, но не могу сам купить недвижимость (без привлечения кредита, помощи родственников и т.п.);
- могу купить все необходимые товары или услуги, включая недвижимость.

Последние два ответа – группа «высокие доходы»; второй и третий ответы – группа «средние доходы»; первый ответ – группа «низкие доходы».

Численность населения Российской Федерации на 1 января 2023 г., по данным Росстата, составила 146 980 061 человек, при этом численность населения в возрасте от 18 до 59 лет равнялась 81 608 200 человек. В соответствии с практикой социологических исследований для такой численности населения со степенью уверенности 99% и уровнем ошибки до 4% достаточно изучение мнения не менее 1406 респондентов, что подтверждает репрезентативность выборки в 1,6 тыс. человек (из них 744 мужчины, или 46,52% участников опроса, и 856 женщин, или 53,48%). Для достижения целей исследования была использована методика индивидуального дистанционного опроса респондентов по вопросам электронной анкеты, при этом подбор респондентов происходил случайным образом, с учетом требований, предъявленных к выборке.

Именно трудоспособные граждане являются основными покупателями жилья, и они же могут выбирать арендное жилье в случае сложности для них приобретения жилья. Полученные методом электронного анкетирования (электронная интернет-панель) ответы следует интерпретировать как мнение реальных и потенциальных покупателей жилья, для чего были заданы следующие вопросы, предполагающие выбор среди сформулированных вариантов ответа.

- Ваш главный приоритет в решении жилищных вопросов?
- Степень осведомленности респондентов о различных способах покупки жилья?
- Знание условий постановки на очередь на предоставление жилья по договору социального найма?
- Отношение к проживанию в арендном жилье?

Результаты исследования и приоритет в решении жилищных вопросов

В таблице 1 представлено распределение ответов респондентов на вопрос анкеты «Ваш главный приоритет в решении жилищных вопросов». Для существенно большей части опрошенных приоритет в решении жилищных вопросов заключается в приобретении собственного жилья, хотя этот момент в целом важнее для женщин, чем для мужчин. Наименее популярным вариантом ответа стал отказ от приобретения собственного жилья в пользу аренды.

Отношение к разным способам решения жилищных вопросов в зависимости от возраста и состава семьи, как показало исследование, вполне предсказуемо. Молодые люди (в возрасте 18–24 года) и одиночки наиболее лояльны арендному жилью (7,3 и 9,5% соответственно выбирают ответ «не буду тратить средства на приобретение жилья, арендовать удобнее»), но и в данном случае это довольно небольшая часть российского общества), в целом по выборке – 6,6%.

Таблица 1

Главный приоритет работающих жителей России в решении жилищных вопросов

Ваш главный приоритет в решении жилищных вопросов	Пол			
	мужской		женский	
	человек	%	человек	%
Приложу максимум усилий для приобретения собственного жилья	139	18,7	141	16,5
Буду покупать свое жилье, обращусь за помощью к родственникам или друзьям (без привлечения банковского кредита)	61	8,2	70	8,2
Буду покупать свое жилье, если получится взять ипотечный кредит	204	27,4	241	28,2
Буду покупать свое жилье, если новые расходы не будут мешать обычной жизни и путешествиям	57	7,7	62	7,2
Не буду тратить средства на приобретение жилья, есть (или будет) квартира родителей или других родственников	172	23,1	209	24,4
Буду ждать в жилищной очереди квартиру по договору социального найма, поскольку не могу (или не хочу) тратить доступные средства на оплату ипотечного кредита или рыночной аренды	62	8,3	83	9,2
Не буду тратить средства на приобретение жилья, арендовать удобнее	49	6,6	50	5,8

Источник: [Развитие рынка социального доступного жилья... 2023]

Исходя из данных опроса о степени осведомленности о различных способах приобретения недвижимости, можно сделать вывод о том, что степень осведомленности респондентов о возможности получения различных льгот для покупки жилья растет с увеличением возраста и состава семьи респондентов, но существенно более касается специализированных программ (для врачей, ученых, военнослужащих и т. д.; 82,3% по России), а не общедоступных федеральных программ (субсидия, материнский семейный капитал; 25,3%). Однако узнаваемость специализированных программ не указывает на знание их условий и сопоставимый объем использования для улучшения жилищных условий.

Существенной разницы в ответах в зависимости от пола и региона проживания не наблюдается; более обеспеченные меньше интересуются специализированными программами для врачей, ученых, военнослужащих и т. д., но и в данном случае многие, или 77,9%, знают об этих программах (в целом по выборке – 82,6%). Практически 100% участников понимают возможность приобретения жилья на собственные средства, что показывает укорененность института частной собственности в сознании российских граждан как мини-

мум в отношении жилой недвижимости. Подавляющее большинство граждан в той или иной степени знакомы с ипотечным кредитованием (98,4%), понимают возможность получения первого взноса при помощи родственников или его замены на то или иное решение застройщика (26,1%).

Результаты исследования: аренда или ипотека?

Существующие альтернативы решения жилищного вопроса включают в себя приобретение жилья, в том числе индивидуальное жилищное строительство, аренду недвижимости и получение жилья по договору социального найма.

Распространенность получения жилья по договору социального найма среди работающего населения достаточно низка, так же незначительна популярность этого способа решения жилищного вопроса – об условиях постановки на очередь осведомлены менее 10%. Очевидно, что знания о социальном найме как способе реализации конституционного права на жилье могут быть более распространены в отдельных группах российского населения (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи и т. д.), что может стать темой отдельного исследования. Состав семьи и регион проживания практически не влияют на осведомленность участников опроса. Мужчины несколько хуже знают об условиях постановки на очередь (9,1% против 10% у женщин). Молодые люди в целом демонстрируют наименьший уровень осведомленности об условиях постановки на очередь на предоставление жилья по договору социального найма (4,2%). Для лиц с низким уровнем дохода условия постановки на очередь на предоставление жилья по договору социального найма являются более знакомыми, чем для людей с высоким уровнем дохода (10,3% против 5,7%).

Существующие условия предоставления и приобретения жилья, социокультурные особенности населения предполагают обращение к родственникам за материальной помощью или аренду недвижимости. С учетом снижения эффективности родственных связей аренда недвижимости в определенной степени вынужденно становится популярным институтом решения жилищных вопросов. Однако отношение к ней достаточно негативное, респонденты считают проживание в арендной квартире вынужденным и не самым оптимальным вариантом проживания (табл. 2), причиняющим ощутимый социальный дискомфорт и ощущение низкой защищенности, в большей степени выраженные у женщин.

Вполне предсказуемо более толерантно относятся к аренде жилья одинокие, бездетные супруги и граждане с низким уровнем доходов. При этом возрастные особенности проявляются: более молодые респонденты не так остро реагируют на социальный дискомфорт (рис. 1), но более чувствительны к вопросам защищенности прав арендатора (рис. 2), так как можно предположить более частые случаи дискриминации по возрасту при заключении договора аренды со стороны собственников жилья.

Таблица 2

Арендное жилье в представлении респондентов (допускалось не более трех вариантов ответа)

Арендное жилье для Вас это:	В целом по России	
	человек	%
Возможность гибкого выбора места жительства	472	29,5
Возможность где-то жить при отсутствии возможности купить свое жилье	443	27,7
Удобство на время учебы или временной работы	310	19,4
Значительно дешевле, чем покупка собственного жилья	392	24,5
Возможность попробовать самостоятельную жизнь и / или создать семью	436	27,3
Низкая защищенность (собственник может в любой момент выгнать, нет ощущения «своего дома» и т. п.)	504	31,5
Социальный дискомфорт (нет возможности зарегистрироваться (прописаться), прикрепиться к поликлинике, записать детей в школу или в детский сад и т. п.)	261	16,3

Источник: [Развитие рынка социального доступного жилья... 2023]

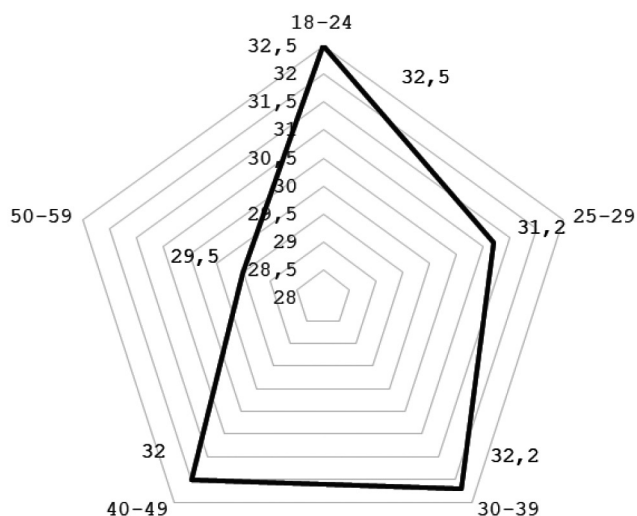

Рис. 1. Ответ «низкая защищенность (собственник может в любой момент выгнать, нет ощущения «своего дома» и т. п.)» в зависимости от возраста, % от числа принявших участие в исследовании

Источник: [Развитие рынка социального доступного жилья... 2023]

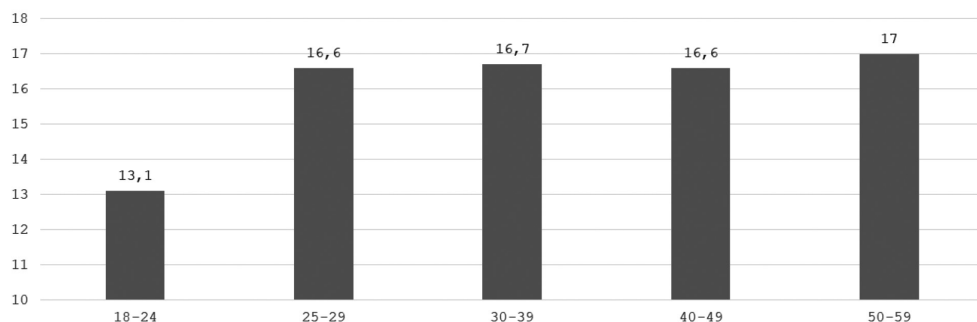

Рис. 2. Ответ «социальный дискомфорт» в зависимости от возраста, % от числа принявших участие в исследовании.

Источник: [Развитие рынка социального доступного жилья... 2023]

Выводы

Проведенное исследование показало, что жители России в настоящее время предпочитают приобретение жилья в собственность, мотивируя это не только рациональным выбором, но и пониманием сложностей получения социальных услуг по месту жительства, а главное – низким уровнем защищенности на случай нарушения договора аренды собственником. Есть и проблемы с общественным восприятием проживания в арендной квартире. Для многих россиян аренда жилья не связана с чувством дома и вызывает значительный дискомфорт, препятствующий оценить преимущества арендного жилья. Мнения российских и зарубежных исследователей о причинах выбора арендного жилья, проблемах развития рынка арендного жилья в целом подтвердились.

Важно, что среди общественных настроений при превалировании негативного восприятия проживания в арендном жилье есть и существенная доля ответов, где отмечается удобство. Именно это позволяет предположить перспективность развития рынка арендного жилья и наметить пути повышения эффективности его функционирования в России.

Советский опыт постановки на очередь на получение бесплатного жилья уже не столь актуален, хотя практика предоставления квартир по договорам социального найма в современной России продолжается. Подавляющее большинство респондентов не знают условий постановки на очередь на предоставление жилья по договору социального найма. Особенно четко это проявляется у молодежи.

Низкая защищенность прав арендатора наиболее беспокоит молодых участников опроса, что показывает возможное направление совершенствования законодательства для развития рынка арендного жилья.

Для большинства опрошенных приоритет при решении жилищных вопросов в первую очередь заключается в покупке собственного жилья. Разницы, обусловленной гендерным различием, практически нет, хотя мужчины отдают большее предпочтение аренде жилья, нежели женщины. При этом понимание возможности приобретения жилья при помощи ипотечного кредита присутствует у подавляющего большинства российских граждан.

Льготные возможности покупки собственного жилья остаются для многих опрошенных неизвестными, но в этом вопросе разницы из-за места проживания или возраста практически нет. Молодые люди сравнительно меньше знают о подобных льготах, нежели более взрослые респонденты. Интересно, что работающие жители России показывают существенно лучшее знание специализированных ипотечных программ, чем общефедеральных программ льготного жилищного финансирования.

В случае развития рынка арендного жилья необходимо учесть отношение к нему российских граждан и сформировать меры поддержки и его обеления не только с фискальных позиций, но в большей степени формирования реального механизма защиты прав арендаторов и собственников, повышения привлекательности выбора арендного жилья на основе механизма его выкупа (лизинг недвижимости) в случае принятия такого решения с учетом возможности внедрения государственных и / или муниципальных программ субсидирования арендных ставок, первого взноса по ипотечному кредиту, поощрения застройщиков и предприятий к строительству арендных домов, где предусматривается возможность выкупа недвижимости арендаторами.

Библиография

Абрамова Н.В. Опыт развития рынков арендного жилья в странах с большой долей жилья в собственности: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017. Т. 4, № 3. С. 211–224.

Астраханцева Е.Ю., Грызенова Ю.В., Печеная Л.Т., Цыганов А.А. Потребительское поведение сельских жителей на рынке сельской жилой недвижимости // АПК: экономика, управление. 2023. № 4. С. 89–99.

Беляков С.И., Сиразетдинов Р.М. Актуальные задачи и перспективы развития рынка найма и аренды жилья в России // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 3. С. 80–83.

Велесевич С. Аренда или ипотека: что выгоднее в современной России // РБК. 27.07.2020. URL: <https://realty.rbc.ru/news/67e530fa9a79470254fec9c1> (дата обращения: 10.07.2024).

Вережкина И.Д. Социальное жилье: основные требования потребителя // Архитектура. 2019. № 1. С. 43–50.

Глазков К.В. Актуальные проблемы современного состояния рынка жилой недвижимости в Московском регионе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 2 (62). С. 164–170.

Глушенко М.Е. Статистический анализ рынка услуг по продаже и аренде жилой недвижимости // Экономика и предпринимательство. 2023. № 9 (158). С. 522–529.

Грызенькова Ю.В., Семенюк А.Г., Цыганов А.А. Самооценка гражданами России доступности жилья и способов его приобретения в 2023 году // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 6. С. 119–136.

Задорожный М. Ипотека или аренда? // BFM.RU. 10.07.2024. URL: <https://www.bfm.ru/news/553905> (дата обращения: 10.07.2024).

Иванов О.И., Наими М.М.С. Выбор между арендой и ипотекой: оценка чистой приведенной стоимости владения жильем // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019. Т. 11, № 4 (34). С. 7–18.

Королевский К.Ю. Проблемные аспекты аренды жилья в России // Экономика строительства. 2014. № 5 (29). С. 29–34.

Косарева Н.Б. Об арендном жилье в Москве сегодня // Фонд «Институт экономики города». 06.10.2020. URL: <https://urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/n-b-kosareva-ob-arendnom-zhile-v-moskve-segodnya> (дата обращения: 31.03.2025).

Лазор Ю.А. Защита субъективных прав нанимателя при расторжении договора аренды (найма) недвижимости // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 57. С. 202–212.

Ларионова Ю.В. Особенности развития рынка аренды жилья в России // Экономика и предпринимательство. 2018. № 12 (101). С. 804–808.

Левин Ю.А. Вопросы государственно-частного партнерства на рынке аренды жилья // Финансы. 2012. № 5. С. 20–22.

Магина А.И., Мишланова М.Ю. Исследование потенциального спроса на некоммерческий найм жилья // Вестник МГСУ. 2022. Т. 17, № 12. С. 1732–1746.

Метельская Е.А. Влияние неопределенности дохода на принятие решения о покупке или аренде жилья // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 2. С. 79–100.

Мишланова М.Ю. Перспективы развития рынка доступного наемного жилья в РФ // Недвижимость: экономика, управление. 2022. № S3-1. С. 115–118.

Мутко назвал долю неспособных взять ипотеку даже под 0% россиян // РБК. 2020. 20.08. URL: <https://www.rbc.ru/finances/20/08/2020/5f3ea8f79a7947883aa6c74e> (дата обращения: 10.07.2024).

Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда», утвержденный президентом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).

Придвижкин С.В., Шилиманов М.Н., Ильюшин А.А. Обеспечение жильем молодой семьи: аренда или ипотека // Дискуссия. 2018. № 3 (88). С. 54–62.

Развитие рынка социального доступного жилья с использованием кредитования и страхования: отчет по прикладной научно-исследовательской работе. 2023 // Архив кафедры страхования и экономики социальной сферы Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Розмазнин И.В. Перспективы рынка аренды жилья в Российской Федерации и правовые проблемы его развития // Уральский научный вестник. 2023. Т. 3, № 3. С. 133–137.

Уляшева М.А., Мазаева М. В. Рынок ипотеки: аренда или кредит? // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1, № 2 (2). С. 170–175.

Шнейдерман И.М. Развитие цивилизованного рынка арендного жилья // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207, № 5. С. 555–562.

Afzali M., Vazirov Z.K., Bezverbnaya N.A. Discrimination against migrants in the rental market (case study of Iranian and Tajik students) // DEMIS. Demographic Research. 2023. Т. 3, № 1. С. 69–82.

Bostock M., Carter S., Tse A., Paris F. Is It Better to Rent or Buy? A Financial Calculator //

The New York Times. 10.05.2024. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/upshot/buy-rent-calculator> (дата обращения: 10.07.2024).

Csizmady A., Köszeghy L. «Generation Rent» in a Super Homeownership Environment: The Case of Budapest, Hungary // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, Iss. 14. № 8929. P. 1–18.

Leviton-Reid C., MacDonald M., Matthew R.A. Public housing, market rentals, and neighbourhood characteristics // *The Canadian Geographer / Le Géographe canadien*. 2022. Vol. 66, Iss. 2. P. 263–277.

Making Affordable Housing a Reality in Cities // *The World Economic Forum*. 2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Making_Affordable_Housing_A_Reality_In_Cities_report.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

Nwogugu M.C.I. On the Choice Between Renting and Home-Ownership in the Housing Industry // *SSRN. Electronic Journal*. 01.12.2005. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=859927 (дата обращения: 02.04.2025).

Sharma M., Samarin M. Rental tenure and rent burden: progress in interdisciplinary scholarship and pathways for geographical research // *GeoJournal*. 2022. Vol. 87, Iss. 4. P. 3403–3421.

Squires G., Webber D., Trinh H.H., Javed A. The connectedness of house price affordability (HPA) and rental price affordability (RPA) measures // *International Journal of Housing Markets and Analysis*. 2022. Vol. 15, Iss. 3. P. 521–547.

Tabner I.T. Buying versus renting – Determinants of the net present value of home ownership for individual households // *International Review of Financial Analysis*. 2016. Vol. 48. P. 233–246.

Turnbull G.K., Vlist A.J. van der. Bargaining power and segmented markets: Evidence from rental and owner-occupied housing // *Real Estate Economics*. 2022. Vol. 50, Iss. 5. P. 1307–1333.

Ullah F., Sepasgozar S.M.E. Key Factors Influencing Purchase or Rent Decisions in Smart Real Estate Investments: A System Dynamics Approach Using Online Forum Thread Data // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, Iss. 11. № 4382. P. 1–36.

References

Abramova N.V. Opyt razvitiya rynkov arendnogo zhil'ya v stranakh s bol'shoi dolei zhil'ya v sobstvennosti: sravnitel'nyi analiz [Experience in the development of rental housing markets in countries with a large share of housing ownership: a comparative analysis]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration]. 2017. Vol. 4, N 3. P. 211–224. (In Russ.)

Afzali M., Vazirov Z.K., Bezverbnaya N.A. Discrimination against migrants in the rental market (case study of Iranian and Tajik students). *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, N 1. P. 69–82.

Astrakhantseva E.Yu., Gryzenkova Yu.V., Pechenaya L.T., Tsyganov A.A. Potrebitel'skoe povedenie sel'skikh zhitel'ei na rynke sel'skoi zhiloi nedvizhimosti [Consumer behavior of rural residents in the rural residential real estate market]. *APK: ekonomika, upravlenie* [Agro-industrial complex: economics, management]. 2023. N 4. P. 89–99. (In Russ.)

Belyakov S.I., Sirazetdinov R.M. Aktual'nye zadachi i perspektivy razvitiya rynka naima i arendy zhil'ya v Rossii [Actual tasks and prospects for the development of the rental and rental housing market in Russia]. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie* [Real estate economics and management]. 2018. N 3. P. 80–83. (In Russ.)

Bostock M., Carter S., Tse A., Paris F. Is It Better to Rent or Buy? A Financial Calculator. The New York Times. 10.05.2024. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/upshot/buy-rent-calculator> (date of access: 10.07.2024).

Csizmady A., Köszeghy L. “Generation Rent” in a Super Homeownership Environment: The Case of Budapest, Hungary. *Sustainability*. 2022. Vol. 14, Iss. 14. N 8929. P. 1–18.

Glazkov K.V. Aktual'nye problemy sovremennogo sostoyaniya rynka zhiloi nedvizhimosti v Moskovskom regione [Actual problems of the current state of the residential real estate market in the Moscow region]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management]. 2023. N 2 (62). P. 164–170. (In Russ.)

Glushchenko M.E. Statisticheskii analiz rynka uslug po prodazhe i arende zhiloi nedvizhimosti [Statistical analysis of the market of services for the sale and rental of residential real estate]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]. 2023. N 9 (158). P. 522–529. (In Russ.)

Gryzenkova Yu.V., Semenyuk A.G., Tsyganov A.A. Samootsenka grazhdanami Rossii dostupnosti zhil'ya i sposobov ego priobreteniya v 2023 godu [Self-assessment by Russian citizens of housing affordability and ways to purchase it in 2023]. ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [STAGE: economic theory, analysis, practice]. 2023. N 6. P. 119–136. (In Russ.)

Ivanov O.I., Naimi M.M. Vybor mezhdu arendoi i ipotekoi: otsenka chistoi privedennoi stoimosti vladeniya zhil'em [Choice between Rent and Mortgage: Evaluating the Net Present Value of Home Ownership]. Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal [Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal]. 2019. Vol. 11, N 4 (34). P. 7–18. (In Russ.)

Korolevskii K.Yu. Problemnye aspekty arendy zhil'ya v Rossii [Problematic aspects of housing rental in Russia]. Ekonomika stroitel'stva [The economics of construction]. 2014. N 5 (29). P. 29–34. (In Russ.)

Kosareva N.B. Ob arendnom zhil'e v Moskve segodnya [About rental housing in Moscow today]. Fond «Institut ekonomiki goroda» [Foundation “Institute of City Economics”]. 06.10.2020. URL: <https://www.urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/nb-kosareva-ob-arendnom-zhile-v-moskve-segodnya> (date of access: 31.03.2025). (In Russ.)

Lazor Yu.A. Zashchita sub"ektivnykh prav nanimatelya pri rastorzhении dogovora arendy (naima) nedvizhimosti [Protection of the employer's subjective rights upon termination of the lease (lease) of real estate]. Problemy prava: teoriya i praktika [Problems of law: theory and practice]. 2022. N 57. P. 202–212. (In Russ.)

Larionova Yu.V. Osobennosti razvitiya rynka arendy zhil'ya v Rossii [Features of the development of the rental housing market in Russia]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]. 2018. N 12 (101). P. 804–808. (In Russ.)

Levin Yu.A. Voprosy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na rynke arendy zhil'ya [Issues of public-private partnership in the housing rental market]. Finansy [Finance]. 2012. N 5. P. 20–22. (In Russ.)

Levitén-Reid C., MacDonald M., Matthew R.A. Public housing, market rentals, and neighbourhood characteristics. The Canadian Geographer / Le Géographe canadien. 2022. Vol. 66, Iss. 2. P. 263–277.

Magina A.I., Mishlanova M.Yu. Issledovanie potentsial'nogo sprosa na nekommercheskii naim zhil'ya [Research of potential demand for non-commercial housing rental]. Vestnik MGSU [Bulletin of the MGSU]. 2022. Vol. 17, N 12. P. 1732–1746. (In Russ.)

Making Affordable Housing a Reality in Cities. The World Economic Forum. 2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Making_Affordable_Housing_A_Reality_In_Cities_report.pdf (date of access: 02.04.2025).

Metel'skaya E.A. Vliyanie neopredelennosti dokhoda na prinyatie resheniya o pokupke ili arende zhil'ya [The impact of income uncertainty on the decision to buy or rent housing]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]. 2003. Vol. 4, N 2. P. 79–100. (In Russ.)

Mishlanova M.Yu. Perspektivy razvitiya rynka dostupnogo naemnogo zhil'ya v RF [Prospects for the development of the affordable rental housing market in the Russian Federation]. Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie [Real estate economics and management]. 2022. N S3-1. P. 115–118. (In Russ.)

Mutko nazval dolyu nesposobnykh vzyat' ipoteku dazhe pod 0% rossiyan [Mutko named the share of Russians who are unable to take out a mortgage even at 0%]. RBK [RBC]. 20.08.2020. URL: <https://www.rbc.ru/finances/20/08/2020/5f3ea8f79a7947883aa6c74e> (date of access: 10.07.2024). (In Russ.)

Nwogugu M.C.I. On the Choice Between Renting and Home-Ownership in the Housing Industry. SSRN. Electronic Journal. 01.12.2005. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=859927 (date of access: 02.04.2025).

Pasport natsional'nogo proekta «Zhil'e i gorodskaya sreda», utverzhdennyi prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskemu razvitiyu i natsional'nym proektam 24 dekabrya 2018 g. [Passport of the National project "Housing and Urban Environment", approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects on December 24, 2018]. Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii [Government of the Russian Federation]. URL: <http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDcrnK7Az55RyRuk.pdf> (date of access: 29.04.2025). (In Russ.)

Prdivzhkin S.V., Shilimanov M.N., Il'yushin A.A. Obespechenie zhil'em molodoi sem'i: аренда ili ipoteka [Providing housing for a young family: rent or mortgage]. Diskussiya [Discussion]. 2018. N 3 (88). P. 54–62. (In Russ.)

Razvitie rynka sotsial'nogo dostupnogo zhil'ya s ispol'zovaniem kreditovaniya i strakhovaniya: otchet po prikladnoi nauchno-issledovatel'skoi rabote [Development of the affordable social housing market using credit and insurance: report on applied research work]. 2023. Arkhiv kafedry strakhovaniya i ekonomiki sotsial'noi sfery Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii [Archive of Department of Insurance and Social Economics of Financial University under the Government of the Russian Federation]. (In Russ.)

Rozmaznin I.V. Perspektivy rynka arendy zhil'ya v Rossiiskoi Federatsii i pravovye problemy ego razvitiya [Prospects of the rental housing market in the Russian Federation and legal problems of its development]. Ural'skii nauchnyi vestnik [Ural Scientific Bulletin]. 2023. Vol. 3, N 3. P. 133–137. (In Russ.)

Sharma M., Samarin M. Rental tenure and rent burden: progress in interdisciplinary scholarship and pathways for geographical research. GeoJournal. 2022. Vol. 87, Iss. 4. P. 3403–3421.

Shneiderman I.M. Razvitie tsivilizovannogo rynka arendnogo zhil'ya [The development of a civilized rental housing market]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. 2017. Vol. 207, N 5. P. 555–562. (In Russ.)

Squires G., Webber D., Trinh H.H., Javed A. The connectedness of house price affordability (HPA) and rental price affordability (RPA) measures. International Journal of Housing Markets and Analysis. 2022. Vol. 15, Iss. 3. P. 521–547.

Tabner I.T. Buying versus renting – Determinants of the net present value of home ownership for individual households. International Review of Financial Analysis. 2016. Vol. 48. P. 233–246.

Turnbull G.K., Vlist A.J. van der. Bargaining power and segmented markets: Evidence from rental and owner-occupied housing. Real Estate Economics. 2022. Vol. 50, Iss. 5. P. 1307–1333.

Velevich S. Aренда ili ipoteka: chto vygodnee v sovremennoi Rossii [Rent or Mortgage: what is more profitable in modern Russia]. RBK [RBC]. 27.07.2020. URL: <https://realty.rbc.ru/news/67e530fa9a79470254fec9c1> (date of access: 10.07.2024). (In Russ.)

Verevkina I.D. Sotsial'noe zhil'e: osnovnye trebovaniya potrebitelya [Social housing: basic consumer requirements]. Arkhitektura [Architecture]. 2019. N 1. P. 43–50. (In Russ.)

Ullah F., Sepasgozar S.M.E. Key Factors Influencing Purchase or Rent Decisions in Smart Real Estate Investments: A System Dynamics Approach Using Online Forum Thread Data. Sustainability. 2020. Vol. 12, Iss. 11. N 4382. P. 1–36.

Ulyasheva M.A., Mazaeva M. V. Rynok ipoteki: аренда ili kredit? [Mortgage market: lease or loan?] Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]. 2015. Vol. 1, N 2 (2). P. 170–175. (In Russ.)

Zadorozhnyi M. Ipoteka ili аренда? [Mortgage or Rent?] BFM.RU [BFM.RU]. 10.07.2024. URL: <https://www.bfm.ru/news/553905> (date of access: 10.07.2024). (In Russ.)

В.И. Плещенко

**РАЗВИЛКА ДЛЯ КРЕАТИВНОГО КЛАССА: ПРЕТЕНЗИИ НА ЭЛИТАРНЫЙ СТАТУС
И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ**

***Аннотация.** Теория креативного класса Р. Флориды стала значимым этапом процесса исследования закономерностей, возникающих в постиндустриальной экономике. Данная концепция исходит из того, что одним из ключевых условий развития бизнеса, разрабатывающего востребованные современными потребителями продукты, является предварительное создание благоприятного климата для нового креативного класса. Это особая группа населения в крупных мегаполисах, в состав которой включают как специалистов в традиционных творческих сферах, так и в современных высокотехнологических областях (киноиндустрии, дизайне, цифровых технологиях).*

В статье рассмотрены проблемные аспекты формирования креативного класса в России, начиная с обоснованности подхода, по которому городская среда подстраивается под потребности не всего населения, а лишь узкой его группы. Практическое применение способностей креативного класса пока еще крайне мало связано с развитием реального сектора экономики, имея значение лишь для роста досугового сектора.

Данная часть экономики важна в условиях становления постиндустриального общества, но для стремящейся к экономической (и технологической) независимости России этого совершенно недостаточно. Кроме того, теория креативного класса стала одной из идеологических подпорок для попыток дестабилизации общественно-политической обстановки.

Исходя из анализа ситуации, сделан вывод о том, что претензии креативного класса на привилегированное положение в обществе не имеют достаточных оснований ввиду незначительного вклада в развитие экономики и рост научно-технического потенциала. В то же время креативный класс, как часть общества, следует встроить в новую реальность, формируемую на основании традиционных российских ценностных и поведенческих установок, чтобы творческий потенциал его представителей работал на благо страны.

***Ключевые слова:** креативный класс; прекариат; творческая работа; мотивация; трудовая мобильность; экономика свободного времени; аристократия.*

Плещенко Вячеслав Игоревич – кандидат экономических наук, начальник управления закупок оборудования и основных материалов АО «Гознак». Россия, Москва.

E-mail: v_pl@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8232-2406

Web of Science Researcher ID: O-9987-2016

Scopus ID: 57207358654.

V.I. Pleschenko

The Creative Class at a Crossroads: Aspirations for Elitism and Russian Realities

Abstract. R.Florida's theory of the creative class represents a significant milestone in understanding the dynamics of the post-industrial economy. This concept is based on the premise that one of the key conditions for the success of businesses producing goods and services demanded by modern consumers is the preliminary establishment of a favorable environment for the emergence and development of a new creative class. This creative class is a distinct segment of the urban population in major metropolitan areas, encompassing professionals not only in traditional creative industries but also in modern high-tech sectors such as film, design, and digital technologies.

This article examines the challenges associated with the formation of the creative class in Russia, beginning with the validity of the approach that prioritizes urban development tailored to the needs of a narrow group rather than the broader population. The practical application of the creative class's capabilities remains largely disconnected from the development of the real economy, contributing primarily to the expansion of the leisure sector.

Although this sector is important in the context of a post-industrial society, its influence alone is insufficient for Russia's ambitions of economic and technological independence. Furthermore, the creative class theory has, in some instances, served as an ideological foundation for attempts to destabilize the socio-political landscape.

Based on the analysis, it is concluded that the creative class's claims to a privileged status in society are not well-founded, given its minimal contribution to economic development and scientific and technological growth. Nevertheless, the creative class, as an integral part of society, should be effectively integrated into the emerging socio-economic reality – one that is grounded in traditional Russian values and behavioral norms. This alignment would enable the creative potential of its representatives to contribute meaningfully to the country's advancement.

Keywords: creative class; precariat; creative work; motivation; labor mobility; leisure economy; aristocracy.

Pleschenko Vyacheslav Igorevich – PhD in economic sciences, Head of Equipment & Materials Purchasing Dept., JSC «Goznak». Russia, Moscow.

E-mail: v_pl@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8232-2406.

Web of Science Researcher ID: O-9987-2016.

Scopus ID: 57207358654.

Рынок труда в России за последнее десятилетие претерпел значительные трансформации. В числе основных причин происходящих изменений уже традиционно называются такие факторы как научно-технический прогресс, информационная революция, цифровизация и автоматизация. В результате их интенсивного воздействия постоянно возрастают требования к уровню квалификации и навыкам работников производственной сферы, параллельно

на предприятиях усложняются процессы и технологии, особую роль в экономике приобретают междисциплинарные профессии. В свою очередь экономически активные люди все чаще задумываются о самообразовании, нацеливают себя на работу в творческих, креативных сферах деятельности. Но в то же время на рынке труда происходит заметный рост совокупного спроса на нетворческие профессии и довольно примитивный рутинный труд. Как отмечает М.Ю. Павлов, повсюду «наблюдается одновременно выделение креативного труда немногих и примитивизация труда многих работников», в связи с чем в экономике по-прежнему «массово распространён даже не индустриальный, а доиндустриальный, ручной труд» [Павлов 2022, с. 27]. Схожим образом и автор настоящей статьи в одной из своих предыдущих работ, анализируя последствия внедрения стандартов «экономики по требованию», пришел к выводу о том, что развитие высокотехнологичных платформенных сервисов вызывает параллельный всплеск неквалифицированной занятости, сопоставимый по масштабу с примитивизацией труда, имевшей место в первые постперестроечные годы [Плещенко 2022].

Между тем вывод российской экономики на траекторию ускоренного развития требует расширения инновационной деятельности, кратного умножения знаний, стимулирования исследовательской активности и т. д. Для всего этого потребуются квалифицированные и мотивированные человеческие ресурсы. Но они не возникают просто так, на пустом месте. Необходимо предварительно создать благоприятные условия, способствующие вовлечению людей в процессы интеллектуального творчества. Данная проблема известна уже довольно давно, привлекая внимание ученых и специалистов-практиков. Развитие получили различные концепции и теории, такие как идея инновационной личности [Шевченко 2010], теория социального капитала, согласно которой социальный капитал «возникает и увеличивается посредством взаимодействия участников социальных связей», создавая основу для коллективных действий [Блок, Головин 2015, с. 109]. Также с определенными допущениями к ним можно причислить советские теоретические изыскания в области стимулирования массового изобретательства и рационализаторства. И, наконец, одно из возможных решений вопроса было предложено в начале нынешнего века в рамках теории так называемого «креативного класса» Р. Флориды.

Американский ученый Р. Флорида предпринял попытку увязать успехи в творческой деятельности на Западе с присутствующим там культурным разнообразием и свободным духом городских сообществ. По его мнению, в тех городах, где доступен яркий досуг, где общество демонстрирует открытость новому, высоки космополитизм и трудовая мобильность, а также минимизированы любые ограничения и растет доля иммигрантов и лиц с нетрадиционным поведением в составе населения, начинает бурно развиваться новый креативный класс. Под этим самым классом понимается совокупность соци-

альных групп населения, так или иначе включённых в постиндустриальный сектор экономики. Для этих людей приоритетом становится «не карьера, престиж и высокая зарплата, а ценность созданных условий для работы и жизни, раскрытие своего творческого потенциала, в том числе толерантная атмосфера и творческие стимулы» [Флорида, 2016, с. 18]. Представители креативного класса, как правило, сконцентрированы в столицах и крупнейших городах [Креативный класс России ... 2023, с. 4, с. 5].

Исходя из концепции Р. Флориды, можно сделать вывод о том, что условием развития бизнеса, разрабатывающего новые, востребованные современным потребителем продукты и услуги, является предварительное создание благоприятного климата для креативного класса. Возникает вопрос: а так ли это на самом деле? Это общее правило или частный случай? Попробуем поразмышлять на данную тему.

Начнем с того, что само понятие креативных видов деятельности, (креативных индустрий) не обрело строго определенную форму. Наиболее успешная попытка сориентироваться во всем этом разнообразии была сделана в рамках стандарта ЮНКТАГ, носящего рекомендательный характер. В целом спектр товаров и услуг, считающихся креативными, довольно широк и разнообразен. В него включены предметы дизайнерского и изобразительного искусства, предметы художественных промыслов, печатные товары, предметы исполнительских искусств и новых медийных индустрий, которые в свою очередь подразделяются на десятки отдельных подгрупп [Кадочников, Кодачигов 2012, с. 55]. К примеру, в перечень дизайнерских товаров и услуг входят индустрия моды и различные аксессуары, предметы интерьерного дизайна, ювелирные изделия и игрушки.

Если не до конца понятно, что такое креативные виды деятельности, то возникают вопросы и с креативными профессиями. Отмечается, что в России пока не удалось сформировать единое понимание креативного сектора экономики, закрепить ее легальное определение в нормативных документах [Абанкина, Мацкевич, Романова 2022, с. 40]. При этом к креативным индустриям причисляются такие сферы деятельности как кинематография, архитектура, изобразительное и театральное искусство, мода, дизайн, реклама. А в современный креативный класс в России включают «совокупность лиц, занятых в профессиях, связанных с творческой (креативной) и интеллектуальной деятельностью» [Креативный класс России 2023, с. 2]. Однако это довольно «разнородная группа, включающая специалистов в традиционных креативных сферах (декоративно-прикладное искусство, живопись, музыка, культура), а также в высокотехнологичных областях – киноиндустрии, дизайне, цифровых технологиях» [там же].

Вклад креативных индустрий в нашу экономику пока относительно невелик. Так, 27.09.2021 на заседании Правительства РФ премьер М.В. Ми-

шустин озвучил планы к 2030 г. увеличить их долю в российской экономике с нынешних 2,2 до 6%, а также увеличить долю граждан, занятых в творческих профессиях, с 4,6 до 15%¹. Глава правительства, характеризуя креативные индустрии, опять же включил в их число искусство (театр, музыку, кино, живопись, историко-культурное наследие), а также некоторые прикладные индустрии, такие как архитектура, дизайн, туризм. Кроме того, он упомянул медиаиндустрию и производство цифрового контента: от разработок программного обеспечения до блогов и видеоигр. Таким образом, отмечаем, что на государственном уровне существует определенное понимание границ креативного сектора экономики. Помимо этого, государство считает важным развитие креативных индустрий и вовлечение в их работу все большего процента населения страны.

Как известно, теория креативного класса обрела большую популярность на Западе, поскольку во многом произрастает из доминирующей там либеральной идеологической парадигмы. Это признают и видные адепты данной концепции. Так, Дж. Пек пишет, что «стратегии креативности нужно понимать в терминах их существенного совпадения с господствующими неолиберальными решениями» [Реск 2007, с. 9]. Далее Пек упоминает важность наличия «неолиберального ландшафта в городской политике», а особое внимание акцентирует на необходимости возвеличивания креативной элиты, «предлагая остающемуся большинству слабое утешение в виде крошек, падающих со стола креативного класса» [там же]. Вполне возможно, что данную фразу Дж. Пек привел в переносном смысле, но мысль об исключительности, своеобразном креативном мессианстве появилась у него явно неслучайно.

Новое креативное сообщество, как отмечают Вэй и Риндерманн, – довольно закрытое образование, «успех в котором зависит не только (и не столько) от личных качеств индивида, а от его принадлежности к социальной группе», к примеру, выбор престижного «гламурного» учебного заведения способствует карьерному росту независимо от индивидуальных способностей [Way, Rindermann 2017, с. 11].

В то же время, согласно тому же Дж. Пеку, «Номо *creativus* процветает в условиях слабых социальных связей и отношений без обязательств», они «обходятся без семей и нерыночных механизмов поддержки, наслаждаясь долгими часами работы и индивидуалистической конкуренцией» [Реск 2007, с. 6]. То есть групповое сознание у представителей креативного класса есть, но оно весьма размытое, служит лишь видимым барьером для допуска в избранный круг «креативщиков».

1. Правительство утвердило Концепцию развития творческих индустрий до 2030 года <http://government.ru/news/43350/#43350=5:9:cyV;5:37: xW3M>

Между тем в России, где в отличие от Запада все еще типичны традиционные взгляды на обустройство жизненного пространства, базовые постулаты теории креативного класса получили не только одобрительные отклики, но и стали поводом для активного выражения критических суждений. С одной стороны, многими признается необходимость создания привлекательных условий для креативного класса, обеспечения его поддержки как одного из условий инновационного развития в постиндустриальной экономике знаний [Куренной 2017]. С другой стороны, новая сущность характеризуется как космополиты, потерявшие связь со своей страной и ее традициями. Хотя среди адептов данной теории звучат утверждения о неприоритетности денежной мотивации для представителей креативного класса, их повышенной работоспособности и творческом потенциале [Креативные индустрии 2018], но, на наш взгляд, к этому следует добавить то обстоятельство, что люди, к нему причисляемые (как минимум на Западе), уже достигли определенного уровня благосостояния, поэтому им хочется общественного признания ничуть не меньше чем денег. При этом, согласно О.В. Золотареву, они стремятся транслировать массам не идеологические и мировоззренческие установки, а готовые стандарты потребления и модели поведения западного общества, ориентацию на «стильный и модный образ жизни» [Золотарев 2016, с. 89–90]. И наконец, креативщики не могут обладать достаточным набором социальных навыков, поскольку в жизни и работе им свойственен индивидуалистический подход, о чем было сказано выше.

Далее перейдем от полемики относительно личностных свойств представителей креативного класса, к отдельным оценочным суждениям о самой теории. В частности, критике подвергается используемый элитистский подход, согласно которому предлагается подстраивать городскую среду под потребности не всего населения, а лишь узкой его группы [Стародубровская, Лободанова 2013, с. 147]. Также в укор Р. Флориде ставится стремление поменять местами причину и следствие. И здесь теория креативного класса творчески интерпретируется отечественными оппонентами путем следующего упрощения. Генерирующая «креатив» среда представляется в виде густо намазанной медом поверхности, где ползает много ос. И вот делается предпосылка, что именно осы этот мед и производят. Исходя из этого привлечение ос в новую локацию и запрет на разрушение их гнезд в недалеком будущем вызовет изобилие меда в этом месте [Крижанская, Сверчков 2013]. Конечно же, сравнение получилось аллегорическое, но если посмотреть на фактические результаты работы креативной индустрии и их общественное значение, то такая трактовка в масштабах нашей страны может оказаться вполне оправданной.

Случается, что называемые креативными товары и услуги зачастую не имеют никакой реальной ценности. В качестве примера приводятся чехлы для мобильных телефонов на каждый день, которые можно менять в зависимо-

сти от настроения [Винокурова 2014]. Естественно, что в большинстве своем подобные «креативные» вещи заказываются за рубежом, обогащая в лучшем случае коммерсантов-перекупщиков. Исходя из этого, делается вывод о том, что и понятие «креативный класс» довольно спекулятивное, поскольку оно формируется вокруг «бессмысленной деятельности»: вся система креативности (наука, школа, коммуникация) работает на гаджет, на игрушку, на шоу, забирающие все свободное время человека [Безнюк]. Тем не менее, несмотря на звучащие замечания, пока в обществе активно культивируется мысль о том, что только товар, в который интегрирован креатив, может иметь значимость, приносить прибыль [Бернович 2019]. Безусловно, идея массовой креативности оказалась довольно привлекательной для общества, поскольку она льстит многочисленным лицам, причисляющим себя к модному креативному классу [Винокурова 2014]. Согласно одному из подходов, к этому самому классу причисляются работники современных индустрий, продвигающих товар на рынке с помощью красивых картинок, т.е. рекламщики, маркетологи, стилисты, дизайнеры, фотографы, специалисты по современному искусству и т.п. [Хлыщева 2022, с. 47]. Однако, по мнению ряда исследователей, большинство этих лиц не являются творческими людьми, а представляет собой офисных работников, обслуживающих процессы. И, наконец, такое модное название как «креативный класс» стало своеобразным знаменем для довольно многочисленной группы людей, захотевших новой самоидентификации, но которых смущали понятия «интеллигенция», «интеллектуальная элита», значительно обесценившиеся в позднесоветское (и особенно постперестроечное) время.

Значительных прорывов нашей экономике применение теории креативного класса пока не принесло. По факту оно мало связано с развитием реального сектора народного хозяйства, внося некоторый вклад в становление экономики свободного времени. Рост досугового сектора, конечно же, важен в новых реалиях становления постиндустриального общества, но для стремящейся к экономической (и технологической) независимости России этого совершенно недостаточно. И, наконец, уже вне рамок экономической жизни в теории креативного класса увидели одну из идеологических подпорок для попыток дестабилизации общественно-политической обстановки. По мнению Е.В. Хлыщевой воодушевленные данной теорией и озабоченные своей мнимой личной значимостью отдельные персонажи «креативят» на площадях и социальных сетях, но полезного продукта не создают [там же]. Либо такие люди «чувствуют себя чужими в собственной стране ..., смотрят на окружающий мир весьма пессимистически ..., массово не доверяя при этом не только структурам власти или гражданского общества, но и окружающим их людям» [Тихонова 2023, с. 32].

Рост креативной индустрии в городах имеет и иные социально-экономические последствия. В их число можно включить рост текучести кадров,

повышенную трудовую мобильность работников, а также низкую мотивацию к длительному труду на одном месте. Проблема чрезмерно подвижных специалистов, известная со времен СССР, получила в наши дни новое наполнение. Сегодня претенденты на места в компаниях, пришедшие из сфер бизнеса, претендующего на статус творческого, зачастую имеют неумеренные и мало чем обоснованные амбиции, а их незначительный опыт работы не способствует реалистичной оценке своих возможностей, не позволяет адекватно понять свои роль и место в трудовом коллективе. В результате только что пришедший в компанию сотрудник уже через довольно непродолжительное время начинает задумываться о поиске нового места работы. Также работа в креативных отраслях во многом имеет проектный характер, поэтому люди после окончания какого-либо проекта (или его определенного этапа) довольно быстро меняют работодателя [Так ли страшен ... 2019]. Когда же работа является постоянной, работодатель должен постоянно стимулировать креативного специалиста оставаться в коллективе, предлагая ему премии, бонусы, льготы, более комфортные условия, что в конечном счете может негативно сказаться на рабочей атмосфере в уже сложившемся сообществе [Степанова 2018]. В целом попытки внедрить представителей креативного класса в компании из традиционных секторов экономики часто заканчиваются неудачей. Специалисты нового поколения излишне сконцентрированы на своих собственных целях, строят карьеру и не видят смысла в выстраивании отношений с работодателем [Вергнас-Соколов 2022]. Намечившаяся уже давно тенденция перемещения промышленного производства в регионы также может повлиять на привлекательность такой работы для соискателей из числа «креативщиков», поскольку им придется жить вне мегаполисов, на что они в большинстве своем не готовы. Предлагать каждому из них работать из мегаполиса дистанционно также не получится, поскольку это снизит трудовую дисциплину и эффективность работы. Между тем, как констатируют исследования на развитие креативных индустрий на конкретной территории, прежде всего, оказывает влияние наличие бизнес- и торговых центров [Креативная экономика Москвы, 2021, с. 30]. Другим ключевым фактором является достигнутый уровень присутствия компаний креативного сектора: творческие предприниматели стремятся друг к другу в большей степени, чем к центру города, станциям метро или промышленным зонам [Там же]. То есть мотивировать приехавшего в регион работника из креативной сферы привычными способами будет довольно сложно, притом что крупных мегаполисов в России не так и много.

А внутренне присущая креативным индивидам социальная мобильность противоположна нацеленности производственных компаний на долгосрочное планирование (производственный и инвестиционный циклы довольно длительны, да и проектирование и внедрение новых продуктов также требуют значительного времени). Кроме того, в условиях промышленного производства

вряд ли возможно обеспечить быстрое перемещение людей между краткими проектами (стартапами) без ущерба для основной деятельности.

И, наконец, констатируется наличие существенных противоречий внутри самой креативной, высокотехнологичной отрасли в части формы труда и его фактического содержания, когда деятельность многих работников сводится к осуществлению таких простейших операций как считывание штрих-кода, нажатие клавиш с картинками на интерактивных панелях и т. п. [Павлов 2022, с. 28]. Как отмечалось в начале статьи, данные тенденции мы наблюдаем при развитии бизнеса современных цифровых торговых платформ.

Более того, в новых условиях даже труд ремесленного типа начали причислять к творческой работе. Большую популярность приобретают различные виды домашнего творчества, изготовление на заказ игрушек, предметов утвари, еды и напитков. Во многом это связано с активным развитием экономики свободного времени и таких ее ключевых сфер, как туризм и отдых. Между тем такое приравнивание в принципе ошибочно, поскольку прирост знаний (или культурная ценность продукта) здесь практически отсутствует.

Таким образом, если сложить все вышеназванное вместе, то получается довольно пестрая и неоднородная картина: в рамках креативной концепции в одну социальную группу объединяются разнообразные лица: дизайнеры, программисты, маркетологи, блогеры, парикмахеры, ремесленники-надомники, продавцы и кладовщики. Делается это в основном по принципу принадлежности городских жителей к определенной группе занятий. Указанные лица в основном работают в сфере услуг, нацелены на удовлетворение потребительских желаний городского населения, довольно амбициозны и взыскательны, имеют высокую трудовую мобильность, но зачастую скептически оценивают окружающую их действительность.

Согласно исследованию НИУ ВШЭ, к креативному классу в России в 2021 г. принадлежало 3,4 млн человек (или 4,8% от всех занятых) [Креативный класс России ... 2023, с. 4]. При этом около четверти из них (24,4%) пришлось на специалистов по рекламе и маркетингу, а 19% – на разработчиков программного обеспечения [там же, с. 4]. Довольно непонятный блок в предложенной специалистами НИУ ВШЭ структуре занимает категория «другие», к которой отнесено 31,8% креативщиков. Кто эти лица, в исследовании не упоминается. Возможно, туда должны входить представители науки и образования, которые, как ни странно, в данном материале не выделены. Доля всех остальных креативных профессий, среди которых упоминаются журналисты, музыканты, лингвисты, фотографы, библиотекари и пр. суммарно составляет менее 25%.

Очевидно, что попытка причисления столь разнородных лиц к некой социальной общности (классу) уже должна вызвать большие вопросы. Так, согласно позиции Ю.Г. Волкова, сегодня ни одна из традиционных идеологий

(либерализм, консерватизм, социализм) не может объединить представителей креативного класса, а разработка собственной идеологической платформы на базе гуманизма, направляющего творческую энергию на благие цели, пока только декларируется как один из вариантов [Волков 2012, с. 63]. Возможно поэтому, как указывает Е.В. Хлыщева, современный креативный класс не может считаться классом в классическом понимании данного понятия, поскольку между его представителями отсутствует солидарность и элементарная идентичность, поэтому по ее мнению креативные работники могут считаться не более чем верхним слоем активно формируемого прекариата [Хлыщева 2022, с. 48]. Напомним, что прекариат – это еще один относительно новый социологический термин, появившийся в 2010-х годах, который обозначает социальную общность людей, вынужденных браться за случайную и ненадежную работу, не имея стабильного заработка.

Доля людей с временной или частичной занятостью, обобщенно именуемых прекариатом, в современном обществе неуклонно возрастает. Причинами опять же являются глобализация, иммиграционные процессы и всеобщая цифровизация, ведущие к изменениям в структуре рабочей силы. Число временных работников, фрилансеров, работников «на удаленке» увеличивается, сопровождаясь параллельным снижением их социальной защищенности и компетентности [там же, с. 43]. Данный процесс, стимулируемый появлением и развитием нестандартных форм занятости (удаленная работа, фриланс, неформальная занятость) именуется прекаризацией. Он все чаще затрагивает образованных граждан, занятых умственным трудом (в том числе и средний класс), хотя еще не так давно касался только лиц, занятых низкоквалифицированной физической работой [Гурбанов 2025].

Если обратиться к истории более чем вековой давности, то прослеживаются определенные параллели между современной прекаризацией и известной по более ранним временам люмпенизацией. Такой социальный феномен как люмпены XIX–XX в. возник в трансформировавшемся в ходе масштабной модернизации капиталистическом обществе, в котором активно происходило разрушение традиционных ценностей. Люмпены также отрицали государство, требовали неограниченную свободу и легко поддавались внушению². То есть в умножении прекариата мы можем увидеть элементы движения по спирали, в полном соответствии с законами диалектики (закон отрицания отрицания).

В то же время перспективы общества будущего не ограничиваются лишь пресловутой прекаризацией. Понятно, что сегодня роботизация и автоматизация ведут к высвобождению квалифицированного труда при параллельном

2. Часть креативного класса иногда причисляют к люмпенам, именуя «люмпен-креативщиками» (попса, шоу, имитация) [Безнюк].

росте неквалифицированной и временной (сезонной) занятости. Согласно мнению Е. В. Балацкого, «было бы недальновидно утверждать, что эти «лишние» люди будут таковыми навсегда» [Балацкий 2021]. Он прогнозирует, что по мере созревания постиндустриального общества произойдет «ослабление эффекта масштаба, переход к эксклюзивному предложению товаров и услуг, рост межличностных связей», когда «человек будет приобретать обувь и одежду по заказу, иметь своего семейного врача, ходить на фитнес под присмотром личного тренера, пользоваться услугами определенных массажистов и парикмахеров, покупать йогурт в определенном магазине от определенного производителя» [там же, с. 20]. Иными словами, многие бывшие «лишние люди» в изменившихся социально-экономических условиях станут обслуживать интересы элитарной части общества, некой «новой аристократии». Опять же, если следовать законам диалектики, это будет означать частичный возврат в весьма далекое прошлое (явление получило название «Нового Средневековья»). О данной тенденции мы можем задуматься, наблюдая все возрастающий спрос на услуги домработниц, нянь, репетиторов, садовников, личных водителей и охранников, дрессировщиков собак и т. п.

Так что возникают вопросы: какова доля таких персон в новом постиндустриальном обществе, а кто, напротив, войдет в его элитную часть? Креативный класс в его сегодняшней трактовке явно претендует на роль флагамена общества потребления. Также обозначаются и его претензии на роль новой аристократии, поскольку в будущем попадание в этот круг избранных лиц значительно усложнится ввиду прогнозируемого появления значительных входных барьеров [Бернович 2019]. На наш взгляд, если миссия креативного класса по факту сводится к реставрации элементов сословной структуры общества, с выделением в нем людей с максимальными потребительскими желаниями и возможностями, то такой путь развития вряд ли можно считать оптимальным. Особенно с учетом того, как этот креатив реализуется в отдельных товарах или услугах (а именно в умножении потребительских сущностей, которые будучи материализованы, довольно скоро отправляются на утилизацию, поскольку уже «вышли из тренда»). Поэтому автор полагает, что привилегированный статус креативного класса в такой стране, как Россия, на сегодняшний день не имеет достаточных оснований, а его потенциал ограничен околоторческими сферами деятельности, где преобладают виртуальные продукты и вещи, которые ценятся за свое символическое значение.

Тотальное доминирование с начала 90-х годов XX в. модели либерального рационализма, гиперкоммерциализации общества и экономики выразилось в популярности концепции «экономического человека» — субъекта, стремящегося к максимизации полезности при минимуме затрат. Как констатирует М. И. Воейков, «предел мечтаний для него: получение сверхвысокой зарплаты при ничегонеделании», при этом такое поведение с точки зрения рационализма

нельзя считать ненормальным или морально несостоятельным [Воейков 2015, с. 29]. Схожим образом Г.Б. Клейнер указывает, что гиперкоммерциализация экономики приводит к деформации системы общественных ценностей, подавляет солидарность, патриотизм и стремление к коллективному сотрудничеству [Клейнер 2015б, с. 142]. Можно также сказать, что эгоизм и потребительский подход к жизни выступают превращенными формами либерального рационализма и принципа методологического индивидуализма. Скорее всего, именно из этого произрастает желание части креативного класса объявить себя элитой общества и требовать привилегированного положения. Но для эффективного развития экономики и общества, обеспечения научно-технического прогресса необходимы иные механизмы мотивации, когда будут обеспечиваться сотрудничество и кооперация различных уровней общественной иерархии, а не обособление малой части от целого. Согласно мнению С.Ю. Глазьева, для отражения роли и места человека не подходят ни модель экономического человека (в силу примитивной ориентации на максимизацию дохода и потребления), ни модель продавца и покупателя рабочей силы (поскольку при организации высокотехнологического производства необходимо обеспечить отношения сотрудничества, взаимопонимание между участниками процесса) [Глазьев 2016, с. 593–594].

Между тем не только в России, но и в мире в целом наблюдаются многочисленные дискуссии на предмет проблем деиндустриализации, сложности построения экономики знаний без наличия достаточного промышленного базиса. Авторитетные отечественные ученые-экономисты, такие как С.Д. Бодрунов, А.В. Бузгалин, С.Ю. Глазьев, Я.П. Силин, О.С. Сухарев и др. выдвигают научное обоснование перехода к новому индустриальному обществу, говоря о необходимости интенсивного развития промышленного сектора экономики. При этом новая индустриализация отличается ростом знаниеёмкости производства и экономики в целом [Бодрунов 2019, с. 12], требует развитых технологий и высококвалифицированных кадров [Силин, Анимича 2017, с. 50]. Но опять же, исходя из вышеизложенного, возлагать только на креативный класс особые надежды на участие его представителей в умножении научно-производственного потенциала Российского государства явно не следует.

Поэтому следует искать иные точки опоры для будущего роста, ведь креативный потенциал может в полной мере раскрыться у мотивированных к творческой работе интеллектуалов, причем без обязательного посещения городских клубов, спортзалов и баров. Ведь как отмечает Г.Б. Клейнер, работники в России традиционно имеют склонность к креативной, а не к рутинной деятельности [Клейнер 2015а, с. 35].

Таким образом, возникает явное противоречие, когда завышенные ожидания отдельных представителей креативного класса от общества не соответствуют реальной общественной пользе от их деятельности. Еще в 2012 г. Ю.Г. Волков констатировал важность синтеза теории креативного класса и гу-

манистической идеологии, что позволило бы данному общественному феномену по-настоящему «быть классом, выражающим всеобщий интерес, сокращающим риск отрыва от общества и возобладания социального высокомерия» [Волков 2012, с. 64]. Более того, в другой своей работе 2014 г. Ю.Г. Волков высказывает мнение, что новая креативная идентичность в России не должна претендовать на привилегированный статус и содержать намеки на новую элитность, а объединяющим началом «выступает активистское отношение к действительности, ответственность, желание переменить и собственную судьбу, и судьбу общества» [Волков 2014, с. 37]. К сожалению, пока ничего подобного не произошло, но отметим, как позитивный факт, попытки авторитетных исследователей подвести национальную (российскую) базу под теорию креативного класса. Возвеличивание какой-либо социальной группы должно обуславливаться конкретными делами, приносимой стране пользой.

Именно потому необходима разработка иных, национально-ориентированных моделей и механизмов мотивации творческого труда, создания действительно полезных для страны товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости. Следует задуматься о возрождении престижа интеллигенции, обеспечении много большей, чем сейчас моральной и материальной поддержки интеллектуально развитых людей в масштабах всей страны. Исследователи констатируют, что попытки заменить термин «интеллигенция» новыми сущностными понятиями как «креативный класс» или «интеллектуальная элита» не имеют успеха в современной России [Сибиряков 2016, с. 70]³.

Еще до появления на горизонте термина «креативный класс» России были знакомы иные попытки создания нового объединяющего людей социального конструкта. Например, в СССР выделяли трудовую интеллигенцию как двигатель прогресса. Далее следует вспомнить концепцию среднего класса, популярную в 1990–2000 гг. Здесь предполагалось выделение определенного пласта в обществе по принципу располагаемых доходов (материальной обеспеченности). На этот самый средний класс также возлагали определенные надежды в части обеспечения экономического роста и социальной стабильности в России. Однако он опять же не сумел «сыграть роль центра генерирования социальных идей, поскольку для него характерны самоудовлетворенность и ориентированность на потребительские практики» [Волков 2013, с. 17]. Следовательно «средний класс в России может состояться только как слой людей, примыкающий к элите и обслуживающий ее» [там же].

3. Любопытно, что отдельные западные ученые ранее использовали термин «интеллектуальный класс» (сопоставляя его с креативным классом Р. Флориды) [Rindermann, Thompson 2017, с. 5–6], который «помимо ученых-теоретиков и практиков, также включает инженеров, учителей, политиков, врачей, архитекторов, техников, людей, работающих в судебной системе, административных менеджеров и предпринимателей» [там же, с. 17].

Важно использовать богатый багаж знаний и опыта, накопленный в России и СССР. Как известно, многие составляющие современного инновационного менеджмента, управления знаниями уже проходили общественно-историческую практику в советской хозяйственной системе, пусть и на ином организационно-техническом уровне.

Еще один важный аспект проблемы, который должен оказать влияние на будущее развитие – это кардинальное изменение риторики и поведения внешнего окружения России (так называемых «недружественных стран»), а также трансформация внутренней политики, предполагающая постепенный переход от ценностей общества потребления к традиционным ценностям и поведенческим установкам. Важным элементом данного процесса стал Указ Президента России В. В. Путина от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», закрепивший их роль в процессе стратегического планирования развития страны и обеспечения национальной безопасности. Креативный класс, в каком бы виде он ни существовал, следует встроить в формируемую новую реальность, чтобы творческий потенциал его представителей работал на благо страны. Но насколько готовы потенциальные креативные «аристократы» вписаться в меняющуюся на наших глазах картину мира, каким они видят свое место в сегодняшнем обществе, как происходящее отразится на трудовых отношениях в недалеком будущем – все это отдельная большая тема для исследований в области социальных наук.

Библиография

Абанкина Т.В., Мацкевич А.В., Романова В.В. Креативные индустрии в условиях пандемии COVID-19 // Экономика. Налоги. Право. 2022. Том 15. № 2. С. 38–51.

Балацкий Е.В. Постиндустриальное общество и экономика досуга: новая кадровая парадигма // Journal of new economy. 2021. Т. 22. № 4. С. 5–23.

Безнюк Д.К. Креативный класс: «за» и «против». – URL: <https://socio.bas-net.by/kreativnyj-klass-za-i-protiv/> (дата обращения: 20.02.2023).

Бернович П. Креативный класс – новая аристократия будущего // Noomarketing.net – глобальный сервис для бизнеса. 2019. 22.12. URL: <https://noomarketing.net/kreativniy-klass> (дата обращения: 20.02.2023).

Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 12. Выпуск 4. С. 99–111.

Бодрунов С.Д. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 11–14.

Вергас-Соколов С. В погоне за лучшей работой и большими деньгами: как джоб-хopping стал мировым трендом // Forbes.ru. 2022. 01.02. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/454269-v-pogone-za-lucsej-rabotoj-i-bol-simi-den-gami-kak-dzob-hopping-stal-mirovym-trendom> (дата обращения: 20.02.2023).

Винокурова Н.А. Теория креативного класса: за и против // Экономическая политика. 2014. Т. 21. № 2. С. 124–138.

Воейков М.И. Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 24–37.

Волков Ю.Г. Интересы креативного класса в общественной жизни российского общества // Власть. 2013. № 1. С. 15–19.

Волков Ю.Г. Креативность в контексте формирования российской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 25–40.

Волков Ю.Г. Креативный класс в российском обществе: тенденции и перспективы гуманистической идеологии // Власть. 2012. № 1. С. 61–64.

Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2016. 640 с.

Гурбанов Д. Прекариат: что это за класс и чем он может быть опасен // РБК.ru. 2025. 05. 05. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/633fd9b39a794736b316f134> (дата обращения: 06.05.2025).

Золотарев О.В. Креативный класс в современной России // Человек. Культура. Образование. 2016. № 3. С. 87–96.

Кадочников С.М., Кодачигов Р.В. Изменение товарной структуры мирового экспорта креативных товаров // Известия УрГЭУ. 2012. № 4. С. 54–63.

Клейнер Г.Б. Декоммерциализация экономики как культурный проект (на пути к созданию культурологической теории экономики) // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 140–146.

Клейнер Г.Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4. С. 34–39.

Креативная экономика Москвы в цифрах / В.В.Власова, М.А.Гершман, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 108 с.

Креативные индустрии. URL: <https://vuzru.ru/kreativnye-industrii/> (дата обращения: 20.02.2023).

Креативный класс России: портрет в цифрах – URL: https://www.hse.ru/data/2023/01/09/2039229413/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue%202_Russia_Creative_Class_01-2023.pdf (дата обращения 20.02.2023).

Крижанская Ю., Сверчков А. Афера с «креативным классом» // Суть времени. 2013. 24.04. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/aferra-s-kreativnym-klassom> (дата обращения: 20.02.2023).

Куренной В. Креативный класс: как творческие индустрии могут помочь росту экономики // РБК.ru 2017. 27.11. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/29/11/2017/5a1e66a09a79478521dc8da1> (дата обращения: 20.02.2023).

Павлов М.Ю. Противоречия инвестиций в креативных работников // Инновации и инвестиции. 2022. № 10. С. 26–30.

Плещенко В.И. К вопросу об архаизации труда и потребления в современном российском обществе // Россия и современный мир. 2022. № 2. С. 228–243.

Силин Я.П., Анимиаца Е.Г. Российская модель новой индустриализации: к постановке проблемы // Известия УрГЭУ. 2017. № 5. С. 44–53.

Стародубровская И., Лободанова И. Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127–149.

Степанова М. Кто такие «летуны» и стоит ли их нанимать // Ners.ru. 2018. 25.04. URL: <https://news.ners.ru/kto-takie-letuny-i-stoit-li-ih-nanimat.html> (дата обращения: 20.02.2023).

Так ли страшен «летун» как его малюют // НН.ru. URL: <https://hh.ru/article/25252> (дата обращения: 20.02.2023).

Тихонова Н.Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России. 2023. № 4. С. 6–35.

Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.

Хлыщева Е.В. Креативный класс как новая современная элита: к вопросу о понятиях // Вопросы элитологии. 2022. № 1. С. 39–50.

Шевченко В.Н. Инновационная личность как социальный тип // Научные ведомости БелГУ. 2010. № 2. Вып. 11. С. 37–51.

Peck J. The Creativity Fix // Fronesis. 2007. Vol. 24. Pp. 5–9.

Rindermann H., Thompson J. Cognitive Capitalism: The Effect of Cognitive Ability on Wealth, as Mediated Through Scientific Achievement and Economic Freedom // Psychological Science. 2011. June. P. 1–28. DOI:10.1177/0956797611407207.

Way J., Rindermann H. What goes into high educational and occupational achievement? Education, brains, hard work, networks, and other factors // High Ability Studies. 2017. March. P. 1–19.

References

Abankina T.V., Mackevich A.V., Romanova V.V. Kreativnye industrii v usloviyah pandemii COVID-19 [Creative industries in the context of the COVID-19 pandemic]. Economy. Taxes. Law. 2022. Vol. 15. N 2. P. 38–51. (In Russ.)

Balackij E.V. Postindustrial'noe obshchestvo i ekonomika dosuga: novaya kadrovaya paradigma [Post-industrial society and leisure economy: a new personnel paradigm]. Journal of new economy. 2021. Vol 22. N 4. P. 5–23. (In Russ.)

Bernovich P. Kreativnyj klass – novaya aristokratiya budushchego [Creative class – the new aristocracy of the future]. Noomarketing.net – global business service. 2019. 22.12. URL: <https://noomarketing.net/kreativnyj-klass> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Beznyuk D.K. Kreativnyj klass: «za» i «protiv» [Creative class: pros and cons] URL: <https://socio.bas-net.by/kreativnyj-klass-za-i-protiv/> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Blok M., Golovin N.A. Social'nyj kapital: k obobshcheniyu ponyatiya [Social capital: to generalize the concept]. Bulletin of St. Petersburg University. 2014. Series 12. Issue 4. P. 99–111. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Gosudarstvo i tekhnologicheskaya revolyuciya: politekonomicheskij vzglyad [The state and the technological revolution: a political and economic view]. Economic Revival of Russia. 2019. N 3. P. 11–14. (In Russ.)

Florida R. Kreativnyj klass: Lyudi, kotorye sozdayut budushchee [Creative class: People who change the future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 2016. 384 p. (In Russ.)

Glaz'ev S. Ekonomika budushchego. Est' li u Rossii shans? [The economy of the future. Does Russia have a chance?] Moscow: Knizhnyj mir. 2016. 640 p. (In Russ.)

Gurbanov D. Prekariat: chto eto za klass i chem on mozhet byt' opasen [Precariat: what is this class and how can it be dangerous]. RBC.ru. 2025. 05. 05. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/633fd9b39a794736b316f134> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Hlyshcheva E.V. Kreativnyj klass kak novaya sovremennaya elita: k voprosu o ponyatiyah [Creative Class as a new modern elite: on the question of concepts]. Questions of elitology. 2022. N 1. P. 39–50. (In Russ.)

Kadochnikov S.M., Kodachigov R.V. Izmenenie tovarnoj struktury mirovogo eksporta kreativnyh tovarov [Changing the commodity structure of the world export of creative goods] USUE News. 2012. N 4. P. 54–63. (In Russ.)

Kleiner G.B. Dekommercializaciya ekonomiki kak kul'turnyj proekt (na puti k sozdaniyu kul'turologicheskoy teorii ekonomiki) [Decommercialization of the economy as a cultural project (on the way to the creation of a cultural theory of economics)]. Humanities of the South of Russia. 2015. N 2. P. 140–146. (In Russ.)

Kleiner G.B. Reindustrializaciya, resajentizaciya, reinstitucionalizaciya – klyuchevye zadachi ekonomicheskogo vrozozhdeniya Rossii [Reindustrialization, rescientization, reinstitutionization are the key tasks of Russia's economic revival]. *Economic Revival of Russia*. 2015. N 4. P. 34–39. (In Russ.)

Kreativnaya ekonomika Moskvy v cifrah [Moscow's creative economy in figures] / V.V. Vlasova, M.A. Gershman, L.M. Gohberg i dr.; pod red. L.M. Gohberga; National research. uni-t «Higher School of Economics». – M.: HSE, 2021. 108 p. (In Russ.)

Kreativnye industrii [Creative industries] URL: <https://vuzru.ru/kreativnye-industrii/> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Kreativnyj klass Rossii: portret v cifrah [Creative class of Russia: portrait in numbers]. URL: https://www.hse.ru/data/2023/01/09/2039229413/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue%202_Russia_Creative_Class_01-2023.pdf (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Krizhanskaya Yu., Sverchkov A. Afera s «kreativnym klassom» [The scam with the «creative class»]. *Sut' vremeni* [The essence of time]. 2013. 24.04. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/afera-s-kreativnym-klassom> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Kurennoi V. Kreativnyj klass: kak tvorcheskije industrii mogut pomoch' rostu ekonomiki [The creative class: how creative industries can help grow]. *RBC.ru*. 2017. 27.11. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/29/11/2017/5a1e66a09a79478521dc8da1> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Pavlov M.Yu. Protivorechiya investicij v kreativnyh rabotnikov [Contradictions of investments in creative workers]. *Innovations and investments*. 2022. N 10. P. 26–30. (In Russ.)

Peck J. *The Creativity Fix*. Fronesis. 2007. Vol. 24. P. 5–9.

Pleschenko V.I. K voprosu ob arhaizacii truda i potrebleniya v sovremennom rossijskom obshchestve [On the question of the archaization of labor and consumption in modern Russian society]. *Russia and the modern world*. 2022. N 2. P. 228–243. (In Russ.)

Rindermann H., Thompson J. Cognitive Capitalism: The Effect of Cognitive Ability on Wealth, as Mediated Through Scientific Achievement and Economic Freedom. *Psychological Science*. 2011. June. P. 1–28.

Shevchenko V.N. Innovacionnaya lichnost' kak social'nyj tip [Innovative personality as a social type]. *Scientific Bulletin of the BelSU*. 2010. N 2. Issue 11. P. 37–51. (In Russ.)

Silin YA.P., Animica E.G. Rossijskaya model' novej industrializacii: k postanovke problemy [The Russian model of new industrialization: towards the formulation of the problem]. *Izvestiya USUE*. 2017. N 5. P. 44–53. (In Russ.)

Starodubrovskaya I., Lobodanova I. Kreativnyj klass i kreativnyj gorod: rossijskoe prelomlenie [Creative class and creative city: Russian refraction]. *Economic policy*. 2013. N 5. P. 127–149. (In Russ.)

Stepanova M. Kto takie «letuny» i stoit li ih nanimat' [Who are the «flyers» and is it worth hiring them]. *Ners.ru*. 2018. 25.04. URL: <https://news.ners.ru/kto-takie-letuny-i-stoit-li-ih-nanimat.html> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Tak li strashen «letun» kak ego malyuyut [Is the «flyer» as scary as it is painted]. *HH.ru*. URL: <https://hh.ru/article/25252> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Tikhonova N.E. Specifika mirovozzreniya storonnikov zapadnogo puti razvitiya dlya Rossii v massovyh sloyah naseleniya [The specifics of the worldview of supporters of the Western way of development for Russia in the mass strata of the population]. *The World of Russia*. 2023. N 4. P. 6–35. (In Russ.)

Vergnas-Sokolov S. V pogone za luchshej rabotoj i bol'shimi den'gami: kak dzhob-hopping stal mirovym trendom [In pursuit of a better job and more money: how jobhopping became a global trend]. *Forbes.ru*. 2022. 01.02. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/454269-v-pogone-za-lucsej-rabotoj-i-bol-simi-den-gami-kak-dzob-hopping-stal-mirovym-trendom> (date of access: 20.02.2023). (In Russ.)

Vinokurova N.A. Teoriya kreativnogo klassa: za i protiv [Creative class theory: pros and cons]. Economic policy. 2014. Vol 21. N 2. P. 124–138. (In Russ.)

Voeikov M.I. Rynochnyj fundamentalizm i novaya volna vul'garizacii v ekonomicheskoy nauke [Market fundamentalism and a new wave of vulgarization in economics]. Questions of political economy. 2015. N 1. P. 24–37. (In Russ.)

Volkov Yu.G. Interesy kreativnogo klassa v obshchestvennoj zhizni rossijskogo obshchestva [The interests of the creative class in the public life of Russian society]. Power. 2013. N 1. P. 15–19. (In Russ.)

Volkov Yu.G. Kreativnost' v kontekste formirovaniya rossijskoj identichnosti [Creativity in the context of the formation of Russian identity]. Humanities of the South of Russia. 2014. N 1. P. 25–40. (In Russ.)

Volkov Yu.G. Kreativnyj klass v rossijskom obshchestve: tendencii i perspektivy gumanisticheskoy ideologii [Creative class in Russian society: trends and prospects of humanistic ideology]. Power. 2012. N 1. P. 61–64. (In Russ.)

Way J., Rindermann H. What goes into high educational and occupational achievement? Education, brains, hard work, networks, and other factors. High Ability Studies. 2017. March. P. 1–19.

Zolotarev O.V. Kreativnyj klass v sovremennoj Rossii [Creative class in modern Russia]. Human. Culture. Education. 2016. N 3. P. 87–96. (In Russ.)

Т.С. Керимова-Коджаева

**НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА: ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА,
БЫТА И ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ (20–40-е гг. XX в.)**

***Аннотация.** В статье на основе архивных материалов и других источников рассматриваются проблемы изменения условий труда, быта и правового положения азербайджанской научной интеллигенции в 20–40-е годы XX в. В изучаемый период главное внимание было обращено на стимулирование научной работы и улучшение материального положения ученых. Новая экономическая политика (НЭП), вызвавшая оживление частнокапиталистического сектора и, как следствие, вздорожание цен на свободном рынке, болезненно отразились на жизненном уровне ученых. Отмена академического продовольственного обеспечения и сравнительно низкий уровень заработной платы также отрицательно сказались на положении ученых. В голодные 1920-е годы Баку привлекал многих ученых и специалистов из российской глубинки не только ради продолжения научной, педагогической или иного рода деятельности. В отличие от неуправляемой и голодной России, столица Азербайджана оставалась островком спокойствия и относительного материального благополучия, сохраняла статус «хлебного города». Отечественная война сильно ухудшила материально-бытовые условия населения, в том числе и научных работников. Но ученые мужественно переносили трудности военного времени. Правительство республики прилагало все необходимые усилия для обеспечения ученых жизненно необходимым минимумом продовольственных и промышленных товаров. Жилищные условия, медицинское обслуживание, пенсии, условия приема детей в вузы, отсрочка призыва на действительную военную службу и ряд других обстоятельств были жизненно важны для научных работников, и во всех этих вопросах они встречали неизменную поддержку правительства республики. Результаты изучения показали, что рассматриваемые преобразования, были следствием политики властей в отношении развития науки и поддержки научных кадров.*

***Ключевые слова:** советская власть; научные работники; материальное положение; условия труда; правовое положение; жилищные условия.*

**Тамилла Сабир кызы Керимова-Коджаева – доктор исторических наук,
Институт Истории и Этнологии НАНА. Азербайджан, Баку.
E-mail: tomakerimova50@gmail.com
ORCID: 00000002-2392-7381**

Kerimova-Kodjaeva T.S.

**The Evolution of Azerbaijan's Scientific Community:
Socioeconomic and Legal Shifts (1920s–1940s)**

Abstract. *Based on archival materials and other sources, the article examines the evolving working conditions, living standards, and legal status of the Azerbaijani scientific community during the 1920s–1940s. During this period, particular emphasis was placed on stimulating scientific work and improving the financial situation of researchers. The New Economic Policy (NEP), which led to the revival of the private capitalist sector and, consequently, a rise in free-market prices, significantly impacted the living standards of scientists. In the famine-stricken 1920s, Baku became a magnet for many scientists and specialists from the Russian hinterlands – not only for the opportunity to continue their scientific, pedagogical, or professional activities but also as a place of relative stability. Unlike the unruly and famine-stricken regions of Russia, the capital of Azerbaijan maintained its status as an “island of calm” and relative material well-being, earning the reputation of a “grain city.” The outbreak of the Great Patriotic War (1941–1945) severely worsened the material and living conditions of the population, including members of the scientific community. Nevertheless, Azerbaijani scientists bravely endured the hardships of wartime. The republic's government made every effort to ensure that scientists had access to basic necessities, including food and industrial goods. Moreover, issues such as housing conditions, medical care, pensions, access to higher education for their children, deferment from military conscription, and other critical matters were met with consistent support from the government. The study's findings indicate that these transformations were a direct result of state policies aimed at fostering scientific development and supporting scientific personnel during challenging historical periods.*

Keywords: *soviet power; reserchers; financial status; working conditions; legal status; living conditions.*

**Kerimova-Kodjaeva Tamilla Sabir kyzy – doktor of Historical Sciences, Institute
History and Ethnology n.a. A.A.Bakikhanov of ANAS. Azerbaijan, Baku.**

E-mail: tomakerimova50@gmail.com

ORCID: 00000002-2392-7381

С начала 1920-х годов советское государство целенаправленно выделяет средства на развитие науки, улучшение материального положения ученых, их продовольственное снабжение, жилищные условия, лечение и отдых. Трудности послереволюционных лет, с одной стороны, а с другой – понимание большевиками особой ценности научных кадров для настоящего и будущего советского государства привели к тому, что вопросами материального и правового положения научных работников занимались как государственные, так и общественные организации, прежде всего, специально созданная правительственная Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) и Секция научных работников (СНР).

Создание государственной системы по улучшению материального и правового положения научных работников

Приоритетные направления в сфере научной деятельности и высшего образования были определены декретом СНК СССР «Об улучшении быта ученых» от 6 декабря 1921 г. В 1921 г. были созданы Центральная Комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) которая была преобразована в 1931 г. в Комиссию содействия учёным (КСУ) при СНК СССР [История СССР, с. 277], а также первое советское профессиональное объединение ученых – Секция научных работников (СНР). Они выступали инициаторами многих важных начинаний в научной политике, создавали все новые формы связи научных работников с общественностью, сосредоточивали работу по организации ученых всей страны, улучшению условий их труда и быта, являлись проводниками советской идеологии в науке. В 1927 г. организуется также ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и образования для содействия социалистическому строительству, задачей которой было активное участие в изучении и разработке планов хозяйственного и культурного строительства, подготовка научных кадров, организация научно-исследовательской работы, поддержание связей с научно-техническими обществами в СССР и за границей и др. [Зак 1959, с. 94].

Быстрое развитие науки в Азербайджане стало возможным благодаря тому, что правительство республики уделяло большое внимание подготовке научной интеллигенции, стимулированию научной работы, социальной поддержке ученых. 7 июля 1920 г. Азревком издал декрет о причислении профессоров и преподавателей Бакинского государственного университета к разряду незаменимых квалифицированных работников, подписанный Председателем Н. Наримановым и наркомом просвещения Д. Буниятзаде [О причислении профессоров..., с. 214–216]. Труд профессоров и преподавателей, согласно декрету, предусматривалось оплачивать по особым нормам, превышающим выработанные тарифные ставки. Декретом Азревкома от 13 июля 1920 г. [Декрет СНК Азербайджанской ССР «Об освобождении от воинской мобилизации...», с. 246–248] и дополнением к этому декрету профессора и преподаватели университета освобождались от военной мобилизации [О дополнении к декрету, с. 1].

Декреты Азревкома от 1 ноября [Декрет СНК Азербайджанской ССР «О мобилизации студентов Бакинского университета...», с. 665], 13 ноября, 6 декабря 1920 г. «Об улучшении материального положения академического персонала Государственного университета» [Декреты Азревкома..., с. 406–407] предусматривали удвоение окладов профессорско-преподавательского состава, улучшение жилищных условий, введение академического пайка, определяли тарифную ставку зарплаты профессоров и преподавателей вузов.

Ввиду малочисленности научных и научно-педагогических кадров, почти все преподаватели вузов с разрешения Наркомпроса работали по совмести-

тельству в созданных в начале 20-х годов первых научных учреждениях республики. И поэтому все распоряжения правительства республики, касающиеся преподавателей вузов, в равной мере относились и к работникам научных учреждений.

В решениях VIII съезда АКП (б), состоявшегося 17 ноября 1927 г., подчеркивалось, что в целях создания условий для развития науки в республике, подготовки научных кадров, необходимо было улучшить материальное положение учёных. К 1926–1928 гг. правительством республики был издан и ряд постановлений, регулирующих права научных работников. Среди них постановления ЦИК и СНК Азербайджанской ССР от 7 августа 1926 г. «О пенсионном обеспечении лиц академического персонала высших учебных заведений», от 3 марта 1928 г. «О квалифицированных научных работниках высших учебных заведений Азербайджанской ССР», «О профессорах и доцентах», «О младшем академическом персонале», «Положение о научных работниках», «О сроках службы академического персонала» от 19 марта 1928 г. [Наука и техника Советского Азербайджана, с. 41].

Одновременно со Всероссийской секцией научных работников во всех союзных и автономных республиках организуются свои секции. Одними из первых в марте 1922 г. создали Секцию научных работников (СНР) научные работники и преподаватели вузов Баку, председателем которой стал профессор А.В. Багрий [Иванова 1980, с. 221]. По постановлению №721 СНК Азербайджанской ССР от 17 мая 1932 г. был организован Азербайджанский комитет содействия ученым (АзКСУ) [О создании Комитета содействия ученым, с. 1; О создании Комитета содействия ученым (1932, 17 мая), с. 558–559; 30, л. 40]. Постановлением был утвержден и президиум комитета, в состав которого вошли 11 представителей ЦК АКП (б), Наркомпроса и Наркомздрава Азербайджанской ССР, АСПС, АзГНИИ и самостоятельный оперативный аппарат из трех человек. Председателем комиссии был назначен Х. Грансберг, зампреда – М. Шахбазов, а ответственным секретарем А. Юсупов. СНК республики постановлением от 17 мая 1933 г. «Об отпуске средств Комитету содействия ученым при СНК АССР» из средств Совнаркома отпустили КСУ 6 тыс. руб. золотом [Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «Об отпуске средств...», л. 153].

По постановлению № 187 СНК республики от 3 марта 1934 г. было утверждено Положение о Комиссии содействия ученым при СНК АССР (председ. – У. Рахманов), отменив ранее утвержденное положение о Комитете [Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «Об утверждении Положения о Комиссии содействия ученым при СНК АССР», л. 237]. Благодаря эффективным мерам руководства республики в Азербайджане материальное положение научных работников было значительно выше по сравнению с другими республиками. Жилищные условия, медицинское обслуживание,

пенсии, условия приема детей в вузы, отсрочка призыва на действительную военную службу и ряд других обстоятельств были жизненно важны для научных работников, и во всех этих вопросах они встречали неизменную поддержку правительства республики.

На протяжении 1924–1927 гг. Наркомпрос и Секция научных работников продолжали кампанию материальной помощи ученым, в частности, по повышению ставок ученых. Если суммировать многочисленные, но часто разнящиеся данные (приводящиеся к тому же в разных масштабах – в золотых, товарных рублях), то станет очевидным неуклонный, хотя и недостаточный в абсолютном выражении, рост заработной платы научных работников [Иванова 1980, с. 194]. Так, к началу 1928 г. ставка профессора за шестичасовую норму составляла 250 руб. при темпе роста за два года в 38,8%, доцента – 165 руб. при росте оклада на 37,5%, ассистента и научного сотрудника 1 разряда – 120 руб. при росте в 33,3%, научного сотрудника 2 разряда – 90 руб. при росте оклада на 50%. Сравним заработную плату научных работников в других республиках. В Узбекистане ставка профессора составляла 225 руб., в РСФСР – 210 руб., в Грузии – 140 руб., в Белоруссии – 125 руб., в Армении – 125 руб., а в других республиках и того меньше [Канчев 1929, с. 54–55].

Большое значение имел жилищный вопрос. 16 января 1922 г. СНК СССР издал постановление «О жилищных правах научных работников», в соответствии с которым всем научным работникам предоставлялось право на одну дополнительную комнату сверх общего числа жилых комнат, причитавшихся по общегражданской норме им и членам их семей [Иванова 1980, с. 195].

В 20-е годы наибольшее распространение получили коммунальные квартиры, в ходе «уплотнений», когда большевики принудительно отбирали жилье у богатых горожан и подселяли к ним в квартиру новых людей, являющихся активными сторонниками советской власти: коммунистов, военных, сотрудников АзЧК. Приток сельского населения в города, вызванный индустриализацией, способствовал образованию новых коммунальных квартир и новым уплотнениям. Больше всего коммунальных квартир появилось в Баку, где до революции было много квартир большой площади. Таким образом, наблюдалось ухудшение жилищных условий в республике.

29 января СНК и 3 февраля 1934 г. АзЦИК Азербайджанской ССР приняли постановления «О жилищных правах научных работников, а также советских писателей и советских композиторов» [О жилищных правах научных работников, с. 14–16] и «О жилищных правах аспирантов при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях» от 19 июня 1934 г. [О жилищных правах научных работников, с. 7], в которых отмечалось, что научные работники в отношении прав на получение жилой площади приравнивались к индустриальным рабочим. В этих постановлениях был представлен ряд преимуществ для улучшения жилищных условий научных работников

и аспирантов. В частности, была утверждена дополнительная норма на 20 м². или отдельную комнату для занятий [Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «О жилищных правах...», л. 83]. Было начато строительство единственного в республике дома научных работников РЖСКТ (рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество) «Элми ишчи». В Баку к 1928 г. закончилось строительство кооператива на 32 квартиры, который передали в ведение СНР для заселения их специалистами [Докладная записка, с. 81; Краткий отчет..., л. 78,79].

Изменение условий труда, быта и правового положения ученых

1922–1924 гг. были наиболее трудными для научных работников страны. Новая экономическая политика (НЭП), вызвавшая оживление частнокапиталистического сектора и, как следствие, повышение цен на свободном рынке, болезненно отразилась на их жизненном уровне. Отмена академического продовольственного обеспечения и сравнительно низкий уровень заработной платы также отрицательно сказались на положении ученых. Заработная плата профессора и научного специалиста составляла менее половины средней ставки в мелкой и средней промышленности. Оклад преподавателя в Москве в 1924 г. составлял 100 руб., а в Ленинграде – 85 руб. [Иванова 1980, с. 193]. Выдача жалованья производилась с опозданием на 1–2 месяца, реальная ценность рубля падала с каждым днем, стоимость продуктов возрастала. И поэтому в академических кругах России в начале 20-х годов, как писала бакинская печать, замечалась «сильная тяга к Баку», желание ехать на работу в Азербайджан [Иванова 1987, с. 45]. В голодные 1920-е годы Баку привлекал многих ученых и специалистов из российской глубинки не только ради продолжения научной, педагогической или иного рода деятельности. В отличие от неуправляемой и голодной России, столица Азербайджана оставалась островком спокойствия и относительного материального благополучия, сохраняла статус «хлебного города». Здесь можно было и заниматься любимым делом, и не чувствовать постоянно над головой дамоклов меч нужды и голода. Русские ученые, приезжая в Азербайджан, защищали здесь диссертации, получали ученые звания, публиковали свои работы, читали лекции в вузах, вели научно-исследовательскую работу, готовили научные кадры и т. д. [Керимова 2014, с. 202].

Для улучшения материально-бытовых условий высококвалифицированных научных работников АзКСУ установил для профессоров и доцентов введение академического пайка. Так, в 1933 г. был утвержден академический пайк на 150 человек по Баку и 31 – по Гяндже. С 1 квартала 1934 г., по постановлению ЦК АКП (б), контингент получающих академический пайк был увеличен до 250 по Баку и 50 – по Гяндже. 18 ноября 1933 г. была открыта столовая на 150 человек, а с 1 сентября 1934 г. был увеличен контингент до 175 человек.

Столовая также находилась на специальном снабжении по нормам Наркомснаба [Краткий отчет АзОЗФАНа за 1933–1934 гг..., л.78–79].

Впервые в стране на государственных началах было организовано медицинское санаторно-курортное обслуживание научных работников. В 1922 г. открылись санатории для ученых под Москвой, в Крыму, в Кисловодске и в других городах, которые уже за первые полгода работы бесплатно обслужили 275 человек [Иванова 1980, с. 196].

В этом отношении комиссией КСУ республики с начала 1933 г. был организован медицинский осмотр всех высококвалифицированных научных работников, и, в соответствии с этим, в течение курортного сезона научные сотрудники посылались в санаторно-лечебные учреждения КСУ СССР и Наркомздрава республики. Всего за лето 1933 г. было послано в санатории КСУ 42 человека, а в санатории Наркомздрава и по амбулаторному лечению – 25 человек. Итого в 1934 г. из контингента в 250 человек 67 воспользовались лечебно-санаторной помощью. Одновременно комиссия КСУ начала работу по организации систематического обслуживания научных работников в одной из лучших поликлиник г. Баку, установив для них особые льготы. СНК Азербайджанской ССР поручило под личную ответственность Наркомздрава М. Кадырли прикрепить научных работников по списку, представленному КСУ этим поликлиникам [Краткий отчет АзОЗФАНа за 1933–1934 гг..., л. 78–79; Проект постановлений, л. 2, 29].

АзКСУ занималась и пенсионным обеспечением научных работников. Согласно постановлениям АзЦИК и СНК республики «О пенсионном обеспечении лиц академического персонала высших учебных заведений» от 7 августа 1926 г., был упрощен порядок оформления персональных и академических пенсий, увеличены ассигнования на пенсии. Штатные профессора, лица штатного академического персонала вузов, прослужившие не менее 25 лет или достигшие 65-летнего возраста и прослужившие не менее десяти лет, получали право на пожизненную пенсию за выслугу лет в размере оклада [Атакишиев 1989, с. 156]. Пенсии за выслугу лет начали действовать в Азербайджане с октября 1926 г. В 1926/1927 гг. было назначено 17 (14 научным работникам и трем членам семьи) пенсий за выслугу лет, а в 1927–1928 гг. – 17 (14 научным работникам и трем членам семьи) [Официальный отдел 1929, с. 121]. За 1927–1928 гг. было назначено 22 академические пенсии, персональные же совсем не назначались. В остальных республиках персональные пенсии также назначались в единичных случаях [Тайцлин 1929, с. 66–67]. На основании декрета СНК Азербайджанской ССР, 12 сентября 1922 г. Коллегия Наркомпроса ввела плату за обучение в вузах республики. 7 марта 1928 г. СНК республики принял постановление, по которому для детей научных работников из года в год сохранялось право поступления в вузы на льготных основаниях и освобождение от платы за обучение [Атакишиев 1989, с.156–157; Постановление Коллегии Наркомпроса, л. 6].

Учитывая длительный срок, необходимый для подготовки научных работников, ЦИК и СНК СССР постановлениями от 1 октября 1926 г. и 20 июля 1927 г. предоставили профессуре вузов и научным работникам право отсрочки призыва на действительную военную службу до достижения 30-летнего возраста. Одной из эффективных форм признания общественной значимости науки стало присуждение премий за выдающиеся научные исследования. 25 марта 1928 г. ЦИК и СНК специальным постановлением установили звание «Заслуженного работника науки, техники и искусства» [Иванова 1980, с. 189–190].

Важным фактором, стимулирующим деятельность ученых в этот период, являлась выдача за изданные ими научные труды солидных гонораров. Так, в 1928 г. автору оригинального научного труда, монографии за 1 печатный лист выдавалось 140 руб., драматических произведений – 140 руб., учебников для вузов – 90 руб., теоретических работ по общественно-политическим вопросам – 90 руб., популярных, оригинальных произведений по общественным и естественным наукам – 120 руб., художественно-литературных произведений – 140 руб., критических, публицистических, искусствоведческих и библиографических статей – 130 руб., детской литературы – 90 руб., научное редактирование оценивалось в 15 руб., переводы научных трудов, монографий в 60–70 руб., литературное редактирование в 10 руб. и т. д. [Протокол заседания, л. 31 (об.)]. Все приведенные выше скупые цифры вводят нас в атмосферу полнокровной культурной и общественно-политической жизни научных работников. Эти меры были встречены академперсоналом научных учреждений с удовлетворением, они устранили опасения его русской части за свою судьбу и содействовали дальнейшему развитию процесса коренизации вузов и научных учреждений.

Баку в 20-е годы стал местом созыва многих всесоюзных и республиканских съездов. Так, в 1924 г. был созван Первый Всеазербайджанский краеведческий съезд, в следующем году в Баку заседал Первый съезд хирургов Южного Кавказа, в 1926-м – Первый Всесоюзный тюркологический съезд, Второй съезд патологов в 1929 г., Первый съезд азербайджанского медицинского общества – в 1931 г., Первый Всеазербайджанский съезд молодых ученых – в 1936 г., Неделя встречи с украинскими учеными – в 1937 г., Научная сессия Всесоюзного института экспериментальной медицины – в 1938 г., Восьмой кавказский съезд фармакологов, биохимиков и физиологов – в 1939 г., Всеазербайджанская конференция по раку – в 1940 г., Неделя военно-полевой хирургии – в 1940 г., Республиканская госпитальная конференция в 1941 и 1943 гг. и др. научные форумы [Мир-Касимов 1945, с. 4–5].

АзКСУ была ликвидирована 22 января 1935 г. [О ликвидации Комитета..., л. 26]. В целях продолжения материально-бытовой помощи научным работникам республики было признано необходимым проектом постановления СНК

республики от 4 октября 1934 г. «сохранение за высококвалифицированной частью научных работников выдаваемые до сих пор академические пайки в количестве 250. Сохранить закрытую столовую научных работников и расширить контингент до 300 чел.» [Проект постановлений, л. 30–31].

Война и улучшение материально-бытовых условий жизни научной интеллигенции

Война сильно ухудшила материально-бытовые условия населения, в том числе и научных работников. Но ученые мужественно переносили трудности военного времени. Правительство республики прилагало все необходимые усилия для обеспечения ученых жизненно необходимым минимумом продовольственных и промышленных товаров. В самые тяжелые дни войны, в сентябре 1942 г. правительство страны приняло постановление «О повышении окладов работникам науки» [Левшин 1983, с. 93]. Новые повышенные оклады были установлены работникам научных учреждений и преподавательскому составу высших учебных заведений, имевшим ученые степени и звания. Приказ №170 Наркомторга СССР «Об упорядочении снабжения работников науки, искусства и литературы продовольственными и промышленными товарами» от 9 марта 1942 г. приравнивал профессоров, старших научных сотрудников вузов и НИИ, а также всех младших и старших научных сотрудников АН СССР в снабжении к рабочим предприятий, а также с организацией для них закрытых магазинов и столовых, где питание предоставлялось без учета талонов из хлебных и продуктовых карточек [Приказ Народного Комиссариата торговли Союза ССР «Об упорядочении снабжения...», л. 316–317].

Во второй период войны, когда ситуация несколько стабилизировалась, правительство принимает еще ряд постановлений, направленных на улучшение материального положения ученых, особенно научной элиты. Так, 2 июля 1943 г. был издан приказ Народного комиссариата торговли «О порядке снабжения работников науки, искусства и литературы», по которому действительным членам и членам-корреспондентам АН СССР, заслуженным деятелям науки, профессорам, докторам, директорам вузов и НИИ и их заместителям отпускались продовольственные товары без карточек, обеды и сухие пайки. Распоряжением СНК республики, на основании ходатайства АзФАНа, филиалу были выделены дачи Маштагинского района в аренду для использования профессорским составом и старшими научными сотрудниками [Письмо председателя Президиума, л. 45; 33, л. 776–777].

Проблема улучшения условий жизни научных работников оставалась актуальной до самого окончания войны. А когда наступил перелом в войне, и положение в стране улучшилось, правительство сочло возможным демобилизовать некоторые категории специалистов из армии. В 1943 г. правительством

были приняты меры по возвращению научных кадров из армии и народного хозяйства для работы в научных учреждениях [Левшин 1983, с. 93]. Все эти мероприятия были направлены на улучшение работы научных учреждений и вузов. Так, СНК и ЦК КП (б) Азербайджана своим постановлением от 4 ноября 1943 г. «О мероприятиях по улучшению работы Азербайджанского филиала АН СССР» наметили ряд мероприятий по улучшению и укреплению работы его институтов.

Несмотря на трудности войны, правительство республики проявляло исключительную заботу на всем протяжении войны о сохранении своего самого ценного интеллектуального и духовного достояния – кадров ученых. Научные работники в действующей армии использовались очень ограниченно, особенно это касалось высококвалифицированных ученых. Для выполнения научных работ по оборонной тематике многим докторам, профессорам, кандидатам наук различными учреждениями и ведомствами были предоставлены отсрочки от призыва. Мобилизации не коснулись лишь физические и химические институты АзФАНа, которые занимались оборонной тематикой [Керимова 2008, с. 56].

В целях дальнейшего развития науки и искусства в республике СНК Азербайджанской ССР в 1944 г. установил премии за выдающиеся работы в области науки: по одной премии первой степени в размере 25 тыс. руб. и одной премии второй степени в размере 15 тыс. руб. по 13 отраслям науки. За выдающиеся работы в области изобретения: две премии первой степени по 10 тыс. руб. и две премии второй степени по 5 тыс. руб. [Об учреждении премий, л. 132].

12 января 1944 г., высоко ценя заслуги выдающихся деятелей науки, культуры и искусства СНК республики приняло постановление об увековечении их памяти созданием Аллеи почетного захоронения. После долгих организационных работ Аллея почётного захоронения была создана постановлением СНК Азербайджанской ССР от 27 августа 1948 г. [В Совет Народных Комиссаров, л. 8]. С этого же года началось строительство аллеи. Здесь покоятся останки 37 видных деятелей науки республики.

Высоко оценив вклад ученых Азербайджана в обеспечение победы над врагом, правительство страны наградило свыше 100 ученых республики орденами и медалями СССР. Семь азербайджанских ученых были удостоены Государственной премии, а 50 научным сотрудникам было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники Азербайджана» [Об учреждении премий, л. 132].

Так складывалась на протяжении изучаемого периода специальная система помощи и поощрения работников науки. Ее целью было, прежде всего, сохранение наиболее ценных кадров научных работников. Даже в самые трудные годы, переживаемые страной, делался максимум возможного для того, чтобы

сохранить жизнь и творческую деятельность ученых. Весь широкий комплекс мероприятий, начиная с продовольственного обеспечения видных ученых, увеличения их зарплаты, медицинской и санаторной помощи, налаживания пенсионного обеспечения и кончая премированием научных трудов, созывов съездов научных работников медленно, но неуклонно восстанавливал нормальные условия жизни и деятельности ученых и по возможности удовлетворял запросы ученых. Рост общего числа научной интеллигенции, изменение ее социальной структуры, ее национального состава, наличие условий для дальнейшего ее развития и роста позволили к началу 1930-х годов в основном сформировать новую национальную научную интеллигенцию.

Библиография

Атакишиев А.М. История Азербайджанского государственного университета. Баку: Издательство АГУ. 1989. 830 с.

В Совет Народных Комиссаров Азербайджанской ССР. Список выдающихся деятелей азербайджанского народа, останки коих подлежат перенесению к месту почетного захоронения // Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР), Ф. 411. Оп. 8, Д.171.

Декрет СНК Азербайджанской ССР «О мобилизации студентов Бакинского университета и о введении академического пайка» (1920, 1 ноября) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики, 1920. №7. Ст. 614. С. 665.

Декрет СНК Азербайджанской ССР «Об освобождении от воинской мобилизации профессоров и преподавателей Бакинского университета» (1920, 13 июля) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики, 1920. №11. Ст. 246. С. 246–248.

Декреты Азревкома (1920–1921). Сборник документов / Сост. А.А. Пашаев, М.И. Найдель. Баку: Азернешр. 1988. 519 с.

Докладная записка ответственного секретаря Комиссии содействия ученым при Совнаркоме Азербайджанской ССР А. Юсупова председателю Совнаркома У. Рахманову о деятельности Комиссии (16 ноября 1934 г.) // Azərbaycan arxiv. 1984. №1. С. 81.

Зак Л.М. Создание и деятельность ВАРНИТСО в 1927–1932 годах // История СССР. 1959. № 6. С. 94–107.

Иванова Л. Воспоминания. Неизданные письма Вячеслава Иванова. Минувшее // Исторический альманах. Paris: Atheneum. 1987. №3. С. 34–49.

Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука. 1980. 392 с.

История СССР от Великой Октябрьской революции до наших дней: [в 12 томах] / Гл. ред. Б.Н. Понамарев. М.: Наука, 1967. Т. VIII. 725 с.

Канчев А.А. Материальное положение научных работников // Научный работник. 1929. №2. С. 53–55.

Керимова Т. Научная интеллигенция Азербайджана в годы войны (1941–1945 гг.) // Azərbaycan 1941–1945-ci illər müharibəsində. Məqalələr toplusu. Bakı: Elm. 2008. S. 24–58.

Керимова Т. Организация первых научных учреждений и формирование научной интеллигенции Азербайджана (20-е годы XX столетия) // Azərbaycan Tarixi Muzeyi. 2014. S. 196–208.

Краткий отчет АзОЗФАНа за 1933–1934 гг. // Государственный архив Азербайджанской республики (ГААР). Ф. 57. Оп.1. Д. 1090.

Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука. 1983. 382 с.

Мир-Касимов М.А. Развитие научной медицинской мысли в Азербайджане за 25 лет // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. 1945. № 9. С. 3–8.

Наука и техника Советского Азербайджана. Летопись важнейших событий (1920–1987 гг.). / ред. акад. Т.Н. Шахтахтинский [и др.]. Баку: Элм, 1987. 252 с.

О дополнении к декрету «Об освобождении от мобилизации научных сотрудников Бакинского университета» // Коммунист. 1920. 7 октября. С. 1.

О жилищных правах аспирантов при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики. 1935. №8. Ст.123. С.7.

О жилищных правах научных работников, а также советских писателей и советских композиторов // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики. 1934. №3. Ст. 91. С.14–16.

О ликвидации Комитета содействия ученым (1935, 23 января) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики. 1935. №2. Ст. 30. С. 26.

О причислении профессоров и преподавателей Бакинского Университета к разряду незаменимых квалифицированных работников (1920, 7 июля) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики. 1920. № 10. Ст. 215. С. 214–216.

О создании Комитета содействия ученым (1932, 17 мая) // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Социалистической Советской Республики. 1932. №15. Ст. 298. С. 558–559.

О создании Комитета содействия ученым. Постановление СНК Азербайджанской ССР от 17 мая 1932 г. // Бакинский рабочий. 1932. 21 мая. С. 1.

Об учреждении премий за выдающиеся работы в области науки, изобретений, искусства и литературы в ознаменование предстоящей XXV годовщины советской власти в Азербайджане // ГААР. Ф.411. Оп. 8. Д. 171.

Официальный отдел // Научный работник. 1929. №2. С. 118–122.

Письмо председателя Президиума АзФАН СССР Г. Гусейнова зам. Председателя СНК Азерб. ССР А.М. Азизбекову (Баку, 4 июля 1944 г.) // ГААР. Ф. 411. Оп. 8. Д. 171.

Постановление Коллегии Наркомпроса «О введении платы за учение в вузе» №36 от 12 сентября 1922 г. // ГААР. Ф.57. Оп.1. Д. 235.

Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «О жилищных правах научных работников, а также советских писателей и советских композиторов» № 75 от 29 января 1934 г. // ГААР. Ф. 411. Оп. 28. Д. 362.

Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «О создании Комитета содействия ученым» № 721 от 17 мая 1932 г. // ГААР. Ф. 411. Оп. 28. Д. 347.

Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «Об отпуске средств Комитету содействия ученым при СНК АССР» №555 от 17 мая 1933 г. // ГААР. Ф. 411. Оп. 28. Д. 356.

Постановление Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «Об утверждении Положения о Комиссии содействия ученым при СНК АССР» №187 от 3 марта 1934 г. // ГААР. Ф. 411. Оп. 28. Д. 362.

Приказ Народного Комиссариата торговли Союза ССР «О порядке снабжения продовольственными товарами деятелей науки, искусства и литературы» (Москва: 2 июля 1943 г.) // ГААР. Ф. 411. Оп. 28. Д. 162.

Приказ Народного Комиссариата торговли Союза ССР «Об упорядочении снабжения работников науки, искусства и литературы» №170 (Москва: 9 марта 1942 г.) // ГААР. Ф. 411. Оп. 28. Д. 164.

Проект постановлений Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР «Об организации лечебной помощи научным работникам АССР» и «О ликвидации АзКСУ и дальнейших мероприятиях по улучшению материально-бытового положения научных работников АССР» // ГААР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1104.

Протокол заседания Президиума Общества обследования и изучения Азербайджана от 26 августа 1928 г. // ГААР. Ф. 389. Оп.1. Д. 6.

Тайцлин И.С. Пенсионное обеспечение научных работников за два года // Научный работник. 1929. № 2. С. 66–67.

References

Atakishiyev A.M. Istoriya Azerbaydzhanskogo gosudarstvennogo universiteta [History of Azerbaijan State University]. Baku: Izdatel'stvo AGU. 1989. 830 p. (In Russ.)

Dekret SNK Azerbaydzhanskoy SSR «O mobilizatsii studentov Bakinskogo universiteta i o vvedenii akademicheskogo payka» (1920, 1 noyabrya). Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki. 1920. N 7. Ct. 614. C. 665. [Decree of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR «On the mobilization of students at Baku University and on the introduction of academic rations» (1920, November 1). Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1920. N 7. Art. 614. P. 665. (In Russ.)

Dekret SNK Azerbaydzhanskoy SSR «Ob osvobozhdenii ot voinskoy mobilizatsii professorov i prepodavateley Bakinskogo universiteta» (1920, 13 iyulya). Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki, 1920. N 11. Ct. 246. S. 246–248 [Decree of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR “On the exemption from military mobilization of professors and teachers of the Baku University” (1920, July 13). Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1920. N 11. Art. 246. Pp. 246–248. (In Russ.)

Dekrety Azrevkoma (1920–1921). Sbornik dokumentov. Sost. A.A.Pashayev, M.I.Naydel' [Decrees of the Azrevkom (1920–1921). Collection of documents. Comp. A.A. Pashayev, M.I. Naidel]. Baku: Azerneshr. 1988. 519 p. (In Russ.)

Dokladnaya zapiska otvetstvennogo sekretarya Komissii sodeystviya uchenym pri Sovnarkome Azerbaydzhanskoy SSR A. Yusupova predsedatelyu Sovnarkoma U.Rakhmanovu o deyatelnosti Komissii (16 noyabrya 1934 g.) [Memorandum of the executive secretary of the Commission for Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR A. Yusupov to the Chairman of the Council of People's Commissars U. Rakhmanov on the activities of the Commission (November 16, 1934)]. Azərbaycan arxiv. 1984. N 1. P. 81. (In Russ.)

Istoriya SSSR ot Velikoy Oktyabr'skoy revolyutsii do nashikh dnei: [v 12 tomakh] [History of the USSR from the Great October Revolution to the present day]: [in 12 volumes]. Gl. red. B.N. Ponomarev. Moscow: Nauka, 1967. Vol. VIII. 725 p. (In Russ.)

Ivanova L. Vospominaniya. Neizdannyye pis'ma Vyacheslava Ivanova. Minuvsheye [Memoirs. Unpublished letters of Vyacheslav Ivanov. The past]. Historical almanac. Atheneum. Paris. 1987. N 3. Pp. 34–49. (In Russ.)

Ivanova L.V. Formirovaniye sovetской nauchnoy intelligentsii (1917–1927 gg.) [Formation of the Soviet scientific intelligentsia (1917–1927)]. Moscow: Nauka. 1980. 392 p. (In Russ.)

Kanchev A.A. Material'noye polozheniye nauchnykh rabotnikov . Nauchnyy rabotnik [Financial situation of scientific workers. Scientific worker]. 1929. N 2. Pp. 53–55. (In Russ.)

Kerimova T. Nauchnaya intelligentsiya Azerbaydzhana v gody voyny (1941–1945 gg.). Azerbaydzhane v voyne 1941–1945 godov. Sbornik statey [Scientific intelligentsia of Azerbaijan during the war years (1941–1945). Azerbaijan in the war of 1941–1945. Digest of articles]. Baku: Nauka. 2008. S. 24–58. (In Russ.)

Kerimova T. Organizatsiya pervykh nauchnykh uchrezhdeniy i formirovaniye nauchnoy intelligentsii Azerbaydzhana (20-ye gody KHKH stoletiya) [Organization of the first scientific institutions and the formation of the scientific intelligentsia of Azerbaijan (20s of the twentieth century)]. Azarbaycan Tarixi Muzeyi. 2014. P. 196–208. (In Russ.)

Kratkiy otchet AzOZFANa za 1933–1934 gg. [Brief report of AzOZFAN for 1933–1934]. GAAR. F. 57. Op.1. D. 1090. Gosudarstvennyy Arkhiv Azerbaydzhanskoy Respubliki [State Archive of the Azerbaijan Republic] (GAAR). F. 57. Op.1. D. 1090].

Levshin B.V. Sovetskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet science during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1983. 382 p. (In Russ.)

Mir-Kasimov M.A. Razvitiye nauchnoy meditsinskoy mysli v Azerbaydzhane za 25 let. Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR [Development of scientific medical thought in Azerbaijan over 25 years. News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR]. 1945. N 9. P. 3–8. (In Russ.)

Nauka i tekhnika Sovetskogo Azerbaydzhana. Letopis' vazhneyshikh sobytiy (1920–1987 gg.). Red. akad. T.N. Shakhhtakhtinskiy [i dr.] [Science and technology of Soviet Azerbaijan. Chronicle of the most important events (1920–1987)]. Ed. acad. T.N. Shakhhtakhtinsky [and others]]. Baku: Elm, 1987. 252 p. (In Russ.)

O dopolnenii k dekretu «Ob osvobozhdenii ot mobilizatsii nauchnykh sotrudnikov Bakinskogo universiteta» [On the addition to the decree «On the exemption from mobilization of scientific staff of Baku University»]. Communist. 1920. October 7. P. 1. (In Russ.)

O likvidatsii Komiteta sodeystviya uchenym (1935, 23 yanvarya). Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki [On the liquidation of the Committee for Assistance to Scientists (1935, January 23). Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1935. N 2. Art. 30. P. 26. (In Russ.)

O prichislenii professorov i prepodavateley Bakinskogo Universiteta k razryadu nezamenimyykh kvalifitsirovannykh rabotnikov (1920, 7 iyulya). Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki [On classifying professors and teachers of Baku University as irreplaceable qualified workers (1920, July 7). Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1920. N 10. Art. 215. Pp. 214–216. (In Russ.)

O sozdanii Komiteta sodeystviya uchenym (1932, 17 maya). Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki [On the creation of the Committee for Assistance to Scientists (1932, May 17). Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1932. N 15. Art. 298. Pp. 558–559. (In Russ.)

O sozdanii Komiteta sodeystviya uchenym. Postanovleniye SNK Azerbaydzhanskoy SSR ot 17 maya 1932 g. [On the creation of the Committee for Assistance to Scientists. Resolution of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR dated May 17, 1932] Bakinskiy rabochiy [Baku worker]. 1932. May 21. P. 1. (In Russ.)

O zhlizhchnykh pravakh aspirantov pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh i nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdeniyakh. Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki [On the housing rights of graduate students at higher educational institutions and research institutions. Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1935. N 8. Art. 123. P. 7. (In Russ.)

O zhlischnykh pravakh nauchnykh rabotnikov, a takzhe sovetsskikh pisateley i sovetsskikh kompozitorov. Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Azerbaydzhanskoys Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki [On the housing rights of scientists, as well as Soviet writers and Soviet composers. Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Azerbaijan Socialist Soviet Republic]. 1934. N 3. Art. 91. P. 14–16. (In Russ.)

Ob uchrezhdenii premiy za vydayushchiyesya raboty v oblasti nauki, izobreteniy, iskusstva i literatury v oznamenovaniye predstoyashchey KHKHV godovshchiny sovetsskoy vlasti v Azerbaydzhanе [On the establishment of prizes for outstanding works in the field of science, inventions, art and literature in commemoration of the upcoming 25th anniversary of Soviet power in Azerbaijan]. GAAR. F. 411. Op. 8. D. 171. (In Russ.)

Ofitsial'nyy otdel [Official department]. Nauchnyy rabotnik. 1929. N 2. Pp. 118–122. (In Russ.)

Pismo predsdatelya Prezidiuma AzFAN SSSR G.Guseynova zam. Predsdatelya SNK Azerb. SSR A.M.Azizbekovu (Baku, 4 iyulya 1944 g.) [Letter from the Chairman of the Presidium of AzFAN USSR G. Guseinov, Deputy. Chairman of the Council of People's Commissars of Azerbaijan. SSR to A.M. Azizbekov (Baku, July 4, 1944)]. GAAR. F. 411. Op. 8. D. 171. (In Russ.)

Postanovleniye Kollegii Narkomprosa «O vvedenii platy za ucheniye v vuze» N 36 ot 12 sentyabrya 1922 g. [Resolution of the Board of People's Commissariat of Education «On the introduction of fees for studying at a university» N 36 of September 12, 1922]. GAAR. F. 57. Op. 1. D. 235. (In Russ.)

Postanovleniye Soveta Narodnykh Komissarov Azerbaydzhanskoys SSR «O zhlischnykh pravakh nauchnykh rabotnikov, a takzhe sovetsskikh pisateley i sovetsskikh kompozitorov» N 75 ot 29 yanvarya 1934 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR «On the housing rights of scientists, as well as Soviet writers and Soviet composers» N 75 of January 29, 1934]. GAAR. F. 411. Op. 28. D. 362. (In Russ.)

Postanovleniye Soveta Narodnykh Komissarov Azerbaydzhanskoys SSR «O sozdaniy Komiteta sodeystviya uchenym» N 721 ot 17 maya 1932 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR «On the creation of the Committee for Assistance to Scientists» of May 17, 1932]. GAAR. F. 411. Op. 28. D. 347. (In Russ.)

Postanovleniye Soveta Narodnykh Komissarov Azerbaydzhanskoys SSR «Ob otpuske sredstv Komitetu sodeystviya uchenym pri SNK ASSR» N 555 ot 17 maya 1933 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR «On the release of funds to the Committee for Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the ASSR» of May 17]. GAAR. F. 411. Op. 28. D. 356. (In Russ.)

Postanovleniye Soveta Narodnykh Komissarov Azerbaydzhanskoys SSR «Ob utverzhdenii Polozheniya o Komissii sodeystviya uchenym pri SNK ASSR» N 187 ot 3 marta 1934 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR «On approval of the Regulations on the Commission for Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the ASSR» of March 3, 1934]. GAAR. F. 411. Op. 28. D. 362. (In Russ.)

Prikaz Narodnogo Komissariata torgovli Soyuzs SSR «O poryadke snabzheniya prodovol'stvennymi tovarami deyately nauki, iskusstva i literatury» (Moskva: 2 iyulya 1943 g.) [Order of the People's Commissariat of Trade of the USSR «On the procedure for supplying workers of science, art and literature with food products» (Moscow: July 2, 1943)]. GAAR. F. 411. Op. 28. D. 162. (In Russ.)

Prikaz Narodnogo Komissariata torgovli Soyuzs SSR «Ob uporyadotochenii snabzheniya rabotnikov nauki, iskusstva i literatury» N 170 (Moskva: 9 marta 1942 g.) [Order of the People's Commissariat of Trade of the USSR «On streamlining the supply of workers in science, art and literature» N 170 (Moscow: March 9, 1942)]. GAAR. F. 411. Op. 28. D. 164. (In Russ.)

Protokol zasedaniya Prezidiuma Obshestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana ot 26 avgusta 1928 g. [Minutes of the meeting of the Presidium of the Society for Survey and Study of Azerbaijan dated August 26, 1928]. GAAR. F. 389. Op. 1. D. 6. (In Russ.)

Proyekt postanovleniy Soveta Narodnykh Komissarov Azerbaydzhanskoy SSR «Ob organizatsii lechebnoy pomoshchi nauchnym rabotnikam ASSR» i «O likvidatsii AzKSU i dal'neyshikh meropriyatiyakh po uluchsheniyu material'no-bytovogo polozheniya nauchnykh rabotnikov ASSR» [Draft resolutions of the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR «On the organization of medical assistance to scientific workers of the ASSR» and «On the liquidation of the AzKSU and further measures to improve the material and living situation of scientific workers of the ASSR»]. GAAR. F. 57. Op. 1. D. 1104. (In Russ.)

Taytslin I.S. Pensionnoye obespecheniye nauchnykh rabotnikov za dva goda [Pension provision for scientific workers for two years]. Nauchnyy rabotnik [Scientific worker]. 1929. N 2. Pp. 66–67. (In Russ.)

V Sovet Narodnykh Komissarov Azerbaydzhanskoy SSR. Spisok vydayushchikhsya deyateley azerbaydzhanskogo naroda, ostanki koikh podlezhut pereneseniyu k mestu pochetnogo zakhroneniya [To the Council of People's Commissars of the Azerbaijan SSR. List of outstanding figures of the Azerbaijani people, whose remains are to be transferred to the place of honorable burial]. GAAR. F. 411. Op. 8, D.171. (In Russ.)

Zak L.M. Sozdaniye i deyatelnost VARNITSO v 1927–1932 godakh [Creation and activities of VARNITSO in 1927–1932]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1959. N 6. P. 94–107. (In Russ.)

А.В. Апанасенок

**ЧЛЕНЫ КПСС И ЦЕРКОВЬ: ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАКТИКИ
И «ПРИМИРЕНЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ» В ПАРТИЙНОЙ СРЕДЕ
ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

***Аннотация.** В статье обсуждаются вопросы, связанные с массовыми нарушениями членами КПСС требований партийного устава относительно борьбы с «религиозными пережитками» в позднем СССР. Основываясь на документах аппарата Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религий при Совете министров СССР, а также на результатах современных полевых исследований, автор анализирует проявления, масштабы, а также причины вовлеченности номинальных строителей коммунизма в православные практики. Особое внимание уделяется участию членов КПСС в обрядах православного крещения, которое, несмотря на осуждение партии, оставалось распространенным явлением. В работе показано, что предпосылками сохранения партийцами связей с православной культурой могли быть не только фактическое равнодушие к марксистско-ленинской идеологии или поиск основы для этнокультурной идентичности, но и практический синтез советских и православных ценностей на уровне индивидуального мировоззрения.*

***Ключевые слова:** православие; КПСС; Русская православная церковь; позднесоветский период; религиозные практики; коммунистическая идеология.*

Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: ABF-4944-2020

Scopus Author ID: 56607294300

Apanasenok A.V.

**Members of the CPSU and the Church: Orthodox practices and
“conciliatory views” in the party environment of the late Soviet period**

***Abstract.** The paper examines mass violations by members of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) concerning the party's charter requirements aimed at combating “religious remnants” in the late Soviet era. Drawing on documents from the staff of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the Council for Religious Affairs under*

the Council of Ministers of the USSR, as well as findings from contemporary field research, the author analyzes the manifestations, scope, and underlying reasons for the involvement of nominal communists in Orthodox practices. Particular attention is given to the participation of CPSU members in Orthodox baptism rites, which, despite party condemnation, remained a widespread phenomenon. The study reveals that the persistence of party members' ties to Orthodox culture was driven not only by indifference to Marxist-Leninist ideology or the search for a foundation for ethnocultural identity but also by a practical synthesis of Soviet and Orthodox values at the individual level of worldview.

Keywords: *Orthodoxy; CPSU; Russian Orthodox Church; Late Soviet period; religious practices; communist ideology.*

Apanasenok Alexander Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: ABF-4944-2020

Scopus Author ID: 56607294300

В 2020 г. в России обсуждались поправки в текст действующей Конституции. Среди предложений, вызвавших серьезные общественные дискуссии, было упоминание в главном государственном документе Бога¹. Одним из поддержавших эту идею политических «тяжеловесов» оказался лидер КПрФ Геннадий Зюганов, заявивший, что образ Творца «соответствует основным ценностям нашей державы» [Бог в Конституции 2020]. Его позиция, вызвавшая шквал критики со стороны леворадикальных политиков, действительно выглядела необычно, однако – только в глазах малоискушенных в партийной повестке наблюдателей. В действительности «почвеннический» идейный сдвиг в среде российских коммунистов стал заметен довольно давно. Начиная с 1990-х годов члены КПрФ не раз называли ошибкой пропаганду атеизма в СССР. В партийной прессе нередко можно было встретить поздравления верующих с Рождеством или Пасхой, а также заявления о необходимости совместного отстаивания традиционных ценностей русской (либо российской) цивилизации. Сам Г. Зюганов в 2012 г. утверждал, что взгляды возглавляемой им партии и РПЦ по поводу «будущего человека, всей земной цивилизации в решающей степени совпадают» и обещал употребить «все влияние партии для защиты доброго имени и авторитета» незаслуженно оскорбляемых священнослужителей [«Интерфакс» о заявлении 2012]. Это и другие подобного

1. В ныне действующей редакции Конституции Российской Федерации это упоминание присутствует в ст. 67: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

рода заявления находили понимание со стороны Русской православной церкви, о чем свидетельствует, например, награждение лидера КПРФ орденом «Славы и чести» в 2014 г. [Патриарх Кирилл вручил 2014].

Уважительное отношение к традиционной конфессиональной культуре, которое подчеркивают современные коммунисты, а также та легкость, с которой многие представители других общественно-политических сил – выходцы из советской номенклатуры – в постсоветский период пришли к позиции «сочувствующих» православию или даже воцерковлению, заставляет задаться эвристически значимым вопросом. Было ли сообщество членов коммунистической партии позднего СССР в основной своей массе так далеко от религиозных (православных) ценностей, как это традиционно декларировалось? Или же непримиримое отношение коммунистов к религии зачастую выступало скорее теоретическим постулатом, нежели практической нормой?

Обсуждению этого вопроса посвящена данная статья. Вполне осознавая его сложность, автор не пытается сразу прийти к каким-либо однозначным выводам (даже если таковые возможны, то для них требуется гораздо больше фактологического материала), стремясь, прежде всего, вызвать тематическую научную дискуссию. Анализ имеющейся литературы свидетельствует об отсутствии серьезных исследований по теме влияния православия на широкие слои КПСС, хотя логика развития историографии подталкивает к их появлению. Так, в солидных трудах по новейшей истории Русской православной церкви, подготовленных Д.В. Поспеловским, М.И. Одинцовым, М.В. Шкаровским, периодически находятся упоминания о коммунистах, участвовавших в православных обрядах [Поспеловский 1995; Одинцов 2002; Шкаровский 2010]. Можно встретить в современной литературе и попытки обосновать роль православия как опосредованной аксиологической или культовой основы советского строя [Тендит 2011; Чернов 2016]. Наконец, принципиально важны для исследования указанной проблемы работы, посвященные формированию у верующих граждан СССР двойной «советско-православной» идентичности и указывающие на точки практического соприкосновения теоретически несовместимых культур [Шлихта 2012; Воробьева 2019; Лизгунов 2021; Советская идентичность 2022]. Наличие такого рода публикаций дает надежду на корректировку сложившейся в академическом мейнстриме традиции безапелляционного противопоставления конфессиональной культуры и советского образа жизни, а также научное осмысление широкого спектра вызревших в недрах КПСС вариантов отношения к православию.

В данной статье затронуты вопросы о проявлениях и масштабах приобщенности членов КПСС к православным традициям в позднем СССР, а также об идейных основаниях лояльного отношения к православной культуре со стороны определенной части номинальных строителей коммунизма. В последнем случае мотивы сохранения православных традиций рассматриваются как с по-

зиций, выражавшихся партийцами в 1960–1970-е годы, так и с точек зрения, высказывавшихся бывшими членами партии в постсоветское время. В ходе работы автор опирался на материалы аппарата Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и Совета по делам религий (СДР) при Совете министров СССР², документы КПСС, а также результаты собственных исследований в формате устной истории 2021–2022 гг.

Коммунисты и православные обряды

В апреле 1972 г. председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов выступал с докладом на одном из расширенных совещаний СДР. С точки зрения атеиста доклад не выглядел оптимистичным – в основном в нем говорилось о серьезных проблемах, вставших на пути ограничения влияния религии на массы. В начале Куроедов заострил внимание на случае, имевшем место в г. Орехово-Зуево в том же году. Здесь двое членов КПСС, муж и жена, прожившие в браке пятнадцать лет, решили обвенчаться в церкви. Когда поступок коммунистки-жены стал обсуждаться на партийном собрании, она с возмущением заявила: «Помилуйте, я никакого вреда партии не сделала. Я хожу на партийные собрания, плачу членские взносы. А обвенчаться в церкви я мечтала с первых дней нашего брака. И была счастлива, когда, наконец, муж согласился» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976. Л. 43].

Был ли описанный случай исключительным? Возможно, если иметь в виду ту открытость, с которой партийцы пошли под венец, а также возмущенный ответ обвинителям вместо робких оправданий. Если же говорить о самом факте участия в православном обряде тех, кому полагалось быть атеистами, то редкостью его назвать было трудно: к 1972 г. таких примеров накопилось огромное количество. Уже с 1940-х годов в православных храмах страны периодически можно было встретить членов компартии, приобщавшихся к конфессиональной культуре по личным убеждениям или под давлением родственников. Серьезное влияние на таких людей оказал «сталинский конкордат» с РПЦ и последующий «новый курс» в государственно-церковных отношениях, связанные с некоторой либерализацией отношения к верующим. Как отметила Е. Зубкова, после 1943 г. среди определенной части членов ВКП (б) и ВЛКСМ распространилось мнение, что «теперь можно коммунистам ходить в церковь, молиться Богу, крестить детей и венчаться» [Зубкова 1999, с. 107]. Это подтверждают донесения региональных уполномоченных созданного тогда же Совета по делам Русской православной церкви, в 1944–1946 гг. постоянно указывавших на не-

2. Совет по делам РПЦ был образован в 1943 г., Совет по делам религий в 1965 г. в результате объединения Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов.

обычайный религиозный подъем, охвативший большое количество граждан и, в том числе, некоторых партийцев [см., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. ДД. 30, 63]. Чаще всего современниками отмечались факты участия коммунистов в обряде крещения, скрыть которые было труднее, чем другие конфессиональные практики (и которые порой сопровождались приемами гостей и застольем). Один из представителей СД РПЦ в 1946 г. писал по этому поводу: «повсюду, в городах и селах, новорожденных крестят, чем не гнушаются и некоторые коммунисты» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 8]. Конечно, если участие коммунистов в обряде крещения предавалось огласке, следовали санкции, порой – исключение из партии. Так, по данным М.В. Шкаровского, за такие действия в 1946–1947 гг. в одной только Воронежской области партбилеты потеряли 40 человек, в Калининской – 56, в Горьковской – 35 и т. д. [Шкаровский 2010, с. 345]. Впрочем, исключения из ВКП (б) (с 1952 г. – КПСС) ее членов, а также «воспитательная работа» с комсомольцами не очень помогали. «Детей крестят всех родившихся», – писал в 1949 г. курский представитель СД РПЦ, ссылаясь на беседы с земляками [ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3. Л. 55]. А в 1954 г. тот же функционер, объясняя в очередном докладе причины стойкости конфессиональных традиций в глубинке, вынужден был сослаться на фактическое единство мнений относительно важности православных ритуалов среде партийных и беспартийных и процитировать местного благочинного: «люди по традиции веруют... верующих много и в церковь ходят много. Но если в церковь ходят и не все, то обряды-то исполняют все, в том числе и коммунисты» [ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 147].

Важным подтверждением того обстоятельства, что в общественном сознании православные традиции и коммунистическая идеология отнюдь не всегда противопоставлялись, явилось стремление граждан приурочивать обряды крещения к важнейшим советским памятным датам – 7 ноября, 1 и 9 мая. Из-за большого наплыва желающих организовать таинство в праздничные дни в советских городах в послевоенные десятилетия часто практиковались коллективные крещения, однако даже в таком формате священники не всегда успевали [Советская идентичность 2022, с. 239]. Разумеется, большинство участников соответствующих обрядов не имело отношения к КПСС, однако сам факт повышенной нагрузки на священников в «коммунистические» праздники говорил о социальном запросе на практическое соединение теоретически несоединимого.

На борьбу с такими явлениями (в том числе в партийной среде), как известно, была направлена «большая» хрущевская антирелигиозная кампания 1958–1964 гг. Во время этой кампании XXII съездом КПСС был утвержден устав партии, где во втором параграфе раздела «Члены партии, их обязанности и права» подтверждалось, что коммунист обязан вести решительную борьбу с «религиозными предрассудками и другими пережитками прошло-

го» [Устав 1961, с. 13]. Однако, судя по данным конца шестидесятых – начала семидесятых годов, долгосрочного эффекта хрущевская активизация на атеистическом фронте не дала. Начало брежневского периода ознаменовалось очередным всплеском интереса к конфессиональной культуре в СССР [Шкаровский 2010, с. 385–388], затронувшим и партийцев. В 1969 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС проверил по ряду областей, краев и республик, насколько ответственно коммунисты выполняют требования Устава партии. Комментируя итоги этой проверки, уже упомянутый В. А. Куроедов три года спустя говорил: «Вскрыто было немало фактов, когда коммунисты сами пользовались услугами церкви. Вопрос был тогда поставлен остро, но тем не менее и сейчас некоторые коммунисты крестят своих детей, держат в доме иконы ... подрывая тем самым престиж коммуниста» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976. Л. 44].

Действительно, и во второй половине 1960-х, и в 1970-е годы годовые аналитические сводки Совета по делам религий неизменно включали в себя большое количество примеров участия коммунистов в таинстве православного крещения (в документах приводится статистика по разным регионам, в каждом случае «пойманные» исчисляются десятками). Например, в информационном отчете за 1967 г. среди крестивших детей коммунистов Пензенской области названы заведующие библиотеками, руководители клубов, инженеры научно-исследовательского института и т. д. Только в самой Пензе в число «не оправдавших доверия» членов КПСС вошли 27 инженерно-технических работников, шесть сотрудников вузов, учитель, врач, старший зоотехник и шесть работников милиции. В отдельно взятом Дарницком районе Киева в 1965–1967 гг. было зафиксировано 82 случая крещения детей коммунистами, в число которых вошел секретарь местной партийной организации, преподаватель школы рабочей молодежи и т. д. [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 106–107].

Тенденции к уменьшению количества таких эпизодов не просматривалось. В 1974 г. СДР констатировал, что в СССР по-прежнему «многочисленны случаи, когда родители, совершающие крещения над детьми, являются интеллигентными людьми с высшим образованием, коммунистами и комсомольцами» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 105]. Обратившись к 1442 случаям крещений, легально (!) совершенных в 1974 г. в Красноярском крае, местные уполномоченные выявили 30 родителей – членов КПСС. В Тульской области в ходе выборочной проверки были обнаружены случаи участия в обряде крещения 13 коммунистов, в Брянской – 16. Также в аналитическом обзоре СДР представлены многочисленные примеры участия в христианском таинстве секретарей парторганизаций, депутатов райсоветов, «партийных» инженеров, агрономов, учителей, сотрудников УВД из других регионов. Из приводимых фактов видно, что в некоторых случаях детей крестили в семьях, где коммунистами были

оба родителя. Например, в Марийской АССР были «уличены» заведующий кафедрой Марийского политехнического института и его супруга-инженер, председатель исполкома сельсовета и его жена-учительница [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 106–107].

Разумеется, приводимые СДР цифры не выглядят слишком большими. Однако необходимо иметь в виду, что Совет видел лишь «верхушку айсберга»: случаи крещения детей коммунистами, которые становились известны партийным инстанциям, были результатами неудачного (для их участников) стечения обстоятельств. Подавляющее большинство таких обрядов оказывались таинствами не только в религиозном, но и практическом смысле, так как обычно тщательно конспирировались. Впрочем, в материалах СДР имеются и описания довольно вызывающего, с точки зрения партии, поведения ее представителей. Например, в одной из аналитических справок представлен рассказ о том, как в 1966 г. в совхозе рядом с Минском своих детей крестили сразу четверо членов КПСС. В качестве одной из крестных была приглашена пятая коммунистка, руководившая местной птицефабрикой. Когда казначей при храме указал будущей восприемнице, что ей как «партийной» не очень удобно быть записанной в книгу для учета совершаемых крещений, коммунистка дерзко ответила: «Записывайте и в книгу, я не боюсь» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 108]. В той же справке можно обнаружить указания на ряд случаев, когда руководители хозяйственных организаций (как правило, коммунисты) не просто закрывали глаза, а даже оказывали содействие в организации крещений детей, освобождая граждан от работы на время крестин или даже выделяя автотранспорт для поездки к храму.

К началу 1970-х годов проповедникам атеизма стало ясно, что добиться однозначно негативного отношения к православным практикам со стороны тех, кто определял идейный климат в стране, не удалось. Одним из доказательств здесь стало исследование ленинградских социологов, которое они провели в 1971 г. среди большой группы интеллигенции. Было опрошено 1000 писателей, журналистов, музыкантов, артистов, врачей, учителей, среди которых традиционно имелось много членов КПСС (впрочем, в данном случае количество таковых не указывалось). Им было предложено высказать свое отношение к фактам крещения детей. Большая часть опрошенных (529 человека) отказались осудить акт крещения даже в том случае, если за таинством обращается называющий себя неверующим человек [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976. Л. 46].

Конечно, участие в обряде крещения само по себе не доказывает искренней веры или погруженности в православную культуру. Однако, эта практика исключает последовательный атеизм (который требовался от членов КПСС), а также свидетельствует о желании соблюсти важнейшую христианскую традицию. Впрочем, стремление символически приобщить к православию детей

было не единственным свидетельством идейного синкретизма членов КПСС и кандидатов на вступление в партию. Например, в аналитической справке СДР за 1967 г. можно найти характерную цитату из речи сельского священника из Калининской области относительно отношения коммунистов к религии и Богу. Простодушно недоумевая по поводу отказа властей от открытия церквей при каждом сельсовете, он жаловался: «Разве не нашлось бы для этого числа верующих? Ведь сами коммунисты тайком выполняют религиозные обряды, не выбрасывают из своих домов иконы» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 10]. Судя по данным эпизодических исследований с грифами «для служебного пользования», этот батюшка не так уж преувеличивал: иконы в домах коммунистов (особенно сельских) не были редкостью. Например, во время предпринятого в 1971 г. обхода жилищ членов КПСС в Севском районе Брянской области выяснилось, что православные образы имеются в половине посещенных общественными инспекторами домов [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638. Л. 166]. В других районах той же области также было зафиксировано немало «вопиющих» случаев отсутствия должного атеистического настроения даже у членов партии, призванных вести идеологическую работу с населением. Например, иконостасы были обнаружены на квартире заведующей учебной частью Глуховской школы (по иронии судьбы, возглавлявшей местную лекторскую группу), а также у заведующего местным сельским клубом. Примерно такую же картину дало и обследование домов коммунистов в Брянской области (теперь уже на территории Почепского района), проведенное три года спустя [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 107]. Для партийных функционеров, отвечавших за борьбу с «пережитками», все более очевидной становилась невозможность справиться с ними даже в собственных рядах, оставалось лишь выражать озабоченность. Впрочем, слабость к православным обрядам могли проявить даже сотрудники того же Совета по делам религий. Например, когда заместителя председателя СДР И. Бражника на семинаре по атеистической работе спросили, должен ли член КПСС выполнять последнюю волю религиозного отца или матери, пожелавших, чтобы их похоронили согласно церковным правилам, советский функционер ответил: «Я думаю, что должен» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 34. Д. 130. Л. 58]. Судя по всему, этот ответ отразил распространенное в советском социуме убеждение, что религиозный традиционализм старшего поколения, а также терпимость к нему (в силу необходимого уважения к прожившим жизнь людям) – вещь естественная. В. Смолкин в своей монографии приводит еще более яркий пример: в 1974 г. стало известно, что сотрудник того же СДР из Москвы организовал отпевание своего умершего отца, причем на отпевании присутствовало еще несколько членов Совета [Смолкин 2021, с. 447]. Как видно, в частной жизни представители атеистически ориентированной правительственной организации вполне могли стать на мировоззренческие позиции, которые ими осуждались в рабочее время.

Национальная идентичность, «Моральный кодекс строителя коммунизма» и евангельские заповеди: в поисках точек соприкосновения

Почему же заметная часть членов КПСС отказывалась рвать нити (более или менее заметные), соединявшие их с традиционной конфессиональной культурой? Разумеется, общего ответа здесь нет, причины для несоблюдения пресловутого «второго параграфа» разнились. Первая (довольно очевидная и наиболее распространенная) была связана с отсутствием у большинства партийцев стойких марксистско-ленинских убеждений. В послевоенный (и тем более позднесоветский) период коммунистическая партия перестала быть сообществом избранных, превратившись в многомиллионную организацию: уже к 1961 г. численность ее членов достигла 10 млн [Материалы XXII съезда 1961, с. 4]. Вступление в партию рассматривалось как условие повышения социального статуса, карьерного роста, самореализации. Такое положение дел приводило к тому, что членами КПСС порой становились конфессионально-ориентированные люди, скептически настроенные к господствующей идеологии и считавшие важным помнить традиции. Среди них были как представители творческой интеллигенции (можно вспомнить таких известных людей, как Л. Леонов, С. Михалков, И. Козловский, бывших членами КПСС, но в частной жизни не скрывавших теплого отношения к православной культуре), так и влиятельные функционеры. Например, А.С. Ципко – сотрудник ЦК ВЛКСМ в конце 1960-х годов, в воспоминаниях так характеризовал своих коллег: «они не были ни марксистами, ни атеистами, ни ленинцами. Им, как и мне, было жаль той России, которую разрушили большевики. Все они симпатизировали православию» [цит. по: Митрохин 2003, с. 350].

Другая причина интереса к православным традициям и вытекающим из этого интереса практикам была связана с патриотическим (а порой и националистическим) настроем, характерным для определенных кругов в номенклатуре и номинально партийной интеллигенции. Представители так называемой «русской партии», а также сочувствующие им видели в православии важную составляющую этнонациональной идентичности. Группируясь вокруг отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИиК), литературных кружков, неформальных краеведческих обществ, такие люди искали в православном наследии спасение от «интернационального вакуума». Им периодически предъявлялись обвинения в «заигрывании с боженькой» [Dunlop 1985, p. 24], однако изжить желание познакомиться с религиозными традициями, демонстрируемое некоторыми членами КПСС, не представлялось возможным³.

3. Известный своими националистическими взглядами член КПСС, писатель И. Шевцов вспоминал о многочисленных встречах с руководителем Церковно-археологического кабинета

Равнодушие к марксистско-ленинскому учению (либо разочарование в нем), рост почвеннических настроений в 1960–1970-е годы – довольно естественные факторы, стимулировавшие интерес общества (в том числе и некоторых партийцев) к традиционной конфессиональной культуре. Однако была еще одна, довольно парадоксальная на первый взгляд, причина спокойного или даже благожелательного отношения определенной части коммунистов к тому, что партия называла «пережитками». Речь идет о фактическом сближении советской и официально-церковной культур на уровне дискурсивных практик в послевоенный период. На особенностях этого сближения следует остановиться подробнее, для начала обратившись к показательному эпизоду из воспоминаний известного ученого-обществоведа Ф. Бурлацкого, в 1960-е годы принимавшего участие в подготовке важных партийных документов. В этом эпизоде говорится о том, как однажды группа советских интеллектуалов из аппарата ЦК во время пребывания на одной из подмосковных дач получила срочный запрос на подготовку «Морального кодекса строителя коммунизма». Как пишет Бурлацкий, «мы стали фантазировать. Один говорит «мир», другой – «свобода», третий – «солидарность» ... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов. Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошёл на «ура»» [Федор Бурлацкий 2007, с. 4].

Создание «Морального кодекса строителя коммунизма» на основе библейских заповедей стало частным случаем процесса невольного аксиологического приближения КПСС к ценностям христианства в рамках выработки в 1960–1970-е годы концепции «социалистического образа жизни» [Смолкин 2021, с. 409–410]. Несмотря на формальный антагонизм по отношению к религии, эта концепция (подкрепленная сотнями публикаций и активно пропагандируемая в позднем СССР) предлагала приоритет нравственного начала над материальными благами, скромность, взаимоуважение, почтительность к старшим, духовно-насыщенный творческий труд, разумное ограничение потребления,

та Троице-Сергиевой Лавры протоиереем А. Остаповым, а также интересе к православию со стороны других партийцев так: «Наши встречи стали частыми и регулярными. Я встречался с ним едва ли не каждую неделю, теперь уже со своими приятелями, которые желали побывать в лавре и осмотреть музей Духовной академии. Вместе со мной побывали в лавре писатели Иван Акулов, Игорь Кобзев, Сергей Викулов, Геннадий Серебряков, Валентин Сорокин, артисты Алексей Иванов, Алексей Пирогов, Анатолий Полетаев, художник Павел Судakov, скульптор Борис Едунов, маршалы авиации Иван Пстыго и Николай Скоморохов, генералы Василий Петренко, Александр Копытин, Василий Рябов, партийные и государственные деятели, в том числе и министр связи Николай Талызин – будущий зампредсовмина и кандидат в члены Политбюро» [Шевцов 2000, с. 591–592].

патриотизм, т.е. то, что традиционно проповедовали представители Русской православной церкви.

С другой стороны, сама Церковь в послевоенный период демонстрировала все больше сочувствия идеям коммунистического строительства и советскому образу жизни (исключая, естественно, атеизм). Возрожденный в годы войны «Журнал Московской Патриархии» регулярно публиковал статьи о поддержке социальных и политических начинаний советской власти, выступал с воззваниями в духе советского патриотизма [Лизгунов 2021]. Просоветская риторика звучала в выступлениях православных иерархов. Например, в знаменитом послании патриарха Алексия православным прихожанам в честь 50-летия Октябрьской социалистической революции (1967 г.), с одной стороны, отмечалась выдающаяся роль Октября в отечественной истории, а с другой – позитивная оценка достижений революции верующими. В документе говорилось и о том, что Октябрьская революция предопределила «начинания, созвучные евангельским идеалам» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 6].

И в 1960-е, и в 1970-е годы священники на местах в проповедях часто проводили мысль о созвучии коммунистических идеалов евангельским нормам [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 40; Д. 965. Л. 177–194; Д. 1305. Л. 112–114 и т. д.]. Явное противоречие между коммунистической идеологией и христианством при этом преодолевалось «диалектически». Так, в одной из проповедей 1967 г., прочитанной в г. Кизляр, прихожане слышали, что «религия и материалистическое мировоззрение могут сосуществовать. Религия и коммунизм будут жить вечно и бесконечно, хотя они и несовместимы, как вечны и несовместимы огонь и вода, но полезны и необходимы для людей» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 18]. Нередко клирики брали на себя роль тех, кто указывает гражданам на социальные и экономические достижения советской власти. Они строили свои речи в соответствии со сформировавшимся к позднесоветскому периоду церковным дискурсом [Апанасенок 2022, с. 167–171] и в то же время старались соответствовать ожиданиям своих прихожан, нуждавшихся в синтезе «православного» и «советского». Потребность в таком синтезе, судя по утверждениям СДР, была повсеместной, выразившись в популярности «просоветских» батюшек [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 113].

Охарактеризованная позиция Церкви, сформировавшаяся в послевоенные десятилетия и выражавшая ее политическую (отчасти – идеологическую) лояльность советскому строю, явно снижала градус напряженности между сторонниками строительства «нового мира» и верующими. Последствия усвоения гражданами соответствующей риторики порой имели парадоксальные житейские проявления. Например, в одном из партийных докладов, озвученных во время хрущевской антирелигиозной кампании, отмечалось, что в домах верующих нередко можно встретить мирно соседствующие молитвенник и Программу компартии [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 145]. А в 1963 г.,

Л.Ф. Ильичев, выступавший на собрании возглавляемой им идеологической комиссии при ЦК КПСС, заявил, что в СССР, где церковь перестала считаться реакционной политической силой, верующие не видят противоречия между православными практиками и преданностью стране. Более того, многие, указывал функционер, считают коммунизм воплощением христианских идеалов [РГАНИ. Ф. 72. Оп.1. Д. 9. Л. 21–23]. Среди материалов Института научного атеизма (ИНА), относящихся к концу 1960-х годов, можно найти немало доказательств соединения православно ориентированными гражданами идей и символов двух формально несочетаемых культур, в том числе факты о странном, но популярном сравнении Иисуса Христа с В. Лениным [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 69].

Конечно, отождествление евангельских и советских ценностей представлялось правильным отнюдь не всем. Однако нельзя отрицать того факта, что идея о значительном совпадении «земных» целей возглавляемого КПСС государства и Церкви получила значительное распространение в общественном сознании. Она создавала предпосылки для примирения «советской» и «православной» идентичностей у граждан СССР, включая некоторых членов коммунистической партии. Об этом свидетельствуют не только источники позднесоветского периода, но и данные современных опросов.

Проблема сочетания православных и советских ценностей в зеркале мнений бывших членов КПСС

В 2021–2022 гг. автором этой статьи было организовано специальное анкетирование, направленное на выявление отношения православно-ориентированных граждан старшего возраста к советским ценностям (проводилось на территории Курской, Орловской и Белгородской областей России). Условием участия в опросе была вовлеченность опрашиваемых в приходскую жизнь в позднесоветский период (хотя бы символическая), а также на современном этапе (к заполнению анкет приглашались люди, периодически или регулярно посещающие православный храм). В 2021 г. респондентам было предложено заполнить анкету на тему «Православные традиции в СССР», среди прочего включавшую вопрос о допустимости совмещения веры в Бога и в наступление коммунизма (такую анкету заполнили 144 человека от 52 до 88 лет). В следующем году был проведен анкетный опрос по теме «Влияние православных традиций на уклад жизни граждан СССР в позднесоветский период», в ходе которого был задан вопрос о соответствии реалий советской жизни православным ценностям (этот опрос прошли 58 человек от 48 до 82 лет) [Подробнее см.: Советская идентичность, 2022, с. 17–19]. Из 202 респондентов, заполнивших анкеты в течение двух лет, 18 – сделали пометку о том, что в советское время состояли в КПСС (11 – в 2021 г., 7 – в 2022 г.). 16 бывших членов пар-

тии, судя по анкетам, были крещены в детстве, двое – в 1980-е годы. Их ответы (как, впрочем, и результаты анкетирования в целом) дают интересную пищу для размышлений о том, как могли сочетаться православные и советские (коммунистические) ценности в мировоззрении представителей «руководящей и направляющей силы» СССР.

Принципиально важным фактом, который пришлось констатировать по итогам двухлетних полевых исследований, стало нежелание большинства опрошенных явно противопоставлять советскую и православную культуры. Так, в 2021 г. на вопрос о принципиальной возможности сочетать веру в Бога и в наступление коммунизма более-менее утвердительно ответили 76 (53%) опрошенных. В случае с бывшими членами КПСС большинство оказалось внушительнее: положительный ответ дали восемь из 11. В основном, он был основан на мнении об общности центральных советских и православных ценностей. Характерная цитата из анкеты: «Что у советской власти, что в Церкви: не укради, помоги ближнему. Одни и те же заповеди» [Архив проекта 2021, Валентина Васильевна П.]. В ответах сквозит убежденность в том, что идея коммунизма является в значительной мере христианской или же дополняет заповеди Иисуса Христа. «Изучите Закон Божий, изучите «Кодекс чести молодого строителя коммунизма», и если найдете разницу, то вы не поймете, к чему призывает Спаситель Христос», – ответил интеллигентный мужчина, бывший сотрудник газораспределительного предприятия [там же, С.К. Толмачев]. «В том, что мы одновременно верили в Бога и коммунизм, я считаю, ничего страшного не было... У Бога мы выполняли заповеди, а у коммунизма – моральный кодекс строителя коммунизма, а одно дополняло другое», – практически повторил советский офицер, член КПСС с 1976 г. [там же, Юрий П. И.]. Можно найти в ответах и тезис о разном «качестве» христианских и коммунистических идеалов, которое дает возможность сочетать их. Первые – выше, вторые – ниже, но они способны дополнять друг друга. «Можно. Наступление коммунизма – это лучше жить. Это качество жизни... Бог – это вечность. А коммунизм может быть, а может не быть», – отметил советский инженер-коммунист, самостоятельно пришедший к православию в начале 1980-х годов [там же, Ю.М. Бубнов].

На вопрос «Можно ли считать, что советский уклад жизни в чем-то воплощал православные ценности?» в 2022 г. утвердительно ответило подавляющее большинство опрошенных – 84%. В случае с бывшими членами КПСС ситуация оказалась аналогичной – лишь одна пожилая женщина, выпускница института марксизма-ленинизма, разочаровавшаяся в коммунистических идеалах в 1980-е годы и ныне работающая в храме, написала твердое «нет!» [Архив проекта 2022, Н.Я. Надеина]. Поясняя свою позицию, большинство (и бывшие партийцы, и беспартийные) попыталось обосновать соответствие православным ценностям тех черт, которые стремилась сфор-

мировать в советских гражданах ведомая КПСС власть. «Да! Так как нравственные нормы поведения в советском обществе являлись, в первую очередь, православными нормами» [Архив проекта 2022, Л.П. Стародубцева], «Провозглашаемые на государственном уровне ценности соответствовали библейским заповедям» [там же, С.А. Кононова] – характерные выдержки из анкет. Респонденты опять же вспомнили «Моральный кодекс строителя коммунизма» как отражающий традиционные конфессиональные ценности, пропаганду в СССР «нравственных» книг, умеренность в потреблении, осуждение половой распущенности и т. д. Двое бывших членов КПСС (и еще девять других респондентов) указали, что советский строй и православную культуру роднит общая норма уважения к пожилым людям (типичные примеры из ответов: советская власть учила уважать родителей, заботиться о них в старости, уступать место старшим в общественном транспорте, пионеры привлекались для помощи пенсионерам и т. д.). Присущая позднесоветской культуре ценность уважительного отношения к старшим была связана некоторыми опрошенными с тем влиянием, которое пожилые родственники оказывали на отношение семьи к вопросам религии. Например, как написала выпускница историко-педагогического факультета, в прошлом член КПСС, а ныне глава паломнической службы: «если верит в Бога твоя бабушка – это твоя семья, твоя бабушка, следовательно, над этим нельзя смеяться» [там же, С.В. Пискарева]. «Советский уклад жизни воплощал православные ценности. В них никогда не изменяли и не теряли своего значения основные понятия: Добро, зло, Долг, Любовь, Семья, Отечество, Национальная культура ... Нас приучали к заботе о пожилых и юных членах семьи, к верности, отказу от эгоистического поведения, к уважению разных культур, к солидарности и объединению в тяжелых ситуациях ... В 1960–1980-е годы не пропадало благородство, гостеприимство, доброта, умение повседневные заботы и личные проблемы осмысливать и подчинять духовным идеалам» – еще одна развернутая цитата из анкеты пожилой женщины с партийным прошлым, отказавшейся противопоставить православные ценности и идеалы лучших строителей коммунизма [Архив проекта 2022, Л.В. Ефремова].

Разумеется, охарактеризованные результаты опросов 2021–2022 гг. не позволяют делать однозначные выводы о преобладающей мотивации коммунистов, не порывавших связей с традиционной конфессиональной культурой в позднесоветский период (для этого, по крайней мере, нужно было бы провести специальное исследование, ориентированное исключительно на бывших партийцев и охватившее гораздо большее их количество). Однако они дают возможность констатировать распространение в позднем СССР стремления к «примирению» советских и православных идеалов, охватившее и некоторых членов атеистически ориентированной партии.

Итак, многочисленные факты указывают на то, что православные практики в среде членов КПСС не были редкостью в позднесоветский период. Распространившееся в советском обществе в условиях «сталинского поворота» к Церкви представление о возможности сочетания советской и христианской идентичности затронуло и определенную часть партийной среды. Несмотря на попытки очистить последнюю от «пережитков», активизировавшиеся во время антирелигиозных кампаний, количество приобщенных к православной культуре коммунистов оставалось внушительным, а возможно и росло. Разумеется, необходимость скрывать эту приобщенность в доперестроечных условиях не дает сегодня возможности оперировать статистическими данными кроме тех, что касались «пойманных» и наказанных. Однако даже они убеждают: КПСС как субъект идеологии и как сообщество живых людей сильно отличались. Многочисленные заявления современников, зафиксированные Советом по делам религий в 1960–1970-е годы (включая ламентации руководителей этой структуры), а также более поздние воспоминания свидетельствуют, что крещение новорожденных и хранение «бабушкиных» икон было «обычным делом» даже для членов партии.

Причины сохранения связей с православием части партийцев в позднем СССР разнообразны. Очевидно, что для многих, воспринимавших свое членство в КПСС сугубо инструментально, решающим фактором оставалось профессионально-ориентированное семейное воспитание. Кроме того, в условиях роста национально-патриотических и почвеннических настроений в брежневский период православие все чаще становилось основой для этнонациональной идентификации. Наконец, есть довольно много фактов, указывающих на то, что некоторые коммунисты вполне искренне считали возможным сочетание предлагаемых партией идеалов «справедливого мира» и православного учения. Предпосылки для такого подхода создавала как просоветская риторика Русской православной церкви (включая указания на евангельскую основу «Морального кодекса строителя коммунизма»), так и пропаганда самой КПСС традиционных ценностей в рамках концепции «социалистического образа жизни». Опросы пожилых православно ориентированных россиян, включая бывших партийцев, показывают, что синтез культур, теоретически неприемлемый как для партии, так и для Церкви, нередко все-таки происходил на уровне индивидуального мировоззрения советских граждан.

Библиография

Апанасенок А.В. «Коммунистическая» трансформация и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи позднего СССР // Контуры глобальных трансформаций. 2022. Т. 15, № 5. С. 163–184.

Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг.» Курск, Региональный от-

крытый социальный институт. Грант Российского фонда фундаментальных исследований на 2021–2022 гг.

Бог в Конституции. Коммунисты пошли по стопам Сталина? // Царьград ТВ: офиц. сайт. 2020. 12 февр. URL: https://tsargrad.tv/articles/bog-v-konstitucii-kommunisty-poshli-po-stopam-stalina_238456 (дата обращения: 10.09.2024 г.)

Воробьева Н.В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 962–963.

ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3.

ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 147.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп.5. Д. 152.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801э

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп.5. Д. 1305.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.

«Интерфакс» о заявлении Г.А. Зюганова в связи с агрессией против РПЦ // КПрФ: оф. сайт. 2012. 21 июня. URL: <https://kprf.ru/rusk/108477.html> (дата обращения: 11.09.2024 г.)

Лизгунов П.О. Публикации свт. Луки (Войно-Ясенецкого) и проблема идентичности верующих советских граждан // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 159–189.

Лизгунов П.О. «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940-е – 1980-е гг. // Церковный историк. 2021. № 2 (6). С. 147–157.

Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.

Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.

Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.

Патриарх Кирилл вручил лидеру КПрФ Г.А. Зюганову орден Русской Православной Церкви «Славы и Чести» III степени // КПрФ: оф. сайт. 2014. 12 сентября. URL: <https://kprf.ru/photoreports/251.html> (дата обращения: 11.09.2024 г.)

Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 33. Д. 215.

РГАНИ. Ф. 72. Оп.1. Д. 9.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1. Оп. 34. Д. 130.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.

Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.: коллективная монография / под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. 321 с.

Тендит К.Н. Православная и советская культуры: точки сопряжения культовых традиций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 166–175.

Устав Коммунистической партии Советского Союза: Утв. XXII съездом КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 31 с.

Фёдор Бурлацкий: «Судьба дала мне шанс». Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р.А. Звягельского с известным политологом, учёным и писателем Ф.М. Бурлацким // Российский адвокат. 2007. №5. С. 4–9.

Чернов А.В. Русское православие как социокультурная основа коммунизма // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова: Общественные науки. 2016, № 1. С. 79–82.

Шевцов И. Тля. Соколы. М.: Голос, 2000. 638 с.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 478 с.

Шлихта Н.В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012. № 23. С. 82–107.

John B. Dunlop. The new Russian nationalism. Praeger, ABC-CLIO, LLC, 1985. 106 p.

References

Apanasenok A.V. «Kommunisticheskaya» transformatsiya i fenomen sovetskogo patriotizma v srede pravoslavnykh veruyushchikh epohi pozdnego SSSR [The «Communist» Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR]. Kontury global'nykh transformatsiy [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022. Vol. 15. N 5. P. 163–184. (In Russ.)

Arkhiv proekta «Sovetskaia identichnost' i problemy religioznosti: pra-vo-slavnye praktiki v povsednevnoi zhizni grazhdan SSSR v 1940–1980-e gg.» Kursk, Regional'nyi otkrytyi sotsial'nyi institut. Grant Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy na 2021–2022 gg. [Archive of the project «Soviet identity and problems of religion: Orthodox practices in the daily life of citizens of the USSR in the 1940s – 1980s.» Kursk, Regional Open Social Institute. Grant of the Russian Foundation for Basic Research for 2021–2022].

Bog v Konstitutsii. Kommunisty poshli po stopam Stalina? [God is in the Constitution. Did the Communists follow in Stalin's footsteps?]. Tsargrad TV: ofits. website. 2020. February 12. URL: https://tsargrad.tv/articles/bog-v-konstitutsii-kommunisty-poshli-po-stopam-stalina_238456 (date of access: 09.10.2024). (In Russ.)

Chernov A.V. Russkoe pravoslavie kak sociokul'turnaya osnova kommunizma [Russian Orthodoxy as the socio-cultural basis of communism]. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Xetagurova: Obshchestvenny'e nauki [Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University: Social Sciences]. 2016. N 1. P. 79–82. (In Russ.)

«Interfaks» o zayavlenii G.A. Zyuganova v svyazi s agressiej protiv RPTC [Interfax on the statement of G.A. Zyuganov in connection with the aggression against the Russian Orthodox Church]. KPRF: official website. 2012. June 21. URL: <https://kprf.ru/rusk/108477.html> (date of access: 09.11.2024). (In Russ.)

Fyodor Burlatsky: «Sud'ba dala mne shans». Beseda glavnogo redaktora zhurnala «Rossijskij advokat» R.A. Zvyagel'skogo s izvestny'm politologom, uchyony'm i pisatelem F.M. Burlaczkim [Fyodor Burlatsky: «Fate gave me a chance». A conversation between the editor-in-chief of the Russian Lawyer magazine R.A. Zvyagelsky and the famous political scientist, scientist and writer F.M. Burlatsky]. A Rossijskij advokat. [Russian lawyer]. 2007. N 5. P. 4–9. (In Russ.)

GA KR [State Archive of the Kursk Region]. F. 5027. Inv. 5. Case 3. (In Russ.)

GA KR F. 5027. Inv. 13. Case 147. (In Russ.)

GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991. Inv. 5. Case 152. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 1305. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 638. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 801. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 976. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 6. Case 154. (In Russ.)

John B. Dunlop. The new Russian nationalism. Praeger, ABC-CLIO, LLC, 1985. 106 p.

Lizgunov P.O. «Zhurnal Moskovskoj Patriarii» kak instrument «primireniya» pravoslavnogo i sovetskogo samosoznaniya u veruyushchih SSSR v 1940-e – 1980-e gg. [The Journal of the Moscow Patriarchate as an instrument of «reconciliation» of Orthodox and Soviet identity among believers of the USSR in the 1940s – 1980s.]. TCerkovnyj istorik. [Church Historian]. 2021. N 2 (6). P. 147–157. (In Russ.)

Lizgunov P.O. Publikacii svt. Luki (Vojno-Yaseneckogo) i problema identichnosti veruyushchih sovetskikh grazhdan [Publications of snt. Luke (Voino-Yasensky) and the problem of the identity of believers of Soviet citizens]. Bogoslovskij vestnik [The Theological Bulletin]. 2021, N 4 (43). P. 159–189. (In Russ.)

Materialy XXII s'ezda KPSS [Materials of the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 464 p. (In Russ.)

Mitrohin N. Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh nacionalistov v SSSR. 1953–1985 gody [Russian Russian Party: The Movement of Russian Nationalists in the USSR. 1953–1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 624 p. (In Russ.)

Odintsov M.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. Moscow: TSINO, 2002. 310 p. (In Russ.)

Patriarx Kirill vruchil lideru KPRF G.A. Zyuganovu orden Russkoj Pravoslavnoj TCerkvi «Slavy i Chesti» III stepeni [Patriarch Kirill presented the leader of the Communist Party of the Russian Federation G.A. Zyuganov with the Order of the Russian Orthodox Church «Glory and Honor» of the III degree]. KPRF: official website. 2014. September 12. URL: <https://kprf.ru/photoreports/251.html> (date of access: 11.09.2024) (In Russ.)

Pospelovskij D.V. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika, 1995. 511 p. (In Russ.)

RGANI (The Russian State Archive of Modern History). F. 5. Inv. 3. Case 215. (In Russ.)

RGANI F. 72. Inv. 1. Case 9. (In Russ.)

RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). F. M-1. Inv. 34. Case. 130. (In Russ.)

Shevtsov I. Tlya. Sokoly' [Aphid. Sokoly]. Moscow: Golos, 2000. 638 p. (In Russ.)

Shkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Veche, 2010. 478 p. (In Russ.)

Shlihta N.V. «Pravoslavnyj» i «sovetskij»: k voprosu ob identichnosti veruyushchih sovetskikh grazhdan (1940-e – nachalo 1970-h gg.) [«Orthodox» and «Soviet»: on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s – early 1970s)]. Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]. 2012. № 23. (In Russ.)

Smolkin V. Sviato mesto pusto ne byvaet: istoriia sovetskogo ateizma [A sacred space is never empty. A history of Soviet atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 552 p. (In Russ.)

Sovetskaya identichnost' i problemy religioznosti: pravoslavny'e praktiki v povsednevnoj zhizni grazhdan SSSR v 1940-e – 1980-e gg.: kollektivnaya monografiya [Soviet Identity and Problems of Religiosity: Orthodox Practices in the daily life of Soviet Citizens in the 1940s – 1980s: a collective monograph] / Ed. by A.V. Apanasenok. Kursk: ROSI, 2022. 321 p. (In Russ.)

Tendit K.N. Pravoslavnaya i sovetskaya kul'tury': tochki sopryazheniya kul'tovy'x tradicii [Orthodox and Soviet cultures: points of convergence of cult traditions]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki

[Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov: Diploma, 2011. N 4 (10): in 3 parts. III. P. 166–175. (In Russ.)

Ustav Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz: Utv. XXII s'ezda KPSS [The Charter of the Communist Party of the Soviet Union: Approved by the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 31 p. (In Russ.)

Vorob'eva N.V. Konstruirovaniye «sovetskoy» identichnosti v avtobiografiyah omskih arhiereev [Constructing the «Soviet» Identity in the Autobiographies of Omsk Bishops]. Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ej Vserossiyskoj nauchnoj konferencii [Omsk Scientific Readings-2019. Materials of the Third All-Russian Scientific Conference]. Omsk, 2019. P. 962–963 (In Russ.)

Zubkova E.Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 230 p. (In Russ.)

Р.С. Асташкин

**МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО КАК ТРАНЗИТНАЯ ЗОНА
ЕВРОПЕЙСКО-АЗИАТСКОЙ ТОРГОВЛИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI века
(К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ ПЕРСИИ)**

***Аннотация.** Автор анализирует уникальный исторический опыт использования территории Московского царства в качестве транзитной зоны европейско-азиатской торговли в третьей четверти XVI в. В частности, купцы английской Московской компании, пользуясь благожелательным отношением к ним царя Ивана IV Васильевича, организовали несколько экспедиций в Персию по Великому Волжскому пути и Каспийскому морю. Данные события рассматриваются в контексте глобальной проблематики «русского транзита», связанной с местом России XVI в. в процессе экспансии европейцев на Восток. Представители Запада в эпоху раннего Нового времени проявляли стремление наладить контакты с азиатскими странами транзитом через территорию Московского царства. Одним из наименее изученных аспектов этой темы нужно признать вопрос о практической реакции восточных государств на транзитные проекты европейцев. В статье предпринята попытка оценить позицию Персидского государства Сефевидов по поводу развития торговых связей с Англией по Волжско-Каспийскому маршруту. На основе анализа исторических источников и специальной литературы, включая зарубежную историографию, сделан вывод, что шахи и их администрации в целом не испытывали стратегического интереса к перспективам межконтинентальной торговли по русскому транзитному «коридору». Магистральные пути персидского экспорта в рассматриваемый период проходили через владения турецкого султана в Анатолии и Леванте. В связи с этим персидская сторона, скорее всего, отводила Волжско-Каспийскому маршруту не более чем вспомогательную роль. В эпицентре английской активности на персидских рынках обычно находилась не Персия как таковая, а фактически самостоятельное Ширванское ханство. С другой стороны, шахская казна со временем все-таки вошла в круг контрагентов Московской компании. Восточные правители не только соглашались даровать англичанам торговые привилегии, но и лично собирали сведения о вновь открывшихся путях, соединявших Россию с Западной Европой.*

Ключевые слова: история международной торговли; «русский транзит»; английская Московская компания; Великий Волжский путь; Персия; Сефевиды; Московское царство; Англия.

Асташкин Руслан Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории науки, Приволжский государственный университет путей сообщения. Россия, Самара.

E-mail: biblio.min@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8435-3318

Astashkin R.S.

**Tsardom of Moscow as a Transit Zone of the European-Asian Trade
in the third quarter of the XVI century
(on the Question of Persia's Position)**

***Abstract.** The author analyzes the unique historical experience of utilizing the territory of the Muscovy State as a transit hub for European-Asian trade during the third quarter of the 16th century. Notably, merchants of the English Muscovy Company, benefiting from the favor of Ivan IV, organized several expeditions to Persia along the Great Volga Route and the Caspian Sea. These events are examined within the broader context of the global issue of "Russian transit", which concerns the role of Russia in facilitating European expansion to the East. During the early modern era, Western representatives demonstrated a keen interest in establishing contacts with Asian countries through Russian territories. One of the least-explored aspects of this topic is the practical reaction of Eastern states to European transit projects. This article attempts to assess the position of the Persian Safavid state regarding the development of trade relations with England along the Volga-Caspian route. Drawing on historical sources and specialized literature, including foreign historiography, the study concludes that the Safavid shahs and their administrations generally lacked strategic interest in the prospects of intercontinental trade through the Russian transit "corridor." During the period under consideration, the primary routes for Persian exports passed through the domains of the Ottoman Sultan in Anatolia and the Levant. Consequently, it is likely that the Persian side viewed the Volga-Caspian route as merely a supplementary channel. Moreover, the focal point of English activity in Persian markets was not Persia itself, but the semi-independent Khanate of Shirvan. Nevertheless, the Shah's treasury eventually joined the network of counteragents collaborating with the Muscovy Company. Eastern rulers not only agreed to grant trade privileges to the English but also personally sought information about newly established routes connecting Russia with Western Europe.*

***Keywords:** history of international trade; "Russian transit"; Muscovy Company; the Great Volga Route; Persia; Safavid dynasty; the Muscovy State; England.*

Astashkin Ruslan Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and History of Science, Volga State Transport University. Russia, Samara.

E-mail: biblio.min@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8435-3318

В XVI–XVII вв. политические, торговые и клерикальные элиты Европы, желая завязать более прочные связи с Востоком, стремились получить доступ к транзитным маршрутам, проходившим по территории Московского царства. Тема «русского транзита» не только получила отражение в западной публицистике, но и стала важным фактором развития русско-европейских отношений [Асташкин 2019, с. 7]. Ранее в историографии почти не освещался вопрос о реакции стран Азии на указанные притязания европейцев. Изучение данного аспекта, однако, позволило бы точнее и полнее оценить место России в мировой торговле и геополитике XVI в.

В настоящей статье предпринята попытка выявить позицию Персидской державы Сефевидов по поводу транзитной деятельности английской Московской компании. Как известно, в период правления царя Ивана IV Васильевича (1533–1584 гг.) английские купцы пользовались массой льгот на русском рынке. Более того, до определенного момента им позволялось торговать с Персией по Великому Волжскому пути (в 1562–1581 гг. было совершено шесть экспедиций). Роль персидского правительства в этом сюжете, как правило, остается на периферии внимания исследователей. Подчеркнем, что нас интересует исключительно официальная линия персидских властей и прежде всего шаха Тахмаспа I (1524–1576). Хронологические рамки исследования обусловлены тем фактом, что деловая активность англичан на транзитном Волжско-Каспийском маршруте пришлось именно на третью четверть XVI в. Ранее нами уже освещался вопрос о позиции Персии по теме «русского транзита» в конце того же столетия [там же].

Для российской исторической науки характерно мнение о безусловной заинтересованности державы Сефевидов в налаживании экономических связей с Западом именно транзитом через Россию, т. е. по Каспийскому морю, территории Северного Кавказа и реке Волга. Так, в работе Н.А. Магомедова и Ш.А. Магарамова утверждается, что торговля по «более безопасному Волжско-Каспийскому торговому пути, связывавшему Средний Восток с Западной Европой», представляла для Персии «крупнейший интерес» [Магомедов, Магарамов 2015, с. 6]. Авторы указывают, что данный маршрут являлся «более удобным» и «более дешевым, чем... пути через Персидский залив и Средиземное море» [там же]. Ш.А. Магарамов, следуя данным источников, воспроизвел среднюю оценку издержек на перевозку товаров по Каспийскому морю до Астрахани, сопоставив эти суммы со сведениями о коммуникациях, соединявших внутренние регионы Персии с южными морями. Вывод исследователя вновь свелся к тезису о заметном преимуществе северного варианта [Магарамов 2017, с. 65]. Заметим, что южная морская торговля с европейцами стала актуальной для Сефевидов только ко второй четверти XVII в., так как до 1622 г. коммерцию в Персидском заливе контролировали португальцы. Более показательным было бы сравнение с наиболее стабиль-

ным вектором персидского экспорта – через владения Османской империи – Анатолию и порты Леванта.

В работе Г.М. Сеидовой приводится довод, что везти персидский шелк по Волге было удобнее, поскольку в Турции торговцы подвергались «неимоверным поборам и частым грабежам» [Сеидова 2004, с. 72]. В.А. Кулаков также обращает внимание на перипетии персидско-турецких войн (начиная с 1578–1590 гг.), которые якобы привели «к полному прекращению торговли Персии с Европой» [Кулаков 2016, с. 60]. В этих условиях единственным выходом для шахов, по мнению историка, был «путь через Каспий и Русское государство» [там же]. К данной историографической традиции примыкает и общепринятое построение, согласно которому шах Аббас I (1587–1629) желал переориентировать направления вывоза шелка на Запад, отведя их от земель турецкого султана. В качестве альтернативы хотя бы теоретически мог рассматриваться Волжско-Каспийский транзит [Асташкин 2021, с. 66].

В отличие от российской историографии в зарубежной литературе идея о пристальном интересе Персии к торговому транзиту по Волге отнюдь не находит поддержки. Нидерландский иранист В.М. Флоор признавал, что наличие Волжско-Каспийского варианта давало Сефевидам некий «рычаг» в давлении на турок. Однако здесь, по нашему мнению, следует говорить скорее о дипломатии, а не о внешней торговле. Исследователь подчеркивал, что в экономическом смысле транзитный маршрут, проходивший через Московское царство, так и не приобрел значимости для персидской стороны [Floor 1993]. По оценке азербайджанского историка П.Г. Дарабади в этот сравнительно ранний период все еще происходил процесс «реанимации и освоения» Волжско-Каспийского пути [Дарабади 2009, с. 163]. Армянские историки указывают, что как минимум в XVII в. «русский» транзит, будучи слишком небезопасным, являлся не более чем «страховочной» опцией на случай, если экспорт через Турцию мог приостановиться из-за чрезвычайных обстоятельств (войн, восстаний, эпидемий) [Margaryan, Kostikyan, Tovmasyan 2021, p. 853].

Для проверки точки зрения В.М. Флоора и его единомышленников, представляющейся нам более убедительной, мы обратились к отчетам агентов, посещавших Персию по заданию Московской компании.

Первопроходцем стал А. Дженкинсон, который 2 ноября 1562 г. прибыл в шахскую столицу Казбин, чтобы выхлопотать торговые привилегии для своих нанимателей. Тахмасп I и его двор, однако, отнеслись к чужеземцу холодно. Сам англичанин объяснил провал своей миссии происками турецких купцов. Подданные султана якобы испугались, что приезд английского эмиссара «очень расстроит их торговлю» [Сжатое и краткое описание путешествия господина Антония Дженкинсона... 1937, с. 208]. Если верить англичанину, шах под давлением турок даже вознамерился арестовать его и выслать в Стамбул в качестве «подарка» [там же, с. 211]. От этой участи А. Дженкинсона спасло

заступничество новоявленного покровителя Московской компании – ширванского хана Абдаллы Устаджлу [Сжатое и краткое описание путешествия господина Антония Дженкинсона... 1937, с. 211].

Хотя рассказ А. Дженкинсона может показаться несколько фантастическим, ссылка на условный «турецкий фактор» выглядит вполне резонной. По общему мнению, сам факт оформления Волжско-Каспийского маршрута после завоевания Россией территории Поволжья «угрожал доходам Османской империи, получаемым ею с транзитных товаров, перевозимых через турецкую территорию из Ирана в районе Средиземного моря» [Дарабади 2009, с. 156]. При этом внешнеполитические акции турецких властей (включая неудачный поход на Астрахань в 1569 г.) недвусмысленно указывали на желание установить собственный контроль над Волжско-Каспийским «коридором» [там же, с. 156, 158]. А. Дженкинсон в беседе с Абдаллой-ханом упоминал турок и венецианцев как главных конкурентов англичан, поскольку именно две средиземноморские державы – Османская империя и Венецианская республика – монополизировали персидско-европейский товарообмен [Сжатое и краткое описание путешествия господина Антония Дженкинсона... 1937, с. 207–208]. Мемуарист, вторя своему заступнику из Ширвана, сетовал на совпавшее с его визитом подписание «вечного мира» между шахом и султаном (якобы в те же дни в Казбине принимали турецкого посла) [там же, с. 207]. Соответственно, администрация Тахмаспа I отвергла предложения англичан, дабы не нарушать только что возникший союз [там же, с. 210]. По уверениям А. Дженкинсона, вплоть до последнего момента «не было никакой надежды на заключение мира; напротив, делались большие приготовления к войне», что скорее шло на пользу англичанам [там же, с. 208]. Хотя неясно, о каком посольстве идет речь в источнике, так как ближайший по времени персидско-турецкий договор был заключен в 1555 г., исследователи, анализируя стартовую неудачу англичан, единодушны во мнении, что шахский двор не видел необходимости в отказе от устоявшихся торговых путей, проходивших через Турцию и Левант [Магарамов 2017, с. 63; Асташкин 2023, с. 231]. Следует помнить, что после 1555 г. напряженность в персидско-турецких отношениях действительно сошла на нет. По крайней мере новая война началась лишь в 1578 г. В период между двумя открытыми конфликтами (т. е. в 1550–1560-х годах) Персия, очевидно, не желала заново ссориться с грозным соседом. Судя по косвенным данным, через два года после А. Дженкинсона другой английский агент – Т. Алкок – также потерпел фиаско в шахской столице [Второе путешествие в Персию... 1937, с. 216, 217; Третье путешествие в Персию... 1937, с. 222]. Итак, в первой половине 1560-х годов персидская сторона едва ли придавала большое значение торговле с Западом транзитом через русские земли. Контрагентом Московской компании в этот период был не шах, а вышеупомянутый Абдалла-хан. Именно этот фактически самостоятель-

ный владетель, выдав А. Дженкинсону собственную грамоту с привилегиями, помог англичанам закрепиться в Шемахе, откуда через каспийские гавани открывался путь в Астрахань [Сжатое и краткое описание путешествия господина Антония Дженкинсона... 1937, с. 211, 215; Асташкин 2023, с. 231]. По большому счету, вся эта торговля пока была не столько англо-персидской, сколько англо-ширванской. Ключевой объект интереса европейцев – шелк-сырец – являлся «визитной карточкой» Ширванского ханства, а столица ханства – Шемаха отныне превращалась в «биржу и место складирования в европейско-азиатской торговле по Волжско-Каспийскому пути» [Дарабади 2009, с. 161]. Смерть Абдаллы-хана в 1565 г. стала настоящим потрясением для его лондонских партнеров [Another letter of the said M. Arthur Edwards... 1903, p. 46].

Сдвиг в позиции Сефевидов произошел в 1566 г., когда Московская компания удостоилась права на свободный проезд и беспошлинный торг во владениях шаха. Этот прорыв стал возможен из-за настойчивости А. Эдвардса [Третье путешествие в Персию... 1937, с. 234; Another letter of Arthur Edwards... 1903, p. 64; Асташкин 2023, с. 232]. Новый английский эмиссар ссылаясь на помощь безымянных «честных купцов» и двоих вельмож – «Хаджи-Махмета» (один из ширванских знакомых А. Дженкинсона) и «Амеддин-бека» (будто бы брат одной из шахских жен) [Третье путешествие в Персию... 1937, с. 222, 223]. Другие «друзья» А. Эдвардса якобы входили в ближнюю свиту Тахмаспа I [там же, с. 231]. Английский гость получил «грамоту с привилегиями, снабженную печатью и скрепленную рукой самого шаха», 29 июня 1566 г. [там же, с. 228]. На предыдущей аудиенции (месяцем ранее) звучали вопросы о том, «в какой срок можно проехать из Англии в Россию, сколько недель длится путешествие от Колмогор (Холмогор. – *Р. А.*) до Астрахани», а также о городах, завоеванных русским царем (возможно, речь о Казани и Астрахани, а также о Нарве, которая с 1558 г. была новым центром русско-европейского обмена – несомненно, более предпочтительным, чем Холмогоры) [там же, с. 227]. Как видим, шах теперь питал живой интерес к теме «русского транзита». А. Эдвардс получил заверения, что шахская казна будет готова закупать товары, привозимые англичанами (главным образом ткани по списку, составленному Тахмаспом I), расплачиваясь деньгами и шелком [там же, с. 227, 229, 235–236]. Перемену в настроении восточного владыки можно объяснить конъюнктурными обстоятельствами. В тексте английского эмиссара есть не вполне понятный пассаж: «...турецкий посол в прошлом году привел его (шаха. – *Р. А.*), как мне передавали разные лица, в отчаяние, сказав, что великий Турок (султан. – *Р. А.*) не позволит провозить какое бы то ни было сукно в его страну» [там же, с. 228]. Если предположить, что связи между Персией и Европой посредством османского транзита действительно переживали определенную турбулентность, становится ясно, что Волжско-Каспийский путь мог приобрести в глазах Сефевидов временную привлекательность. Именно поэтому шах решил дать ход партнерству с англичанами.

Планы А. Дженкинсона и его преемников по захвату рынка шелка-сырца, однако, были все так же далеки от реализации. А. Эдвардс прямо настаивал на необходимости «войти в сделку с венецианцами и взять шелк в свои руки» [там же, с. 233]. При этом он признавал, что транзит персидских товаров через Турцию, отвечавший интересам Венецианской республики, оставался главной помехой для Московской компании [там же, с. 229–230]. Поскольку отсутствуют свидетельства об усилиях шахской администрации по масштабному переносу экспорта сырца в Московское царство, можно сделать вывод, что двор Тахмаспа I по-прежнему делал ставку на турецкий вектор. Заметим, что в этот же период, в отличие от более поздней эпохи, сырой шелк в Персии не был казенным товаром. Отдельные частные поставщики, как писал А. Эдвардс, собирались приобретать английские ткани в обмен на шелк, пряности [там же, с. 229, 236] и «другие товары, которые обычно продавали венецианцам и туркам» [там же, с. 236]. Весомость таких заявлений, равно как и вовлеченность персидской администрации в этот сюжет, остается под вопросом.

В 1568 г. привилегии Московской компании были подтверждены и дополнены благодаря усилиям А. Эдвардса и Л. Чэпмэна [Четвертое путешествие в Персию... 1937, с. 246–247; Notes concerning this fourth voyage into Persia... 1903, р. 146–147]. У Ш.А. Магарамова мы находим следующее утверждение: Тахмаспа I на этот раз якобы убедили, что будет «намного выгоднее и быстрее, если в Персию будут доставлены европейские сукна и другие товары через Волжско-Каспийский путь, чем через Турцию» [Магарамов 2017, с. 65]. Поскольку основной объем персидской торговли с Западом и после этого приходился на османское направление, данная оценка все-таки содержит явное преувеличение. Центром английской активности в государстве Сефевидов оставался отдаленный Ширван с его специфическими условиями. При этом А. Эдвардс действительно поведал шаху о выгоде получения западных товаров через «Московию» «с большей безопасностью и в более короткое время, чем могут привезти венецианцы, которые сначала везут их из Англии в Венецию, а оттуда в Персию, через Турцию» [Четвертое путешествие в Персию... 1937, с. 246]. Подчеркнем, что Л. Чэпмэн в своем письме изложил откровенно скептическое видение ситуации (в том числе насчет планов подорвать торговлю персидских армян с венецианцами) [там же, с. 241]. По прибытии в Казвин Л. Чэпмэн обнаружил, что ранее привезенные товары остались нераспроданными. Он писал, упрекая А. Эдвардса в незнании реального положения дел: «Но по слухам, шах никогда в своей жизни не покупал сукна для своей казны и не собирается этого начинать» [там же, с. 242]. Упоминается и злостное противодействие со стороны турецких торговцев, не желавших делиться рынком с конкурентами [там же, с. 241, 243]. Опуская детали заочного спора двух английских агентов, мы должны признать, что статус Московской компании в ее отношениях с Сефевидами в конце 1560-х годов был двойственным. На словах

шах, пусть и не сразу, пожелал сотрудничать с англичанами на льготных началах, причем персидская сторона охотно выслушивала аргументы в пользу «русского транзита». Сделки между компанией и шахской казной в конце концов стали реальной практикой, о чем говорит отчет Т. Бэннистера и Дж. Джекета [Пятое путешествие в Персию... 1937, с. 251–252]. Масштабы этой англо-персидской коммерции, однако, были весьма скромными, и о полной переориентации торговли Персии с Европой на Волжско-Каспийское направление не могло идти и речи.

Таким образом, в целом не следует переоценивать роль рассматриваемого торгового маршрута в мировой коммерции второй половины XVI в. По крайней мере, в третьей четверти XVI в. держава Сефевидов отнюдь не отдавала приоритет развитию торговых контактов с Западом транзитом через Московское царство, поэтому усилия английской Московской компании в этом отношении по большому счету оказались тщетными. Стратегической ставки на Волжско-Каспийский путь в Казбине, по-видимому, не делали, а значит, версия В.М. Флоора как минимум не беспочвенна. Скорее всего, персидские власти на этом этапе рассматривали транзит через территорию Московского царства как сугубо дополнительную, «боковую» опцию.

В заключение заметим, что полностью удалять английских купцов с персидского рынка никто, конечно же, не собирался. Вероятно, лондонцы сами пришли к выводу о нежелательности продолжения операций в менявшихся условиях (последняя их поездка в Ширван совпала с началом персидско-турецкой войны 1578–1590 гг., что, в свою очередь, означало переход шелкового рынка и Каспийского морского пути под власть Стамбула) [Дарабади 2009, с. 160; Асташкин 2022, с. 12–15].

Библиография

Асташкин Р.С. Волжско-Каспийский транзит как фактор внешней политики Персии в XVI–XVII вв. (к вопросу о периодизации) // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции. М.: Алеф, 2023. С. 230–238.

Асташкин Р.С. Волжско-Каспийский транзитный путь как фактор внешней политики шаха Аббаса I // Инновационно-инвестиционный фундамент развития экономики общества и государства: от научных разработок к практике: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2021. С. 64–68.

Асташкин Р.С. Прекращение английской торговли по Волжско-Каспийскому транзитному пути в контексте иранско-турецкой войны 1578–1590 гг. // Высокие технологии и инновации в науке: сборник избранных статей Международной научной конференции. СПб.: ГНИИ «Нац-развитие», 2022. С. 12–15.

Асташкин Р.С. Проблема «русского транзита» в европейской публицистике XVII в. (на примере «Записок о Московии» Де Ла Невилля) // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 6–13.

Второе путешествие в Персию, совершенное в 1563 г. Томасом Олкоком, который был там убит, Джорджем Ренном и Ричардом Чини, служащими досточтимой компании купцов, торгующих с Москвией, и описанное вышеуказанным Ричардом Чини // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Л.: [б. и.], 1937. С. 216–218.

Дарабади П. Прикаспийский и Волжско-Каспийский водные пути в геоистории эпохи Средневековья (V–XVII вв.) // *Кавказ и глобализация*. 2009. Т. 3, вып. 1. С. 145–163.

Кулаков В.А. Северные провинции Ирана в истории русского фронта в Прикаспии // *Журнал фронтирных исследований*. 2016. № 1. С. 57–66.

Магарамов Ш.А. Англичане на Каспийском море в XVI в. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 3. С. 62–66.

Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Роль Дербента в развитии русско-персидской торговли XVII в. // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2015. № 3 (43). С. 5–19.

Пятое путешествие в Персию, совершенное г. Томасом Бэнистером и г. Джеффри Джетом, агентами Московской компании, начатое выездом из Англии в 1568 г. и продолжавшееся до 1574 г. Записано П.И. со слов Лайонеля Плэмтри // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Л.: [б. и.], 1937. С. 250–262.

Сеидова Г.М. Азербайджан во взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку: Nurlan, 2004. 172 с.

Сжатое и краткое описание путешествия господина Антония Дженкинсона в Персидскую землю через Россию, Московию и Каспийское или Гирканское море, предпринятого для исполнения поручения достопочтенного общества купцов-предпринимателей для открытия земель, островов и т. д. // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Л.: [б. и.], 1937. С. 198–214.

Третье путешествие в Персию, начатое в 1565 г. Ричардом Джонсоном, Александром Китчином и Артуром Эдуардсом // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Л.: [б. и.], 1937. С. 219–238.

Четвертое путешествие в Персию, совершенное Артуром Эдуардсом, агентом, Джоном Спарком, Лоренсом Чэпмэном, Христофором Фоусэтом и Ричардом Пинглем в 1568 г., изложенное в настоящем письме, написанном из Казвина в Персии вышеуказанным Лоренсом Чэпмэном одному достопочтенному купцу, члену русской компании в Лондоне, 28 апреля 1569 г. // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Л.: [б. и.], 1937. С. 239–249.

Another letter of Arthur Edwards written in Astracan the 16. of June, 1567. at his returne in his first voyage out of Persia, to the right worshipfull companie trading into Russia, Persia, and other the North and Northeast partes // Hakluit R. *The Principal Navigations of the English Nation*. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. Vol. 3. P. 64–67.

Another letter of the said M. Arthur Edwards, written the 26 of April 1566 in Shamaki in Media, to the right worshipfull Sir Thomas Lodge Knight and Alderman: and in his absence to M. Thomas Nicols, Secretarie to the right worshipfull companie trading into Russia, Persia, and other the North and East partes, touching the successe of Richard Johnson in the third voyage into Persia // Hakluit R. *The Principal Navigations of the English Nation*. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. Vol. 3. P. 46–53.

Floor W.[M.] Commerce VI. In the Safavid and Qajar periods // *Encyclopaedia Iranica*. 1993. Vol. 6, Fasc. 1. P. 67–75. URL: <http://iranicaonline.org/articles/commerce-vi> (дата обращения: 13.02.2025).

Margaryan G.A., Kostikyan K.P., Tovmasyan A.A. Agulis on the Crossroads of International Trade through Caucasus in 17th–18th Centuries // *История, археология и этнография Кавказа*. 2021. Т. 17, № 4. С. 848–858. DOI: <https://doi.org/10.32653/CHi74848-858>.

Notes concerning this fourth voyage into Persia, begun in the moneth of July 1568. gathered by M. Richard Willes from the mouth of Master Arthur Edwards, which was Agent in the same // Hakluit R. *The Principal Navigations of the English Nation*. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. Vol. 3. P. 143–149.

References

Another letter of Arthur Edwards written in Astracan the 16 of June, 1567 at his returne in his first voyage out of Persia, to the right worshipfull companie trading into Russia, Persia, and other the North and Northeast partes. Hakluyt R. The Principal Navigations of the English Nation. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. Vol. 3. P. 64–67.

Another letter of the said M. Arthur Edwards, written the 26 of April 1566 in Shamaki in Media, to the right worshipful Sir Thomas Lodge Knight and Alderman: and in his absence to M. Thomas Nicols, Secretarie to the right worshipfull companie trading into Russia, Persia, and other the North and East partes, touching the successe of Richard Johnson in the third voyage into Persia. Hakluyt R. The Principal Navigations of the English Nation. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. Vol. 3. P. 46–53.

Astashkin R.S. Prekrashchenie angliiskoi trgovli po Volzhsko-Kaspiiskomu tranzitnomu puti v kontekste iransko-turetskoi voyny 1578–1590 gg. [The Closure of the English Trade on the Volga-Caspian Transit Route in the Context of the Iranian-Turkish War of 1578–1590]. Vysokie tekhnologii i innovatsii v nauke: sbornik izbrannykh statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [High Technologies and Innovations in Science: Collection of Chosen Articles of the International Scientific Conference]. St. Petersburg: GNII «Natsrazvitie», 2022. P. 12–15. (In Russ.)

Astashkin R.S. Problema «russkogo tranzita» v evropeiskoi publitsistike XVII v. (na primere «Zapisok o Moskovii» De La Nevillya) [The Problem of «The Russian Transit» in the European Thought of the XVIIth century (Using an Example of «The Notes about Muscovy» of De La Neuville)]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2019. N 1 (102). P. 6–13. (In Russ.)

Astashkin R.S. Volzhsko-Kaspiiskii tranzit kak faktor vneshnei politiki Persii v XVI–XVII vv. (k voprosu o periodizatsii) [The Volga-Caspian Transit as a Factor of Foreign Policy of Persia in the XVI–XVII centuries (on the Question of Periodization)]. Razvitie nauki i praktiki v global'no menyayushchemsya mire v usloviyakh riskov: sbornik materialov XXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Development of Science and Practice in a Globally Changing World under Risk Conditions: Collection of Materials of the XXIth International Scientific and Practical Conference]. Moscow: Alef, 2023. P. 230–238. (In Russ.)

Astashkin R.S. Volzhsko-Kaspiiskii tranzitnyi put' kak faktor vneshnei politiki shakha Abbasa I [The Volga-Caspian Transit Route as a Factor of Foreign Policy of Shah Abbas I]. Innovatsionno-investitsionnyi fundament razvitiya ekonomiki obshchestva i gosudarstva: ot nauchnykh razrabotok k praktike: sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Innovation and Investment Foundation for the Development of the Economy of Society and the State: from Scientific Developments to Practice: a Collection of Scientific Articles based on the Results of the International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGEU, 2021. P. 64–68. (In Russ.)

Chetvertoe puteshestvie v Persiyu, sovershennoe Arturom Eduardsom, agentom, Dzhonom Sparkom, Lorensom Chepmenom, Khristoforom Fousetom i Richardom Pinglem v 1568 g., izlozhennoe v nastoyashchem pis'me, napisannom iz Kazvina v Persii vysheskazannym Lorensom Chepmenom odnomu dostopochtennomu kuptsu, chlenu russkoi kompanii v Londone, 28 aprelya 1569 g. [The Fourth Voyage into Persia, made by Arthur Edwards, Agent, John Sparke, Laurence Chapman, Christopher Fawset and Richard Pingle in 1568, set forth in the Present Letter written from Qazvin in Persia by the aforesaid Laurence Chapman to one Honorable Merchant, a Member of the Russian Company in London, April 28, 1569]. Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Muscovite State in the XVIth century]. Leningrad: [s. n.], 1937. P. 239–249. (In Russ.)

Darabadi P. Prikaspiiskii i Volzhsko-Kaspiiskii vodnye puti v geoistorii epokhi Srednevekov'ya (V–XVII vv.) [Geohistory of the Middle Ages: the Caspian and Volga-Caspian Water Routes of the 5–17th centuries]. Kavkaz i globalizatsiya [The Caucasus and Globalization]. 2009. Vol. 3, Iss. 1. P. 145–163. (In Russ.)

Floor W.[M.] Commerce VI. In the Safavid and Qajar periods. Encyclopaedia Iranica. 1993. Vol. 6, Fasc. 1. P. 67–75. URL: <http://iranicaonline.org/articles/commerce-vi> (date of access: 13.02.2025).

Kulakov V.A. Severnye provintsii Irana v istorii russkogo frontira v Prikaspii [Northern Provinces of Iran in the History of Russian Frontier in the Caspian Region]. Zhurnal frontirnykh issledovaniy [Journal of Frontier Studies]. 2016. N 1. P. 57–66. (In Russ.)

Magaramov Sh.A. Anglichane na Kaspiiskom more v XVI v. [The British on the Caspian Sea in the XVIth century]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2017. N 3. P. 62–66. (In Russ.)

Magomedov N.A., Magaramov Sh.A. Rol' Derbenta v razvitiі russko-persidskoi torgovli XVII v. [The Role of Derbent in the Development of Russian-Persian Trade in the XVIIth century]. Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. 2015. N 3 (43). P. 5–19. (In Russ.)

Margaryan G.A., Kostikyan K.P., Tovmasyan A.A. Agulis on the Crossroads of International Trade through Caucasus in 17th-18th Centuries. Istoriya, arkhologiya i etnografiya Kavkaza [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus]. 2021. Vol. 17, N 4. P. 848–858.

Notes concerning this fourth voyage into Persia, begun in the moneth of July 1568 gathered by M. Richard Willes from the mouth of Master Arthur Edwards, which was Agent in the same. Hakluyt R. The Principal Navigations of the English Nation. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. Vol. 3. P. 143–149.

Pyatoe puteshestvie v Persiyu, sovershennoe g. Tomasom Benisterom i g. Dzheffri Deketom, agentami Moskovskoi kompanii, nachatoe vyezdom iz Anglii v 1568 g. i prodolzhasheesya do 1574 g. Zapisano P.I. so slov Laionelya Plemtri [The Fifth Voyage into Persia, made by Mr. Thomas Banister and Mr. Geoffrey Dackett, Agents of the Muscovy Company, commenced from England in 1568 and continued until 1574. Recorded by P.I. according to Layonel Plumtree]. Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Muscovite State in the XVIth Century]. Leningrad: [s. n.], 1937. P. 250–262. (In Russ.)

Seidova G.M. Azerbaidzhan vo vzaimootnosheniyakh Sefevidskoi imperii i Russkogo gosudarstva v XVII veke (po russkim istochnikam) [Azerbaijan in the Trade and Political Relations between the Safavid Empire and the Russian State in the XVIIth century (according to Russian Sources)]. Baku: Nurlan, 2004. 172 p. (In Russ.)

Szhatoe i kratkoe opisanie puteshestviya gospodina Antoniya Dzhenkinsona v Persidskuyu zemlyu cherez Rossiyu, Moskoviyu i Kaspiiskoe ili Girkanskoe more, predprinyatogo dlya ispolneniya porucheniya dostopochtennogo obshchestva kuptsov-predprinimatelei dlya otkrytiya zemel', ostrovov i t. d. [A Condensed and Brief Account of the Voyage of Mr. Anthony Jenkinson to the Persian Land, through Russia, Muscovy, and the Caspian or Hyrcanian Sea, undertaken to carry out the Commission of the Venerable Society of Merchant Entrepreneurs for the Discovery of Lands, Islands, etc.]. Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Muscovite State in the XVIth century]. Leningrad: [s. n.], 1937. P. 198–214. (In Russ.)

Tret'e puteshestvie v Persiyu, nachatoe v 1565 g. Richardom Dzhonsonom, Aleksandrom Kitchinom i Arturom Eduardsom [The Third Voyage into Persia, begun in 1565 by Richard Johnson, Alexander Kitchin and Arthur Edwards]. Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Muscovite State in the XVIth century]. Leningrad: [s. n.], 1937. P. 219–238. (In Russ.)

Vtoroe puteshestvie v Persiyu, sovershennoe v 1563 g. Tomasom Olkokom, kotoryi byl tam ubit, Dzhordzhem Rennom i Richardom Chini, sluzhashchimi dostochtimoі kompanii kuptsov, torguyshchikh s Moskoviei, i opisannoe vysheukazannym Richardom Chini [The Second Voyage into Persia, made in 1563 by Thomas Alcock, who was killed there, George Wrenn and Richard Cheeney, Servants of the Venerable Company of Merchants trading with Muscovy, and described by the above Richard Cheeney]. Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Muscovite State in the XVIth century]. Leningrad: [s. n.], 1937. P. 216–218. (In Russ.)

Чеджемов С.Р., Габалаев Г.В.

ПРОЕКТЫ ВЫХОДА ИЗ СМУТЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1917–1920 гг.

***Аннотация.** В статье анализируются проекты выхода из смуты в Северной Осетии в 1917–1920 гг. Актуальность данной работы объясняется востребованностью объективного анализа исторического прошлого народов нашей страны, ныне подвергающейся беспрецедентным социально-экономическим нападениям, в том числе и в вопросах ее истории. Необходимость идеологического противодействия стремлению фальсификации отечественной истории делает актуальными вопросы ретроспективного анализа государственно-правовых явлений времен перехода от монархических устоев к республиканскому строю.*

В эти годы современная Северная Осетия была частью Терской области, Южная Осетия в составе Тифлисской губернии. Обе входили в состав Российской империи. После отречения от престола Николая II в феврале 1917 г. последовали годы политической смуты как в центре, так и в регионах. На национальных окраинах страны возникло стремление определенных сил найти выход из состояния политической нестабильности и сформировать собственную модель государственного устройства.

Целью работы является анализ общественно-политического состояния общества в вышеуказанный промежуток времени. Это определило как авторское вовлечение и интерпретацию ранее не исследованных либо поверхностно исследованных источников и литературы по теме исследования, так и попытку сделать на их основе выводы и обобщения явлений периода Революции и Гражданской войны.

Авторы полагают, что в современных условиях необходимо уточнение ранее сделанных выводов о событиях 1917–1920 гг. на Северном Кавказе. С целью объективного анализа прошлого необходимо качественно новое прочтение многих мероприятий, таких как создание различных программ административного районирования и кодификации законодательства, его полного перевода из устного состояния в письменное. Уникальный по своей сути процесс правовой аккультурации населения Северного Кавказа после его вхождения в Российскую империю явился основой того, что народы этого края в условиях революционной смуты 1917–1920 гг. сумели разработать пути выхода из нее путем создания специальных государственных образований в составе страны. В этом большую роль сыграла советская администрация, в которой помимо местных кадров были представители различных национальностей страны. Продуктивным оказался лишь проект советских социалистических преобразований в составе России, а затем и СССР. Этому процессу во многом способствовала как имперская политика правовой аккультурации нерусских народов, так и политика советской культурной революции.

Ключевые слова: Россия; СССР; Северный Кавказ; Северная Осетия; осетины; казачество; советская власть; правовая аккультурация; Союз горцев Кавказа.

Чеджемов Сергей Русланович – кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор кафедры истории России; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, профессор кафедры российской истории.

Россия, Владикавказ.

E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Габалаев Георгий Владимирович – аспирант кафедры истории России, Государственный академический университет гуманитарных наук.

Россия, Москва.

E-mail: georgy.gabalaev@yandex.ru.

Chedzhemov S.R., Gabalaev G.V.

Projects for overcoming the time of troubles in North Ossetia in 1917–1920

***Abstract.** The progressive development of Russia as a great power is deeply rooted in its ability to conduct domestic policy while accounting for the historical and legal heritage of its diverse peoples. This article examines projects aimed at overcoming political turmoil in North Ossetia during the period of 1917–1920. The relevance of this study is determined by the growing need for an objective analysis of the historical past of Russia's peoples – an area currently subjected to unprecedented socio-economic and ideological pressures, including efforts to distort its history. The necessity for ideological resistance to historical falsification underscores the importance of a retrospective analysis of state and legal transformations during the transition from monarchical rule to a republican system.*

During the specified period, what is now modern North Ossetia was part of the Terek region, while South Ossetia belonged to the Tiflis province. Both territories were integral parts of the Russian Empire. Following the abdication of Nicholas II in February 1917, the empire entered a period of political upheaval, affecting both the central government and the regions. On the empire's periphery, various forces emerged, seeking solutions to political instability and attempting to form their own models of governance.

The purpose of this study is to analyze the socio-political state of society in North Ossetia during this transformative period. This objective necessitated the author's engagement with previously unexplored or superficially studied sources and literature on the subject, as well as an attempt to draw conclusions and generalizations regarding the phenomena observed during the revolutionary events and the Civil War.

The authors assert that contemporary circumstances require a reevaluation of prior conclusions about the events of 1917–1920 in the North Caucasus. An objective analysis of the past demands a qualitatively new interpretation of many historical facts. These events were formalized through various programs of administrative zoning and

the codification of regional legislation, culminating in the transition from oral to written legal practices. The process of legal acculturation initiated after the incorporation of these regions into the Russian Empire – unique in its nature – enabled the peoples of the North Caucasus to develop distinct pathways toward statehood during the revolutionary turbulence of 1917–1920.

The Soviet administration played a crucial role in this transformation, incorporating not only local leaders but also representatives of various nationalities from across the country. Among the various state-building projects, only the Soviet model of socialist transformation within the Russian Federation – and later the USSR – proved sustainable. This success was largely facilitated by the imperial policy of legal acculturation of non-Russian peoples, as well as the Soviet cultural revolution's policies.

Keywords: Russia; USSR; North Caucasus; North Ossetia; Ossetians; Cossacks; Soviet power; legal acculturation; Union of Mountain Peoples of the Caucasus.

Chedzhemov Sergey Ruslanovich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of Russia of State Academic University for the Humanities; North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, professor of the Department of Russian History. Russia, Vladikavkaz.

ORCID: 0000-0003-2260-3016.

E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Gabalaev Georgy Vladimirovich – postgraduate student of the Department of Russian History of State Academic University for the Humanities. Russia, Moscow.

E-mail: georgy.gabalaev@yandex.ru

Введение

Поступательное развитие России, как великой державы, обусловлено проведением внутренней политики с учетом историко-правового наследия ее народов. Глобальные вызовы современности вызвали решительные действия России на международной арене, целью которых является защита своего суверенитета и территориальной целостности, а также права народов бывшего СССР на мирную жизнь и безопасность. Актуальность данной работы объясняется востребованностью объективного анализа исторического прошлого народов нашей страны, необходимостью противодействия фальсификации отечественной истории, что делает актуальным вопрос ретроспективного анализа государственно-правовых явлений времен перехода от монархических устоев к республиканскому строю.

Обзор источников и литературы

Вопросы социально-политической истории народов юга современной России, в частности осетин, представлены в некоторых архивных хранилищах: Государственный архив Российской Федерации. Фонд департамента полиции д. 725, ч. 79, лл. 68–69. «Донесение начальника Терского областного жандармского управления»; Российский государственный исторический архив. Фонд 63 («Кавказское областное правление»); фонд 79 («Общее управление Кавказской области»); фонд 444 («Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области»); Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания – Алания: Ф. 233 («Комитет по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа»), Ф. 254 («Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев левого крыла Кавказской линии»), Ф. 256. («Комиссия по правам личным поземельным всех туземцев Терской области»).

Эти источники в советское уже вводились в научный оборот, в то же время они содержат сведения не только идеологической направленности и сегодня необходимо их беспристрастное прочтение вне рамок коммунистического мировоззрения.

В монографической литературе также представлены суждения по некоторым, смежным с проблемой нашего исследования вопросам. Так, отмечается, что и в формате Российской империи предлагалась идея объединения в виде некой федерации – В.Г. Гаджиев [Гаджиев 1965, с. 392], Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев [Киняпина, Блиев, Дегоев 1984, с. 320]. Ее образующим принципом указывалась идея союзничества, которая несколько варьировалась во временах в соответствии с международными условиями, в которых правительство страны разрабатывало как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Некоторые аспекты российских проектов модернизации и их последствия для народов Кавказа, и осетин в частности, в том числе в период революционных событий и советского национально-государственного строительства, становились предметом исследований Ю.И. Кониева [Кониев 1969, с. 82–86]; Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2017, с. 73–77], А.А. Магометова и В.Д. Дзидзоева [Магометов, Дзидзоев 1999, с. 6–27] и некоторых других.

Важные политические особенности попыток создания своей государственности у народов Северного Кавказа в послеимперскую эпоху удалось выявить профессору Р. Г. Гагкуеву [Гагкуев 2019, с. 196–210]. Монографическая попытка охарактеризовать государственность горских народов Северного Кавказа в этот же период принадлежит А.Х. Даудову и А.Х. Месхидзе [Даудов, Месхидзе 2009, с. 224], а тенденции национального сепаратизма в ходе строительства самостоятельных государств анализируются А.Г. Кажаровым [Кажаров 2018, с. 28–38].

Вместе с тем до сих пор отсутствует монографическое исследование, объектом которого стали бы государственно-правовые проекты выхода из смуты в Северной Осетии в 1917–1920 гг. Это обстоятельство определило проблему нашего исследования.

Основная часть

В дореволюционной России ее южные окраины представляли собой регион густонаселенный, где проживали представители почти всех наций и народностей государства. На Северном Кавказе проживали те народы, которые ныне представляют субъекты РФ в виде республик. В те времена они в своей социально-политической организации представляли собой т.н. «вольные общества». Это были современные абхазы, аварцы, адыги, балкарцы, ингуши, кабардинцы, калмыки, карачаевцы, кумыки, лезгины, осетины, чеченцы и некоторые другие. Военная политика, осуществляемая имперским правительством в крае, в целом была направлена на спасение народов от их физического истребления, что хорошо видно на примере вынужденных мер, предпринимаемых Россией в конце XVIII в. [Волхонский 2018, с. 15].

Осетины, а основная их часть проживала в Терской области, существовавшей в 1860–1920-х годах т.е. не только в царское время, но и в годы революционного лихолетья и установления советской власти на юге страны. Некоторая их часть – южные осетины – проживали на южных склонах Большого Кавказского хребта и некоторое время входили в состав Тифлисской губернии. И хотя для них Владикавказ, исходя из административно-территориального деления тех лет, не был административным центром, но Владикавказ был культурным центром единой по своему политическому состоянию, а не по географической расположенности, Осетии, как северной, так и южной, как западной, так и восточной.

Первоначально основанная в 1784 г. крепость именовалась «Владикавказом», в 1860 г., получила статус города. Помимо того, что на территории Терской области проживали горцы Кавказа, здесь проживали казаки – представители Терского и Кубанского казачьего войска, а также в Терскую область на протяжении всего XIX в. определялись на жительство ссыльные поселенцы.

В то время в сфере административного устройства России не было четкого территориального районирования, так же, как и единого законодательства в этой области. В 1859 г. для всех северо-кавказских народов российской администрацией была учреждена новая форма территориального устройства и управления – Терская область. Она включала шесть округов, их названия в алфавитном порядке: Аргунский, Владикавказский, Кабардинский, Ичкерийский, Кумыкский и Чеченский. В 1862 г., Терская область, оставаясь административной единицей России, была разделена на три военных отдела –

Восточный, Западный и Средний. В это же время продолжается процесс преобразования крепостей в города. Например, Пятигорск стал городом еще раньше, в 1830 г., когда образовался на месте так называемой Константиногорской крепости, в 1871 г. стал городом Нальчик и т. д. (ЦГАРСОА, л. 32).

Как справедливо отмечается в ряде исследований, «завершение к середине XIX столетия военно-политического противостояния на Северном Кавказе ознаменовало собой постепенный выход региона из того кризиса, который имел место в прошедшие десятилетия» [Клычников 2017, с. 73–77; Торкунов, Дегоев 2024, с. 524]. Терская область обрела своё «внутренне законодательство» в 1862 г., когда было утверждено Положение об управлении областью. К этому времени в ее состав входило восемь округов – Аргунский, Ингушский, Ичкерийский, Кабардинский, Кумыкский, Нагорный, Осетинский, Чеченский. Мы также перечисляем их не в хронологическом порядке по мере их учреждения, а в алфавитном. И это положение дел оставалось вплоть до революционных событий начала XX в.

В результате Февральской революции 1917 г. Россия «де-факто» перестала быть империей как союз земель и народов под властью императора и, к этому времени, «монархия утрачивает свои символы и сам акт отречения напоминает самоубийство государственности» [Исаев 2017, с. 29].

1 сентября 1917 г. Временное правительство бывшей Российской империи устанавливает в стране республиканскую форму правления, однако вопрос об административно-территориальном принципе построения государства решен не был. В программных документах общественных движений в то время высказывается идея об иной, чем при монархическом режиме форме государственного устройства – федерации, конфедерации и т. п. Вместе с тем наименования большинства областей страны оставались прежними.

Временное правительство провело кадровые перестановки в руководстве края. Начальник Терской области генерал С. Н. Флейшер был смещен и арестован. На эту должность был назначен полковник В. А. Михайлов. Были также смещены со своих постов все начальники округов. На вакантные места были назначены на правах комиссаров Временного правительства: «Хасавюртовского – князь Р. З. Капланов, Владикавказского – меньшевик-интернационалист С. А. Такоев, Назрановского – В. Г. Джабагиев, Нальчикского – дворянин А. А. Чижилов, Веденского – полковник А. В. Адуев и Грозненского – А. М. Мутушев» [Победа советов 1983, с. 34].

Однако эти мероприятия не упорядочили общественную жизнь в крае. На Северном Кавказе (в те годы Терской области) сложилась обстановка политического и правового хаоса. Временное правительство делегировало на Северный Кавказ своего специального комиссара, бывшего члена Государственной думы IV созыва и наказного атамана Терского казачьего войска М. А. Караулова, в те годы примкнувшего к партии кадетов. 5 марта 1917 г. он

прибыл в бывшую Терскую область и попытался организовать Войсковое правительство Терского казачьего войска, которое фактически должно было стать формой государственной власти в регионе и объединить власть Временного правительства и казачьего самоуправления.

Это обстоятельство вызвало решительный протест как Союза горцев Кавказа, так и совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Последний попытался привлечь казаков на свою сторону и, исходя из этого, учитывая специфику региона, в названии совета слово «крестьянских» было заменено на «казачьих».

В то же время активно действующий в крае Союз горцев Кавказа несколько отошел от ранее обозначенной исламской направленности своей деятельности и стал претендовать на право консолидировать власть всех жителей края различных национальностей и вероисповеданий, в том числе и казаков. 18–20 мая 1917 г. был избран состав исполкома этого органа власти. Его председателем стал крупный кабардинский фабрикант и хозяин ряда конеферм, известный юрист П.Т. Коцев. Заместителями председателя исполкома областного гражданского исполнительного комитета были избраны князь Т.К. Алхазов, уже упоминающийся М.А. Караулов и представитель партии правых эсеров, известный на Кавказе общественный деятель В.В. Ольшанский.

Тем временем мусульманская интеллигенция региона попыталась организовать свой орган власти. Союз объединенных горцев становится сугубо мусульманской формой организации государственной власти во главе с центральным временным комитетом, в состав которого вошли представители чеченского, ингушского и кумыкского народов Тапа Чермоев, Рашидхан Капланов, Васангирей Джабагиев и некоторые другие. Главным муфтием – руководителем духовного управления мусульман Северного Кавказа был избран известный мусульманский богослов Нажмуддин Гоцинский.

В отличие от других подобных органов власти, Союз горцев Кавказа уже после Октябрьской революции 1917 г. стал рассматриваться его руководством в качестве фигуранта внешней политики, были сделаны попытки добиться признания Лигой Наций, хотя никакой реальной государственностью Союз не обладал, а наличие конституции и иных атрибутов государственной власти носило чисто бутафорский характер.

II съезд народов Терека, состоявшийся в феврале-марте 1918 г., провозгласил бывшую Терскую область Российской империи Терской Советской Республикой в составе РСФСР. Это событие ряд ученых считают началом национально-государственного строительства на Северном Кавказе [Кониев 1969, с. 86; Магометов, Дзидзоев 1999, с. 6–27; Коренев 1977, с. 230].

В то же время необходимо отметить, что в Южной Осетии, по данным профессора В.И. Маргиева, в «1918 г. был разработан проект Конституции Юго-Осетинского кантона» [Маргиев 1997, с. 207]. Однако сделать это не удалось,

поскольку меньшевистское правительство Ноя Жордания всячески препятствовало национально-государственному строительству у народов, проживающих на территории ставшей независимой Грузии, в частности осетин. Лишь Россия с пониманием относилась и даже способствовала развитию государственно-правовых отношений у этих народов.

7 июля 1918 г. на I съезде Советов Северного Кавказа Кубано-Черноморская, Ставропольская и Терская республики были объединены в единую Северо-Кавказскую Советскую Республику в составе РСФСР. Она просуществовала до декабря 1918 г., когда представители так называемого Белого движения, захватив большую часть ее территории, отменили её существование. Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила основу союза свободных наций как «федерации советских национальных республик» [Конституция 1918, с. 5], а Северная Осетия была провозглашена автономной областью в составе РСФСР. Конституция Российской Федерации провозгласила федерализм, как основополагающий принцип государственного устройства.

Первая советская Конституция России была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Специальная, 8 статья ее сообщала о намерениях новой власти, что она: «стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, <...> ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях» [там же, с. 7].

После изгнания белогвардейцев в крае вновь возобладали идеи советской власти и в 1920 г. была создана Горская АССР в составе РСФСР. В нее входило шесть административных округов: Балкарский, Ингушский, Кабардинский, Карачаевский, Осетинский, Чеченский. Такие крупные города края, как Владикавказ и Грозный, не вошли в состав Горской АССР.

В этих условиях осетины оказались политически разделёнными на северных и южных, а один из государствообразующих элементов российского государства на его границах – казачество в первые годы советской власти подверглось жесточайшим репрессиям. Этнорегиональный принцип образования частей Российской империи в виде казачьих войск Дона, Кубани, Днепра, Терека и т. д. был предан забвению, равно как и то, что казачество по своему этническому составу не было однородным, наряду с русскими определённую и немалую его часть составляли выходцы из иных народов.

Конституция РСФСР не предусматривала особой формы государственно-го устройства осетинского народа, и государственно-правовая система страны «практически не была изменена вплоть до принятия Конституции СССР

в 1924 году и РСФСР в 1925 году» [Чистяков 2003, с. 24]. Принятие этих основных законов легитимизовало формы национально-государственного устройства народов Северного Кавказа и, в частности, осетинского. Вот почему профессор Р.С. Мулукаев отмечал, что только «благодаря Советской власти народы России получили право на создание своих автономных государственных образований» [Мулукаев 2009, с. 31].

Некоторые представители горских народов Кавказа, как и в целом России – были среди них и осетины – не только противились установлению советской власти, но и сражались против нее в основном оружием, полученным от ее геополитических противников. Во многом это неприятие было стихийным, порождаемым личностными конфликтами, как, например, в случае с Зелимханом Гушмазукаевым (1872–1913), не помышлявшим о судьбе абрека, но ставшим таковым в силу обстоятельств кровомщения [Гатуев 1926, с. 6]. Однако пресечь деятельность Зелимхана удалось силами самих горцев, причем его соплеменников.

Но без скрупулезного и объективного анализа эти факты «увязывались» некоторыми зарубежными и отечественными учеными с идеями национально-освободительной борьбы, несмотря на то что в подавлении «антирусских» выступлений принимали участие и сами представители тех народов, которые вели «антироссийскую» войну, а складывание государственно-правовых отношений в том числе и сугубо «русской» России зачастую сопровождалось мерами принудительного характера. Достаточно вспомнить историю Новгорода и т. д.

Принципы деятельности государства в сфере внутренней политики, т. е. по отношению к людям, как показывает история, являются жёсткими всегда и в любом государстве, поскольку требования общежития, узаконенные государством, вызывают понимание и поддержку далеко не у всех. Не всем дано умение выбрать правильное решение в ситуациях, требующих принятия верных, но зачастую непопулярных мер. Стихийный бунт, бессмысленный и беспощадный – частый ответ на охарактеризованные выше действия. В условиях полиэтнического социума и при щедрой подпитке недружественных стран, он часто трактуется как имеющий «национально-освободительный» характер. Кавказ уже в конце XIX – начале XX в. стал ареной такого международно-правового явления, которое в XXI в. назовут прокси-войной. Это и объясняет желание добиваться ослабления своего противника и действовать по принципу «враг моего врага – мой друг».

Идея вхождения в состав страны у любого народа сопровождается определёнными позитивными ожиданиями экономического и иного свойства. Но не всегда предполагаемое соответствует получаемому на практике. Подобно маятнику народные чаяния зачастую качаются, и это обстоятельство особо ярко проявляется в многонациональном и поликонфессиональном государстве.

В большой геополитической борьбе между любыми государствами, а тем более империями, активно используются такие формы взаимоотношений, как мягкая сила, противостояние, принуждение.

В идеале государство должно соблюдать принципы законности, но, поскольку, государственные мероприятия осуществляются конкретными людьми, то, зачастую, на первый план выходят их личностные интересы. Чисто экономические, подчас сиюминутные выгоды конкретных лиц от продажи оружия, обмундирования и тому подобных вещей тогда, как и сейчас, часто приводили к эскалации напряжённости, а то и развязыванию войн.

В своё время видный российский правовед, профессор О.В. Мартышин, вслед за А.И. Солженицыным, высказал метафорическое суждение о том, что лучше недооценить, чем переоценить влияние Германии на революционный процесс в России [Мартышин 2007, с. 79]. Позволим себе не согласиться с этим. Считаем, что в вопросах обеспечения безопасности государства лучше переоценить предполагаемые действия противника в деле подготовки к их нейтрализации. Мы не утверждаем, что все деятели антироссийских движений родились и воспитывались в стане противников России, но то, что их действия, направленные против нашей страны, а значит и интересов её народов, активно подпитывались из-за рубежа, считаем бесспорным фактом.

Сосланные на Кавказ противники самодержавия стремились облечь стихийные неполитические формы протеста горцев в «революционную» деятельность, как, например, в случае с уже упомянутым абреком Зелимханом, которого во время первой русской революции студенты-анархисты снабжали оружием и обучали кидать бомбы, названные впоследствии гранатами [Гатуев 1926, с. 29].

Подобные, причем не единичные примеры, можно привести и в истории осетинского народа. В конце XIX в. не только в периодической печати, но и на страницах романов появляются образы так называемых благородных абреков. Первым подобным автором был Александр Михайлович Чопикашвили (1848–1893), издававший свои книги под псевдонимом «Казбеги». Родина писателя – город Степанцминда, центр исторической области, населенной в основном грузинами и осетинами. В 1921–2007 гг. в честь писателя этот город именовался Казбеги.

Именно из-под его пера на страницах романа «Отцеубийца» был выведен образ абрека Кобы, взволновавший многих читателей, в том числе и душу молодого революционера Иосифа Виссарионовича Джугашвили, ставшего после победы Октябрьской революции известным всему миру под именем Сталин, но близкие к нему люди называли его партийным псевдонимом Коба.

Видный представитель дореволюционной осетинской интеллигенции А.Т. Цаликов (1882–1928), эмигрировавший после установления советской власти за рубеж отмечал, что «столкновение государственного правосозна-

ния с правосознанием народа, обусловленным известным социально-бытовым укладом, – вот источник тех жизненных драм, которые выкидывают ежегодно известный процент туземного населения за борт легальной жизни» [Цаликов 2002, с. 405].

Здесь также надо иметь в виду, что за помощью Англии и иных стран представителям народов Кавказа в борьбе с Россией стояли вовсе не благодушие и альтруизм, а чёткий учёт собственных интересов. Это наглядно покажет XX век, когда почти все турецкие владения окажутся под британским протекторатом.

Ф.И. Леонтович и М.М. Ковалевский, детально исследовавшие государственно-правовые отношения у кавказских народов, отмечали процесс правовой аккультурации в виде издания так называемых адатов. Российское государство приятием данных адатов узаконивало национальные и религиозные права, в том числе использование норм мусульманского права и языческих верований для народов, их придерживающихся, и это находило своё отражение и в практике осуществления правосудия [Ковалевский 1886; Леонтович, 1882–1883].

Отдельной, причем весьма веской стороной доказательной базы отличия имперской политики России от иных империй служит то обстоятельство, что выходцам из нерусского народа правительством доверялось командование не только своими соплеменниками, но и руководство государственными учреждениями, в том числе армией, полицией и т. д. На примере осетинского народа можно назвать имя русского генерала, осетина мусульманского вероисповедания Муссы Алхастовича Кундухова (1818–1889), бывшего в 1850–1865 гг. начальником Осетинского и Чеченского округов, Гаппо Васильевича Баева (1869–1939), бывшего в 1912–1917 гг. городским головой г. Владикавказа и некоторых других.

Подобные примеры можно найти и в истории других народов Северного Кавказа. И здесь следует оговориться, что местный элемент не только был представлен во властных структурах края, но и в высшем руководстве самой империи, например, командующим Петроградского гарнизона в лихом 1917 г. был осетин, генерал С.С. Хабалов.

Отдельного пристального анализа заслуживает проблема просвещения нерусских народов. Уникальный по своей сути процесс аккультурации осетинского народа после его вхождения в Российскую империю характеризуют высокие показатели уровня образованности у народов Северного Кавказа к 1914 г.: «у балкарцев – 2,3%, народов Дагестана – 10%, кабардинцев – 12,8%, осетин – 33%» [История народов Северного Кавказа 1988, с. 511].

В истории Северного Кавказа есть факты распространения просвещения и на иных языках обучения. На арабском языке обучали при крупных мечетях, однако случаи эти были весьма малочисленны. Еще меньше было случаев обучения на грузинском и армянском языках в национальных школах, действующих при одноименных церквях. Здесь обучение сводилось лишь к овладению алфавитом

и навыками письма, а также обучению русскому языку, на котором, впоследствии, и велось преподавание других предметов, изучаемых в начальной школе. В начале XX в. в Осетии проходили съезды учителей, на которых вырабатывалась концепция осетинской школы. Ведущую роль в них играли представители большевистского направления российской (осетинской) социал-демократии.

Уникальность народа Осетии также проявляется в том, что осетины в условиях революционной смуты 1917–1920 гг. сумели подняться до определённого уровня правовой культуры в виде создания общественной организации – революционной демократической партии «Кермен», названной по имени легендарного осетинского борца с феодальными порядками. В 1918–1919 гг. «Кермен» объединилась с партией большевиков.

Правовые документы были оформлены в виде различных программ административного районирования и кодификации в крае законодательства, его полного перевода из устного состояния в письменное. В этом большую роль сыграла советская администрация, в которой, помимо местных кадров, были представители различных национальностей страны и, в частности, государствообразующий русский народ.

В сравнительно-сопоставительном плане с другими национальностями русские на Кавказе и в имперский, и послеимперский периоды выступали государствообразующим элементом не только для народов, не имевших своей государственности, но и для тех, которых ряд иностранных государств «признавали» независимыми. Притягательный образ Российской империи за ее пределами служил ориентиром для многих народов, например, в британской Индии смотрели на Россию «как на великую освободительницу», что вынужден был отмечать даже сам певец британского колониализма Р. Киплинг [Киплинг 2007, с. 345].

История не знает сослагательного наклонения так же, как и краткосрочный исторический эксперимент. Тем не менее сравнительно-сопоставительный анализ положения народов нетитульных наций в составе империй – Российской, Британской, Османской и других – свидетельствует в пользу отечественного имперского проекта. Это хорошо характеризует факт переселения ряда северокавказских народов, исповедовавших ислам, в единоверную Турцию и их дальнейшая судьба, что, несколько ранее, нами уже анализировалось [Чеджемов 2013, с. 26].

Применительно к проблеме настоящего исследования хотим сделать вывод о том, что факт возвращения из единоверной страны в страну, государственной религией которой являлось православие, однозначно свидетельствует в пользу российских имперских начал. Здесь государство не вторгалось в общественную жизнь там, где это не представляло угрозы для самого государства, а православие, будучи государственной религией, толерантно относилось к исламу и так называемым идолопоклонническим верованиям.

В период революционных событий и Гражданской войны только большевикам удалось представить наиболее приемлемый для народов Северного Кавказа и, в том числе, осетин проект выхода из смуты и создания собственной государственности в составе уже РСФСР. Это демонстрирует доклад И. В. Сталина, в те годы народного комиссара по делам национальностей, на съезде народов Терской области о принципах организации Горской Советской Автономной Республики 17 ноября 1920 г.

Сталин от имени советского правительства говорил: «Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы – цари и угнетатели, царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России.

У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних. Я уже не говорю об иногородних, которые были и остаются верными сынами Советской России и за которых Советская власть всегда будет стоять горой. Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявлять войну шариату. Если будет доказано, что органы Чeka и Особого отдела не умеют применяться к быту и особенностям населения, то ясно, что соответствующие изменения должны быть внесены и в эту область.

Во главе национальных Советов должен быть Совнарком Горской республики, избираемый съездом Советов последней и непосредственно связанный с Москвой. Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России, что Россия покидает их, что Красная Армия будет уведена в Россию, как спрашивают об этом с тревогой горцы? Нет, не значит. Россия понимает, что предоставленные самим себе малые народности Терека не смогут отстоять свою свободу против мировых хищников и их агентов – горских помещиков, сбежавших в Грузию и интригующих оттуда против трудовых горцев. Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии» [Сталин 1953, с. 399].

В этом заявлении присутствуют определенные идеологические штампы, но в целом обрисована общая картина предстоящих преобразований в крае. Различные проекты выхода из смуты были оформлены в виде программ административного районирования и кодификации законодательства в крае, но только большевикам удалось решить задачу его полного перевода из устного состояния в письменное. В этом большую роль сыграла советская администрация и горская интеллигенция. Основу этой деятельности, помимо местных кадров, составлял государствообразующий русский народ. Этому процессу во многом способствовала система дореволюционного российского просвещения.

Заключение

Народы Северного Кавказа, и осетины в частности, получили возможность избежать участи покорения и ассимиляции за счет вхождению в состав Российской империи, благодаря просветительской политике которой они получили свою письменность на основе кириллицы. Российская имперская политика довольно толерантно относилась и к арабскому языку – языку обучения мусульманских народов, и к армянскому и грузинскому языкам, причём не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, где грузинский язык до разработки осетинской письменности и издания первой осетинской книги в 1798 г. использовался как язык преподавания. В составе империи шло социально-экономическое и политическое становление осетинской нации.

Правительство последнего российского императора в результате революционной смуты оказалось не в состоянии осуществлять организующую внутреннюю политику, однако народы страны, в частности осетины, в большинстве своём поддерживали идеи российского государственного единства и после установления советской власти рассматривали ее как гарант своих национальных интересов.

Политические силы Северной Осетии в 1917–1920 гг. фактически сформировались четыре центра власти – областной гражданский исполнительный комитет, войсковое казачье правительство, центральный комитет народов Кавказа «Союз объединенных горцев» и совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эти центры по-разному видели пути выхода из революционной смуты и государственное будущее своего региона. Областной гражданский исполнительный комитет, войсковое казачье правительство и совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в целом ориентировались на политическое единство с центральной Россией. Центральный комитет народов Кавказа «Союз объединенных горцев» выдвигал идею создания государства от Черного до Каспийского морей с исламской формой правления. Жизнеспособным оказался лишь проект советских социалистических преобразований в составе единого государства – Российской Федерации, в осуществлении которого сами осетины принимали деятельное участие.

Библиография

Волхонский М.А. Военная политика Российской империи в Закавказье в 1783–1796 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 9. С. 13–21.

Гагкуев Р.Г. Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии: сб. ст. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 196–210.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 393 с.

Гатуев Д.А. Зелимхан: Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. Ростов н/Д; Краснодар: Севкавказ, 1926. 195 с.

Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб.: СПбГУ, 2009. 224 с.

Исаев И.А. После Февраля: поиск политической формы // История государства и права. 2017. № 3. С. 29–33.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) М.: Наука, 1988. 659 с.

Кажаров А.Г. Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214). С. 28–38.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: МГУ, 1984. 328 с.

Киплинг Р. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Терра, 2007. Т. 1. 491 с.

Клычников Ю.Ю. Модернизационный прорыв Северного Кавказа в имперский и советский период: от успеха к катастрофе // Гуманитарные и юридические исследования Северо-Кавказского федерального университета. 2017. № 2. С. 73–77.

Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: в 2 тт. М.: Типография В. Гатцук, 1886.

Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе: Ир, 1969. 98 с.

Конституция РСФСР. М.: Изд-во ВЦИК рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, 1918. 31 с.

Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: в 2 вып. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1882–1883.

Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. У истоков государственности народов Терека // Вопросы политологии, истории и социологии. 1999. Вып. 1. С. 6–27.

Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп: Меоты. 1997. 272 с.

Мартышин О.В. Революция и развитие российской государственности // Государство и право. 2007. № 11. С. 79–82.

Мулукаев Р.С. Избранные труды. М.: Академия управления МВД России, 2009. 561 с.

Победа советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе: Ир, 1983. 208 с.

Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история. Государство. Цивилизация. Внешний мир. М.: Аспект Пресс, 2024. 687 с.

Сталин И.В. Собрание сочинений. В 13 тт. М.: Госполитиздат, 1953. Т. 4. 488 с.

Цаликов А. Т. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. 560 с.

ЦГАРСОА — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Д. 845.

Чеджемов С.Р. Политика российского государства и православной церкви в области образования на юге России до 1917 г. (на примере осетинского народа) // Религиоведение. 2013. № 1. С. 36–44.

Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М.: Зерцало-М, 2003. 215 с.

References

Volkhonskii M.A. Voennaia politika Rossiiskoi imperii v Zakavkaz'e v 1783–1796 gg. [Military policy of the Russian Empire in Transcaucasia in 1783–1796]. Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]. 2018. N 9. P. 13–21. (In Russ.)

Gagkuev R.G. Osobennosti Velikoi rossiiskoi revoliutsii i Grazhdanskoi voyny na Severnom Kavkaze. 1917–1920 gg. [Features of the Great Russian Revolution and Civil War in the North Caucasus. 1917–1920]. Epokha Revoliutsii i Grazhdanskoi voyny v Rossii. Problemy istorii i istoriografii [The Era of Revolution and Civil War in Russia. Problems of History and Historiography]: collection of articles. St. Petersburg: SPbGETU «LETI», 2019. P. 196–210. (In Russ.)

Gadzhiev V.G. Rol' Rossii v istorii Dagestana [The role of Russia in the history of Dagestan]. Moscow: Nauka, 1965. 393 p. (In Russ.)

Gatuev D.A. Zelimkhan: Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nykh dvizhenii na Severnom Kavkaze [Zelimkhan: From the history of national liberation movements in the North Caucasus]. Rostov on Don; Krasnodar : Sevkvkniga, 1926. 195 p. (In Russ.)

Daudov A. Kh., Meskhidze D. I. Natsional'naia gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917–1924 gg.) [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917–1924)]. St. Petersburg: SPbGU, 2009. 224 p. (In Russ.)

Isaev I.A. Posle Fevralia: poisk politicheskoi formy [After February: the search for a political form]. Istoriia gosudarstva i prava [History of the state and law]. 2017. N 3. P. 29–33. (In Russ.)

Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)] Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russ.)

Kazharov A.G. Organizatsiia «Soiuz ob"edinennykh gortsev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917–1919 gg.) [Organization «Union of United Highlanders» and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917–1919)]. Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotsiologii, iurisprudentsiia, politologii, kul'turologiia [Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies.]. 2018. N 1 (214). P. 28–38. (In Russ.)

Kiniapina N.S., Bliiev M.M., Degoev V.V. Kavkaz i Sredniaia Aziia vo vneshnei politike Rossii [The Caucasus and Central Asia in Russia's Foreign Policy]. Moscow: MGU, 1984. 328 p. (In Russ.)

Kipling R. Sobranie sochinenii [Collected Works]: 6 vol. Moscow: Terra, 2007. T. 1. 491 p. (In Russ.)

Klychnikov Iu.Iu. Modernizatsionnyi proryv Severnogo Kavkaza v imperskii i sovetskii period: ot uspekha k katastrofe [Modernization Breakthrough of the North Caucasus in the Imperial and Soviet Period: from Success to Disaster]. Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta [Humanitarian and Legal Studies of the North Caucasus Federal University.]. 2017. N 2. P. 73–77. (In Russ.)

Kovalevskii M.M. Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii [Modern Custom and Ancient Law. Customary Law of the Ossetians in Historical and Comparative Light]: 2 vol. Moscow: Tipografiia V. Gattsuk, 1886. (In Russ.)

Koniev Iu.I. Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Tereke [National-state construction on the Terek]. Ordzhonikidze: Ir, 1969. 98 p. (In Russ.)

Konstitutsiia RSFSR [Constitution of the RSFSR]. Moscow: Izd-vo VTsIK rabochikh, krest'ianskikh i soldatskikh deputatov, 1918. 31 p. (In Russ.)

Leontovich F.I. Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza [Customs of the Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the Northern and Eastern Caucasus]. 2 vol. Odessa: Tip. P.A. Zelenogo, 1882–1883. (In Russ.)

Magometov A.A., Dzidzoev V.D. U istokov gosudarstvennosti narodov Tereka [At the Origins of the Statehood of the Peoples of the Terek]. Voprosy politologii, istorii i sotsiologii [Questions of Political Science, History and Sociology]. 1999. Is. 1. P. 6–27. (In Russ.)

Margiev V.I. Istoriia gosudarstva i prava Osetii [History of the State and Law of Ossetia.]. Maikop: Meoty, 1997. 272 p. (In Russ.)

Martyshin O.V. Revoliutsiia i razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti [Revolution and Development of Russian Statehood]. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 2007. N 11. P. 79–82. (In Russ.)

Mulukaev R.S. Izbrannye Trudy [Selected Works.]. Moscow: Akademiia upravleniia MVD Rossii, 2009. 561 p. (In Russ.)

Pobeda sovetov na Tereke – torzhestvo leninskogo internatsionalizma [Victory of the Soviets on the Terek – the Triumph of Leninist Internationalism]. Ordzhonikidze: Ir, 1983. 208 p. (In Russ.)

Torkunov A.V., Degoev V.V. Russkaia istoriia. Gosudarstvo. Tsivilizatsiia. Vneshnii mir [Russian History. State. Civilization. Outside World]. Moscow: Aspekt Press, 2024. 687 p. (In Russ.)

Stalin I.V. Sobranie sochinenii [Collected Works]: 13 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1953. T. 4. VI, 488 p. (In Russ.)

Tsalikov A. T. Izbrannoe [Selected Works]. Vladikavkaz: Ir, 2002. 560 p.

TsGARSOA – Tsentral’nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaia Osetiia-Alaniia [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania]. F. 12. Inv. 1. C. 845. (In Russ.)

Chedzhemov S.R. Politika rossiiskogo gosudarstva i pravoslavnoi tserkvi v oblasti obrazovaniia na iuge Rossii do 1917 g. (na primere osetinskogo naroda) [The policy of the Russian state and the Orthodox Church in the field of education in the south of Russia before 1917 (on the example of the Ossetian people)]. Religiovedenie [Religious Studies]. 2013. No 1. P. 36–44. (In Russ.)

Chistiakov O. I. Konstitutsiia RSFSR 1918 goda [Constitution of the RSFSR of 1918.]: 2nd ed., revised. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 215 p. (In Russ.)

А.А. Берлов, И.А. Помигуев

**ОПЫТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИИ В СТАНОВЛЕНИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ: СЛУЧАЙ «ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПУТИ»¹**

***Аннотация.** В статье рассматривается строительство российских парламентских институтов в 1990–1995 гг. с позиций исторического институционализма и концептуальной рамки *path dependence*. Выбранный хронологический отрезок делится на несколько последовательных периодов институционального строительства и рассматривается с точки зрения влияния на этот процесс исторического контекста. Отмечается, что, несмотря на уничтожение предыдущего парламента, институциональная структура нового во многом была выстроена на базе дискуссий о реформе его предшественника. В наибольшей степени это коснулось Государственной думы, в становлении которой особую роль сыграли бывшие народные депутаты СССР и РСФСР. При этом в условиях поляризованного и фрагментированного депутатского корпуса созданные институты стали консенсусом, в который было трудно внедрить какие-либо радикальные новации. Как следствие, дискуссии о дальнейшей реформе Федерального Собрания шли в основном вокруг идей о возвращении институтов бывшего Верховного Совета, с которыми многие депутаты были хорошо знакомы.*

***Ключевые слова:** Россия; Государственная дума; Верховный Совет; исторический институционализм; *path dependence*.*

Берлов Александр Алексеевич – ассистент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: aberlov@hse.ru

Помигуев Илья Александрович – кандидат политических наук, доцент Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник Отдела политической науки, ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: pomilya@mail.ru
Scopus Author ID: 57191091403

1. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 24-78-10163 (<https://rscf.ru/project/24-78-10163/>).

Berlov A.A., Pomiguyev I.A.

The experience of the Supreme Soviet of Russia in the formation of the Federal Assembly: a case of “Path Dependence”

Abstract. Drawing on the approach of historical institutionalism and the concept of path dependence, the author examines the construction of Russian parliamentary institutions during the period from 1990 to 1995. This timeframe is divided into distinct stages of institutional development and is analyzed within the broader context of historical influences on the formation process. The author concludes that, despite the dissolution of the previous parliament, the institutional structure of the new parliament was largely shaped by discussions surrounding the reform of its predecessor. This continuity was particularly evident in the formation of the State Duma, where former deputies of the USSR and the RSFSR played a significant role. However, in the context of a polarized and fragmented deputy corps, the newly established institutions emerged as a consensus-based construct, making the introduction of radical innovations challenging. Consequently, debates over further reforms of the Federal Assembly predominantly focused on proposals to revive elements of the former Supreme Soviet – an institution with which many deputies had prior experience.

Keywords: Russia; State Duma; Supreme Soviet; historical institutionalism; path dependence.

Berlov Alexander Alekseevich – Assistant at the School of History,
HSE University, Russia, Moscow.
E-mail: aberlov@hse.ru

Pomiguyev Ilya Aleksandrovich – Candidate of Political Sciences, Associate
Professor, Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences
and Mass Communications, Financial University under the Government
of the Russian Federation; researcher, Department of Political Science, INION.
Russia, Moscow.
E-mail: pomilya@mail.ru
Scopus Author ID: 57191091403

Всенародное голосование 12 декабря 1993 г. и последующее принятие новой Конституции России трактуется и специалистами, и современниками событий как радикальный разрыв в политическом развитии страны [Исаков 1995, Согрин 2002, Шейнис 2014]. Эта точка зрения находит поддержку как у специалистов, так и у очевидцев событий, поскольку новый основной закон действительно кардинально изменил политическую систему России. Конституция РСФСР 1978 г. и последующие поправки к ней закрепляли за парламентом ключевую роль во всей государственной системе [Лукьянова² 2000, с. 64–68]. Конституция 1993 г. порвала с этим принципом. Гарантом консти-

2. Внесена в реестр иностранных агентов.

туции с широкими полномочиями по отношению к каждой из ветвей власти стал президент страны. В то же время парламент стал, в первую очередь, чисто законодательным учреждением, его контрольные полномочия были сильно урезаны [Узлова 2020]. Такая конструкция стала итогом противостояния парламента и президента в 1992–1993 гг. В проекте новой конституции были учтены «конституционные страхи» победившего в борьбе президента касательно аналогичных конфликтов в будущем [Краснов 2016].

Однако конституция – далеко не единственный институт, обеспечивающий функционирование государственной системы. Работу нового Основного закона предстояло обеспечить соответствующими нормативно-правовыми актами, чем должен был заняться новый парламент, в первую очередь Госдума [Гранкин 2001, с. 32–33]. При этом I созыв нижней палаты оказался оппозиционным по отношению к Президенту страны Б.Н. Ельцину: значительная часть депутатов не признавала новую Конституцию, а примерно 1/5 часть Госдумы составили бывшие депутаты Верховных Советов РСФСР и СССР [Remington 2001, p. 182–183]. Будучи опытными парламентариями, именно они стали «активом» нижней палаты, настроенным на увеличение роли парламента в принятии ключевых государственных решений [Remington 2001, p. 183]. Эта ситуация представляла собой явный парадокс: ключевые деятели «старого порядка», в том числе не признающие его отмену, должны были обеспечить строительство основных институтов «нового» органа. Эти обстоятельства позволили предположить, что при строительстве российских парламентских институтов в 1994–1995 гг. мог иметь место эффект «зависимости от пути» [Mahoney 2000].

Теоретико-методологические основания изучения институционального строительства современного российского парламента

Понятие «зависимость от пути» – один из базовых концептов междисциплинарного подхода исторического институционализма, проблемным полем которого является связь институциональных изменений с историческим контекстом [Tilly 2006, Steinmo 2008]. Исторические социологи предполагают, что «зависимость от пути» – это ситуация, когда наблюдаемые события и явления в настоящем являются результатом событий прошлого, в том числе очень далекого [Mahoney, Schensul 2006]. В рамках представленной статьи были использованы теоретические наработки британского социолога Дж. Махони, подвергнувшего критике широкое толкование «зависимости от пути» и предложившего несколько способов концептуализации понятия. Согласно его версии, ситуация «зависимости от пути» наблюдается в моменты, когда при доступности разнообразных вариантов дальнейшего развития ситуации случайное событие запускает цепочку событий, каждое из которых служит реакцией на предыдущее. При этом выбор той или иной конфигурации институ-

тов на раннем этапе приводит к заключению институционального соглашения, которое «замораживает» институт и приводит к дальнейшему его воспроизводству [Mahoney 2000]. Рассмотрение выбранной темы под таким углом зрения открывает новые перспективы для её понимания. Для лучшего уяснения подоплеку описываемых событий к исследованию были привлечены не только открытые источники, но и архивные материалы из фондов ГА РФ.

Парламентские институты Верховного Совета РСФСР в 1990–1991 гг.

Советская правовая доктрина отрицала идею профессионально работающего парламента, поэтому до 1989 г. Верховный Совет, несмотря на статус высшего органа власти в стране, собирался два-три раза в год на несколько дней [Конституционное (государственное) право 2014]. Большая часть его полномочий исполнялась президиумом, а роль депутатов во многом сводилась к участию в заседаниях и подаче запросов в исполнительные органы [Помигуев 2017, Шейнис 2014, с. 365]. Политические реформы М.С. Горбачева изменили эту систему. Роль высшего органа власти была передана более широкому собранию – Съезду народных депутатов, собиравшемуся раз в полгода и имевшему право решать любые вопросы, отнесенные к ведению СССР. Верховный Совет при этом избирался народными депутатами из состава Съезда и превращался в постоянный, сессионно работающий парламент из двух равноправных палат.

На российском уровне власти данная конструкция была воспроизведена в 1989 г., а в июне 1990 г. собрался I Съезд народных депутатов РСФСР. Его выборы и состав фактически определили всё последующее направление российской политики: демократическое движение, получившее на Съезде небольшой перевес, выступало за дальнейшее углубление политических реформ [Шейнис 2005 а, с. 281]. Съезд провозгласил, что в скором времени в республике будет принята новая конституция и проведены масштабные реформы. Кроме того, Съезд постановил принять новый корпус законов, регулирующих работу Верховного Совета [Постановление 1990]. Ключевыми среди них были закон о статусе народного депутата РСФСР и новый регламент работы парламента.

Важным фактором строительства новых парламентских институтов была необходимость скорейшим образом обеспечить работу уже фактически функционирующих органов. Вдобавок, объявив о государственном суверенитете РСФСР, I Съезд народных депутатов задал тренд на борьбу республиканского уровня власти с союзным, который со временем лишь усиливался. В таких условиях работа над созданием новых институтов должна была идти быстро, нередко на нее влияла конъюнктура политической борьбы, что хорошо видно, например, на опыте создания Конституционного суда РСФСР [Thorson 2004].

Авторы новых законов не успевали заранее выработать их полноценную концепцию, а нередко правовые акты могли приниматься и с расчетом на даль-

нейшую доработку [Бюллетень 24 октября 1990]. В то же время особое положение Съезда народных депутатов и Верховного Совета, зафиксированное в советской конституции, давало депутатам прочный фундамент для политической борьбы [Шейнис 2005, с. 31–32]. Как следствие, авторы новых законов, регулирующих устройство парламента, стремились не столько к созданию радикально новых институтов, сколько к разработке механизмов для обеспечения работы старых, провозглашенных советской конституцией, но не работавших на практике [Бюллетень 21 сентября 1990, с. 24–26]. Радикальные инновации или трансплантация политических институтов при подобном положении дел носили ситуативный характер.

За первый период парламентских реформ депутаты успели принять не только регламент Верховного Совета, но и целый ряд других законов, касавшихся статуса депутатского корпуса. Новый регламент определил ключевые процедуры и правила работы Верховного Совета, уточнил законотворческую процедуру. Кроме того, он закрепил институты парламентского расследования и открытых парламентских слушаний, а также определил порядок образования делегаций для международного сотрудничества [Бюллетень 13 сентября 1990]. Законом о статусе народного депутата РСФСР Верховный Совет расширил права депутатов и гарантии их деятельности [Бюллетень 15 ноября 1990]. В бюджетной сфере депутаты передали многие полномочия по формированию государственного бюджета от исполнительной власти к парламенту, а также создали первый прообраз счетной палаты – контрольно-бюджетный комитет [Бюллетень 21 июня 1991]. Также были образованы органы экспертного обеспечения работы Верховного совета, создан Парламентский Центр РСФСР.

Таким образом, I Съезд народных депутатов задал тренд на парламентскую реформу, и в период 1990–1991 гг. Верховный Совет смог стать регулярно действующим парламентом. Базой для реформы институтов выступила советская же конституция и образцы из работы советского парламента, но по ходу работы был внедрен ряд новаций, взятых депутатами из международного опыта.

Институты Верховного Совета России и конфликт ветвей власти в 1992–1993 гг.

Период 1992–1993 гг. во многом служит продолжением тех процессов, начало которым было положено в 1990–1991 гг. В начале 1992 г. в России начались экономические реформы и за контроль над их проведением между исполнительной и законодательной ветвями власти развернулась острая борьба. Институт президентства сформировался в России в чрезвычайных обстоятельствах экономического коллапса и попытки государственного переворота в августе 1991 г. В связи с этим, указы и распоряжения президента Б.Н. Ельцина, принятые в экстремальных обстоятельствах, могли выходить далеко за преде-

лы его конституционных полномочий, а на период экономической реформы V Съезд народных депутатов наделил его чрезвычайными полномочиями по публикации нормативных указов и управлению правительством [Лукиянова³ 2000, с. 125–127].

Уже в начале 1992 г. руководство Верховного Совета стало жаловаться на то, что президент не предоставляет ему значительную часть публикуемых нормативных актов [Бюллетень 7 февраля 1992]. Вдобавок члены правительства реформ не согласовывали многие принимаемые решения с депутатским корпусом, о чем свидетельствуют в том числе воспоминания участников [Федоров 2000, Гайдар 2014, Нечаев 2024]. Как итог, нормативные акты президента и правительства очень быстро вошли в конфликт с законами, принятыми Верховным Советом [Лукиянова⁴ 2000, с. 128–131]. К вышеописанной ситуации добавился и распад демократического движения, определявшего работу парламента в предыдущие полтора года. Экономические реформы привели к такому мощному удару по социально-экономической ситуации в стране, что многие депутаты начали уходить в оппозицию. Как следствие, Верховный Совет начал бороться за укрепление своего контроля над экономической политикой.

Предложенная президентом версия закона «О Совете Министров – Правительстве РФ» была раскритикована, как направленная на удержание его экстраординарных полномочий [Документы о Совете министров, Л. 22–24]. Президентские поправки к итоговой версии закона, разработанной в Верховном Совете, были депутатами отклонены. В конце 1992 г. конфликт ветвей власти вышел на уровень Съезда народных депутатов: депутаты отказались утвердить Е.Т. Гайдара в должности премьер-министра и приняли поправки к конституции, обязавшие президента согласовывать с Верховным Советом кандидатуры министров внутренних и иностранных дел, безопасности и обороны. Все эти изменения вызвали отпор со стороны президента и членов правительства, обвинивших депутатов в популизме и попытках остановить реформы [Гайдар 2014, с. 207–209].

Следствием конфликта и распада парламентского большинства стало и резкое торможение реформ парламента. Сложившаяся институциональная конструкция обладала многими спорными моментами, в том числе унаследованными от советской системы. Равноправие палат и циркуляция кадров между Съездом народных депутатов и Верховным Советом создавали путаницу в работе парламента и приводили к коллизиям, когда, например, палаты могли обсуждать и голосовать по несколько раз один и тот же вопрос [Бюллетень 10 октября 1991].

Законотворческая процедура страдала от «пробелов» и, например, поправки к законопроектам могли порой подаваться и правиться прямо по ходу голо-

3. Внесена в реестр иностранных агентов.

4. Внесена в реестр иностранных агентов.

сований по соответствующим законопроектам. Вслед за советской традицией оставалась огромной роль президиума Верховного Совета: его деятельность регламентировалась лишь конституцией, а спикер парламента имел широкий набор рычагов, с помощью которых он мог оказывать влияние на депутатов и работу парламента в целом [Kiewiet, Myagkow 1996; Shleiter 2002]. В то же время депутатские фракции и группы оставались аморфными и слабыми, а их существование даже не нашло отражения в регламенте. Как следствие, депутаты неоднократно обвиняли президиум и его председателя в злоупотреблении полномочиями. Об этих и многих других проблемах Верховного Совета дискуссия шла открыто, в том числе при участии его руководства [Исаков 1995, с. 44; Митюков 2023, с. 32–43].

Единственный крупный пакет поправок к регламенту Верховного Совета был принят летом 1992 г. Содержавшиеся в нем нормы уточнили процедуру подачи законопроектов и поправок к ним, определили правила их экспертизы, а также расширили автономию комитетов и комиссий палат Верховного Совета [Бюллетень 25 марта 1992]. Тем не менее принятый пакет поправок представлял собой лишь небольшую часть от предложений, подготовленных комитетом по законодательству [Документы о внесении изменений, Л. 5–24]. В ноябре 1992 г. была предпринята новая попытка организовать большое обсуждение имеющихся проблем и возможных изменений внутреннего устройства парламента. В своей речи глава комитета по законодательству М.А. Митюков описал широкий круг имеющихся проблем и указал на то, что их решение является принципиально важным вопросом не только для Верховного Совета, но и для «будущего парламента». Однако противником реформы в сложившихся обстоятельствах оказался спикер Верховного Совета Р.И. Хасбулатов, который поддержал идею коррекции институтов парламента в целом, но указал на серьезные текущие проблемы страны, в том числе на конфликт между ветвями власти [Бюллетень 5 ноября 1992]. В своей книге «Власть. Размышления спикера» он писал, что в условиях разрозненности депутатского корпуса и кризиса президиуму необходимо активно направлять работу депутатского корпуса [Хасбулатов 1992, с. 14–15, 31–39].

Противостояние ветвей власти создало ситуацию, когда реформа парламента, поставленного в центр политической системы, могла быть опасной как для всей государственной системы в целом, так и для самих депутатов. В самой же депутатской среде на фоне борьбы с исполнительной властью появилась идея корпоративной солидарности и «защиты» парламента от посягательств [Шаблинский⁵ 1997, с. 103–111]. Можно утверждать, что на этом этапе постепенно сформировалась устойчивая коалиция, выступавшая за «замороз-

5. Внесен в реестр иностранных агентов.

ку» имевшихся парламентских институтов. Лозунги же о реформе парламента или даже полном его уничтожении стали одной из ключевых идей президента Б.Н. Ельцина и его сторонников [Пихоя, Журавлев, Соколов 2011, с. 88–89]. В рамках сложившихся институтов у них не было шансов на победу в конфликте со Съездом народных депутатов [Шаблинский⁶ 1997, с. 222–223]. В самом же парламенте летом 1993 г. выступавшие за реформу парламента члены президиума были либо лишены своих постов, либо поставлены под угрозу этого [Шейнис 2005 б, с. 426–427].

Таким образом, дальнейшие реформы парламентского устройства в России произошли уже после уничтожения Съезда народных депутатов в сентябре-октябре 1993 г.

Специфика переходного периода сентября–декабря 1993 г.

Введенный президентским указом № 1400, переходный период первоначально не должен был завершиться принятием новой конституции, вопрос об этом предполагалось отложить до избрания нового парламента. О неуверенности президента в способности сформировать для общества какой-либо политический консенсус лучше всего свидетельствуют его попытки публиковать дополнительные указы, обещавшие блага другим политическим игрокам, а также его указ о досрочных президентских выборах, впоследствии отмененный [Шейнис 2014, с. 649–654]. Сам президент Б.Н. Ельцин позиционировал происходящее как попытку сменить действующий состав депутатского корпуса и решить накопившиеся проблемы: согласно указу, все законы РСФСР продолжали действовать, в том числе старая конституция в тех ее частях, которые ему не противоречили. Намерения президента были скорректированы его победой в силовых столкновениях 3–4 октября: подготовленный проект конституции был заново переписан, в том числе при участии самого президента, и принят на объявленном им всенародном голосовании [Из истории создания Конституции 1993, с. 835–836].

Новая конституция радикально изменила парламентское устройство и сделала его ближе к международным образцам: конструкция парламента была упрощена, палаты были разделены на верхнюю и нижнюю, между ними появилось разделение функций. Однако его полномочия были урезаны, а многие прижившиеся практики парламентской работы, такие как депутатский запрос или парламентское расследование, были из основного закона убраны. Из механизмов парламентского контроля новая конституция закрепила только два совершенно новых: Счетную палату и пост Уполномоченного по правам человека.

6. Внесен в реестр иностранных агентов.

Тем не менее в самом начале переходного периода президентом была создана «протопарламентская» институция – Комиссия законодательных предложений. Помимо участия в конституционном процессе, она работала над проектами законов, которые не успели завершить комитеты Верховного Совета, а также готовила законопроекты, которые были призваны обеспечить работу нового парламента [Митюков 2023, с. 438–447].

Опорой президента в качестве членов комиссии стали депутаты верных ему фракций, бывшие члены комитета по законодательству и эксперты [там же, с. 447–451]. Главой комиссии был назначен М.А. Митюков, а за подготовку регламентов палат нового парламента отвечал В.Л. Шейнис, также ранее выдвигавший реформаторские проекты [Предложения членов, Л. 1–2]. Последний также стал автором нового закона о смешанной избирательной системе. Закон был создан им задолго до описываемых событий и продвигался в расчете на создание в нижней палате сильных партийных структур, отсутствовавших в Верховном Совете [Гельман 2023].

Конструирование ключевых институтов Федерального собрания в 1994–1995 гг.

Новый парламент был разделен на две палаты, которые, согласно конституции, не могли проводить совместные заседания, кроме как для заслушивания посланий: президент реализовал таким образом принцип «разделяй и властвуй», чтобы устранить на будущее возможности повторения сценария с Верховным Советом [Помигуев 2017]. В дальнейшем каждая из палат приобрела совершенно самостоятельную траекторию институционального развития.

Совет Федерации задумывался как аналог немецкого Бундесрата – совещания представителей земельных правительств, которое может опротестовывать законы, но не имеет права их редактировать [Митюков 2023, с. 489–498]. В российском варианте к этому было добавлено право утверждать в должности генерального прокурора и высших судей, взятое из образца Сената США. При этом имела место юридическая коллизия: новая конституция не закрепила постоянный механизм формирования верхней палаты, что в дальнейшем привело к конфликту между депутатами Госдумы, выступавшими за прямые выборы в верхнюю палату, как это было сделано в первый раз, и президентом, который считал, что такой способ избрания не соответствует концепции работы органа [Шаблинский⁷ 1997 с. 232]. Итогом конфликта стало принятие в 1995 г. закона о том, что Совет Федерации формируется из глав исполнительной и законодательной ветвей власти регионов.

7. Внесен в реестр иностранных агентов.

На этапе определения внутреннего дизайна верхней палаты Комиссия законодательных предположений выступила за избрание членов по мажоритарным округам, а также непрофессиональную основу работы депутатов Совета Федерации. Как следствие, в верхней палате не появились сильные партийные структуры и ее развитие в дальнейшем пошло по модели «сильного председателя», во многом унаследованной от Верховного Совета. Председатель сам распределял полномочия между тремя своими заместителями, фактически руководил аппаратом палаты и его власть не сдерживалась президиумом, поскольку тот так и не был создан [Remington 2001, p. 206–211].

Совершенно иная логика прослеживается в развитии Государственной думы. Состав нижней палаты оказался ещё более поляризованным и фрагментированным, чем конфигурация Верховного Совета. Значительная часть нижней палаты считала себя правопреемниками Верховного Совета, но в то же время была настроена на активную работу в новых условиях [Мндоянц Салмин и др. 1996, с. 14–16]. Основную же роль в процессе становления Государственной думы сыграли бывшие депутаты Верховного Совета. Например, проект ее регламента был подготовлен Комиссией законодательных предположений, а ключевыми участниками его обсуждения стали депутаты, уже имевшие парламентский опыт: В.Б. Исаков, Н.И. Травкин, М.А. Митюков, Г.И. Задонский, С.Б. Станкевич и др. [Документы к регламенту, Л. 1–216]. Остальное большинство депутатского корпуса не было столь активно включено в процесс конструирования палаты: тот же регламент удалось принять лишь с третьей попытки и с минимальным перевесом голосов, поскольку в зале заседаний с трудом собрался кворум [Стенограмма 1994].

Касательно произошедших институциональных изменений можно сказать, что они стали естественным продолжением дискуссий, шедших еще в Верховном Совете. Весь политический спектр Государственной думы согласился с чрезмерностью полномочий председателя в Верховном Совете, поэтому в новом регламенте они были радикально урезаны. Вдобавок, было решено, что Совет Госдумы, пришедший на место президиума, должен формироваться из представителей фракций и депутатских групп, без решающего голоса глав комитетов [Помигуев 2016]. Столь серьезное увеличение влияния фракций во внутренней жизни палаты относительно бывшего Верховного Совета стало следствием политической конъюнктуры и смешанной избирательной системы [Haspel 1998].

Произошла серьезная коррекция законотворческого процесса, на чем в прошлом настаивал комитет Верховного Совета по законодательству: количество чтений увеличилось до трех, расширился список документов, прилагаемых к законопроекту, была убрана возможность подачи законодательного предложения. Положения об аппарате, электронной системе голосований и международной деятельности палаты, намеченные в 1990–1993 гг. лишь пун-

ктирно, получили свое развитие и были выделены в самостоятельные главы регламента.

Несмотря на изменение порядка назначения, главы комитетов остались в Государственной думе сильными фигурами, во многом определявшими работу своих комитетов, принципы работы которых во многом сохранились [Haspel 1998]. Таким образом, формирование новых парламентских институтов фактически представляло собой коррекцию старых норм и вписывание их в рамки новых политических условий. Попытки же отдельных руководителей палаты встроить на этом этапе в уже имеющуюся институциональную структуру какие-либо радикальные инновации вроде положения независимого председателя или иных способов комплектования комитетов, заканчивались провалом [Ware 1995].

Наиболее четко сложившаяся институциональная колея видна на примере законов о Счетной палате и Уполномоченном по правам человека. Первый был принят относительно быстро, в январе 1995 г. Свою роль в этом сыграло то, что до начала работы Государственной думы над ним в течение двух лет работал Верховный Совет, а состав авторов перешел к новому парламенту по наследству от старого [Документы о разработке проектов постановлений, Л. 29–32, 96–119].

Тормозом на пути закона о Счетной палате оказалась борьба президента и думского комитета вокруг концепции: разработчики закона наделили орган более широкими полномочиями, чем того желал президент [Документы к проекту федерального закона, Л. 34–52]. При этом депутатское большинство было едино в желании принять закон как можно быстрее, поскольку правительство отказывалось работать с временным контрольно-бюджетным комитетом [Документы, поступившие в секретариат, Л. 191–192]. Как итог, закон быстро был скорректирован до компромиссной редакции, чему, вероятно, поспособствовало согласие части активных депутатов с президентской концепцией [Глейзнер, Чейсти 1999].

История же закона об уполномоченном по правам человека гораздо длиннее. Новый институт никогда ранее не существовал в российской практике, а инициатором его создания была конституционная комиссия Верховного Совета. Несмотря на быстрое принятие закона в I чтении, еще на самых ранних этапах к его проекту поступили сотни поправок [Документы к федеральному конституционному закону, Л. 58–304]. Депутат В.Б. Исаков вспоминал, что думские фракции опасались внедрять новую должность и постоянно урезали её функции [Исаков 2022, с. 59]. Сам же пост долгое время оставался вакантным после конфликта временного уполномоченного С.А. Ковалева с депутатским большинством. Избрание в 1998 г. на пост уполномоченного О.О. Миронова потребовало длительных переговоров и нового межфракционного соглашения. Как следствие, институт уполномоченного оказался крайне слабым, а самого

уполномоченного не была готова поддержать ни одна крупная политическая сила [Сунгуров, Распопов, Глухова 2013]. Как видно из этого примера, разработка совершенно новых институциональных структур требовала длительной работы и долгих согласований, в то время как в вопросе восстановления утраченных прерогатив депутаты были готовы демонстрировать солидарность и гибкость.

Дальнейшее развитие палаты также приняло характер возврата старых практик, уничтоженных в сентябре–декабре 1993 г., например, были восстановлены возможности депутатов отправлять депутатский запрос и практика «правительственного часа». С декабря 1994 г. депутаты активно создавали исследовательские комиссии, несмотря на отсутствие соответствующего закона [История недоверия 2005]. Не имея рычагов влияния на кадровый состав правительства, депутаты несколько раз успешно добивались персональных отставок, идя на риск и иницируя вотум недоверия правительству в целом [Узлова 2006, с. 214–216]. Еще более показательными являются и поправки к конституции, разработанные депутатами: все они так или иначе предполагали возвращение полномочий Верховного Совета в том или ином объеме [Медушевский 2015, с. 370–379].

Заключение

Описанная выше история становления российских парламентских институтов позволяет охарактеризовать ее как нестандартную версию зависимости от пути. Заданная I Съездом народных депутатов парламентская реформа привела к установлению новой конфигурации парламента, но сама реформа резко остановилась из-за раскола парламентского большинства на фоне кризиса. Одна часть депутатов выступила за дальнейший пересмотр институтов, а другая – за «заморозку», пусть хотя бы и временную. Вопрос о решении этого конфликта привел к переходу части депутатов на сторону президента страны.

При этом события сентября–декабря 1993 г. могли бы считаться новой «точкой отсчета» для политической системы, но внутри истеблишмента так и не образовалась широкая коалиция в поддержку Конституции 1993 г. Депутаты были готовы ее соблюдать, но лишь в расчете на дальнейшую корректировку.

В свою очередь, институциональный каркас Федерального собрания был разработан при активном участии «старой гвардии» депутатов Верховного Совета и на базе дискуссий, шедших в предыдущем парламенте. Сформированная конструкция парламента оказалась консенсусной, а возможность внедрения в нее радикальных инноваций отпала, поскольку новый парламент был сильно фрагментирован. Однако это не касалось возврата старых и наработанных практик Верховного Совета, которые оказались в центре дальнейших дискуссий о развитии парламента.

Библиография

- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1990 г. М.: Верховный Совет РСФСР, 1990. 86 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР от 13 сентября 1990 г. М.: Верховный Совет РСФСР, 1990. 45 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР от 10 октября 1991 г. М.: Издание Верховного Совета, 1991. 62 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1990 г. М.: Верховный Совет РСФСР, 1990. 55 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР от 15 ноября 1990 г. М.: Верховный Совет РСФСР, 1990. 58 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР от 21 июня 1991 г. М.: Верховный Совет, 1991. 30 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РФ от 7 февраля 1992 г. М.: Верховный Совет, 1992. 47 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РФ от 25 марта 1992 г. М.: Верховный Совет, 1992. 46 с.
- Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РФ от 5 ноября 1992 г. М.: Издание Верховного Совета, 1992. 47 с.
- Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: ООО «Альпина Паблишер», 2014. 400 с.
- Гельман В.Я. Виктор Шейнис и российская электоральная реформа 1993 года // Электоральная политика. 2023. № 2. URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/viktor-sheinis-i-rossiiskaia-elektoralnaia-reforma-1993-goda/> (дата обращения 31.03.2025).
- Глейзенер Дж., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1998 гг. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 68 с.
- Гранкин И.Г. Парламент России. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001. 368 с.
- Документы к проекту Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации», принятой Государственной Думой 18 ноября 1994 года // ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 1 Д. 756.
- Документы к Регламенту Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, принятому 25 марта 1994 года. Т. 2 // ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 1 Д. 589.
- Документы к Федеральному конституционному закону от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Т. 1 // ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 14 Д. 1120.
- Документы о разработке проекта Закона РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Регламент ВС РФ» // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1058.
- Документы о разработке проекта Закона РСФСР «О Совете Министров-Правительстве РФ», Т. 3 // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1062.
- Документы о разработке проектов постановлений ВС РСФСР «О Контрольно-счетной палате при ВС РСФСР», «О Контрольно-бюджетной палате при ВС РСФСР» // ГАРФ 10026. Оп. 4 Д. 46.
- Документы, поступившие в Секретариат Председателя Государственной Думы и направленные в Секретариат Первого заместителя Председателя Государственной Думы Т. 1 // ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 50.
- Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993) 1993 г. Т. 4: Кн. 3, (июль–декабрь 1993). М.: Wolters Kluwer, 2009. 1040 с.
- Исаков В.Б. Госпереворот: парламентские дневники. М.: Палая, 1995. 472 с.

Исаков В.Б. Президентские выборы в России 1996 года: как избирали Бориса Ельцина. М.: Книжный мир, 2022. 334 с.

История недоверия в России // Газета «Коммерсантъ». 18.01.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/539477> (дата обращения: 22.09.2024).

Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Проспект, 2023. 296 с.

Краснов М.А. Создание Конституции России, как особый случай эффекта path dependence // Труды по россиеведению. 2016. № 6. С. 85–128.

Лукьянова Е.А.⁸ Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М.: Издательство Московского университета, 2000. 190 с.

Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 732 с.

Митюков М.А. В поисках обретения Конституции: от Конституции РСФСР 1978 года к Конституции Российской Федерации 1993 года: документально-монографическое исследование. М.: Проспект, 2023. 736 с.

Мндоянц С.А., Салмин А.М., Захаров А.А., Автономов А.С., Блохин А.А. Парламентаризм в России. Федеральное Собрание 1993–1995 гг.: V Государственная Дума, Совет Федерации первого созыва. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 1996. 238 с.

Нечаев А.А. Как мы делали реформы: Записки первого министра экономики новой России. М.: Социум, 2024. 502 с.

Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999. М.: Новый хронограф, 2011. 312 с.

Помигуев И.А. Руководство Государственной думы: Возвращение к советскому прошлому? // Политическая наука. 2017. № 3. С. 105–120.

Помигуев И.А. Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 171–183.

Постановление Верховного Совета РСФСР от 1 ноября 1991 г. «О правовом обеспечении экономической реформы» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 31 октября. № 44. Ст. 1456.

Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 21 июня 1990 г. «О подготовке проектов некоторых законов РСФСР, регулирующих работу Съезда народных депутатов, Верховного Совета РСФСР и их органов» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. 28 июня. № 4. Ст. 54.

Предложения членов Конституционной комиссии, народных депутатов РСФСР Шейниса В.Л. и Исакова В.Б. к обсуждению вопроса о реформе Верховного Совета РСФСР. Предложения Шейниса В.Л. по изменению Временного регламента Съезда народных депутатов РСФСР и о внесении поправок в Конституцию РСФСР // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 144.

Согрин В.В. Политическая история современной России 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Издательство «Весь мир», 2000. 262 с.

Стенограмма заседания Государственной Думы от 25 марта 1994 г. // Оперативная база данных «Стенограммы Государственной Думы». URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3221/> (дата обращения: 22.09.2024).

Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Глухова Е.А. Институты-медиаторы и их развитие в современной России III. Институт Уполномоченного по правам человека // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 108–124.

Узлова И.В. Проблема общественного согласия в деятельности Государственной Думы ФС РФ первого созыва, 1994–1995 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2006. 264 с.

8. Внесена в реестр иностранных агентов.

Узлова И.В. Федеральное Собрание РФ первого созыва: первый год работы // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Спб.: Астерион, 2020. С. 187–196.

Федоров Б.Г. Пытаясь понять Россию. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. 274 с.

Хасбулатов Р.И. Власть: Размышления спикера М.: Центр деловой информации, 1992. 72 с.

Шаблинский И.Г.⁹ Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 гг.). М.: Центр конституционных исследований Московского Общественного Научного Фонда, 1997. 248 с.

Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993): в 2 т. М.: Изд-во Р. Элинина, 2005 а. Т. 1. 702 с.

Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993): в 2 т. М.: Изд-во Р. Элинина, 2005 б. Т. 2. 769 с.

Шейнис В.Л. Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014. 1088 с.

Haspel M. Committees in the Russian State Duma: Continuity and change in comparative perspective // Journal of Legislative Studies. 1998. Vol. 4. Is. 1. P. 188–205.

Haspel M. Should Party in Parliament be weak or strong? The Rules Debate in the Russian State Duma // Journal of Communist Studies Transition Politics. 1998. Vol. 14. Is. 1–2. P. 178–200.

Kiewiet D.R., Myagkow M. Czar Rule in the Russian Congress of People's Deputies? // Legislative Studies Quarterly. 1996. Vol. 21. Is. 1. P. 5–40.

Mahoney J. Path dependence in historical sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29. P. 507–548.

Mahoney J., Schensul D. Historical context and path dependence // The Oxford handbook of contextual political analysis. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 454–471.

Remington T.F. The Russian Parliament: institutional evolution in a transitional regime 1989–1999. London: Yale University Press, 2001. XIV, 288 p.

Shleiter P. Variation in Speaker Power: The Case of the Russian Congress, 1990–93 // The journal of Legislative Studies. 2002. Vol. 8. Is. 2. P. 23–48.

Steinmo S. What is historical institutionalism? // Approaches in social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 150–178.

Thorson C. Why Politicians Want Constitutional Courts: The Russian Case // Communist and Post-Communist Studies. 2004. Vol. 37. № 2. P. 187–211.

Tilly Ch. Why and How History Matters // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 417–437.

Ware R. Transferability of parliamentary experience: The Russian example // The Journal of Legislative Studies. 1995. Vol. 1–2. P. 264–282.

References

Biulleten' sovmestnogo zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 21 sentiabria 1990 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the RSFSR of September 21, 1990]. Moscow: Verkhovnyi Sovet RSFSR, 1990. 86 p. (In Russ.)

Biulleten' sovmestnogo zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 13 sentiabria 1990 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and

9. Внесен в реестр иностранных агентов.

the Council of Nationalities of the Supreme Council of the RSFSR of September 13, 1990]. Moscow: Verkhovnyi Sovet RSFSR, 1990. 45 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RSFSR ot 10 oktiabria 1991 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the RSFSR of October 10, 1991]. Moscow: Izdanie Verkhovного Soveta, 1991. 62 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RSFSR ot 24 oktiabria 1990 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the RSFSR of October 24, 1990]. Moscow: Verkhovnyi Sovet RSFSR, 1990. 55 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RSFSR ot 15 noiabria 1990 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the RSFSR of November 15, 1990]. Moscow: Verkhovnyi Sovet RSFSR, 1990. 58 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RSFSR ot 21 iunია 1991 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the RSFSR of June 21, 1991]. Moscow: Verkhovnyi Sovet, 1991. 30 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RF ot 7 fevralia 1992 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the Russian Federation of February 7, 1992]. Moscow: Verkhovnyi Sovet, 1992. 47 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RF ot 25 marta 1992 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Council of the Russian Federation of March 25]. Moscow: Verkhovnyi Sovet, 1992. 46 p. (In Russ.)

Biulleten' sovместного zasedaniia Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei Verkhovного Soveta RF ot 5 noiabria 1992 g. [Bulletin of the joint meeting of the Council of the Republic and the Council of Nationalities of the Supreme Soviet of the Russian Federation of November 5, 1992]. M.: Izdanie Verkhovного Soveta, 1992. 47 p. (In Russ.)

Dokumenty k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu ot 26 fevralia 1997 goda № 1-FKZ «Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii». T. 1 [Documents to the Federal Constitutional Law of February 26, 1997 N 1-FKZ "On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation". Vol. 1]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10100. Inv. 14. C. 1120. (In Russ.)

Dokumenty k projektu Federal'nogo zakona «O Schetnoi palate Rossiiskoi Federatsii», priniatomu Gosudarstvennoi Dumoi 18 noiabria 1994 goda [Documents to the draft Federal Law «On the Accounts Chamber of the Russian Federation», adopted by the State Duma on November 18, 1994]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10100. Inv. 1 C. 756. (In Russ.)

Dokumenty k Reglamentu Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii, priniatomu 25 marta 1994 goda. T. 2 [Documents to the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, adopted on March 25, 1994. Vol. 2]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10100. Inv. 1 C. 589. (In Russ.)

Dokumenty o razrabotke proekta Zakona RSFSR «O Sovete Ministrov-Pravitel'stve RF», T. 3 [Documents on the development of the draft Law of the RSFSR «On the Council of Ministers – Government of the Russian Federation». Vol. 3]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10026. Inv. 4. C. 1062. (In Russ.)

Dokumenty o razrabotke proekta Zakona RSFSR «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Reglament VS RF» [Documents on the development of the draft Law of the RSFSR «On Amendments and

Additions to the Rules of the Supreme Council of the Russian Federation»]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10026. Inv. 4. C. 1058. (In Russ.)

Dokumenty o razrabotke proektov postanovlenii VS RSFSR «O Kontrol'no-schetnoi palate pri VS RSFSR», «O Kontrol'no-biudzhethnoi palate pri VS RSFSR» [Documents on the development of draft resolutions of the Supreme Council of the RSFSR «On the Control and Accounts Chamber under the Supreme Council of the RSFSR», «On the Control and Budget Chamber under the Supreme Council of the RSFSR»]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10026. Inv. 4 C. 46. (In Russ.)

Dokumenty, postupivshie v Sekretariat Predsedatel'ia Gosudarstvennoi Dumy i napravlennye v Sekretariat Pervogo zamestitel'ia Predsedatel'ia Gosudarstvennoi Dumy T. 1 [Documents received by the Secretariat of the Chairman of the State Duma and sent to the Secretariat of the First Deputy Chairman of the State Duma Vol. 1]. GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10100. Inv. 2. C. 50.

Fedorov B.G. Pytayas' ponyat' Rossiyu [Trying to understand Russia]. Saint Petersburg: Limbuspress, 2000. 274 p. (In Russ.)

Gajdar E.T. Dni porazhenij i pobed [Days of Defeats and Victories]. Moscow: Al'pina Publisher, 2014. 400 p. (In Russ.).

Gel'man V Viktor SHEjnis i rossijskaya elektoral'naya reforma 1993 goda [Viktor Sheinis and the Russian Electoral Reform of 1993]. Elektoral'naya politika [Electoral Policy]. 2023. N 2. URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/viktor-sheinis-i-rossiiskaia-elektoralnaia-reforma-1993-goda/> (In Russ.). (date of access: 22.09.2024).

Gleisner J., Chaisty P. Rossijskaya Gosudarstvennaya Duma: struktura, deyatel'nost' i ehvolyutsiya v period 1993–1998 [The Russian State Duma: Structure, Activity, and Evolution in the Period 1993–1998]. Moscow: Moskovskij obschestvennyj nauchnyj fond, 1999. (In Russ.)

Grankin I.G. Parlament Rossii [The Parliament of Russia]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2001. 368 p. (In Russ.)

Haspel M. Committees in the Russian State Duma: Continuity and change in comparative perspective. *Journal of Legislative Studies*. 1998. Vol. 4. Is. 1. P. 188–205.

Haspel M. Should Party in Parliament be weak or strong? The Rules Debate in the Russian State Duma. *Journal of Communist Studies Transition Politics*. 1998. Vol. 14. Is. 1–2. P. 178–200.

Isakov V.B. Gosperevorot: parlamentskie dnevniki [Coup d'état: parliamentary diaries]. Moscow: Paleya, 1995. 472 p. (In Russ.)

Isakov V.B. Prezidentskie vybory v Rossii 1996 goda: kak izbirali Borisa El'cina [Presidential elections in Russia in 1996: how Boris Yeltsin was elected]. Moscow: Knizhnyj mir, 2022. 334 p. (In Russ.)

Istoriya nedoveriya v Rossii [History of mistrust in Russia]. *Gazeta «Kommersant»* [Kommersant newspaper]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/539477> (In Russ.). (date of access: 22.09.2024).

Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossijskoj Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993) T. 4: 1993 g. Kniga 3 (iyul'–dekabr' 1993) [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993) Vol. 4: 1993. Book 3 (July–December 1993)]. Moscow: Wolters Kluwer, 2009. (In Russ.).

Khasbulatov R.I. Vlast': Razmyshleniia spikera [Power: Reflections of the Speaker]. Moscow: Tsentr delovoi informatsii, 1992. 72 p. (In Russ.)

Kiewiet D.R., Myagkow Czar Rule in the Russian Congress of People's Deputies? *Legislative Studies Quarterly*. 1996. Vol. 21. Is. 1. P. 5–40.

Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran [Constitutional (state) law of foreign countries]. Moscow: Prospekt, 2023. 296 p. (In Russ.)

Krasnov M.A. Sozdanie Konstitutsii Rossii, kak osobyj sluchaj ehffekta path dependence [Creation of the Constitution of Russia as a special case of the path dependence effect]. *Trudy po rossiavedeniyu* [Works on Russian Studies]. 2016. N 6. P. 85–128. (In Russ.)

Luk'yanova E.A. Rossijskoe zakonodatel'stvo i konstitutsionnoe zakonodatel'stvo v Rossii (1917–1993) [Russian legislation and constitutional legislation in Russia (1917–1993)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000. 196 p. (In Russ.)

Mahoney J. Path dependence in historical sociology. *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 507–548.

Mahoney J., Schensul D. Historical context and path dependence. *The Oxford handbook of contextual political analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 454–471.

Medushevskij A.N. Srovnitel'noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty [Comparative constitutional law and political institutions: a course of lectures]. 2nd ed. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2015. 732 p. (In Russ.)

Mityukov M.A. V poiskakh obretneniya Konstitutsii: ot Konstitutsii RSFSR 1978 goda k Konstitutsii Rossijskoj Federatsii 1993 goda: dokumental'no-monograficheskoe issledovanie [In search of finding a Constitution: from the Constitution of the RSFSR of 1978 to the Constitution of the Russian Federation of 1993: a documentary-monographic study]. Moscow: Prospekt, 2023. 726 p. (In Russ.)

Mndoyants S.A., Salmin A.M., Zakharov A.A., Avtonomov A.S., Blokhin A.A. Parlamentarizm v Rossii. Federal'noe Sobranie 1993–1995 gg.: V Gosudarstvennaya Duma, Sovet Federatsii pervogo sozyva [Parliamentarism in Russia. Federal Assembly 1993–1995: V State Duma, Federation Council of the first convocation]. Moscow: Fond razvitiya parlamentarizma v Rossii, 1996. 238 p. (In Russ.)

Nechaev A.A. Kak my delali reformy: zapiski pervogo ministra ekonomiki novoj Rossii [How We Made Reforms: Notes from the First Minister of Economy of the New Russia] M.: Socium, 2024. 502 p. (In Russ.)

Pikhoya R.G., Zhuravlev S.V., Sokolov A.K. Istoriya sovremennoj Rossii. Desyatiletie liberal'nykh reform: 1991–1999 [History of modern Russia. Decade of liberal reforms: 1991–1999]. Moscow: Novyj khronograf, 2011. 312 p. (In Russ.)

Pomiguyev I.A. Sovet Gosudarstvennoj Dumy: real'nyj veto-igrok ili tekhnicheskij ispolnitel'? [The State Duma Council: a real veto player or a technical executor?] Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]. 2016. N 2. P. 171–183. (In Russ.)

Pomiguyev I.A. Rukovodstvo Gosudarstvennoj dumy: Vozvrashcheniye k sovetskomu proshlomu? [State Duma Leadership: Return to the Soviet Past?] Politicheskaya nauka [Political Science]. 2017. N 3. P. 105–120. (In Russ.)

Postanovlenie S'ezda narodnykh deputatov RSFSR ot 21 iyunia 1990 g. «O podgotovke proektov nekotorykh zakonov RSFSR, reguliruiushchikh rabotu S'ezda narodnykh deputatov, Verkhovnogo Soveta RSFSR i ikh organov» [Resolution of the Congress of People's Deputies of the RSFSR of June 21, 1990 «On the Preparation of Drafts of Certain Laws of the RSFSR Regulating the Work of the Congress of People's Deputies, the Supreme Soviet of the RSFSR and Their Bodies»]. Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1990. June 28. N 4. Item 54. (In Russ.)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 1 noiabria 1991 g. «O pravovom obespechenii ekonomicheskoi reformy» [Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of November 1, 1991 «On the Legal Framework for Economic Reform»]. Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1991. October 31. N 44. Item 1456. (In Russ.)

Predlozheniia chlenov Konstitutsionnoi komissii, narodnykh deputatov RSFSR Sheinisa V.L. i Isakova V.B. k obsuzhdeniiu voprosa o reforme Verkhovnogo Soveta RSFSR. Predlozheniia Sheinisa V.L. po izmeneniiu Vremennogo reglamenta S'ezda narodnykh deputatov RSFSR i o vnesenii popravok v Konstitutsii RSFSR [Proposals by members of the Constitutional Commission, People's Deputies of the RSFSR Sheinisa V.L. and Isakov V.B. to the discussion of the issue of reforming the Supreme Soviet of the RSFSR. Proposals by Sheinisa V.L. on changing the Provisional Regulations of the Congress of

People's Deputies of the RSFSR and on amending the Constitution of the RSFSR] // GARF [State Archives of the Russian Federation]. F. 10026. Inv. 3. C. 144. (In Russ.)

Remington T.F. The Russian Parliament: institutional evolution in a transitional regime 1989–1999. London: Yale University Press, 2001. P. 182–183.

Shablinskij I.G. Predely vlasti. Bor'ba za rossijskuyu konstitutsionnyuyu reformu (1989–1995 gg.) [The Limits of Power. The Struggle for Russian Constitutional Reform (1989–1995)]. Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovanij Moskovskogo Obshchestvennogo Nauchnogo Fonda, 1997. 248 p. (In Russ.)

Shejnis V.L. Vlast' i zakon: politika i konstitutsii v Rossii v XX–XXI vekakh [Power and Law: Politics and Constitutions in Russia in the 20th–21st Centuries]. M.: Mysl', 2014. 1088 p. (In Russ.)

Shejnis V.L. Vzlet i padenie parlamenta: perelomnye gody v rossiyskoy politike [The Rise and Fall of Parliament: Turning Points in Russian Politics (1985–1993)]: in 2 vol. Moscow: Elinina, 2005. T. 1. 702 p. (In Russ.)

Shejnis V.L. Vzlet i padenie parlamenta: perelomnye gody v rossiyskoy politike [The Rise and Fall of Parliament: Turning Points in Russian Politics (1985–1993)]: in 2 vol. Moscow: Elinina, 2005. 769 p. (In Russ.)

Shleiter P. Variation in Speaker Power: The Case of the Russian Congress, 1990–93. The journal of Legislative Studies. 2002. Vol. 8. Is. 2. P. 23–48.

Sogrin V.V. Politicheskaya istoriya sovremennoj Rossii 1985–2001 g.: ot Gorbacheva do Putina [Political history of modern Russia 1985–2001: from Gorbachev to Putin]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2000. 262 p. (In Russ.)

Steinmo S. What is historical institutionalism? Approaches in social sciences Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 150–178.

Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoj Dumi ot 25 marta 1994 g. [Transcript of the meeting of the State Duma of March 25, 1994]. Operativnaya baza dannyh «Stenogrammy Gosudarstvennoj Dumi» [Operational database «Transcripts of the State Duma»] URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3221/> (In Russ.) (date of access: 22.09.2024).

Sungurov A.Yu., Raspopov N.P., Glukhova E.A. Instituty-mediatory i ikh razvitie v sovremennoj Rossii III. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka [Institutions-mediators and their development in modern Russia III. Institute of the Commissioner for Human Rights]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]. 2013. N 2. P. 108–124. (In Russ.)

Thorson C. Why Politicians Want Constitutional Courts: The Russian Case. Communist and Post Communist Studies. 2004. Vol. 37. Is. 2. P. 187–211.

Tilly Ch. Why and How History Matters. The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 417–437.

Uzlova I.V. Federal'noe Sobranie RF RF pervogo sozyva: pervyj god raboty [Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation: the first year of work]. Tavricheskie chteniya 2019. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' [Tavrichesky readings 2019. Actual problems of parliamentarism: history and modernity]. Saint Petersburg: Asterion, 2020. P. 187–196. (In Russ.)

Uzlova I.V. Problema obshchestvennogo soglasiya v deyatel'nosti Gosudarstvennoj Dumi FS RF pervogo sozyva, 1994–1995 gg. [The problem of public consent in the activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation, 1994–1995]: dis. ... of candidate of historical sciences. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2006. 264 p. (In Russ.)

Ware R. Transferability of parliamentary experience: The Russian example. The Journal of Legislative Studies. 1995. Vol. 1–2. P. 264–282.

С.М. Агамалиев

**НЕООСМАНИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУРС**

***Аннотация.** Статья посвящена актуальности и перспективам исследования неоосманизма в современной американистике. Автором выделены основные научные исследования, которые содержат описание истории развития неоосманизма и основных характеристик данного подхода во внешней политике турецкого государства. Приведен ряд аргументов, подтверждающих приоритетность исследования неоосманского подхода как основного внешнеполитического подхода Турции. В то же время выявлено, что круг научных исследований, которые содержали бы дискуссии об актуальности и последующих перспективах развития неоосманизма как основного внешнеполитического подхода Турции, является ограниченным.*

В статье выделен ряд проблемных аспектов исследования неоосманизма в американистике, которые заключаются в неоднозначности взаимосвязи неоосманского подхода и современной внешнеполитической стратегии Турции, определяются сложной структурой и противоречивостью неоосманизма как политического феномена, объясняются отсутствием официального закрепления сущности неоосманизма в международных правовых документах и неоднозначностью научных подходов к пониманию значения термина «неоосманизм» в современной американистике.

Автором также предпринята попытка определить дальнейшие перспективы анализа содержания и значения неоосманизма американскими исследователями, которые, по его мнению, заключаются в изучении опыта Османской империи и возможностей его использования во внешней политике современной Турции, исследовании политического, социального и культурного смысла целей неоосманизма, прогнозировании результатов реализации неоосманизма во внешней политике Турции, а также сравнение неоосманизма и кемализма как внешнеполитических подходов.

***Ключевые слова:** неоосманизм; неоосманский подход; американистика; Османская империя; Турция; внешняя политика.*

Агамалиев Сеймур Мехман оглы – аспирант, факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета.

Россия, Москва.

E-mail: seymuraga@mail.ru

Agamaliyev S.M.

**Neo-Ottomanism in American Historiography and Political Science:
Current Perspectives and Discourse**

Abstract. *This article underscores the relevance and prospects of examining neo-Ottomanism within the field of modern American studies. It highlights key scholarly works that trace the historical development of neo-Ottomanism and outline its primary characteristics in the foreign policy of the Turkish state. The author presents a series of arguments supporting the importance of studying neo-Ottomanism as Turkey's main foreign policy approach. However, it is noted that the scope of academic research discussing the relevance and future prospects of neo-Ottomanism as Turkey's primary foreign policy strategy remains limited.*

Additionally, the article identifies several challenges associated with studying neo-Ottomanism in American scholarship, primarily stemming from the ambiguous relationship between the neo-Ottoman approach and Turkey's current foreign policy strategy. These challenges are further complicated by the complex structure and inherent inconsistencies of neo-Ottomanism as a political phenomenon, the absence of its official consolidation in international legal documents, and the lack of consensus among scholars regarding the interpretation of the term "neo-Ottomanism" in contemporary American studies.

The author also attempts to outline future research directions for analyzing the content and significance of neo-Ottomanism in American scholarship. In their view, this includes examining the legacy of the Ottoman Empire and assessing its applicability to the foreign policy of modern Turkey. This analysis encompasses the exploration of the political, social, and cultural implications of neo-Ottoman goals, forecasting the outcomes of its implementation in Turkish foreign policy, and drawing comparisons between neo-Ottomanism and Kemalism as distinct foreign policy paradigms.

Keywords: *Neo-Ottomanism; neo-Ottoman approach; American studies; Ottoman Empire; Turkey; foreign policy.*

**Agamaliyev Seymur Mehman ogli – PhD student, The Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies of the Russian State University for the Humanities. Russia, Moscow.
E-mail: seymuraga@mail.ru**

Введение

Турция является государством, которое имеет высокий экономический уровень развития. Это позволяет ей демонстрировать значительный рост в военном и промышленном потенциале, который ставится в приоритет при определении турецкими властями внешнеполитических целей.

Ближневосточный регион в последнее десятилетие стал территорией, на которой активно проходили различные военно-политические процессы. В частности, на территории Сирии 8 декабря 2024 г. завершилась политическая борьба между президентским режимом Б. Асада и оппозицией, способствовавшая с 2011 г.,

с самого начала конфликта, росту террористических формирований в Ближневосточном регионе [Stein 2017, p. 5]. Для урегулирования ситуации и защиты своих приграничных территорий Турцией в июле 2015 г. было принято решение об организации военных операций в Сирии [Аватков, Гузаеров 2023, с. 111].

Геополитическое усиление Турции на Ближнем Востоке содействовало тому, что американские исследователи стали чаще интересоваться внешнеполитической стратегией турецкого государства с целью выявить дальнейшие перспективы развития того или иного подхода во внешней политике этой страны. В таком контексте научный интерес представляет анализ американскими исследователями неоосманизма, или неоосманистского подхода.

Неоосманизм в политической американистике является прямой ассоциацией с внешней политикой турецкого государства. Именно поэтому неоосманизм, основные этапы его формирования и перспективы дальнейшего развития являются актуальной тематикой в современной американистике.

На настоящем этапе развития в американистике существуют научные исследования, содержащие описание истории развития неоосманизма и основных характеристик данного подхода во внешней политике Турции. Вместе с тем круг научных исследований, которые содержали бы дискуссии об актуальности и последующих перспективах развития неоосманизма как основного внешнеполитического подхода Турции, ограничен.

Актуальность исследования неоосманизма в современной американистике

Возрастание интереса в американистике к неоосманскому подходу обусловлено рядом причин. Значительную роль сыграли события 11 сентября 2001 г. в США. Императивы «глобальной войны с терроризмом» требовали формирования нового взгляда на исламские государства [см. подробнее: Бартенев 2011].

История Османской империи, в состав которой входила и Турция (также она является ее правопреемницей), по мнению Н. Данфорта, была «романтизированным» примером того, как на территории одного государства мирно проживало многонациональное население, принадлежавшее к различным конфессиям [Danforth 2015].

Поскольку неоосманизм является стратегией, в рамках которой происходит обращение к былому величию Османской империи, в американистике сложилась точка зрения, что при этом подходе ислам сочетается с ценностями, которые близки либеральным и отчасти присущи западным государствам. Например, данного мнения придерживается Р. Каплан, отмечая, что в рамках неоосманизма сочетаются как мусульманские, так и западные ценности [Kaplan 2012, p. 69].

Если обратиться к истории Турции, то в XVI–XVII вв., в период расцвета, в Османской империи существовало многонациональное государство, поэтому интерес американистов к данному историческому этапу формирования турец-

кого государства обусловлен необходимостью исследования направлений развития современного государства на основе компаративистского подхода.

Б. Бекдил отмечал, что неоосманизм позволяет выстроить четкую систему взаимодействия религии и государства, а следование принципам неоосманизма позволяет выделить приоритеты внешней политики Турции на современном этапе [Bekdil 2009]. Именно поэтому, по нашему мнению, использование исторического опыта турецкого государства легло в основу неоосманизма как подхода во внешней политике.

Направления исследования неоосманизма в современной американистике: проблемные вопросы

Исследование неоосманизма в современной американистике имеет несколько направлений.

Еще в конце 1990-х годов Г. Кемп и Р. Харкави отметили актуальность изучения сочетания в идеологии турецкого государства черт исламизма и демократии. По мнению этих исследователей, возможно два варианта развития событий: Турция выступит гарантом примирения между исламским миром и западными государствами, или же произойдет усиление неоосманизма, и Турция будет противопоставлять собственную внешнюю политику западным государствам [Kemp, Harkavy 1997, p. 10].

Впоследствии А. Штейн высказал противоположную точку зрения, указав на то, что угрозы расхождения ценностей Турции и ценностей европейских государств не существует [Stein 2017, p. 6]. Некоторые американисты, к примеру Н. Дэнфорт и Э. Вастиндж, подчеркивают, что неоосманский внешнеполитический подход не является актуальным в условиях современного уровня развития дипломатических отношений Турции с исламскими и западными государствами [Danforth 2014; Wastnidge 2019, p. 21].

С точки зрения А. Кая, между неоосманским подходом и современной внешнеполитической стратегией Турции существует взаимосвязь, а неоосманизм позволяет понять роль Турции в Ближневосточном регионе [Каа 2013, p. 57]. В американистике существует объяснение вышеназванному тезису: неоосманский подход позволяет адаптировать исторический опыт политического господства Османской империи, ее мультикультурализм, мультирелигиозность и мультиэтничность к новым внешнеполитическим целям Турции на международной арене [Fuller 2014, p. 134].

Реализация неоосманизма позволяет турецким властям расширить свое международное влияние, а его содержание дает им возможность стремиться к воссозданию модели османского государства, которая, в свою очередь, предполагает следование экономическим и культурным процессам глобализации [Taspinar 2008, p. 28].

С точки зрения Е. Кеймана и С. Айдын-Дузгит, следование Турции неоосманизму во внешней политике является проблемным вопросом, так как это направление может вызвать напряженность в отношениях Турции и ее соседей [Aydin-Duzgit, Keyman 2014]. Они подчеркивают, что неоосманизм, несмотря на свои амбициозные цели, сопряжен с рисками, которые могут подорвать стабильность в регионе [там же]. С. Динк и М. Йетим отмечают, что для достижения внешнеполитических успехов турецким властям необходимо в первую очередь критически отнестись к основным направлениям неоосманизма [Dinc, Yetim 2012, p. 72]. Они утверждают, что глубокий анализ исторического контекста и современных тенденций позволит лучше понять, как эти идеи влияют на стратегические решения и международные отношения Турции [там же, p. 72].

С. Чагаптай, анализируя внешнюю политику Турции в Ближневосточном регионе, отметил, что неоосманизм по своему содержанию не представляет опасности для исламских государств [Cagaptay 2009]. Исследователь пришел к выводу, что неоосманизм позволяет США рассматривать Турцию как «идеальный инструмент» продвижения американской позиции относительно государств Ближневосточного региона [там же].

Вместе с тем поскольку между Турцией и США существуют определенные внешнеполитические разногласия, например в отношении сирийского конфликта, взаимоотношения этих государств в рамках неоосманского подхода является затруднительным. М.Х. Явуз считает, что американо-турецкое взаимодействие возможно, но только в том случае если Турция будет находиться в сфере влияния США в процессе взаимосвязи с мусульманскими государствами. Если же США будут сохранять свои позиции в Ближневосточном регионе, то неоосманский подход гарантирует совпадение интересов США и Турции на Ближнем Востоке и активное сотрудничество государств между собой [Yavuz 2016, p. 457].

В американских работах неоосманизм исследуется также и как внешнеполитическая традиция. По указанию С. Чагаптая, термин «неоосманизм» обозначает сформировавшийся в XXI в. взгляд на внешнюю политику Турции со стороны европейских государств [Cagaptay 2009].

С точки зрения Н. Данфорта, неоосманизм является достаточно сложным по структуре и противоречивым политическим феноменом, сочетающим в себе черты других внешнеполитических подходов – пантюркизма, панисламизма, кемализма, регионализма [Danforth 2014].

Как было отмечено выше, неоосманизм напрямую соотносится с внешней политикой турецкого государства. Однако прежде всего это касается внешней политики по отношению к государствам, расположенным в Ближневосточном регионе, и может свидетельствовать о том, что именно данное направление будет приоритетным во внешней политике Турции. Если же, согласно мнению Т. Клейтона и Дж. Занотти, неоосманизм успешно адаптируется под интересы Запада, то Турция может стать своеобразной моделью «мусульманской капиталистиче-

ской демократии» [Zanotti, Clayton 2023, p. 49]. Иными словами турецкое государство нацелено на проведение внешнеполитического курса, который направлен на защиту турецких национальных интересов. Такая точка зрения развита Э. Уастниджем, который подчеркивает, что реализация неоосманизма позволяет обеспечивать безопасность приграничных территорий [Wastnidge 2019, p. 16].

Современная внешнеполитическая концепция Турции не содержит в себе прямого обращения к былому величию Османской империи и поэтому ее нельзя охарактеризовать с точки зрения неоосманского подхода. Так, М.А. Рейнолдс предложил отказаться от использования термина «неоосманизм» в контексте современной внешней политики Турции [Reynolds 2012, p. 20]. Мнение этого исследователя вполне обосновано, поскольку неоосманизм как официальная внешнеполитическая идеология Турции не закреплена в нормативно-правовых актах, следовательно, у неоосманизма отсутствует доктринальный статус. Поэтому по своей сути неоосманизм является отражением внешнеполитического опыта турецкого государства. В таком случае расширение влияния Турции в Ближневосточном регионе происходит в первую очередь исходя из схожих культурных и исторических тенденций, а не в связи со стремлением возродить величие Османской империи. Однако подобное мнение встречается нечасто, поскольку большинство американистов считают, что реальной угрозы попадания Турции под исламское влияние нет.

Американские исследователи по-разному трактуют и сам термин «неоосманизм». По мнению Н. Дэнфорта, например, восприятие неоосманизма имеет прямую взаимосвязь с тем, как величие Османской империи воспринимается современными государствами [Danforth 2015]. А. Цзакка и Э. Уастнидж говорят о трех научных подходах к трактовке содержания неоосманизма, которые объединяет ориентация на внешнюю политику:

1) неоосманизм сравнивают с позиционированием Османской империи как «колыбели цивилизации», которая дала толчок для развития многим государствам, ранее входившим в ее состав;

2) анализ неоосманизма включает его соотнесение с образом Османской империи как «исламской империи», при этом акцентируется внимание на взаимодействии с исламскими странами;

3) неоосманизм интерпретируют как отражение мультикультурной природы Османской империи, подчеркивая возрождение культурных традиций в Ближневосточном регионе [см.: Шпаковская, Барнашов 2018].

Некоторые американские исследователи, например А. Кайя и М.А. Рейнолдс, отмечают взаимосвязь исламизма и неоосманизма, что предполагает восстановление первичных ценностей исламской цивилизации [Кауа 2013, p. 58; Reynolds 2012, p. 19]. В таком контексте Турция рассматривается ими как своеобразный инструмент регулирования отношений между Западом и мусульманскими государствами.

Перспективы исследования неоосманизма в американистике

Анализ содержания неоосманизма и его значения для внешней политики Турции имеет определенные исследовательские перспективы в современной американистике.

Неоосманизм зачастую сравнивается с пантюркизмом и возрождением былого величия Османской империи, поэтому особый интерес представляет изучение того, какой именно опыт Османской империи положительно внедряется в направления современной внешней политики Турции. Внешняя политика Турции с такой точки зрения может предполагать следование исламским традициям и поддержку государств, которые расположены на Ближнем Востоке. Однако у американских исследователей не сформировалась общая точка зрения относительно того, возможно ли одновременно выстроить два равнозначных направления внешней политики для Турции: следование исламским традициям и ориентация на западные государства.

Предметом детального анализа американскими исследователями может выступить и политическое лидерство Турции в государствах Ближнего Востока. Такое направление исследования является актуальным в контексте современной геополитической ситуации на международном уровне. Кроме того, малоизученным аспектом является исследование политического, социального и культурного смысла целей неоосманизма, а также прогнозирование результатов реализации неоосманизма во внешней политике Турции.

Актуальным направлением исследования в американистике может стать сравнительный анализ неоосманизма и кемализма как основных внешнеполитических подходов к урегулированию конфликтов на территории ближневосточных государств. Неоосманская идеология во многом является приоритетной в целях урегулирования конфликтов в государствах Ближневосточного региона [Yavuz 2016, p. 444], поэтому перспективным направлением исследования является анализ влияния неоосманизма на конфликты на Ближнем Востоке (к примеру, проведение Турцией военных операций в Сирии).

Заключение

Неоосманский подход во внешней политике Турции является актуальным направлением исследования в современной американистике. Аргументами, подтверждающими актуальность исследования этого внешнеполитического подхода, являются усиление взаимодействия Турции и государств Ближнего Востока и определение дальнейших перспектив развития внешней политики Турции. Также американские исследователи подтверждают важность детального анализа неоосманского подхода в контексте политических исследований.

Основными проблемными вопросами исследования неоосманизма в исследованиях американских исследователей являются: неоднозначность взаимосвязи неоосманского подхода и современной внешнеполитической стратегии Турции; положительное влияние неоосманизма на международное положение турецкого государства и непростое взаимодействие США и Турции в рамках неоосманского подхода; сложная структура и противоречивость неоосманизма как политического феномена; отсутствие официального закрепления сущности неоосманизма в текстах турецких правовых документов; сочетание в идеологии турецкого государства черт исламизма и демократии; отказ от употребления термина «неоосманизм» в контексте современной внешней политики Турции и неоднозначность научных подходов к пониманию значения термина «неоосманизм».

Исследование неоосманизма в современной американистике может иметь определенное продолжение. Перспективными направлениями исследования, по мнению авторов, являются следующие: изучение опыта Османской империи и возможности его использования во внешней политике современной Турции, а именно, удачное сочетание двух равнозначных направлений внешней политики для Турции (следование исламским традициям и ориентация на западные государства); господство Турции в государствах Ближнего Востока; исследование смыслов (политического, социального и культурного) целей неоосманизма; прогнозирование результатов реализации неоосманизма во внешней политике Турции; сравнение неоосманизма и кемализма как двух внешнеполитических подходов.

Библиография

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Сирийский кризис во внешней политике Турции // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 111–125.

Бартенев В.И. Влияние событий 11 сентября 2001 г. на политику США в сфере содействия международному развитию // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 184–218.

Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2. С. 30–36.

Aydin-Duzgit S., Keyman E.F. Democracy Support in Turkey's Foreign Policy // Carnegie Endowment for International. 2014. 25.03. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2014/03/democracy-support-in-turkeys-foreign-policy?lang=en¢er=russia-urasia> (дата обращения: 01.09.2024).

Bekdil B. Why neo-Ottomanism is bad for Turkey // Hurriyet. 2009. 30.01. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/burak-bekdil/why-neo-ottomanism-is-bad-for-turkey-10886683> (дата обращения: 01.09.2024).

Cagaptay S. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism" // The Washington Institute for Near East Policy. 2009. 24.04. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/akps-foreign-policy-misnomer-neo-ottomanism> (дата обращения: 01.09.2024).

Danforth N. Exhuming Turkey's Past. Ottoman Revivalism, Then and Now // Foreign Affairs. 2015. 11.03. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2015-03-11/exhuming-turkeys-past> (дата обращения: 01.09.2024).

Danforth N. The Empire Strikes Back // Foreign Policy. 2014. 27.03. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/03/27/the-empire-strikes-back-2/> (дата обращения: 01.09.2024).

Dinc C., Yetim M. Transformation of Turkish Foreign Policy Toward the Middle East: From Non-Involvement to a Leading Role // Alternatives. Turkish Journal of International Relations. 2012. Vol. 11, Iss. 1. P. 67–84.

Fuller G.E. Turkey and the Arab Spring: Leadership on the Middle East. [Squamish, British Columbia]: Bozorg Press, 2014. 408 p.

Kaplan R.D. The Revenge of Geography. What the map tells us about coming conflicts and the battle against Fate. New York: Random House, 2012. 448 p.

Kaya A. Yunus Emre Cultural Centers: The AKP's Neo-Ottomanism and Islamism // Perspectives. Political Analysis and Commentary from Turkey. 2013. Vol. 5. P. 56–60.

Kemp G., Harkavy R.E. Strategic Geography and the Changing Middle East. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 1997. 493 p.

Reynolds M.A. Echoes of Empire: Turkey's crisis of Kemalism and the Search for an Alternative Foreign Policy. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2012. 33 p.

Stein A. Reconciling U.S.-Turkish Interests in Northern Syria. Discussion paper. New York: Council on Foreign Relations, 2017. 16 p.

Taspinar O. Turkey's Middle East Policies. Between Neo-Ottomanism and Kemalism // Carnegie Papers. 2008. № 10. 28 p. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/ceip/0007793/f_0007793_6484.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

Wastnidge E. Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics // Middle East Critique. 2019. Vol. 28, Iss. 1. P. 7–28.

Yavuz M.H. Social and Intellectual Origins of Neo-Ottomanism: Searching for a Post-National Vision // Die Welt des Islams. 2016. № 56. Special Theme Issue: Ottomanism Then & Now. P. 438–465.

Zanotti J., Clayton T. Turkey (Türkiye): Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. 2023. № 9. 68 p.

References

Avatkov V.A., Guzaerov R.I. Siriiskii krizis vo vneshnei politike Turtsii [The Syria crisis in Turkey's foreign policy]. Puti k miru i bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]. 2023. N 1 (64). P. 111–125. (In Russ.)

Aydin-Duzgit S., Keyman E.F. Democracy Support in Turkey's Foreign Policy. Carnegie Endowment for International. 2014. 25.03. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2014/03/democracy-support-in-turkeys-foreign-policy?lang=en¢er=russia-eurasia> (date of access: 01.09.2024).

Bartenev V.I. Vliyanie sobytiy 11 sentyabrya 2001 g. na politiku SShA v sfere sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu [The Impact of September 11, 2001 on US International Development Assistance Policy]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of Moscow University. Series 25: International relations and world politics]. 2011. N 3. P. 184–218. (In Russ.)

Bekdil B. Why neo-Ottomanism is bad for Turkey. Hurriyet. 30.01.2009. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/burak-bekdil/why-neo-ottomanism-is-bad-for-turkey-10886683> (date of access: 01.09.2024).

Cagaptay S. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism". The Washington Institute for Near East Policy. 2009. 24.04. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/akps-foreign-policy-misnomer-neo-ottomanism> (date of access: 01.09.2024).

Danforth N. Exhuming Turkey's Past. Ottoman Revivalism, Then and Now. Foreign Affairs. 2015. 11.03. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2015-03-11/exhuming-turkeys-past> (date of access: 01.09.2024).

Danforth N. The Empire Strikes Back. Foreign Policy. 2014. 27.03. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/03/27/the-empire-strikes-back-2/> (date of access: 01.09.2024).

Dinc C., Yetim M. Transformation of Turkish Foreign Policy Toward the Middle East: From Non-Involvement to a Leading Role. Alternatives. Turkish Journal of International Relations. 2012. Vol. 11, Iss. 1. P. 67–84.

Fuller G.E. Turkey and the Arab Spring: Leadership on the Middle East. [Squamish, British Columbia]: Bozorg Press, 2014. 408 p.

Kaplan R.D. The Revenge of Geography. What the map tells us about coming conflicts and the battle against Fate. New York: Random House, 2012. 448 p.

Kaya A. Yunus Emre Cultural Centers: The AKP's Neo-Ottomanism and Islamism. Perspectives. Political Analysis and Commentary from Turkey. 2013. Vol. 5. P. 56–60.

Kemp G., Harkavy R.E. Strategic Geography and the Changing Middle East. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 1997. 493 p.

Reynolds M.A. Echoes of Empire: Turkey's crisis of Kemalism and the Search for an Alternative Foreign Policy. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2012. 33 p.

Shpakovskaya M.A., Barnashov O.V. Kontseptsiya neoosmanizma kak instrument «myagkoi sily» vneshnei politiki Turtsii [The concept of neo-ottomanism as an instrument of "soft power" of the foreign policy of Turkey]. Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. 2018. N 2. P. 30–36. (In Russ.)

Stein A. Reconciling U.S.-Turkish Interests in Northern Syria. Discussion paper. New York: Council on Foreign Relations, 2017. 16 p.

Taspinar O. Turkey's Middle East Policies. Between Neo-Ottomanism and Kemalism. Carnegie Papers. 2008. N 10. 28 p. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/ceip/0007793/f_0007793_6484.pdf (date of access: 23.04.2025).

Wastnidge E. Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics. Middle East Critique. 2019. Vol. 28, Iss. 1. P. 7–28.

Yavuz M.H. Social and Intellectual Origins of Neo-Ottomanism: Searching for a Post-National Vision. Die Welt des Islams. 2016. N 56. Special Theme Issue: Ottomanism Then & Now. P. 438–465.

Zanotti J., Clayton T. Turkey (Türkiye): Background and U.S. Relations. Congressional Research Service. 2023. N 9. 68 p.

В.Ю. Гончаренко

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ПРОГРАММИРУЮЩЕГО ЛИДЕРСТВА»
В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США**

***Аннотация.** С конца XX – начала XXI в. ведущие американские аналитики и эксперты активно разрабатывают различные концепции, призванные поддерживать конкурентоспособность США в борьбе за лидерство на мировой арене. С распадом биполярной системы международных отношений Европейский союз как интеграционное объединение с признаками наднациональности заявил о себе как о независимом центре силы и начал активно выстраивать собственную, независимую от США политику, что не могло не остаться незамеченным в Вашингтоне. В связи с тем, что США видят в появлении новых полюсов силы угрозу своей гегемонии в мире, происходит столкновение интересов стран – членов Европейского союза и Белого дома. В начале 2000-х администрацией Б. Клинтона в трансатлантических отношениях была опробована «Стратегия “программирующего лидерства”», направленная на удержание европейских союзников в орбите американского влияния. Начиная с этого момента и вплоть до настоящего времени, мы можем наблюдать реализацию этой концепции в политике США по отношению к ЕС.*

***Ключевые слова:** отношения США и ЕС; программирующее лидерство; трансатлантические отношения; НАТО; Европейский союз.*

Гончаренко Валерия Юрьевна – аспирантка; Российский Государственный Гуманитарный Университет. Россия, Москва.
E-mail: ms.de.leri@mail.ru

**Goncharenko V.Yu.
The Role of “Programming Leadership” in Shaping
U.S. Euro-Atlantic Strategy**

***Abstract.** Since the late 20th and early 21st centuries, leading American analysts and experts have actively developed various strategies aimed at maintaining U.S. competitiveness in the global struggle for leadership. Following the collapse of the bipolar system of international relations, the European Union – an organization exhibiting supranational characteristics – emerged as an independent center of power with its own distinct policies. This development did not go unnoticed in Washington. The United States perceives the rise of new power centers as a challenge to its global hegemony, leading to a certain clash of*

interests between European Union member states and the White House. In the early 2000s, the Clinton administration introduced the “programming leadership strategy” to manage transatlantic relations. This strategy was designed to keep European allies within the sphere of American influence. Since its inception, this concept has continued to shape U.S. policy toward the European Union, reflecting an ongoing effort to maintain strategic leverage over its European counterparts.

Keywords: *U.S.-EU relations; programming leadership; transatlantic relations; NATO; European Union.*

Goncharenko Valeriya Yurievna – postgraduate student; Russian State University for Humanitie. Russia, Moscow.

E-mail: ms.de.leri@mail.ru

После распада биполярной системы международных отношений Соединённые Штаты Америки оказались не готовы уступить кому-то место гегемона и направили все возможные усилия на закрепление за собой этой позиции в мире. На рубеже XXI в. сложилась следующая ситуация: никто из сопоставимых с США по мощи международных субъектов – ни Япония, ни Россия, ни Китай, ни Европейский союз – не был готов взять на себя функции глобального лидера. Это привело к тому, что многие международные субъекты были вынуждены согласовывать свои внешнеполитические повестки и приоритеты с американскими, негласно принимая лидерство Вашингтона.

Белый дом столкнулся с необходимостью создать новую, современную, многозадачную и универсальную форму глобального лидерства [Шаклеина 1999, с. 5]. Так как США сохранили за собой традиционные аспекты влияния, такие как размер экономики, значимость собственной валюты – доллара в международных расчетах, высокие информационные и промышленные технологии, военный потенциал, дипломатические ресурсы, а в XXI в. сосредоточили в своих руках также и организационный ресурс, который совмещал контроль над важными информационными потоками и умение управлять конфликтным потенциалом в среде союзников, это оказалось несложно. Используя эти ресурсы, ведущие американские эксперты частных и правительственных аналитических центров усиленно работают над тем, чтобы обеспечить американское первенство среди возникших в XXI в. новых центров силы, таких как ЕС, Китай, Россия и т. д. [Гаджиев 1998]. Лучшие варианты стратегических документов направляются ведущим представителям американского правительства, претерпевают изменения, дорабатываются, реализовываются и затем апробируются администрациями президентов США при необходимости [Шаклеина 2006].

Постепенно происходило сращивание таких концептуальных наработок в некий универсальный механизм, который совмещал в себе сразу несколько

подходов и мог применяться на различных направлениях внешней политики США. Одной из таких стратегий, совместившей в себе черты вышеописанных подходов, стала известная в российских научных кругах «концепция «программирующего лидерства»».

Термин «стратегия «программирующего лидерства»» [Троицкий 2002] впервые был введён в научный оборот в 2002 г. кандидатом политических наук М.А. Троицким, сумевшим разглядеть общие черты и механизмы, проявляющиеся во внешней политике США как к европейским союзникам, в целом, так и к остальным субъектам международных отношений, в частности. Несмотря на то, что сам термин ранее не упоминался ни в документах внешней политики США или других государств, ни в российских или американских научных работах, он был предложен автором как наиболее точный инструмент для изучения и описания особенностей формирования американской внешней политики в трансатлантических отношениях и даёт более полное понимание поведения США на мировой арене начиная с 2000-х годов и заканчивая современностью.

М.А. Троицкий предполагал, что во внешней политике США по отношению к странам – членам Европейского союза прослеживаются [Троицкий 2003, с. 49] определённые черты, среди которых, как наиболее значимую, стоит выделить доминирование Вашингтона в глобальном информационном поле, а также внедрение новых информационных технологий, большая часть которых разрабатывается и изучается в США, и распространение таких технологий в мире. Более 85% информации, циркулирующей в мировых каналах коммуникации, производят и распространяют именно американские компании, которым принадлежит, в свою очередь, около 75% рынка, заполненного их программными продуктами. Неудивительно, что сама концепция «программирующего лидерства» строится, в первую очередь, на выдвигении в наиболее выигрышном для американской администрации формате такой повестки дня, которая предполагала бы некоторый спектр совместных действий ряда стран под руководством Белого дома как лидера и в его интересах, для решения наиболее актуальных проблем.

Концепция «программирующего лидерства» реализуется Белым домом с помощью следующих инструментов и программных принципов: опережающее планирование внешней политики с помощью «вброса» в политический дискурс европейских стран идей, соответствующих американским интересам; влияние на формирование внешнеполитических целей стран-партнёров таким образом, чтобы эти цели частично или в полной мере удовлетворяли интересам США (как лидера на мировой арене); искусственное формирование повестки дня, которая подталкивала бы европейских партнёров к включению этой повестки дня в их внешнеполитические программы. Иными словами, необходимо искусственно создать такую обстановку на мировой арене, которая вынуждала бы всех участников международных отношений играть по определённым

правилам и параметрам, заданных лидером, и выстраивать свою внешнюю, а, зачастую, и внутреннюю политику в интересах лидера. Со временем формируется и закрепляется такая повестка дня, которой вынуждены будут следовать все акторы мировой политики, и переломить ход событий на мировой арене становится практически невозможно.

М.А. Троицкий выделяет несколько ключевых причин [Троицкий 2003, с. 65], повлиявших на разработку и применение администрацией США методов «программирующего лидерства» в трансатлантических отношениях. Среди них он, в частности, называет следующие: осложнение торгово-экономических отношений между США и ЕС (в качестве сформировавшегося центра силы в международных отношениях), возникновение торгово-финансовых конфликтов между этими акторами мировой политики, а также расхождения Вашингтона и Брюсселя в подходах к выстраиванию взаимоотношений с «неудобными» государствами, которые, по мнению американских политических элит, представляют собой угрозу главенствующей роли США в мире.

В качестве основного элемента концепции «программирующего лидерства» можно назвать опережающее формулирование цели. Теоретики социального конструктивизма называют его также «вбросом» идей. Идентичность акторов международных отношений имеет огромное влияние как на внешнюю политику государств, так и на развитие международных отношений в целом. Кроме того, она накладывает свой отпечаток на разработку концепций национальных интересов. Под влиянием тех или иных идей, «вброшенных» в международно-политический дискурс, как идентичность, так и интересы государств, могут быть подвержены изменениям. Таким образом, конструктивисты заключают, что национальные интересы не являются неизменными и ими можно управлять при определённых обстоятельствах. Важно подчеркнуть, что для успешной реализации этого элемента концепции «программирующего лидерства» необходимо, чтобы предполагаемые партнёры или союзники разделяли те же ценности, что и лидер, и опирались на них при выстраивании своей внешней политики. Так как в случае с США этот фактор позволяет мобилизовать общественное мнение и политические силы стран-партнёров на поддержку желательных для лидера действий на мировой арене. Реализация концепции «программирующего лидерства» подразумевала, что внешнеполитические цели Вашингтона будут преобладать над целями союзников или будут схожими. В случае со странами Западной Европы во многих областях наблюдалось именно такое совпадение их интересов с интересами США.

Разумеется, эта стратегия не предполагала безоговорочного подчинения государств ЕС интересам США. В том случае, если возникала угроза доминирования экономических возможностей западноевропейских союзников над возможностями Вашингтона, между партнёрами становились возможными как конкуренция на мировых рынках, так и торговые и валютно-финансо-

вые разногласия. Это явление в отношениях США и стран Европейского союза было очень ярко выражено в годы президентства Д. Трампа.

К проблемам экономических взаимоотношений, усилившимся при Д. Трампе, можно отнести заморозку ТТИП и проблему повышения тарифных и нетарифных ограничений на импорт товаров как со стороны ЕС, так и со стороны США [Куимов 2018]. Переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству были сорваны, так как США продавливали свои интересы в положениях документа, с чем категорически не были согласны европейцы, которые «не захотели подчиняться американским требованиям» [Белинский 2018]. С приходом Д. Трампа к власти в США усилились протекционистские настроения Белого дома в экономике, что сделало перспективы возобновления переговоров по ТТИП крайне сомнительными [Портанский 2019].

Многие эксперты, в том числе и американские, отмечали, что США всегда были сильно обеспокоены тем, что Европейский союз становится всё более независимым. И, по мере того как растёт его финансовый и торговый потенциал, всё более острой становится неуместность гегемонии США в Европе. Именно поэтому стратегия «программирующего лидерства» помогла Вашингтону после 2017 г. предотвратить нежелательные сценарии развития трансатлантических отношений и ситуации в Европе, а также в значительной степени удержать западноевропейские государства в орбите американского влияния.

Основной опорой для реализации этой концепции стал Североатлантический альянс. Существование НАТО и поиск «нового врага» для этого военно-политического блока сплотили США и ЕС вокруг общих проблем и сфер интересов, наметили общие цели. Чтобы закрепить успех, в повестку дня трансатлантических отношений была «вброшена» идея «расширения зоны демократии», или принцип «enlargement and engagement», который подразумевал расширение НАТО на Восток, сначала постепенное, а потом «бесконечное» (как считает М. А. Троицкий) [Троицкий 2002].

Страны Европейского союза поддержали эту инициативу, что позволило США направить внешнеполитические стремления участников военно-политического блока на тождественные цели. Таким образом, альянс обрёл новый смысл своего существования, а Вашингтон – сохранение рычага воздействия на заокеанских партнёров. В начале сохранения НАТО давало Белому дому возможность получения значительной поддержки от европейских союзников по блоку НАТО при проведении военных операций, в которых заинтересован Вашингтон. В этом контексте американским администрациям было важно как сохранить политическое единство с европейскими странами, так и добиться от них согласия на расширение географической зоны ответственности альянса для того, чтобы иметь возможность в дальнейшем реализовывать свои интересы на более широком пространстве, выходящем за рамки Европы.

Так, страны ЕС склонны реагировать только на те вызовы безопасности, которые касаются непосредственно их географических пределов. Задачей США было в этом случае убедить союзников в необходимости применения механизмов и инфраструктуры блока за пределами Европы в интересах Белого дома. Поэтому в документах НАТО было зафиксировано согласие союзников с тем, что источники вызовов евроатлантической безопасности могут находиться за пределами традиционной сферы ответственности Альянса.

Рассчитывая на существенный военный вклад союзников, США включили в повестку дня для НАТО требования большого материального участия европейцев в военной инфраструктуре и операциях Альянса. Своего пика этот вопрос достиг при президентстве Д. Трампа. При этом Вашингтон всячески уклонялся от постановки вопроса о передаче части политического контроля над действиями и планами блока западноевропейским государствам – участникам НАТО.

Неудовлетворённость современным характером гегемонии США в мире остро ощущалась в европейской части западного сообщества. ЕС участвовал в военных операциях, в которых не был заинтересован Альянс НАТО, однако был заинтересован Белый дом. Именно поэтому европейские страны начиная с 2003 и вплоть до 2022 г. рассматривали возможность создания автономного оборонного потенциала на базе ЕС. В 2016 г. Европарламент проголосовал за то, чтобы на базе Европейского союза был создан союз объединённых вооружённых сил Европы [European Parliament]. Это показывает, что ЕС является таким институтом, который может развиваться как антагонист к мировому доминированию США.

Проект создания независимых вооружённых сил активно обсуждался в Европе, так как страны ЕС, а в особенности их неформальные лидеры Германия и Франция, которые задают тон дальнейшего развития этого интеграционного объединения, стремились выйти из-под влияния Соединённых Штатов Америки. Стратегическая зависимость от Белого дома, в том числе и по вопросам безопасности, вынуждала их идти на уступки, которые нередко наносили ущерб интересам Брюсселя. Это было обусловлено, в частности, различием подходов США и ЕС к пониманию вызовов безопасности. Для европейских стран основные вызовы безопасности – кризисы и конфликты, которые происходят в пределах территории Европейского союза. Администрация Соединённых Штатов принимает во внимание угрозы, которые существуют вне европейских пределов, и которые интересуют европейцев в меньшей степени, в условиях накопившихся внутренних проблем [Стародубцева 2013].

По состоянию на 2017–2020 гг. Европейский союз в своих стремлениях проводить независимую политику был всё так же существенно ограничен зависимостью в военной сфере от США. Именно поэтому в ближайшие годы Вашингтон будет активно лоббировать свои интересы в Европе, ссылаясь на то,

что обеспечивает европейским странам безопасность от внешних угроз в рамках Североатлантического альянса. Таким образом, при принятии решений, касающихся различных региональных и глобальных конфликтов, страны Европейского союза будут поддерживать позицию США.

Следовательно, говорить о создании отдельного военно-политического блока на базе ЕС по-прежнему не представляется возможным. Несмотря на то, что многие европейские политики не скрывают своего разочарования по поводу деятельности НАТО, они также не предпринимают активных действий для создания объединенных вооруженных сил Европы [Арбатова, Кокеев 2013]. Североатлантический альянс в обозримой перспективе останется гарантом европейской безопасности, а значит, страны Европы продолжают инвестировать в этот военно-политический блок, вкладываясь, как заметил председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, в собственную безопасность и оборону.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать о том, что появление реальной Европы как самостоятельного геополитического игрока с собственным оборонным потенциалом произойдет не скоро. Это усиливает роль НАТО как единственного реального гаранта защиты Европейского союза от внешних угроз, и в то же время закрепляет военное присутствие США в Европейском регионе, что, в свою очередь, существенно ограничивает Европейский союз в стремлениях проводить полностью независимую от Белого дома политику.

Библиография

Арбатова Н.К., Кокеев А.М. Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала. Аналитический доклад / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 31 с.

Белинский А.В., Никуличев Ю.В. Американские горки: Эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 135–157. URL: https://upjournal.ru/files/-2019-4_БелинскийАВ_НикуличевЮВ.pdf (дата обращения: 24.06.2024).

Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: Логос, 1998. 214 с.

Куимов П.Г., Сеницын И.М. Экономический терроризм США в отношении Европы, России и других стран // Власть. 2018. Т. 26. № 9. С. 236–241.

Портанский А. США – Европа: союзнические отношения под угрозой // Современная Европа. 2019. №6. С. 30–39.

Стародубцева Е.Б. Современные проблемы Евросоюза // Вопросы экономики. 2013. № 4 (142). С. 12–15.

Троицкий М.А. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // Pro et Contra. 2002. № 4. С. 86–103. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/67074> (дата обращения: 04.07.2024).

Троицкий М.А. Эволюция Евроатлантической политики США после распада bipolarности: 1992–2002 гг. Дисс. на... канд. полит. наук: 23.00.04. М.: Ин-т США и Канады, 2003. 232 с.

Шаклеина Т.А. Современные американские концепции мирового лидерства. М.: Ин-т США и Канады, 1999. 55 с.

Шаклеина Т.А. Американская стратегия и статус-кво в международных отношениях // Второй срок администрации Буша: старые проблемы и новые подходы / Отв. ред. Т.А. Шаклеина. М.: Институт США и Канады РАН, 2006. С. 8–24.

European Parliament backs plans to create a defence union // The Independent. 2016. 22 Nov. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/european-parliament-nato-backs-plans-create-defence-union-a7432706.html> (дата обращения: 8.01.2020).

References

Arbatova N.K., Kokeev A.M. Podxody` ES i ego stran-chlenov k sozdaniyu avtonomnogo oboronno go potenciala. Analiticheskij doklad [Approaches of the EU and its member states to the creation of an autonomous defense potential. Analytical report] / Pod red. N.K. Arbatovoj, A.M. Kokeeva. Moscow: IME`MO RAN, 2017. 31 p. (In Russ.)

Belinskij A.V., Nikulichev Yu.V. Amerikanskije gorki: E`volyuciya otnoshenij mezhdru SShA i FRG v 1989–2019 gg [Roller Coaster: Evolution of Relations between the USA and Germany in 1989–2019]. Aktual`nye problemy Evropy [Current issues of Europe] P. 145–148. URL: https://upe-journal.ru/files/-2019-4_BelinskijAB_NikulichevЮВ.pdf (date of access: 24.06.2024). (In Russ.)

European Parliament backs plans to create a defence union [European Parliament backs plans to create a defence union] [Modern problems of the European Union]. The Independent. 2016. 22 Nov. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/european-parliament-nato-backs-plans-create-defence-union-a7432706.html> (date of access: 8.01.2020). (In Russ.)

Gadzhiev K.S. Vvedenie v geopolitiku [Introduction to Geopolitics]. Moscow: Logos, 1998. 214 p.

Kuimov P.G., Sinicyn I.M. E`konomicheskij terrorizm SShA v otnoshenii Evropy`, Rossii i drugix stran [US Economic Terrorism in Relation to Europe, Russia and Other Countries]. Vlast`. 2018. T. 26. N 9. P. 236–241. (In Russ.)

Portanskij A. SShA – Evropa: soyuznicheskije otnosheniya pod ugrozoi [USA – Europe: allied relations under threat]. Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2019. N 6. P. 30–39. (In Russ.)

Shakleina T.A. Sovremennyy`e amerikanskije koncepcii mirovogo liderstva [Modern American Concepts of World Leadership]. Moscow: Institute of the United States and Canada, 1999. 55 p. (In Russ.)

Shakleina T.A. Amerikanskaya strategiya i status-kvo v mezhdunarodny`x otnosheniyax [American Strategy and the Status Quo in International Relations] // Vtoroj rok administracii Busha: stary`e problemy` i novy`e podxody` [The Second Term of the Bush Administration: Old Problems and New Approaches]. Moscow: Institute of the United States and Canada, 2006. P. 8–24. (In Russ.)

Starodubceva E.B. Sovremennyy`e problemy` Evrosoyuza [Modern problems of the European Union]. Voprosy` e`konomiki. Moscow: 2013. N 4 (142) P. 12–15.

Troiczkiy M.A. E`volyuciya Evroatlantičeskoj politiki SShA posle raspada bipolyarnosti: 1992–2002 gg.: dissertaciya kandidata politicheskix nauk: 23.00.04. Moskva. 2003 [Evolution of the US Euro-Atlantic Policy after the Collapse of Bipolarity: 1992–2002]. Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences: 23.00.04. Moscow: Institute of the United States and Canada, 2003. 232 p.

Troiczkiy M.A. Koncepciya «programmiruyushhego liderstva» v evroatlantičeskoj strategii SShA [The concept of «programming leadership» in the US Euro-Atlantic strategy]. Pro et Contra. 2002. N 4. P. 86–103. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/67074> (date of access: 24.06.2024). (In Russ.)

Л.К. Панин

**ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ СССР
И ВСЕМИРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ МОЛОДЁЖИ И СТУДЕНТОВ**

***Аннотация.** В рецензии рассматривается книга финской исследовательницы Пии Койвунен, посвящённая истории Всемирных фестивалей молодёжи и студентов. В рецензии анализируется значимость работы Койвунен для понимания общественной дипломатии СССР, исследуется её подход к изучению культурных и идеологических аспектов фестивалей 1947–1957 гг. Особое внимание в книге и рецензии уделяется фестивалю 1957 г. в Москве, рассматриваемому как кульминация советской культурной дипломатии. Проанализирован также потенциал авторской методологии и источниковой базы для изучения различных аспектов социальной истории СССР и истории общественной дипломатии.*

***Ключевые слова:** культурная дипломатия; общественная дипломатия; Всемирный фестиваль молодёжи и студентов; ВФМС.*

Панин Лев Константинович – студент Школы исторических наук Высшей школы экономики. Россия, Москва.

E-mail: Levpanin.lp@gmail.com

Web of Science Researcher ID: LUZ-0585-2024

Panin L.K.

**The contribution to the study of public diplomacy of the USSR
and the World Festivals of Youth and Students**

***Abstract.** The review examines the work of Finnish researcher Pia Koivunen, dedicated to the history of the World Festivals of Youth and Students. It analyzes the significance of Koivunen's contribution to understanding Soviet public diplomacy, focusing on her approach to exploring the cultural and ideological dimensions of the festivals held between 1947 and 1957. Both the book and the review place particular emphasis on the 1957 festival in Moscow, regarded as the pinnacle of Soviet cultural diplomacy. Furthermore, the review assesses the potential of Koivunen's methodological approach and source base for advancing research on various aspects of Soviet social history and the broader field of public diplomacy.*

***Keywords:** cultural diplomacy; public diplomacy; World Festival of Youth and Students.*

Panin Lev Konstantinovich – student, School of History, Higher School of Economics. Russia, Moscow.

E-mail: Levpanin.lp@gmail.com

Web of Science Researcher ID: LUZ-0585-2024

В своей книге [Koivunen 2022], посвященной истории Всемирных фестивалей молодежи и студентов, исследовательница из университета Турку, Пия Койвунен, специализирующаяся на изучении советской культурной дипломатии, анализирует это явление, совмещая подходы социальной истории, империологии и истории международных отношений. Эта работа продолжает многолетние исследования Койвунен в области культурной дипломатии времён холодной войны и организации масштабных мероприятий. Книга опубликована в 2023 г. издательством Walter de Gruyter в рамках серии «Переосмысливая Холодную войну», которая стремится показать многогранность истории этого периода, в том числе через изучение контактов между простыми людьми.

Отходя от традиционного акцента на московском фестивале 1957 г., часто рассматриваемом как ключевое событие периода оттепели, автор стремится поместить историю фестивалей в контекст развития советской культурной дипломатии 1940–1950-х годов. Она анализирует источники личного происхождения в сочетании с архивными данными, реконструируя повседневность фестивальных событий. Койвунен причисляет себя к устоявшемуся направлению в советологии, которое стремится к интеграции анализа повседневных практик и стратегий обычных людей с идеологическими и политическими аспектами истории СССР, как это делают, например, Стивен Коткин [Kotkin 1995] и Алан МакДугалл [McDougall 2004].

Целью Пии Койвунен, таким образом, становится сравнение целей советского руководства, которые автор выявляет за счёт привлечения архивных источников, посвящённых деятельности органов советской власти, и восприятия фестивалей простыми участниками, которое выявляется за счёт совмещения анализа источников личного происхождения (мемуаров и интервью), дополненных отчётами ведомств, которые непосредственно отвечали за организацию фестивалей и оценку их результативности для достижения поставленных целей. Автор стремится придать субъектность участникам фестиваля и усложнить восприятие фестивалей, показав, что фестивали были не только попыткой СССР пропагандировать превосходство своего образа жизни на зарубежную аудиторию, но также по-разному использовались и воспринимались молодыми людьми по обе стороны железного занавеса, от поступков и поведения которых зависела реализация пропагандистских целей [Koivunen 2022, р. 3–5]. Важно отметить, что автор рассматривает только первые шесть фестивалей, которые проходили с 1947 до 1957 г., поскольку она считает московский фестиваль 1957 г. кульминацией этого проекта советской культурной диплома-

тии, после которого фестивали не могли сравниться с ним ни в масштабе, ни в пропагандистском эффекте целей [Koivunen 2022, p. 16].

Книга состоит из шести глав, три первых главы организованы по хронологическому принципу, а три последние по тематическому и рассматривают различные аспекты фестиваля 1957 г. В первой главе, посвящённой первым трем фестивалям, которые прошли в период правления И.В. Сталина, автор описывает становление практики организации фестивалей. Они формально не носили политический характер и были организованы двумя независимыми от СССР международными молодёжными организациями, в которые входили движения молодых людей со всего мира – Всемирная федерация демократической молодёжи (ВФДМ) и Международный союз студентов (МСС). В период расцвета культа личности И.В. Сталина советские вдохновители фестивалей искали баланс между политизацией мероприятий с неприкрытой коммунистической пропагандой и необходимостью подчёркивать его универсальный, направленный на укрепление дружбы между народами характер [ibid, p. 60]. Во второй главе автор рассматривает переломный момент в истории фестиваля – период после смерти И.В. Сталина, когда одной из ключевых задач советской культурной дипломатии стала, используя авторский термин, «десталинизация образа» страны в глазах международной общественности. Именно для выполнения этой задачи с подачи тогдашнего руководителя ВЛКСМ А.Н. Шелепина было предложено провести фестиваль в Москве [ibid, p. 68]. В третьей главе автор описывает процесс подготовки Москвы к фестивалю и определения основных идеологических задач фестиваля. Автор выдвигает идею что основной целью организаторов становится желание показать открытость нового, постсталинского СССР [ibid, p. 71]. Четвертая глава посвящена освещению взаимодействия советских людей и гостей фестиваля. В этой главе автор преимущественно использует источники личного происхождения, рисующие широкую палитру впечатлений участников фестиваля, отмечая разнообразность опыта иностранцев и советских граждан в ходе фестиваля. Пятая глава посвящена тому, как гости фестиваля и советские граждане проверяли пределы дозволенного и как советские власти противодействовали им или, наоборот, не мешали даже открытым провокациям. Последняя шестая глава посвящена оценке результатов фестиваля советскими властями и тому, какой след оставил фестиваль в советском обществе.

В своей книге Койвунен последовательно продвигает две идеи – о значимости и уникальности фестиваля 1957 г. в контексте советской культурной дипломатии и о том, как по-разному участники воспринимали события фестивалей. Она считает фестивали уникальными, поскольку они были, с её точки зрения, единственным оригинальным проектом советской культурной дипломатии, который нашёл мировой отклик. Хотя советское руководство использовало многие международные мероприятия для своих целей, напри-

мер, олимпиаду, международные выставки, оно не изобретало эти форматы, а лишь наполняло их нужными ему смыслами. Советские изобретения вроде интервидения или спартакиад не могли похвастаться схожим мировым охватом. Койвунен всесторонне описывает фестиваль 1957 г. [Koivunen 2022, p. 97–254]. В нём живо переплетаются свидетельства иностранных гостей, советских граждан, документы, показывающие логику принятия решений советским руководством, ей даже удаётся привлечь архивные документы, показывающие реакцию западного руководства на фестивали, предпринимаемые меры по снижению количества участников из их стран и меры по использованию фестивалей в агитационных целях на территории СССР. «Герои» источников личного происхождения, которые использует автор, происходят из разных стран, придерживаются разных политических взглядов и формируют разные, часто диаметрально противоположные впечатления о фестивалях. Безусловно, при работе с интервью и мемуарами трудно говорить о репрезентативной выборке, однако такое разнообразие героев в сочетании с использованием архивов органов, отвечавших за формирование программы и надзор за участниками фестивалей, позволяет считать картину, создаваемую автором, достаточно полной. В ней находится место практически всем аспектам повседневной жизни гостей фестиваля и участников с советской стороны. В частности, Койвунен затрагивает такие темы как: дорога до места проведения фестиваля, неформальная торговля в ходе фестиваля, романтические отношения во время фестиваля, вопросы свободы слова и противодействия чрезмерному иностранному влиянию и т. д. Каждый из аспектов исследуется в той степени, которая нужна для подтверждения авторских суждений о результатах фестиваля в отношении формирования образа СССР у иностранцев и формирования образа иностранцев у советских граждан. Однако каждый из аспектов раскрывается не только с привлечением источников личного происхождения, но и архивов МВД, ВЛКСМ и других организаций. Таким образом, исследователь получает возможность углубиться в каждый из аспектов. Также важно отметить, что автор не менее тонко анализирует и работу советского руководства, которое формулировало программу и цели фестивалей. В частности, Койвунен прослеживает значимость фестиваля 1957 г. для биографии будущего председателя КГБ А. Н. Шелепина, анализируя его деятельность, которая сначала была направлена на продвижение решения о проведении фестиваля в Москве, затем на организацию беспрецедентного по масштабам мероприятия и в конце на использование успеха фестиваля для собственной политической выгоды [ibid, p. 116].

В качестве недостатка работы можно выделить то, что автор рассматривает только логику и цели советского руководства, практически не освещая процессы, происходившие в руководствах стран и городов, которые принимали фестивали до Москвы (Прага, восточный Берлин, Бухарест, Варшава). Она

вскользь упоминает, что местные власти воспринимали без энтузиазма идею провести дорогостоящий и политически рискованный фестиваль в их столице, но не наделяет эти власти той же субъектностью, которой она наделяет советское руководство. Схожий недостаток виден и в освящении деятельности формальных организаторов Всемирной федерации демократической молодёжи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС). Автор регулярно упоминает споры внутри организаций, выход из них или, наоборот, привлечение некоммунистических групп и т. д., но не рассматривает то, как принимали решения формальные организаторы фестиваля, ограничиваясь ссылкой на советское влияние. При этом более подробное рассмотрение деятельности внутри организаторов фестивалей помогло бы лучше понять, то, как работала культурная дипломатия СССР, призванная влиять не только на левых и коммунистов за рубежом, но и на центристские группы. Также несколько недосказанной оказывается история последовавших за 1957 г. фестивалей. Автор утверждает, ссылаясь на данные о количестве участников, что эти мероприятия были значительно менее успешны, чем фестиваль 1957 г., после которого, советское руководство, свернув «оттепель» уже не решалось проводить мероприятия, подразумевающие такой беспрецедентный уровень открытости советского общества для иностранцев. Тем не менее не хватает столь же наглядных примеров, способных прояснить ключевые отличия в механизмах организации последующих фестивалей, которые предопределили угасание Всемирных фестивалей молодёжи и студентов, как эффективного способа коммуникации миру ключевых посылов советской внешней политики и превосходства социализма.

Работа Пии Койвунен значительно расширяет понимание Всемирных фестивалей молодёжи и студентов, вписывая их, с одной стороны, в контекст высокой политики СССР в рамках культурного и идеологического противостояния с Западом на первом этапе холодной войны, и с другой – показывая многообразие опытов участников, которые находились вне бинарных отношений продвижения/противостояния советской пропаганды в рамках фестивалей. Многочисленные сюжеты, затронутые автором при рассмотрении фестивалей, будут полезны исследователям молодёжи и молодёжных движений середины XX в.

Библиография

Koivunen P. *Performing Peace and Friendship: The World Youth Festivals and Soviet Cultural Diplomacy*. Berlin: De Gruyter, 2022. 313 pp.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, CA: University of California Press, 1995. 639 pp.

McDougall A. *Youth Politics in East Germany: The Free German Youth Movement 1946–1968*. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280 pp.

References

Koivunen P. *Performing Peace and Friendship: The World Youth Festivals and Soviet Cultural Diplomacy*. Berlin: De Gruyter, 2022. 313 pp.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, CA: University of California Press, 1995. 639 pp.

McDougall A. *Youth Politics in East Germany: The Free German Youth Movement 1946–1968*. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280 pp.

А.В. Жданова

**ЖИЗНЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД МОНОГРАФИЕЙ
«ЖИЗНЬ ОНЛАЙН: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»
(М., 2025 г.)**

***Аннотация.** Коллективная монография «Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества» представляет собой комплексное исследование развития цифровых технологий в России и их влияния на различные сферы жизни. Авторы опираются на результаты социологических исследований с участием десятков тысяч респондентов. В работе подробно рассматриваются такие аспекты, как доступность цифровой инфраструктуры, повседневные цифровые практики населения, уровень цифровой грамотности россиян, позитивные и негативные последствия цифровизации. Особое внимание авторы монографии уделяют проблеме цифрового неравенства и неоднородности цифрового опыта у различных социальных групп. Автор предлагает целостную картину текущего уровня цифровизации российского общества и имеет значительную научную и практическую ценность для широкого круга специалистов в различных областях.*

***Ключевые слова:** цифровая грамотность; онлайн-сервисы; социальное неравенство; рынок труда; цифровая инфраструктура.*

**Жданова Анастасия Валерьевна – студентка; Российский государственный гуманитарный университет. Россия, Москва.
E-mail: vista-00@yandex.ru**

**Zhdanova A.V.
Life in the Digital Age. Reflections on the monograph «Life Online:
Digital Transformation of Russian Society» (Moscow, 2025)**

***Abstract.** The collective monograph «Life Online: Digital Transformation of Russian Society presents» a comprehensive study of the development of digital technologies in Russia and their impact on various aspects of life. Drawing on sociological research involving tens of thousands of respondents, the authors explore key dimensions such as the availability of digital infrastructure, everyday digital practices of the population, levels of digital literacy among Russians, as well as the positive and negative effects of digitalization. Special attention is given to the issue of digital inequality and the diverse digital experiences across different social groups. The monograph provides a holistic overview of the current state*

of digitalization in Russian society, offering substantial scientific and practical value for a broad range of specialists across multiple fields.

Keywords: *digital literacy; online services; social inequality; labor market; digital infrastructure.*

Zhdanova Anastasiia Valerevna – student; Russian State University for
Humanitie. Russia, Moscow.
E-mail: vista-00@yandex.ru

Издательский дом Высшей школы экономики (далее – ВШЭ) в 2025 г. выпустил коллективную монографию «Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества» под редакцией Е. А. Стрельцовой. В монографии коллектив авторов делится результатами проведенного исследования, посвящённого цифровым технологиям и цифровой инфраструктуре в России. Исследование весьма актуальное – цифровые технологии активно развиваются и проникают в жизни населения страны, влияют на профессиональную деятельность многих людей, на развитие бизнеса, государственных учреждений, сферы образования. К достоинствам данной работы стоит отнести не только выбор темы, но и большое количество данных, собранных авторами в процессе проведения исследований и опросов с помощью Национального исследовательского университета ВШЭ. Сами же авторы обосновывают актуальность собственного исследования неоднозначным и «сквозным» характером цифровых технологий и вызванными ими изменениями в различных сферах жизни человека, существованием «цифрового неравенства» и проникновением технологий во все сферы жизни современного российского человека [Жизнь онлайн, с. 7].

Монография – результат многолетних исследований авторского коллектива. Эмпирическую базу составляют онлайн-опрос на выборке из трёх тысяч человек, проводимый в 2020–2021 гг. Опрос посвящён использованию соцсетей, различных устройств, навыкам, работе респондентов с разными приложениями и сервисами. На выборке из 10 тыс. человек проведён мониторинг цифровизации экономики и общества. С помощью ответов, полученных в ходе личного интервью, авторы получили данные, которые дополнили полученную из предыдущего опроса картину. В 2023 г. коллектив провёл обследование экономического поведения домашних хозяйств, в результате чего в книге можно увидеть картину, отражающую уровень цифрового потребления в России. Дополнило картину последнее исследование, проводимое в 2024 г. и посвящённое мониторингу цифровизации экономики и общества.

Данная работа имеет следующие тематические разделы: «Цифровые технологии как атрибут современности», «Цифровизация повседневных практик», «Цифровые сервисы», «Социальные сети», «Онлайн-покупки», «Электронные

государственные и муниципальные услуги», «Цифровая грамотность населения», «Цифровизация труда: гаджеты и интернет на работе», «Источники дохода в интернете», «Цифровые технологии в сфере образования», «Риски цифровизации», «Преимущества цифровизации». Такая структура даёт комплексное представление об упомянутой ранее проблеме цифрового неравенства, а также, со слов авторов, даёт представление о ключевых аспектах цифровой трансформации российского общества.

В начале монографии раскрывается состояние цифровой инфраструктуры в России, показывая, что доля домохозяйств с доступом в Интернет выросла с 63 % в 2013 г. до 88 % в 2023 г. [Жизнь онлайн, с. 19]. Вместе с расширением доступа растёт и доля россиян, которые выходят в Интернет. В рамках работы изучается перечень задач и целей, для решения и выполнения которых россияне используют Интернет. Также авторы рассматривают скорость и степень распространения Интернета среди домохозяйств в России, что позволяет им распределить их на четыре основные группы.

Далее авторы переходят к рассмотрению цифровых практик россиян в Интернете и характеристик их поведения. Один из серьёзных вопросов, выделяемых авторами в этом контексте – вопрос безопасности. К сожалению, даже при столь высоком уровне распространения Интернета, который отмечен авторами ранее, серьёзной проблемой остается не столь высокий уровень навыков безопасности среди населения – доля россиян, которые владеют цифровыми навыками на высоком уровне, составляет лишь 17 % [там же, с. 25].

Не менее интересными в монографии представляется перечень повседневных практик россиян в Интернете, выделенный авторами в ходе личных интервью и опросов. Чаще всего жители России пользуются услугами банков и государственными услугами. Любопытно, что используют технологии россияне в равной степени как для подачи и оплаты показаний за коммунальные услуги, так и для развлечений и гейминга. Менее популярные практики относятся к профессиональной, медицинской и спортивной сферам. Подобный результат отличается от представлений автора статьи о положении вещей в России. Однако с учетом упомянутых ранее результатов исследования, представленных авторами монографии, такой результат исследований кажется логичным – общий уровень цифровизации ещё не столь высок. Авторы монографии определяют такой уровень практик как «умеренный уровень цифровизации», а среди причин перехода к такому уровню называют пандемию [там же, с. 34].

Полезными и важными результатами исследования автору данной рецензии представляются результаты исследований, посвященных популярным цифровым сервисам. Несмотря на результаты, упомянутые ранее, наиболее популярными являются сервисы, связанные с развлечениями и досугом. Также россияне активно используют приложения, где можно изучить карты, посмотреть погоду, узнать новости. И несмотря на то, что, согласно исследованиям,

64% пользователей используют не более десяти типов сервисов, авторы монографии отмечают, что россияне используют достаточно ограниченный спектр сервисов. При этом большинство ограничивается бесплатным функционалом приложений и сервисов, не предпочитая тратить средства на подписку [Жизнь онлайн, с. 41].

В контексте изменения условий труда и типов занятости в России в последние годы, ещё один интересный аспект, который рассматривают авторы статьи – цифровизация труда. Почти треть опрошенных заняты трудом, где не требуется специальная техника, т. е. такой труд мы можем назвать классическим ручным. При этом треть либо постоянно используют технику для работы, либо работают полностью онлайн. Такие данные дают представление не только о цифровизации населения, но и в целом о том, какая занятость и в каких сферах преобладает в России [там же, с. 53].

В монографии также можно найти данные, которые отражают результаты исследований в разрезе заработка в Интернете и блогинга, информационной безопасности, образования. Всё это дает читателям достаточно полное представление об уровне цифровизации России в самых разных сферах. В связи с этим данная работа представляет собой объёмный труд, предлагающий полную картину ситуации в стране и происходящих изменений. Монография имеет высокую практическую значимость для понимания механизмов формирования цифрового общества, рисков и возможностей, связанных с процессами цифровизации. Работа будет полезна не только исследователям в области социологии и технологий, но и практикам в области политики, образования, медиа. Подводя итоги также следует отметить, что общество в России находится на достаточно зрелом уровне цифровизации, особенно в сравнении с ситуацией конца 1990-х и начала 2000-х годов. Однако во многих сферах ещё наблюдается отставание, которое возможно будет преодолеть в следующие годы.

Библиография

Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества / Е.А. Стрельцова (рук. авт. колл.), Л.С. Кузина, В. В. Полякова и др.; науч. ред. Е.А. Стрельцова. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 188 с.

References

Life in the Digital Age. Reflections on the monograph: Life online: digital transformation of Russian society / E.A. Streltsova (coll. sci. ed.), L.S. Kuzina, V.V. Polyakova et al.; scientific ed. E.A. Streltsova. Moscow: HSE Higher School of Economics, 2025. 188 p.

И.В. Холиков, П.Ю. Наумов

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ
В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«ИДЕЯ ДОБРА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (К 200-летию Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)»
(СПБ, 2023)**

***Аннотация.** Развитие отечественных культурно-исторических и правовых идей в условиях трансформации современного миропорядка и слома сложившегося международного правопорядка обращено к системному конструированию накопленного опыта и обобщению концептуальных положений характерных для права как особого цивилизованного способа социальной регуляции. Одной из тенденций такого развития является появление интересных научных работ в области философии права, ориентированных на национальную российскую правовую идентичность. В связи с этим вниманию потенциальных читателей представляются авторские рассуждения по поводу концептов добра и справедливости, удачно теоретически обобщенные в недавней монографии А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (изданной к 200-летию Ф.М. Достоевского)/Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2023. 456 с.». Авторы рецензии отмечают, что теоретическое исследование и эмпирико-практическая оценка социально-исторического значения идей Ф.М. Достоевского для культурологической и философско-правовой науки и практики сегодня выглядят как никогда актуальными, особенно с учетом того, что в последнее время в отечественном законодательстве наблюдается тенденция становления идей российской интеллигентности, охраны культурного наследия, защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и личностных смыслов.*

По итогам рецензирования можно с уверенностью утверждать, что монография «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» выступает примером удачной философско-правовой концептуализации идей выдающегося представителя отечественной интеллигенции. Также в рассматриваемом издании имеется острый авторский социальный анализ, производится выдвижение новых идей на базе хорошо известной и имеющейся в книге оригинальной методологии, и, несмотря на глубокую теоретическую проработанность рассматриваемых вопросов, приглашение научного сообщества к новой дискуссии и принципиальному обсуждению как наследия Федора Михайловича, так и вечных для отечественной философско-правовой мысли вопросов.

Ключевые слова: национальная идея; ценность права; свойства права; справедливость; правовая политика; идентичность права; Федор Михайлович Достоевский; социальное функционирование; гуманизм; субъектность; коммуникация; смысл жизни.

Холиков Иван Владимирович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». Россия, Москва.

E-mail: iv_kholik@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0421-5829

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения, ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации». Россия, Москва.

E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2875-2322

Kholikov I. V., Naumov P. Yu.

The Russian Identity of Goodness and Justice: A Review of the Monograph «The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (On the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky)» (St. Petersburg, 2023)

Abstract. *The development of domestic philosophical and legal ideas in the context of the transformation of the modern world order and the breakdown of the existing international legal order is directed towards the systematic construction of accumulated experience and the generalization of conceptual provisions characteristic of law as a special civilized method of social regulation. One of the trends in this development is the emergence of interesting scientific works in the field of philosophy of law, focused on the national Russian legal identity. In this regard, the attention of potential readers is presented to the author's arguments about the concepts of goodness and justice, theoretically generalized in the recent monograph by A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov and V.P. Salnikov «The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Her influence on the development of philosophy of law (published for the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky) / Introductory speech by Professor A. Alexandrov. 2nd edition, corrected, supplemented; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 pp.».*

The authors of the review note that theoretical research and empirical-practical assessment of the socio-historical significance of F. M. Dostoevsky's ideas for philosophical and legal science and practice today look more relevant than ever, especially taking into account the fact that recently there has been a tendency in domestic legislation to become ideas of the Russian intelligentsia, protection of cultural heritage, protection of traditional spiritual and moral values and personal meanings. Based on the results of the review, it can

be confidently stated that the monograph «The Idea of Good in the Works of F. M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of Philosophy of Law (on the occasion of the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky)» is an example of a successful philosophical and legal conceptualization of the ideas of an outstanding representative of the Russian intelligentsia. Also in the publication under review there is a sharp author's social analysis, new ideas are put forward on the basis of the well-known original methodology available in the book, and, despite the deep theoretical elaboration of the issues under consideration, an invitation to the scientific community for a new discussion and principled discussion, as the legacy of Fyodor Mikhailovich, and eternal questions for domestic philosophical and legal thought.

Keywords: *essence of law; value of law; properties of law; justice; legal policy; identity of law; Fyodor Mikhailovich Dostoevsky; social functioning; humanism; subjectivity; communication; meaning of life.*

**Kholikov Ivan Vladimirovich – doktor juridicheskikh nauk, professor, glavnyj nauchnyj sotrudnik Centra mezhdunarodnogo prava i sravnitel'no-pravovykh issledovanij, professor kafedry mezhdunarodnogo prava, FGNIU «Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii». Russia, Moscow.
E-mail: iv_kholik@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0421-5829**

**Naumov Petr Jur'evich – kandidat pedagogicheskikh nauk, pomoshchnik nachal'nika gositalja po pravovoj rabote – nachal'nik otdelenija pravovogo obespechenija, FGKUZ «Glavnyj voennyj klinicheskij gosital' vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii». Russia, Moscow.
E-mail: petr.naumov.777@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2875-2322**

Социально-острое описание, обоснование и обсуждение идей добра и справедливости, особенно в философском и правовом дискурсе, которые содержательно аккумулируются в философии права, являются традиционными для отечественных научных дискуссий и самых разных интеллектуальных практик. Это продиктовано множеством сложно конструируемых в социально-политической и экономико-поведенческой реальности причин и условий, личностно-субъектной чуткостью людей к этим вопросам и объективировано как в отечественной философско-правовой традиции, так и зафиксировано в истории развития сознания российской интеллигенции [Хабриева 2021]. В трудах ее выдающихся представителей (ученых, писателей, государственных и общественных деятелей, врачей, офицеров) проблема достижения и практической реализации в обществе идей добра, справедливости, равенства, ответственности, долга всегда стояла и стоит особняком [Холиков 2022].

Современный этап развития отечественных философских и правовых идей в сложнейших условиях коренной трансформации современного миропорядка

и слома сложившегося международного правопорядка справедливо ориентирован на системное конструирование накопленного интеллектуального опыта и обобщение концептуальных положений характерных для права как особого цивилизованного способа социальной регуляции. Одной из тенденций такого развития является появление интересных научных работ в области философии права, ориентированных на национальную российскую правовую идентичность [Гаврилов 2022].

В диалектическом развитии общества и государства фигура великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского выглядит наглядным примером того, как созданные им творческие труды и литературное наследие могут оказать и оказывают различное ценностно-смысловое и функционально-ориентирующее влияние на становление и развитие отечественной философии, историко-правовой мысли, литературы и иных социально-гуманитарных сфер.

Потому теоретическое исследование и эмпирико-практическая оценка социально-исторического значения идей Ф. М. Достоевского для науки и практики сегодня выглядят как никогда актуальными, особенно с учетом того, что в последнее время в отечественном законодательстве наблюдается тенденция становления идей российской идентичности, охраны культурного наследия, защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и личностных смыслов. Это наблюдалось в трансформации основного закона страны, а также на уровне нормативного регулирования со стороны федерального законодателя.

Выход в свет очередного, уже второго издания замечательной книги «Идея добра в творчестве Ф. М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)» является знаковым событием для развития историко-правовой и философско-правовой мысли [Бастрыкин, Исмагилов, Сальников 2023]. Следует отметить, что авторы монографии в дополнительном представлении научному сообществу и читателям не нуждаются – своей длительной научной, государственной и общественной деятельностью они давно снискали признание среди различных социальных групп, как в России, так и в других странах.

Основной концептуальной идеей монографии является последовательное, абстрактное и конкретное рассмотрение идей Федора Михайловича Достоевского в контексте их встраивания и ассимиляции в российскую философию права. Это продолжение авторских изысканий в области обоснования теоретико-методологического и аксиологического ядра отечественной философии права [Захарцев, Сальников 2022].

Рецензируемая монография объединяет в себе широкий круг рассматриваемых вопросов. В ней теоретически оценены и фактологически описаны жизнь и творчество писателя, раскрыты особенности понимания его философии в России и Западной Европе XIX–XX в., рассмотрена этическая, социальная и политико-правовая проблематика творчества Ф. М. Достоевского в контекс-

те поиска исторических и метафизических оснований такового, изучены идеи Федора Михайловича в ракурсе развития глобального Мира XXI в. Красной линией по всей монографии проходит авторская идея о ценностно-смысловом значении и единстве в человеке его трансцендентности, социальности и индивидуальности. В аксиологической концепции Достоевского неразрывную связь имеют Бог, народ и сам человек. Авторы убедительно доказывают выдвинутый ими тезис о том, что писателю удалось раскрыть человека как субъекта, способного деятельно преодолеть зло, проявляя свою сущность в идеях добра и справедливости. Эта деятельность фиксируется в социальной практике в форме традиций нравственного поведения и осуществления практики добра.

Во вступительном слове профессор А. Александров неслучайно замечает, что авторов издания объединяет неизменный интерес к наследию писателя, вызванный общей системой ценностей и мировоззренческих ориентиров, суть которых можно выразить одним понятием – гуманизм. Также во вступлении отмечается, что книга подчеркивает значение русского национального духа, добавляет силы традиционным ценностям, дает ответы на многие нравственные вопросы и глобальные вызовы.

В монографии отмечается, что произведения Ф.М. Достоевского пронизаны идеями добра, справедливости, равенства. Однако они представляются писателем не абстрактными категориями, а конкретными деятельностными актами, их характеристика не всегда мягкая по отношению к людям, а добро, справедливость, равенство или ответственность могут быть строги и даже жестоки к людям, если того требует ситуация (обстоятельства). Ценно с научной и социальной точки зрения, что судьба и произведения Федора Михайловича в монографии оценены именно с философско-правовой точки зрения, поскольку время жизни писателя как раз выпало на сложное для отечественного права и свободомыслия время.

Отрадно, что в монографии пристальное исследовательское внимание уделяется концепции Абсолютного Добра, свободы воли, социальной природы и личностно-эмоционального понимания справедливости. На последнем концепте хочется остановиться отдельно, поскольку проблема справедливости со времен Аристотеля до Джона Ролза и к его современному пониманию наполнялась структурно-содержательными компонентами, которые являлись историко-социальными и правовыми характеристиками определенного этапа развития общественных отношений в различных странах, это понятие социально адаптировалось, ширилось и функционально расширялось в сложной архитектонике общественной жизни.

В историческом бытии общества принято выделять несколько моделей справедливости (кооперативно-холистская, конфликтно-индивидуалистическая, идеально-типическая модель справедливости в либерально-демократических обществах) и ее видов (дистрибутивная (распределительная), коммутатив-

ная (обменивающая), ретрибутивная (воздающая)). Специальное понимание справедливости основывается на ее нравственно санкционированных и соразмерно-консолидирующих началах в рамках социально-правового пространства и распределения благ (возможностей) сообразно ценностям и интересам. Какой же вклад в разработку теории справедливости и его общественно-исторического российского понимания вносит Ф. М. Достоевский?

Это придание справедливости реального человеческого измерения через иллюстрацию пронзительного человеческого образа, судьбы субъекта и его поступков в конкретных социальных ситуациях. Находится в понимании справедливости место и аспектам равного распределения благ, прав и возможностей, что близко современной ее трактовке. Справедливость у Достоевского как реальное и мыслимое явление социально активно функционирует, понимается нелинейно, субъективно, со смещением в сторону идей трансцендентности, единого Божьего промысла и замыслов судьбы. В раскрытии художественными средствами восприятия идей справедливости конкретным лицом Достоевским применен активный психологический подход, когда общее благо, равенство и нравственные добродетели вызывают конкретную совокупность эмоциональных и действительных реакций индивидуума, которая объективирована материальной реальностью, но оставляет неизгладимый след и в душе человека.

Эти представления Достоевского о справедливости и ее реализации в праве и социальной деятельности становятся понятными и ясными при прочтении рецензируемой книги. На ее страницах вопрос торжества справедливости, традиционный для интеллектуальных групп и характеризующий идентичность отечественного социального субъекта, как бы оживает, приобретает личностный и общественный смысл, объективируется в деятельность, творческую, правовую и экономико-политическую реальность.

Многие утверждения и тезисы авторов выглядят совсем не бесспорно, некоторые идеи нуждаются в дополнительном обосновании, а некоторые – заслуживают научной критики. К этому замечанию относится представленный авторами методологический конструкт работы, который можно было бы расширить с эпистемологической и исторической точек зрения. Применение аксиологического подхода в монографии не отличается своей последовательностью и опорой на современные разработки в этой области (здесь стоит упомянуть о том, что в монографии могли быть использованы научные труды современных ученых-аксиологов, незаслуженно не использованных при написании монографии), что отражается и на представлении читателю некоторых авторских положений. И критика идей Ф. М. Достоевского в работе представлена эпизодически. Это вкусовое замечание, однако, присутствие критики и ее итоговое опровержение усилили бы монографию.

Наличие спорных моментов и критически оцениваемых идей – это в конечном счете преимущество издания, поскольку позволяет осуществить даль-

нейшие научные изыскания в рассматриваемой предметной области, особенно тем, кто не согласен с авторами. В целом же монография заслуживает как общей высокой оценки, так и конструктивной критики, что делает ее по-настоящему актуальной и научной.

Сопровождается монография обширной источниковедческой базой исследования, состоящей из более 400 научных источников, а также в ней приведены оценки, содержание и конструктивная критика из рецензий, опубликованных в связи с появлением первого издания монографии. Второе издание также уже получило критическое осмысление и экспертную оценку на страницах философских и правовых изданий [Землин, Багреева, Бальчугов 2023]. При этом вопрос отечественной правовой идентичности идей добра и справедливости, который раскрыт в монографии рецензентами, не изучался, потому настоящая рецензия это противоречие разрешает.

Книга может заинтересовать широкий круг читателей – не только представителей различных наук (философии, психологии, права, филологии, истории и других), но и всех, кто интересуется развитием отечественной интеллектуальной традиции и кому небезразлично достижение социального равенства и справедливости как права и закона, так и поддерживаемых в обществе конкретных образцов социального поведения (деятельности) и проектирования.

Монография «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» – это пример не только удачной философско-правовой концептуализации идей выдающегося представителя отечественной интеллигенции. Это еще и пример острого авторского социального анализа, выдвижения новых идей на базе хорошо известной и имеющейся в книге оригинальной методологии, и, несмотря на глубокую теоретическую проработанность рассматриваемых вопросов, приглашение научного сообщества к новой дискуссии и принципиальному обсуждению как наследия Федора Михайловича, так и вечных для отечественной философско-правовой мысли вопросов. В условиях нарастания угроз и формирования новых социальных вызовов как внутри страны, так и на внешнем контуре концептуализация отечественного философско-правового наследия – это один из путей достижения общественного согласия и солидарности среди разных (иногда структурно и идеологически разрозненных) социальных групп.

Полагаем, что благодаря своим мировоззренческим, интеллектуальным, когнитивным, ценностно-смысловым, эмоционально-деятельностным, информационным и консолидационным функциям рецензируемая книга стойко занимает место одного из концептуальных методологических ориентиров в отечественной философии права и современном становлении национальной философско-правовой традиции.

Библиография

Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. СПб.: Фонд «Университет», 2023. 456 с.

Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» Т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Современная философия права России: актуальные наблюдения // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 1. С. 171–185.

Землин А.И., Багреева Е.Г., Бальчугов С.Г. Актуальные направления развития отечественных правовых идей: заметки на полях монографии «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)» // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 159–163.

Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

Холиков И.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) / И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Р.В. Зелепукин // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62.

References

Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Ideja dobra v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i ee vlijanie na razvitie filosofii prava (k 200-letiju F.M. Dostoevskogo). Vstupitel'noe slovo professora A. Aleksandrova [The idea of goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky). Opening speech by Professor A. Alexandrova.]. 2nd edition, corrected, supplemented; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p. (In Russ.)

Gavrilov S.O. Pravo v točke bifurkacii: obsuzhdenie konceptual'nogo issledovanija voennyh problem mezhdunarodnogo prava (Diskussija v formate «kruglogo stola» po materialam gl. 6 «Voennye problemy mezhdunarodnogo prava» T. III monografii «Voennoe pravo») [Law at the point of bifurcation: discussion of a conceptual study of military problems of international law (Round table discussion based on materials from Chapter 6 «Military problems of international law» Vol. III of the monograph «Military Law»)]. S.O. Gavrilov, I.N. Glebov, S.G. Chukin [and others]. Gosudarstvo i pravo [State and law. 2022]. N 12. P. 59–67. (In Russ.)

Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Modern philosophy of law in Russia: current observations. Legal science: history and modernity. 2022. N 1. pp. 171–185. (In Russ.)

Zemlin A.I., Bagreeva E.G., Balchugov S.G. Current directions in the development of domestic legal ideas: notes on the margins of the monograph «The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and its Influence on the Development of Philosophy of Law (to the 200th Anniversary F.M. Dostoevsky)». Military Law. 2023. N 5 (81). pp. 159–163. (In Russ.)

Khabrieva T.Ya. Identification of law in modern social regulation. Questions of philosophy. 2021. N 12. P. 5–17. (In Russ.)

Kholikov I.V. Values and meanings of the main judicial act of the 20th century: axiological concepts of A.N. Savenkov's book «Nuremberg: Verdict in the Name of Peace» (Discussion materials). I.V. Kholikov, V.M. Bolshakova, P.Yu. Naumov, R.V. Zelepukin. State and law. 2022. N 10. pp. 51–62. (In Russ.)

А.В. Белинский

**«ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ...»
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Х. ЙЕНЕРА «ВОЛЧЬЕ ВРЕМЯ.
ГЕРМАНИЯ И НЕМЦЫ 1945–1955» (М., 2024)**

***Аннотация.** Рецензируемая монография посвящена повседневной жизни Германии в период с 1945 по 1955 г. На основе архивных документов, дневников, воспоминаний Х. Йенер воссоздаёт достаточно сложную и противоречивую картину жизни немцев в первые годы после окончания Второй мировой. В центре внимания автора оказались такие важные аспекты, как «черный рынок», ставший залогом выживания многих немцев, взаимоотношениям между бывшими противниками, духовная жизнь. Книга проливает свет на многие ранее мало освещенные в зарубежной и отечественной историографии аспекты.*

***Ключевые слова:** послевоенная Германия; союзники; история повседневности; Соединенные Штаты Америки.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Belinskii A.V.

**«There is only a moment between the past and the future...».
Review of the Monograph: Jener H. «Wolf Time.
Germany and the Germans 1945–1955» (Moscow, 2024)**

***Abstract.** The monograph under review is dedicated to everyday life in Germany during the period from 1945 to 1955. Drawing on archival documents, diaries, and memoirs, H. Jener reconstructs a complex and multifaceted picture of German life in the immediate aftermath of the Second World War. The author emphasizes key aspects such as the “black market,” which became a crucial means of survival for many Germans, the relationships between former adversaries, and the spiritual life of the population. The book illuminates numerous elements of German daily life that have previously received limited attention in both foreign and domestic historiography.*

***Keywords:** postwar Germany; allies; history of everyday life; United States of America.*

**Belinskii Andrei Viktorovich – Candidate of Political Sciences,
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru**

«Повсюду разрушенные дома, повсюду следы боев. Вид Кёльна потряс меня до глубины души. В левобережной части города, в котором до войны проживали 760 000 человек, оставалось, как показали поздние подсчеты, 32 000 жителей. Правая сторона была по-прежнему оккупирована немецкими войсками» [Adenauer, 1966, S. 20], – так К. Аденауэр описал свои впечатления от возвращения в родной город, который он был вынужден покинуть после прихода к власти национал-социалистов. Спустя 20 лет после окончания Второй мировой в родном городе канцлера ФРГ практически ничего не напоминало о том мрачном времени. Фотографии начала 1960-х годов передают нам другой Кёльн. Шумные центральные улицы, столпившиеся вокруг двух новеньких «Ford Taunas» несколько десятков прохожих, устремившийся в небо знаменитый собор. Буквально за 10–15 лет, микросекунда в масштабах мировой истории город, а вместе с ним и Западная Германия стремительно изменились.

Однако чем была наполнена жизнь страны в период с 1945 по 1955 г.? Как жили обычные граждане Германии? Как они справлялись с повседневными трудностями, которые подстерегали их на каждом шагу? Как складывались их отношения с оккупационными властями? И, наконец, как менялось их сознание после краха привычного мира? Именно этим и многим другим вопросам посвящена монография немецкого историка Х. Йенера, который на основе архивных материалов, воспоминаний, дневников и писем воссоздал сложную мозаику повседневной жизни немцев в первые послевоенные годы.

Точкой отсчета исследования Х. Йенера стали последние месяцы Второй мировой войны, оказавшейся абсолютным шоком для населения Германии. «Большие чиновники травились, маленькие выбрасывались из окон или вскрывали себе вены. Наступило полное безвременье» [Йенер, 2024, с. 22]. Однако оправившись от первого шока, жители разрушенных немецких городов стремились найти применение своим силам на каком-либо поприще. Такая тяга к активности переживших крушение всего привычного мира немцев объяснялась целым рядом обстоятельств. Во-первых, любая целенаправленная деятельность позволяла рационализировать происходящее, придать какой-то смысл. Во-вторых, в условиях полного краха государства, а вместе с ним и системы производства общественных благ, миллионы немцев, подобно их далеким предкам, были вынуждены вести «борьбу за огонь».

Нужно отметить, что в своей книге Йенер уделяет очень большое внимание проблеме выживания немцев в первые послевоенные годы – поиску продовольствия, жилья, угля и т. д. Основой существования немцев в первые послевоенные годы стал «черный рынок», который в условиях не покрываю-

щей потребности карточной системы стал залогом выживания миллионов людей. «Черный рынок», на котором встречались спекулянты, обычные граждане и солдаты оккупационных войск, стал заметным общественным явлением в первые послевоенные годы, вплоть до реформы Л. Эрхарда.

Давая оценку нелегальному рынку, немецкий исследователь приходит к выводу, что он играл двоякое значение. С одной стороны, он действительно способствовал удовлетворению, пусть и частичному, потребностей населения, а с другой – способствовал моральному разложению общества. На страницах своего исследования Йенер описывает многочисленные случаи того, как вполне законопослушные граждане принимали участие в действиях, которые подпадали под ту или иную статью уголовного кодекса. «Высшим пилотажем в воровстве угля считалось отцепление от состава целых вагонов, которые потом грабились» [Йенер, 2024, с. 226–227]. Даже в первые месяцы после проведения денежной реформы Л. Эрхарда 1948 г. «черный рынок» по-прежнему играл важную в жизни западных немцев. «54,7% респондентов заявили, что в январе 1949 они покупали товары “свободно”, т. е. на черном рынке» [АВП РФ, 1949, Л. 18]

Однако в глазах населения, для которого вместе с окончанием войны исчезли и законы, и моральные нормы, подобного рода действия являлись не преступлением, а необходимостью. Более того, первые послевоенные годы, наполненные всяческими лишениями, стали для большинства западных немцев своего рода политической индульгенцией. Многие из них стали причислять себя к таким же жертвам национал-социалистического режима, как евреи, русские или югославы. Это очень важное наблюдение автора, которое очень наглядно объясняет то обстоятельство, почему западногерманское общество постаралось забыть о преступлениях нацизма и ответственности за них.

Вместе с тем Йенер далек от оценок многих современников и исследователей о том, что период с 1945 по 1955 г. был исключительно временем господства карточек, черного рынка и безнадежности. В нарисованной им картине повседневной жизни первых послевоенных лет есть место и праздникам, и любви. Послевоенные годы были отмечены не только поиском угля или хлеба, но и настоящей танцевальной манией. Многие немцы, стремясь уйти от «серых будней» устремлялись на танцполы, в кинотеатры, дискотеки. Именно здесь устанавливались тесные контакты между немцами (в первую очередь, женщин) и американскими солдатами, которые Йенер рассматривает как первый шаг к дальнейшему союзу ФРГ и США [Йенер, 2024, с. 177]. При этом, именно в послевоенные годы происходил отход от традиционного разделения ролей между мужчинами и женщинами в обществе. Это было связано с тем, что тотальное поражение в войне привело к падению авторитета немецких мужчин, в то время как взявшие на себя содержание семьи, работу на тяжелом производстве, женщины стали выдвигаться на первые роли.

Не была обойдена вниманием и воспитательная работа, которая осуществлялась американской и советской военной администрацией в их зонах оккупации. Йенер наглядно показывает, как немцы пытались воспрепятствовать попыткам денацификации, особенно когда они исходили со стороны немецких мигрантов, как это было в случае с Т. Манном, вступившим в бурную полемику с немецкими интеллектуалами относительно недавнего прошлого страны и ответственности общества за прошлое.

Книга Х. Йенера «Волчье время. Германия и немцы 1945–1955» представляет собой широкое полотно, на котором, как на брейгелевской картине «Игры детей», представлены самые различные аспекты жизни немцев первых послевоенных лет.

Библиография

АВП РФ Ф. 082, Оп. 36, Д. 42, П. 187.

Йенер Х. «Волчье время. Германия и немцы 1945–1955». – М.: Individuum, 2024. 480 с.

Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966. 589 S.

References

AVP RF F. 082, Op. 36, D. 42, P. 187.

Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966. 589 S.

Jener KH. «Volch'ye vremya. Germaniya i nemtsy 1945–1955». – Moscow: Individuum, 2024. 480 p.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир № 1 – 2025 (126)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 29.07.2025 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 23,4 Уч.-изд. л. 19,3
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел печати и распространения
изданий**

Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6